
ВЕСТНИК МЕЖДУНАРОДНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

 ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Т. 20 № 3 (2025)

ОБРАЗОВАНИЕ • НАУКА • НОВАЯ ЭКОНОМИКА

Н а у ч н ы й п е р и о д и ч е с к и й ж у р н а л

Москва 2025

INTERNATIONAL ORGANISATIONS RESEARCH JOURNAL

 HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS
NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY

Vol. 20 No 3 (2025)

E D U C A T I O N • S C I E N C E • N E W E C O N O M Y

Q u a r t e r l y J o u r n a l

Moscow 2025

Учредитель: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

ISSN 1996-7845 (Print)
ISSN 2542-2081 (Online)

Периодичность выхода – 4 раза в год

Научный периодический журнал «Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика» издается Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» с января 2006 г.

С 2009 г. публикуется ежеквартально. Каждый номер журнала является тематическим. Включен в перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук (рекомендован по следующему научным специальностям: 08.00.14 – Мировая экономика (экономические науки), 13.00.08 – Теория и методика профессионального образования (педагогические науки), 23.00.04 – Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития (политические науки; с 28 декабря 2018 г.)

Миссия журнала – распространение российских и зарубежных исследований в области глобального управления, международного сотрудничества по различным направлениям социально-экономической политики, в том числе образования, науки, новой экономики; а также создание профессиональной площадки для обсуждения тенденций и прогнозов в этих сферах.

«Вестник международных организаций» публикует статьи и аналитические материалы российских и зарубежных авторов о деятельности многосторонних международных институтов, прежде всего «Группы восьми», «Группы двадцати», БРИКС, ОЭСР, Всемирного банка, МВФ, ВТО, ООН, и интеграционных объединений, в первую очередь Европейского союза, Евразийского экономического союза, Шанхайской организации сотрудничества и др.

Журнал рассчитан на исследователей, аналитиков, практиков в области международных отношений и мировой экономики, а также на широкий круг читателей, интересующихся политическими проблемами международных отношений и глобального развития.

Позиция редакции не обязательно совпадает с мнением авторов.

Авторские права на публикуемые материалы принадлежат редакции журнала и авторам статей. Перепечатка материалов без разрешения редакции запрещена. При использовании материалов ссылка обязательна.

Подписка

Подписка на журнал «Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика» осуществляется во всех почтовых отделениях связи: Объединенный каталог «Пресса России»

<https://www.pressa-ru.ru>

Подписной индекс: **20054**

Розничная продажа

В университетском книжном магазине «БукВышка»

Адрес: Москва, ул. Мясницкая, д. 20

Тел.: + 7 495 772-95-90 доб. 15429

Научный руководитель Я.И. Кузьминов
(НИУ ВШЭ, Россия)

Главный редактор М.В. Ларионова
(НИУ ВШЭ, РАНХиГС, Россия)

Ответственные секретари О.И. Колмар (НИУ ВШЭ, РАНХиГС, Россия), А.А. Игнатов (РАНХиГС, Россия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Ю.А. Борко (Институт Европы РАН, Россия)

Р. Вагенаар (Университет Гренингена, Нидерланды)

Я. Ваугерс (Лёвенский католический университет, Бельгия)

Ш. Го (Шанхайский университет иностранных языков, КНР)

Л.М. Гохберг (НИУ ВШЭ, Россия)

П. Даш (Исследовательская и информационная система для развивающихся стран (RIS), Индия)

Дж.Дж. Киртон (Университет Торонто, Канада)

А.В. Корунов (Российский совет по международным делам, Россия)

Дж. Найт (Университет Торонто, Канада)

Т.Г. Пархалина (Институт научной информации по общественным наукам РАН, Россия)

А.В. Соколов (НИУ ВШЭ, Россия)

Ц. Чжу (Фуданьский университет, Китай)

В.Д. Шадриков (НИУ ВШЭ, Россия)

Л.И. Якобсон (НИУ ВШЭ, Россия)

РЕДАКЦИЯ

Россия, 117418, Москва,

ул. Профсоюзная, д. 33, корп. 4, ком. 308

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Тел.: +7 495 772-95-90 доб. 23147, 23150

E-mail: iorj@hse.ru

Web: <http://iorj.hse.ru/>

Выпускающий редактор А.В. Заиченко

Компьютерная верстка: Ю.Н. Петрина

Художник А.М. Павлов

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, регистрационный номер ПИ № ФС 77 – 66563 от 21.07.2016

Тираж 170 экз.

© Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2025

INTERNATIONAL ORGANISATIONS RESEARCH JOURNAL

EDUCATION • SCIENCE • NEW ECONOMY

Quarterly Journal

Publisher: National Research University Higher School of Economics

ISSN 1996-7845 (Print)
ISSN 2542-2081 (Online)

“International Organisations Research Journal” (IORJ) is published by the HSE University since January 2006. It is published quarterly since 2009. Generally, each issue is dedicated to one theme. The Journal is on the list of reviewed scholarly journals approved by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Education and Science of Russia for publishing key research findings of PhD and doctoral dissertations. The journal’s main themes are: global governance and international affairs, world economy, international cooperation in education, science and innovation.

The journal’s mission is to disseminate the findings of research on global governance, international cooperation on a wide range of social and economic policies, including in the sphere of education, science and new economics, as well as creating a professional framework for discussion of trends and prognoses in these areas.

“International Organisations Research Journal” publishes academic and analytical papers by Russian and international authors on activities of international multilateral institutions: G8, G20, BRICS, OECD, the World Bank, IMF, WTO, UN, and alliances including the European Union, Eurasian Economic Union, Shanghai Cooperation Organisation and others.

The journal is aimed at researchers, analysts, practitioners in international affairs and world economics and at a wide audience interested in political issues of international affairs and global development.

The editorial position does not necessarily reflect the authors views.

Copyrights are owned by authors and editorial office. The reproduction of materials without permission of the editorial office is prohibited. The reference to the materials is obligatory.

Subscription

To subscribe to the International Organisations Research Journal contact postal department:
Catalog “Pressa Rossii”
<https://www.pressa-ru.ru>
Subscription index: **20054**

Sale

To purchase the International Organisations Research Journal contact specialized bookshop of the Higher School of Economics Publishing House.
1/20 Myasnitskaya Ulitsa, Moscow, Russia
Tel: + 7 495 772-95-90 extension number 15429

Yaroslav Kuzminov, *Scientific Advisor*, HSE University, Russia

Marina Larionova, *Editor-in-Chief*, Professor, HSE University; Head, Centre for International Institutions Research of the Institute for Applied Economic Research, RANEPA, Russia

Olga Kolmar, Executive Secretary, HSE University, RANEPA, Russia

Alexander Ignatov, Executive Secretary, RANEPA, Russia

EDITORIAL COUNCIL

Alexander Sokolov (HSE University, Russia)

Andrei Kortunov (Russian International Affairs Council, Russia)

Jan Wouters (KU Leuven, Belgium)

Jane Knight (University of Toronto, Canada)

John Kirton (University of Toronto, Canada)

Leonid Gokhberg (HSE University, Russia)

Lev Yakobson (HSE University, Russia)

Priyadarshi Dash (RIS, India)

Robert Wagenaar (University of Groningen, Netherlands)

Shuyong Guo (Shanghai International Studies University, China)

Tatiana Parkhalina (Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Science, Russia)

Vladimir Shadrnikov (HSE University, Russia)

Yuri Borko (Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences, Russia)

Jiejun Zhu (Fudan University, China)

EDITORIAL STAFF

HSE University
Office 308, 33 Profsoyuznaya Ulitsa, Building 4, Moscow, 117418, Russia

Tel: +7 495 772-95-90 extension number 23147, 23150

E-mail: iorj@hse.ru

Web: <http://iorj.hse.ru/>

Executive editor – Anna Zaichenko

Pre-Press: Yulia Petrina

Designer – Andrey Pavlov

Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications (ROSKOMNADZOR)

Reg. No. PI № FS 77 – 66563 (21.07.2016)

170 copies

© HSE University, 2025

Содержание

Ц. Чэнь

Вертикальное взаимодействие между глобальными и региональными институтами:
многоуровневые потребности и неоднородность власти
в Бреттон-Вудских институтах.....7

Ю.Г. Голуб, С.Ю. Шенин

МВФ в мире глобальной фрагментации:
внутриамериканский дискурс.....29

Е.М. Харитонова, А.А. Бунина

Образование сотрудников как дополнительный показатель
географической представленности: дисбаланс в системе ООН.....44

А.А. Игнатов

Сравнительное исследование политики реализации
цифрового суверенитета государства странами – членами БРИКС 60

Д.А. Зеленова, Т.А. Андреева

Африканский союз и БРИКС: взаимные интересы и общие ценности.....84

Г.В. Торопчин

Формат AUKUS: континуитет и новизна99

И. Бастанифар, М. Ваез Барзани, Р. Назари

Динамическая временная модель международных санкций
и защитные процентные ставки (на примере Ирана и России).....113

И. Али, О.О. Олалекан, А. Джонас

Экономический рост и экологическая устойчивость
в Бангладеш, Индии и Пакистане: эмпирическое исследование147

Е.Г. Пономарева, Е.С. Арляпова

Релокация 2022–2023 как фактор мировой политики:
понятие, оценки, цифры 171

Рецензия на научную публикацию

И.Д. Комаров

Сила, взаимозависимость и ресурсность в исследовании
переходных периодов мирового порядка193

Contents

J. Chen

Vertical Interplay Between Global and Regional Institutions:
Multi-Level Needs and Power Heterogeneity Under Bretton Woods Institution 7

Yu. Golub, S. Shenin

The IMF in a World of Global Fragmentation: Intra-American Discourse 29

E. Kharitonova, A. Bunina

Staff Education as an Additional Indicator of Geographical Representation:
Imbalance in the UN System 44

A. Ignatov

Comparative Study of Policies for Implementing
State Digital Sovereignty by BRICS Members 60

D. Zelenova, T. Andreeva

African Union and BRICS: Mutual Interests and Shared Values 84

G. Toropchin

AUKUS as a Format: Continuity and Novelty 99

I. Bastanifar, M. Vaez Barzani, R. Nazari

A Dynamic International Sanctions-Time Model
for Determining Interest Rate Defence (Case Studies: Iran and Russia) 113

I. Ali, O.O. Olalekan, A. Jonas

Economic Growth and Environmental Sustainability:
Empirical Investigation of Bangladesh, India, and Pakistan 147

E. Ponomareva, E. Arlyapova

Relocation of Russians in 2022–2023 as a Phenomenon in International Relations:
Overview of Migration Trends 171

Book Review

I. Komarov

Power, Interdependence and Resourcing in the Study
of Transitional Periods of the World Order 193

Вертикальное взаимодействие между глобальными и региональными институтами: многоуровневые потребности и неоднородность власти в Бреттон-Вудских институтах^{1, 2}

Ц. Чэнь

Чэнь Цзинвэнь – PhD кандидат, Школа международных исследований Пекинского университета; Китай, Пекин, 100871, район Хайдиан, ул. Яньюань; chenjingwen@stu.pku.edu.cn

Аннотация

По мере развития глобализации, движимой общими целями развития и преодоления кризисов, регионы стали создавать новые институты, отвечающие требованиям экономического управления в рамках Бреттон-Вудских институтов. В статье основное внимание уделяется асимметрии между региональными и глобальными институтами и границам управления каждого из них, исследуются сложные взаимосвязи между региональными и глобальными институтами, такие как конкурентное сотрудничество, взаимодополняющее сотрудничество, разделенная конкуренция и иерархические институты. Неоднородность властных конфигураций в органах глобального управления в сочетании с различиями в многоуровневых потребностях глобального управления в совокупности вносят свой вклад в сложную вертикальную динамику институтов. Автор рассматривает иерархические, конкурентно-кооперативные и кооперативные отношения между такими институтами, как Азиатский банк развития, Азиатский банк инфраструктурных инвестиций, Европейский банк реконструкции и развития и Всемирный банк. Кроме того, исследование выявляет неустойчивость европейско-глобального институционального сотрудничества и тенденцию к отделению азиатских институтов в рамках Международного валютного фонда. На практике Соединенные Штаты, стремясь к гегемонии, способствовали развитию геополитической конкуренции, в то время как страны с формирующимся рынком стремились к установлению нового глобального политико-экономического порядка. Эти взаимодействия, по сути, определяют развитие глобального управления и его равновесное взаимодействие с регионализмом. Данная статья вносит вклад в понимание вышеупомянутой сложной реальности и предлагает решения для глобально-регионального управления.

Ключевые слова: глобальное экономическое управление, институциональная сложность, иерархические институты, регионализация, гетерогенность власти, Бреттон-Вудская система

Благодарности: Автор выражает благодарность анонимным рецензентам за ценные комментарии к предыдущей версии данной статьи. Автор заявляет об отсутствии известных конкурирующих финан-

¹ Статья поступила в редакцию 26.09.2024.

² Перевод статьи выполнен И.М. Поповой, научным сотрудником Центра исследований международных институтов Института прикладных экономических исследований (ЦИМИ ИПЭИ) Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС).

совых интересов или личных отношений, которые могли бы повлиять на результаты исследования, представленные в данной статье.

Для цитирования: Чэнь Ц. Вертикальное взаимодействие между глобальными и региональными институтами: многоуровневые потребности и неоднородность власти в Бреттон-Вудских институтах // Вестник международных организаций. 2025. Т. 20. № 3. С. 7–28 (на русском и английском языках). doi:10.17323/1996-7845-2025-03-01

Введение

Глобальное экономическое управление неразрывно связано с международными институтами³. В узкой временной и концептуальной перспективе глобальное экономическое управление можно отнести к периоду после окончания холодной войны. В этот период наблюдалось углубление экономической взаимозависимости, породившее системные проблемы, в частности глобальные финансовые кризисы, транснациональные торговые и инвестиционные споры, напряженность в сфере развития и равенства, что потребовало создания и развертывания международных институтов в качестве общественного блага. При рассмотрении через более широкую историко-структурную призму глобализация проявилась как двойной процесс: слияние экономических императивов с политическими структурами власти и реконфигурация институциональных механизмов от западцентричного доминирования к полицентричным структурам управления [Katzenstein, 2005; Chen, 2023]. Институциональная траектория, охватывающая период от лидерства Великобритании при золотом стандарте в XIX в. до создания Америкой Бреттон-Вудской системы в эпоху после Второй мировой войны и последующего адаптивного переосмысления институтов в ответ на изменения в динамике глобального распределения сил, показывает, что эффективность управления в основном зависит от институционального дизайна и базовых конфигураций власти [Ruggie, 1992].

После холодной войны глобализация и регионализация впервые стали использоваться в тандеме для достижения цели глобального экономического управления: процесс глобализации стимулировал региональное развитие, а региональное экономическое управление было интегрировано в глобальное экономическое управление. С одной стороны, трансрегиональные потоки товаров, капитала, информационных технологий и персонала привели к значительному росту глобального экономического благосостояния, например, создание банков развития в различных регионах, которые обозначили региональную практику «хорошего управления» в контексте экономической глобализации. Однако с точки зрения функций глобальные и региональные институты демонстрируют разнообразие и не в полной мере соответствуют своим пространственным границам управления. Помимо уже существующих Азиатского банка развития (АБР) и Европейского банка реконструкции и развития (ЕБРР), в последние годы постоянно возникают новые институты, в частности Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ) и Новый банк развития (НБР) стран БРИКС. Некоторые из них сотру-

³ Что касается изучения международных институтов или международных режимов, то ученые провели обширные исследования и дискуссии и дали целый ряд определений. Данное исследование в первую очередь опирается на определение Стивена Краснера и Роберта Кеохейна, поскольку в центре внимания находятся устойчивые и взаимосвязанные механизмы правил, которые сдерживают поведение участников международных отношений и формируют ожидания в отношении достижения определенного экономического сотрудничества [Krasner, 1983; Keohane, 1989].

ничают со Всемирным банком или получают от него рекомендации, а другие конкурируют с ним, применяя инновационные правила в отношении конкретных участников и регионов [Zhu, Ai, 2017; Zhu, 2021].

С другой стороны, в условиях растущей глобальной экономической неопределенности и повторяющихся международных финансовых кризисов региональные финансовые соглашения (РФС) и глобальные многосторонние структуры (в частности, МВФ) все еще пытаются наладить упорядоченную координацию и систематическое эффективное сотрудничество для укрепления Глобальной сети финансовой безопасности (ГСФБ). Начиная с Азиатского финансового кризиса 1998 г. и заканчивая глобальным финансовым кризисом 2008 г. кризисы часто распространяются с межрегионального на глобальный уровень, и наоборот. Хотя МВФ остается глобальным управляющим кризисами, его застопорившиеся реформы управления, особенно в отношении представления стран с развивающейся экономикой, стали причиной институциональных инноваций: Посткризисная система СММ-AMRO (многостороннее соглашение о валютных свопах между членами АСЕАН+3) в Азии является примером стратегического сдвига от «развития, основанного на зависимости», к «попытке разделения». Хотя ЕС создал региональную финансовую систему путем интеграции, после кризиса 2008 г. он ускорил создание региональных специализированных институтов, таких как Европейский фонд устойчивого развития (EFSD) (2009), Европейский фонд финансовой стабильности (EFSF) (2010) и его преемник Европейский механизм стабильности (ESM) (2012), а также обсуждаемый Европейский валютный фонд (EMF). То, как эти институты координируют свою деятельность с МВФ, – одна из проблем, стоящих перед Европой.

Несмотря на изначально общие цели – содействие развитию и управление кризисами, – региональные и глобальные институты не придерживаются строгих пространственных границ управления. Регионы и крупные страны участвуют в создании, реформировании и укреплении институтов на глобальном и региональном уровнях, способствуя усложнению институциональной структуры на разных географических уровнях. Эта сложность проявляется в таких отношениях, как независимость, конкуренция и сотрудничество, и в таких формах, как разделение, перекрытие, пересечение и зависимость. Широкомасштабные исследования посвящены изучению проявлений и причин институциональной сложности. Однако институциональной сложности в условиях дифференциации географического пространства, которая проявляется в виде институциональных отношений, охватывающих и связывающих пространства управления на глобальном, региональном и субрегиональном уровнях, уделяется мало внимания. По мере расширения вертикальных пространств управления до субрегиональных структур, таких как Сотрудничество субрегиона Большого Меконга (СБМ), распределение институтов на различных пространственных уровнях увеличивается. Пространственная стратификация в глобальном управлении требует вертикальной пространственной перспективы для исследования институциональной сложности.

Основываясь на существующих исследованиях институциональной сложности, мы рассматриваем парадоксальные отношения между глобальными и региональными институтами в вертикальном географическом пространстве. В нем рассматриваются две основные проблемы: что может привести к размежеванию определенных глобальных и региональных институтов и, наоборот, что послужило толчком к возникновению и развитию аналогичных региональных институтов, несмотря на существование глобальных систем управления? В следующем разделе проводится обзор литературы, которая содержит определение институциональной сложности, и рассматриваются причины последней с акцентом на вертикальную пространственную перспективу. Далее в разделе

«Теоретическая основа: гетерогенность власти, разрыв институциональных функций и комплексное представление в управлении» институциональная сложность классифицируется с этой точки зрения с использованием двух ключевых концепций – неоднородности власти и функциональных разрывов – для объяснения лежащих в ее основе причинно-следственных связей. В разделе «Стабильность и развитие: региональные институты в рамках Бреттон-Вудских институтов» представлены тематические исследования управления развитием и управления кризисами, иллюстрирующие взаимодействие институтов в вертикальном пространстве. Наконец, в заключительном разделе приводятся основные аргументы и намечаются направления для будущих исследований.

Обзор литературы: вертикальная перспектива институциональной сложности в экономическом управлении

Институциональная сложность, как правило, определяется как «механизмы слабосвязанного типа» и «включает в себя вложенные (полуиерархические) режимы с идентифицируемыми ядрами и неиерархические, но слабосвязанные системы институтов» [Keohane, Victor, 2011]. Раустиаала и Виктор [Raustiala, Victor, 2004] определили эту концепцию как ряд пересекающихся параллельных организаций в определенной области. Аггарвал и Менье дали похожие определения. Консенсусные элементы институциональной сложности включают независимые полномочия институтов, функциональное дублирование и межинституциональное распределение членов (пересечение в членстве) [Aggarwal, 1998; Alter, Meunier, 2009]. Эйлstrup-Санджованни и Вестервинтер [Eilstrup-Sangiovanni, Westerwinter, 2022] недавно переосмыслили три положения, которые следует уточнить, рассматривая институциональную сложность, связанную с управлением. Во-первых, существуют неформальные или формальные иерархические отношения при дублировании институтов, которые влияют на результаты управления. Во-вторых, дублирующие друг друга механизмы в полицентричном управлении открывают широкие возможности для сотрудничества. В-третьих, институциональные акторы не должны ограничиваться государствами. В данном исследовании признается вышеприведенное определение.

Существует три объяснения причин институциональной сложности. Во-первых, теория власти агентов подчеркивает конкуренцию за власть, стоящую за институтами. Исследователи отмечают, что рост и развитие региональных институтов обусловлены поведением акторов, которые используют институты в качестве власти для балансирования, конкуренции и выбора хеджирования. По происхождению власти можно выделить страны с формирующейся и развитой экономикой, а также устоявшиеся и восходящие державы [He, Feng, Wei, 2019; He et al., 2019; Malkin, Bessma, 2011]. Различные модели взаимодействия сил, включая альянсы, конфронтацию и хеджирование, приводят к различным проявлениям сложности [Ren, Zhang, 2022]. Некоторые ученые также ввели понятие структурной власти нескольких стран-членов в рамках институтов в качестве основной переменной. На их взгляд, изменение отношений между несколькими странами-членами и доминирующей страной в рамках института может оказать влияние на институциональный выбор доминирующей страны, что приводит к сопряжению и разрыву связей [Desai, Vreeland, 2011; Jang, 2022]. В целом природа агента, стоящего за институтами, очень важна. Однако в условиях неоднородности власти довольно сложно прояснить выбор сотрудничества или зависимости. Кроме того, в таких исследованиях игнорируются вертикальные пространственные характеристики институтов.

Второе объяснение объединяет факторы, выходящие за рамки властных отношений. Их следует учитывать при изучении институциональной сложности в географической перспективе. Исследования Катценштейна в области регионально-глобальных отношений показывают, что различия в региональной политике и намерениях имперских держав, наряду с вариациями доминирующих региональных норм, формируют разнообразие региональных институтов [Katzenstein, 2005]. Некоторые исследования объясняют партнерство между АБИИ и Всемирным банком, утверждая, что их обширное сотрудничество на ранних этапах было обусловлено необходимостью сбалансировать требования к институциональному строительству и конкурентные затраты [Zhu, Ai, 2017]. С другой стороны, в исследованиях, посвященных финансовой регионализации, высказывается предположение, что однородность групп может влиять на степень вмешательства глобальных институтов в независимое функционирование региональных институтов [Lu, 2014]. Это мнение разделяют Хеннинг и Пратт [Henning, Pratt, 2023], которые показывают, что географическая дифференциация – установленная через членство, сферу деятельности или экспертизу – систематически формирует институциональную дифференциацию. Этот путь преимущественно основан на анализе среднего уровня, подчеркивающим сочетание межпространственных факторов, которые дают объяснения на основе характеристик групп и анализа затрат и выгод, а также обеспечивают понимание с методологической точки зрения.

Третье объяснение уделяет внимание различным пространственным уровням, но в большей степени акцентируется на процессе передачи институционального содержания. Сравнительные региональные исследования и глобальное управление делают упор на подход «снизу вверх», что способствует созданию институциональной сети глобального уровня через региональные связи [Ruggie, 2002; Geng, 2021]. Этот путь компенсирует недостаток процессного объяснения того, как институты распространяются в сложных сетях в первых двух направлениях, и уделяет больше внимания дуализму регионального и глобального, целостного и индивидуального пространств управления.

Среди исследований нельзя игнорировать вертикальные пространственные особенности институционального наложения или вложенности. Пратт предложил теорию институционального подчинения, предполагающую, что международные институты могут координировать свои пересекающиеся юрисдикции посредством подчинения, тем самым решая проблемы регулятивного арбитража и компенсируя проблемы дублирования, вызванные многочисленными институтами [Pratt, 2018]. Этот процесс предполагает перераспределение полномочий внутри международных институтов. Упомянутое выше определение Эйльstrup-Санджованни подразумевает вертикальный исследовательский подход к структуре институциональной сложности. Оно предполагает, что хотя формальные иерархии существуют не всегда, более поздние участники управленческого пространства могут подчиняться авторитету более ранних. Это теоретическое предположение находит эмпирическое подтверждение в типичном случае региональных торговых соглашений, вложенных в торговые правила ВТО [Aggarwal, 1998]. Используя в качестве примера управление нетрадиционными сферами безопасности, такими как климат и энергетика, Сонг [Song, 2021] утверждает, что в сфере климата Организация Объединенных Наций явно обладает глобальным институциональным авторитетом, однако признание авторитета управления формируется асимметричными структурами власти.

В теоретическом плане некоторые исследования глобального управления предлагают макроаналитические рамки. Янг, например, рассматривает вертикальное взаимодействие институтов с точки зрения экологических ресурсов, предполагая, что зависимость институтов от масштаба под влиянием юрисдикционных взаимодействий

приводит к межуровневым взаимодействиям, в результате которых происходит доминирование, разделение, сопряжение и переговоры. Факторы, определяющие эти изменения, включают разницу во власти, ограничения на децентрализацию, когнитивные сдвиги, запрещенные альянсы и т.д. [Young, 2006]. Однако в этих исследованиях факторы выводятся в основном из конкретных примеров. При этом не дается четкого объяснений, как эти факторы приводят к конкретным результатам. Это подчеркивает необходимость дальнейшего анализа межуровневой институциональной сложности в экономическом управлении, это и есть цель данной работы.

В целом с точки зрения сложности глобальных региональных институтов, помимо разделения функций, существует определенная форма отношений между сопряженными институтами, которая включает переговоры, подчинение и полное отделение. Кроме того, за глобальным экономическим управлением стоят сложные силовые взаимодействия, которые связаны с геополитическими последствиями, вызванными трансформацией глобально-регионального порядка. Наконец, к познанию субъекта в институте можно подойти не только с точки зрения идеологического конструирования, но и включить его в наблюдение за функциональной координацией глобально-региональных институтов. В следующем разделе будут установлены интегрированные переменные и объяснительная рамка, которые позволят предложить соответствующие гипотезы по вопросу исследования.

Теоретическая основа: гетерогенность власти, разрыв институциональных функций и комплексное представление в управлении

Стокке [Stokke, 2001] указал на два фундаментальных различия в институциональной сложности при изучении эффективности институтов: содержательные различия, такие как взаимодействие между функциональными и политическими институтами; и формальные различия, такие как взаимодействие между вертикальными и горизонтальными институтами. Однако эти значительные различия в классификации не способствуют развитию теории. В данной статье предпринята попытка установить диалог между формальными и содержательными аспектами институционального взаимодействия. Предлагаются две ключевые концепции при анализе вертикального институционального взаимодействия в глобальном управлении в соответствии с наблюдениями на реалистичном фоне (рис. 1).

Рис. 1. Независимые переменные в вертикальном взаимодействии глобальных и региональных институтов

Источник: составлено автором.

Первая концепция фокусируется на функциональном разрыве институтов, который возникает из-за несоответствия между потребностями многоуровневого управления и функциями уже существующих институтов глобального управления. Концепция основана на следующих тезисах. С точки зрения степени соответствия между иерархическими полномочиями и дифференциацией географического пространства международные и национальные институты работают по-разному. Иерархические полномочия национальных институтов часто соответствуют вертикальному распределению географического пространства, тогда как функциональный охват международных институтов и географические пространственные границы их управления не всегда симметричны [Henning, Pratt, 2023]. Бреттон-Вудские институты, созданные после Второй мировой войны, были нацелены на глобальное послевоенное экономическое восстановление, а рост полицентричной геополитики в период после окончания холодной войны породил автономные, нюансированные и новые требования к управлению, которые прежние глобальные институты не могут полностью удовлетворить [Wainaina, 2025]. В условиях динамичного развития глобальных и региональных институтов функции институтов глобального уровня оказываются недостаточными для удовлетворения потребностей регионального развития, в то время как региональные институты начали выходить за свои географические границы и распространять свое влияние на глобальный уровень. Следовательно, старые институты могут адаптироваться и реформироваться в ответ на меняющиеся требования, а новые институты продолжают возникать и взаимодействовать со старыми в борьбе за власть.

Вторая концепция — это неоднородность власти, стоящей за этими институтами. Эта неоднородность возникает в результате изменений в двух направлениях. Одно из них связано с переходом от биполярной системы к мировой системе с центром в виде гегемонии США, а другое — с перестройкой национальных идентичностей и институционального выбора в результате возникновения региональной многополярности. Эти структурные и многоуровневые изменения порождают конфликты направлений и несовместимость атрибутов, что приводит к дифференциации власти между институтами глобального и регионального уровней. Конфликт направлений частично отражается в антагонизме между доминантой и претендентом, как это постулируется в теории институциональной конкуренции. Глобальная гегемония после холодной войны неизбежно сталкивается с вызовами разной степени сложности, исходящими от набирающих влияние стран в разных регионах [He, 2009; Runde, Hardman, 2024; Wu, 2020]. Несовместимое качество, с другой стороны, черпает вдохновение в концепции разделения международных систем, которая включает в себя не только национальные системы, характеризующиеся военными действиями, но и экономические системы, воплощенные в торговле и инвестициях [Gourevitch, 1978]. Следовательно, акторы в системе неизбежно демонстрируют значительные различия как в политическом, так и в экономическом плане, особенно в регионализированном мире, таком как противостояние между странами с развивающейся экономикой и развитыми экономиками. Стоит отметить, что гетерогенность власти — понятие не фиксированное, а относительное, оно может меняться в зависимости от сдвигов в глобальной структуре власти, например, распад Советского Союза привел к изменениям в динамике региональной власти. При высокой степени неоднородности глобальной и региональной власти усиливается конфронтационный характер институтов, и наоборот, когда неоднородность власти сводится практически к нулю, институциональные механизмы полностью подчиняются функциональным требованиям.

Эти две ключевые переменные определяют модели глобальных и региональных взаимодействий. Их причинно-следственная логика показана в табл. 1. В данной ра-

боте утверждается, что изолированные или независимые институты управления лишь увеличивают число институтов, а не вписываются в рамки институциональной сложности⁴. Как правило, они возникают в условиях крайнего неравенства требований к управлению на глобальном или региональном уровнях. Это означает, что уникальные потребности региона, которые не учитываются или игнорируются глобальными институтами, требуют от региональных режимов их самостоятельного решения. Если силовая неоднородность слаба, регион не исключает поиска диалога с глобальными институтами, типичным примером чего является сотрудничество в рамках Единой системы управления грантами. Если неоднородность власти очень сильна, может возникнуть крайний случай, когда региональные институты будут изолированы от глобальных. В любом случае основные игроки, правила, цели и содержание региональных институтов полностью отличаются от глобальных институтов. Без какой-либо связи между ними институциональная сложность не может возникнуть. Они служат в качестве сравнительных ссылок и не будут далее рассматриваться. Наш анализ главным образом сосредоточен на четырех типах институциональной сложности в пространстве вертикального управления.

Таблица 1. Типы институциональной сложности в вертикальной пространственной перспективе

		Гетерогенность власти	
		сильная	слабая
Разрыв институциональных функций	максимальный	Изоляция*	Независимость* Управление*
	средний	Конкурентное сотрудничество**	Взаимодополняющее сотрудничество**
	минимальный	Разъединение**	Иерархия**

Источник: составлено автором.

Примечание. * – Децентрализованные протокольные институты; ** – типы институциональной сложности.

Иерархия

Международная институциональная иерархия может быть определена как однонаправленное подчинение и признание главенства определенного глобального международного института региональными институтами в рамках конкретной сферы управления⁵. Когда регионы создают институты со схожими целями, операционны-

⁴ При определении институциональной сложности ученые часто размещают ее на спектре, на одном конце которого находятся единичные институты, а на другом – крайне децентрализованные протокольные институты [Keohane, Victor, 2011; Wang, 2012].

⁵ Это определение вдохновлено исследованиями, рассмотренными в обзоре литературы [Song, 2021; Henning, Pratt, 2023; Pratt, 2018]. Понятие почтения включает не только формальное признание правил, но и, чаще всего, неформальные средства, такие как нормативное повиновение и признание третьей стороны. Зависимость от пути и приоритет в спорах являются одними из основных проявлений.

Кроме того, как отмечают Хеннинг и Прайт, «переменная (институциональная иерархия) концептуально отличается от объема полномочий, делегированных государствами-членами конкретной

ми рамками и масштабами проектов в рамках существующей глобальной институциональной структуры, но в основном обслуживают местный географический охват, функциональный разрыв с глобальными институтами невелик. Функции глобальных институтов уже отвечают потребностям региона, а региональные институты могут повысить эффективность этих функций. В этом сценарии, при слабой неоднородности власти, региональные институты больше похожи на вертикальные версии глобальных институтов. Многие региональные институты, возникшие во время холодной войны и сохранившиеся до наших дней, часто подчиняются глобальным институтам из-за однородности власти в двух основных лагерях и схожих потребностей послевоенного экономического развития. Типичными примерами являются Азиатский банк развития и Межамериканский банк развития [Humphrey, 2022].

Разделение функций

Там, где неоднородность власти усиливается, но функциональный разрыв незначителен, возникают отношения размежевания функций между глобальными и региональными институтами. Хотя региональные институты по-прежнему выполняют и наследуют функции глобальных институтов, в условиях перехода от старого к новому и плюралистического взаимодействия власть может быть трудно координировать. Поэтому региональные институты могут пытаться самостоятельно развиваться в рамках схожих функций.

Взаимодополняющее сотрудничество

Глобальные институты могут частично удовлетворить потребности в экономическом управлении на региональном уровне, тем не менее существует острая необходимость в реформировании глобальных институтов или появлении новых региональных институтов, которые были бы современными как в отношении содержания, так и в отношении правил. При сближении властных характеристик и направлений этих двух уровней управления взаимодополняющий характер институциональных функций на этих двух уровнях и богатый опыт глобальных институтов на протяжении многих лет делают возможным взаимодополняющее сотрудничество. В качестве примера можно привести некоторые специализированные банки развития, возникшие в различных регионах после окончания холодной войны, и типичным из них является ЕБРР. В следующей части мы расскажем о том, как он появился в период политических преобразований в странах Центральной и Восточной Европы, стимулируя рыночные преобразования.

Конкурентное сотрудничество

По сравнению с развитием чистого сотрудничества, основанного на целях управления, большая неоднородность власти усиливает конкурентный характер сотрудничества. После окончания холодной войны усилилась тенденция к многополярности, в результате чего все большее значение приобретают страны с развивающейся экономикой и Глобального Юга. Этот сдвиг привел к тому, что динамика сил, лежащая в

международной организации. Она также отличается от асимметричного влияния или власти среди государств-членов» [Henning, Pratt, 2023, p. 2185]. Переменные неоднородности власти и институциональной иерархии в исследовании могут быть независимы друг от друга.

основе создания многих региональных институтов, часто вступает в противоречие с существующей структурой власти глобальных институтов. В результате возникла модель конкурентного сотрудничества. Например, АБИИ рассматривается как результат недовольства политическим доминированием Запада и растущей лидирующей позиции Китая [Qian, Vreeland, Zhao, 2023], что будет подробнее описано в разделе, посвященном конкретным случаям.

В условиях динамичного развития глобального политического и экономического порядка институциональная сложность в вертикальном пространстве не является статичной, а меняется в ответ на сдвиги в двух основных переменных.

Стабильность и развитие: региональные институты в рамках Бреттон-Вудских институтов

После Второй мировой войны была создана система управления мировой экономикой, ядром которой стали Всемирный банк, Международный валютный фонд (МВФ) и Генеральное соглашение по тарифам и торговле (позднее известное как Всемирная торговая организация). Всемирный банк и МВФ, служившие основой глобальной экономической стабильности и развития, принято называть Бреттон-Вудской системой. Эта система имела три важные особенности: глобальный институциональный дизайн; доминирование западных стран во главе с США; и служение капиталистическому мировому порядку, сложившемуся после Второй мировой войны.

По мере того как подходил к концу период холодной войны и разворачивалась глобализация, асимметрия между потребностями регионального развития и глобальным институциональным дизайном способствовала как эволюции устоявшихся институтов, так и появлению новых, что еще сильнее усложнило ситуацию. На примере управления в валютно-финансовой сфере в условиях кризиса и практики развития инвестиционной помощи в этой части будут проиллюстрированы вышеупомянутые предположения.

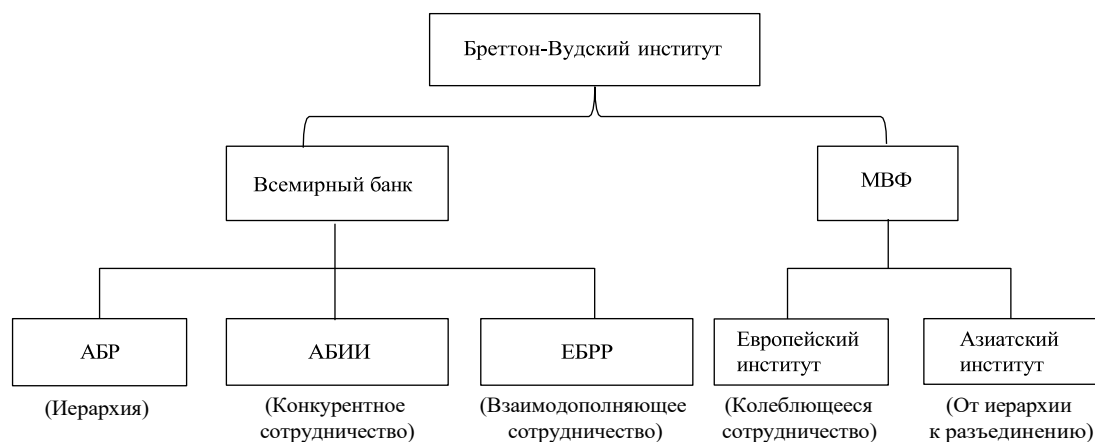

Рис. 2. Иллюстрация на сравнительных примерах Так не может называться рисунок

Источник: составлено автором.

Всемирный банк и региональные многосторонние банки

Всемирный банк был создан для решения проблем развития, возникших после Второй мировой войны. Он призван финансировать развитие стран в таких областях, как борьба с бедностью, развитие инфраструктуры, охрана окружающей среды и устойчивое развитие, образование и здравоохранение.

Институциональная структура Всемирного банка отражает послевоенное распределение власти: его высший орган, совет управляющих, принимает решения по главным вопросам, оценивая право голоса на основе долей стран-членов. При создании банка Соединенные Штаты, в силу своей послевоенной экономической мощи, получили большую долю голосов, а большинство оставшихся разделили между собой их союзники в Европе и Японии. Благодаря принципу большинства в принятии решений развитые страны, несомненно, имели абсолютное преимущество в осуществлении власти [Luo, Yang, 2022]. В 2010 г. в результате реформы Всемирный банк передал часть прав голоса от развитых стран развивающимся, и Китай, обогнав Германию, Францию и Великобританию, стал третьим по величине акционером после США и Японии⁶. Тем не менее Соединенные Штаты (15,85% голосов) имеют абсолютное преимущество в голосовании специальным большинством. Это означает, что они по-прежнему обладают правом вето в ключевых вопросах, таких как пересмотр *статей соглашения МБРР*.

Другие страны «Группы семи» имеют 25% голосов, что в 5 раз больше, чем у Китая, и почти в 10 раз больше, чем у Индии. В комментарии Всемирного банка по поводу этой реформы «распределения прав голоса и системы голосования» отмечается, что она «достигла большого, но недостаточного прогресса» [World Bank, 2020]. Западные страны во главе с Соединенными Штатами доминируют в голосовании, определяющем деятельность Всемирного банка. Эта ситуация не претерпела существенных изменений в связи с изменениями в глобальном экономическом развитии, особенно с повышением статуса развивающихся стран с формирующимся рынком (РСЗР) в мировой экономике [Humphrey, 2022]. С развитием глобальной экономической структуры наблюдается значительная неоднородность власти между развитыми и развивающимися странами в процессе принятия решений институтами. Эта неоднородность распространилась с внутренней структуры института на вертикальные институты после ускоренного появления институтов регионального уровня.

Если вспомнить эпоху холодной войны, то региональные институты, возникшие в Азии, Африке и Америке⁷, не обладали значительной властной неоднородностью и функциональными разрывами с глобальными институтами, формируя тем самым иерархическую модель институциональной сложности, типичным представителем которой является Азиатский банк развития (АБР). АБР – важный региональный инвестиционный институт развития в мире, тесно связанный с глобальными институтами. Что касается доли участия, то распределение между странами-заемщиками и странами, не являющимися заемщиками, а также между странами «Группы семи» и странами, не входящими в нее, в АБР в значительной степени схоже с распределением во Всемирном банке. Япония пользуется особым режимом, непропорциональным ее экономической мощи, тогда как США имеют абсолютное преимущество в праве голоса, их доля равна доле Японии, что позволяет США иметь право вето в вопросах изменения структуры

⁶ После реформы в первую десятку стран по количеству голосов вошли: США (15,85%), Япония (6,84%), Китай (4,42%), Германия (4%), Великобритания (3,75%), Франция (3,75%), Индия (2,91%), Россия (2,77%), Саудовская Аравия (2,77%) и Италия (2,64%).

⁷ В основном включает Азиатский банк развития (АБР), Африканский банк развития (АфБР) и Межамериканский банк развития (МБР).

капитала, внесения поправок в статьи соглашений, приостановки операций и изменения состава совета директоров и т.д. [Humphrey, 2022]. Ученые подтвердили, что АБР имеет относительно низкую концентрацию власти в своей институциональной структуре, вместе с тем США могут осуществлять более высокую степень контроля над АБР через американо-японский альянс [Pang, He, 2015]. Как видно, существует тесная связь между региональной властью, стоящей за АБР, и основными группами, стоящими за созданием и функционированием Всемирного банка.

Что касается функций, то разрыв между АБР и Всемирным банком очень мал. Исходя из цели «способствовать экономическому росту и сотрудничеству в регионе Азии и Дальнего Востока», функции АБР сосредоточены на «предоставлении технической помощи для подготовки, финансирования и реализации проектов и программ развития, включая формулирование конкретных проектных предложений». [ADB, 1966]. По структуре кредитных отделов АБР охватывает 11 секторов, что очень похоже на структуру Всемирного банка. На начальном этапе кредиты АБР были одобрены для инвестирования 23% в энергетический сектор, 20% – в проекты в области транспорта и коммуникационных технологий, 19% – в сельскохозяйственные проекты, 18% – в финансовые проекты, 10% – в промышленные проекты, 9% – в проекты по сохранению водных ресурсов и около 1% – в образование [McCawley, 2020]. Всемирный банк как первопроходец в удовлетворении глобальных потребностей в послевоенной помощи на цели развития установил полномочия по управлению. В отличие от него, Азиатский банк развития, будучи региональной проекцией Всемирного банка, активно берет на себя ответственность за конкретное выполнение функций. Эта роль свидетельствует о признании и уважении региональных институтов к глобальному органу управления.

После окончания холодной войны новые потребности регионального развития выявили институциональные функциональные пробелы Всемирного банка, что ускорило появление многосторонних банков развития. Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ) был создан в 2015 г. по инициативе Китая, который в то время был второй по величине экономикой мира, с целью поддержки развития инфраструктуры и устойчивого роста в Азии. Цзинь Лицунь, тогдашний глава института, заявил: «По расчетам АБР, ежегодные потребности в инвестициях в инфраструктуру в Азии с настоящего времени до 2020 г. достигнут 730 млрд долл., которые, однако, не могут быть удовлетворены только такими авторитетными международными многосторонними институтами, как Всемирный банк и АБР» [ССТV, 2015]. Наиболее существенное различие между АБИИ и Всемирным банком (и АБР) заключается в том, что АБИИ фокусируется на развитии инфраструктуры в Азии. Как отмечается в его декларации, «у многих из нас есть врожденное стремление к улучшению качества жизни. Это означает доступность физической, цифровой, коммерческой, медицинской, образовательной и другой социальной инфраструктуры» [АПВ, 2023а]. Азиатский банк инфраструктурных инвестиций предложил инициативу «*Инфраструктура завтрашнего дня*» (i4t), в рамках которой зеленая инфраструктура занимает центральное место в обеспечении устойчивости, инноваций и коммуникаций, реализуемых посредством финансового разблокирования. Кроме того, в плане настройки проектов АБИИ уделяет внимание ключевым областям, которые могут способствовать развитию азиатских стран, в частности цифровым технологиям. Из 221 реализованного проекта, не считая 57 проектов, включенных в Фонд выхода из кризиса COVID-19, на цифровые технологии приходится 5,4%, а остальные в основном инвестируются в крупные инфраструктурные проекты, в том числе транспортировку и использование энергии и транспорт [АПВ, 2023б]. Институциональные функции АБИИ и функции Всемирного банка пересекаются и дополняют друг друга. Первый удовлетворяет потребности развивающихся стран Азии,

возникших после холодной войны, в развитии и росте городов, но нуждается в руководстве со стороны второго с точки зрения общего опыта борьбы с бедностью. Таким образом, существует потенциал для сотрудничества.

Подобно АБИИ, Европейский банк реконструкции и развития (ЕБРР) также создал специальные функциональные сектора для адаптации к потребностям регионального управления. В 1991 г. во многих странах Центральной и Восточной Европы произошло крушение социалистических режимов. Впоследствии эти страны стремились избавиться от прежней плановой экономики советского типа. Франция предложила создать специализированный институт для помощи в трансформации этих стран, взявших на себя обязательства по переходу к демократическому устройству. Поэтому, в отличие от других банков развития, ЕБРР отдает приоритет «инвестициям частного сектора, совместному финансированию проектов, следя за тем, чтобы эти инвестиции способствовали неолиберальному пониманию переходного периода» [Shields, 2020a], что, в свою очередь, позволило ему стать единственным в мире банком переходного периода [Xie, 2012]. Инвестиционные проекты ЕБРР сосредоточены на четырех направлениях: инфраструктура, переход на ядерные объекты, развитие малого бизнеса и борьба с миграционным кризисом. Критерии оценки результатов каждого проекта основаны на результатах преобразований. Хотя оба института занимаются вопросами развития, ЕБРР в значительной степени восполняет функциональный пробел в региональном спросе, созданный Всемирным банком, что делает возможным всестороннее сотрудничество между ними [Shields, 2020].

Однако различия в гетерогенности власти приводят к разным формам сотрудничества между АБИИ и ЕБРР при взаимодействии со Всемирным банком. ЕБРР демонстрирует полную однородность с основными державами, стоящими за Всемирным банком, с точки зрения структуры власти и процессов. Западноевропейские страны, инициировавшие создание института и доминирующие в нем, поддерживают долгосрочные союзы с США, разделяя общие взгляды и консенсус в отношении демократической политики и капиталистического производства в рамках глобальной экономической гегемонии. Этот консенсус выступает в качестве порога для членства, заставляя страны подчиняться этой власти посредством институциональной ассимиляции, включая демократический процесс, свободу прессы и систему социальной защиты, тем самым укрепляя их признание и зависимость, одновременно уменьшая потенциальную неоднородность [EBRD, 1998]. Таким образом, ЕБРР и Всемирный банк разработали взаимодополняющий тип сотрудничества, который, по сути, является неконкурентным.

В отличие от ЕБРР, АБИИ и Всемирный банк демонстрируют конкурентный тип сотрудничества. Из первоначального взаимодействия сил видно, что АБИИ столкнулся с сопротивлением со стороны США и Японии еще в начале своего создания. США не только воздержались от вступления в Банк, но и оказывали давление на своих союзников, чтобы те тоже отказались от участия в его деятельности [Perlez, 2015; Watt et al., 2015]. Япония, опасаясь, что АБИИ подорвет авторитет АБР, проявила осторожность и придерживалась последовательной позиции по отношению к своим союзникам [Vi, 2016]. Что касается права голоса, то в АБИИ принято правило двойного большинства по всем основным вопросам (таким как внесение изменений в соглашения, увеличение уставного капитала, избрание президента и т.д.), что обеспечивает равенство в процессе принятия решений и уравнивает распределение власти. Расчеты показывают, что крупнейший акционер Китая не обладает абсолютной властью в значимых вопросах, включая поправки к правилам и выборы президента. Напротив, согласно расчетам, АБИИ благоприятствует распределению долей внутри региона и между странами

БРИКС, а также уважает позицию стран «Группы семи» в принятии решений по основным вопросам [Luo, Yang, 2022]. Таким образом, и с геополитической точки зрения, и с точки зрения различий в структуре власти, отражаемых институциональными механизмами, между АБИИ и Всемирным банком существует относительно большая степень неоднородности власти, формирующая модель конкурентного сотрудничества.

Таблица 2. Сравнение Всемирного банка и региональных многосторонних банков развития

	Всемирный банк	АБР	ЕБРР	АБИИ
Особенности функционирования	Проблема развития (после Второй мировой войны)	Проблема развития (холодная война)	Акцент на внутренних политических и экономических институтах. Переход – демократизация и приватизация (по окончании холодной войны)	Акцент на инвестиции в инфраструктуру (после холодной войны)
Пространственный уровень	Глобальный	Региональный	Региональный	Региональный
Характеристики управления	Гегемонистское господство	Хабовая система	Подчиненный союз	Баланс сил

Источник: составлено автором.

Примечание. Несмотря на то что разделение институтов по пространственному уровню может быть обусловлено опытом и исследованиями, в данной таблице, основанной на существующих исследованиях [Osampo, Ortega, 2022; Humphrey, 2022], строго указано, что критерии разделения определяются исходя из основной географической сферы обслуживания и основного состава членов на момент создания института.

В заключение следует отметить, что функциональные разрывы и неоднородность власти между Всемирным банком и различными региональными институтами определяют различные вертикальные отношения.

Международный валютный фонд и управление региональными финансовыми кризисами

Главная задача Международного валютного фонда (МВФ), созданного после Второй мировой войны как механизм управления финансами и денежно-кредитной сферой, заключается в поддержании международной финансовой стабильности. В настоящее время он продолжает в той или иной степени осуществлять финансовое управление в разных странах мира и играет важную роль в экономическом наблюдении, кредитовании и технической помощи [IMF, 2023]. В то же время развитие регионализации во второй половине периода холодной войны усилило региональные исследования в области финансового управления. Затем воздействие двух финансовых кризисов стимулировало создание Глобальной сети финансовой безопасности (GFSN), способствуя институциональному усложнению региональных и глобальных взаимодействий.

В Европе институциональное строительство развивалось от создания базовой стабильности обменного курса до появления единой региональной валютной систе-

мы, которая выходит за рамки суверенных валютных систем, удовлетворяя торговые и инвестиционные потребности еврозоны и обеспечивая экономическую стабильность внутреннего единого рынка. В частности, Европа приступила к созданию финансового управления и валютных союзов в 1960-х годах, начав с Европейской валютной системы (ЕВС), целью которой были вмешательство в валютные рынки стран – членов Европейского сообщества и координация монетарной политики стран-членов для противодействия уязвимости доллара США. Затем, в 1973 г., были созданы Европейские фонды валютного сотрудничества (ЕМСФ), за которыми последовало создание Европейского центрального банка (ЕЦБ) и Европейского валютного союза (ЕВС), способствовавших в конечном счете формированию еврозоны. Единая валюта удовлетворила потребности европейской финансовой интеграции, устранив торговые и экономические барьеры, связанные с нестабильными обменными курсами для стран-участниц, а также ослабила зависимость Европы от МВФ, опиравшегося на гегемонию доллара США.

Азия, напротив, в значительно большей степени зависит от МВФ, чем Европа. Финансовый кризис 1997 г. подстегнул Азию к созданию ряда институтов финансового управления, включая Диалог министров финансов в рамках «10+3» (1999) и Чиангмайскую инициативу (СМИ) (2000). Первая направлена на предотвращение финансовых кризисов посредством диалога, а вторая – на создание системы финансовой безопасности через двусторонние соглашения о валютных свопах. Однако по сравнению с европейскими стандартами Азия все еще имеет значительные возможности для улучшения стабильности обменных курсов, эффективности институтов и возможности регулирования. Помимо отсутствия потенциала для создания единой валюты, Азия по-прежнему сдерживается МВФ в плане доступности ликвидности и условий кредитования, связанных с валютными свопами [Li, Wu, 2019]. Таким образом, во время кризисов не существует значительного разрыва между институциональными функциями МВФ и потребностями финансового управления в Азии.

Однако с изменением гетерогенности власти сотрудничество Европы и зависимость Азии от глобальных институтов также постепенно претерпевают определенные изменения. МВФ рассматривался как платформа для «совместного управления» миром Европой и США. Европа долгое время контролировала ротацию высшего исполнительного директора МВФ и имела большинство мест в исполнительном совете. США постоянно контролировали ключевые права голоса по важнейшим вопросам, как это было во Всемирном банке [Katzenstein, 2005; Xie, Huang, 2022]. Переход от биполярного мира к полицентричному и подъем стран с формирующимся рынком в совокупности бросили вызов такой структуре власти и глобальному экономическому порядку, воплощенному в МВФ.

Европа демонстрирует расхождение в направлении сил. Европейская интеграция укрепила внутренний консенсус в регионе. Однако баланс сил при расширении членов ЕС сдерживал его отход от однородности власти с глобальными институтами. Благодаря сложившейся однородности власти в МВФ и ЕС в сотрудничестве по урегулированию кризисов, ЕС принял условия, предложенные МВФ в кризис 2008 г., а затем включил Европейский союз (ЕС), Европейский центральный банк (ЕЦБ) и МВФ в «тройку» для преодоления кризиса. Тем не менее внутренние разногласия в Европе привели к тому, что вопрос о роли МВФ был поставлен на повестку дня, в связи с чем были высказаны жалобы на недостаточную готовность МВФ предоставлять кредиты и чрезмерное вмешательство в автономию региона в ходе сотрудничества. Поэтому возникло требование об укреплении статуса региональных институтов, за которым последовало создание Антикризисного фонда ЕврАзЭС и двух специальных фондов: Европейского механизма финансовой стабилизации (EFSM) и Европейского фонда финансовой ста-

бильности (EFSF). После кризиса Европа преобразовала эти два временных института в постоянный – Европейский стабилизационный механизм (ESM) – и запланировала создание Европейского валютного фонда (EMF) [Su, 2018], чтобы контролировать кризис еврозоны и в дальнейшем компенсировать отсутствие функции «кредитора последней инстанции» [Calliess, 2021]. Необходимо отметить, что в *предложенных Положении и Уставе Европейского валютного фонда* Европа исключила пункт о сотрудничестве с МВФ, упомянутый в *статьях Договора о ESM*, указав лишь, что он может устанавливать и поддерживать отношения сотрудничества с международными институтами в соответствующих областях. Некоторые комментарии показывают, что усилия Европы укрепят структуру глобальной системы финансовой безопасности и повысят глобальный потенциал противостояния финансовым кризисам. В то же время это может стать вызовом для глобальных антикризисных функций, выполняемых МВФ [McKay, Volz, 2010], что свидетельствует о неоднозначном отношении Европы к сотрудничеству с МВФ.

В Европе неустойчивое сотрудничество обусловлено противоречиями в выборе руководства, а в Азии вертикальная проекция глобальных институтов сталкивается с более сильной неоднородностью власти. Япония, союзник США, с осторожностью относится к усилению Китая и получила от США поддержку в создании собственного банка развития. Во время азиатского финансового кризиса 1997 г. правительство Японии предложило создать Азиатский валютный фонд (АВФ), но фонд так и не был создан из-за противодействия США и Китая. После этого возвышение Китая заставило страны АСЕАН и Северо-Восточной Азии начать относиться к нему с опаской, хотя Китай сыграл ключевую роль в выходе из экономического кризиса 1998 г. [He, 2009]. Однако внутрирегиональная конкуренция за доминирование в Азии была подавлена перед лицом глобальной гегемонии, а неоднородность азиатских сил обрела равновесие в противостоянии глобальной мощи. Отношение азиатских стран можно резюмировать следующим образом: «Ограничения многосторонних институтов, таких как МВФ, отражают ограничения тех национальных государств, которые их создали» [Karur, 1998]. Суровое отношение МВФ к странам-должникам и безразличие США к своим союзникам во время кризиса побудили Восточную Азию сосредоточиться на финансовом регионализме, особенно в рамках АСЕАН+3, в качестве альтернативы МВФ, в котором доминируют США. В результате Азия постоянно укрепляла свое стремление обособиться от глобальных институтов в управлении кризисами. В 2009 г. СМІ была преобразована в СМІМ (Chiang Mai Initiative Multilateralisation) – многостороннюю программу обмена валютами между странами АСЕАН+3, приняв в качестве формы реализации Self-Managed Reserve Pooling Arrangement (SRPA) – самоуправляемое соглашение о резервном пуле, что стало началом более глубокого этапа азиатского финансового сотрудничества [Chen, Shen, 2011]. В апреле 2011 г. было создано Управление макроэкономических исследований АСЕАН+3 (AMRO) в форме общества с ограниченной ответственностью, которое в 2016 г. было официально преобразовано в международную организацию, что ознаменовало создание осязаемого регионального надзорного органа в Восточной Азии [Li, Wu, 2019].

Таким образом, Азия стремится отойти от институциональной иерархии (то есть подчиненности глобальным институтам) в финансовом управлении из-за более сильной неоднородности власти, в то время как для Европы характерно неустойчивое сотрудничество между институтами регионального и глобального уровней, на которое влияют пробелы в институциональной функциональности на фоне меняющейся неоднородности власти. Данный пример не только отражает логику вертикальной институциональной сложности, но и иллюстрирует относительную природу властной неоднородности.

Заключение

Неоднородность властных конфигураций в сочетании с пробелами в институциональных функциях, вызванными противоречием между многоуровневыми потребностями и институциональными дополнениями, в совокупности способствуют возникновению сложных вертикальных институциональных конфигураций, таких как конкурентное сотрудничество, взаимодополняющее сотрудничество, разделенная конкуренция и иерархические институты. В управлении глобальным экономическим развитием Всемирный банк и АБР сформировали фактическую иерархию благодаря большей однородности власти и меньшему функциональному разрыву между институтами. Однако при увеличении разрыва они формируют дополнительное сотрудничество со Всемирным банком, типичным примером которого является ЕБРР. АБИИ и Всемирный банк, в силу определенной властной неоднородности и институционального функционального разрыва, сформировали конкурентное сотрудничество. При создании институтов кризисного управления функциональность Европы определялась ее интеграцией. Однако силовая неоднородность между глобализацией и регионализмом привела к тому, что ее сотрудничество с МВФ колеблется. В отличие от Европы, Азия полагается на структуру МВФ из-за отсутствия единой валютной системы. Однако она пытается отделиться от МВФ из-за дифференциации сил.

В эпоху после холодной войны процессы глобализации и регионализации согласовались в своих целях в рамках глобального экономического управления. Объединив глобальное управление и региональные требования в одну переменную, настоящая статья детализирует вертикальную пространственную перспективу для устоявшихся исследований институциональной сложности, а также создает теоретическую основу с институциональной точки зрения для понимания отношений глобального и регионального управления. Кроме того, данная статья вносит вклад в понимание сложной реальности, в которой США, руководствуясь стремлением сохранить гегемонию, участвуют в геополитической конкуренции, а страны с формирующимся рынком стремятся установить новый глобальный политико-экономический порядок.

В будущем исследование может быть продолжено и углублено в трех аспектах. Во-первых, можно исследовать динамику сложности. Существующие ограничения по формату статьи не позволяют рассмотреть изменения в структуре управления АБР и их влияние после окончания холодной войны, а также устойчивость и трансформацию подхода к развязке сети азиатской финансовой безопасности. Во-вторых, количественное измерение функционального дублирования может быть усилено. В-третьих, государства и субрегионы считаются важной частью межуровневого институционального анализа. Если ввести новые пространственные переменные, то исследование сложности вертикальных институциональных взаимодействий может привести к выводам, выходящим за рамки данного анализа.

Список источников (References)

Aggarwal V.K. (1998) Reconciling Multiple Institutions: Bargaining, Linkages, and Nesting. *Institutional Designs for a Complex World: Bargaining, Linkages, and Nesting* (V.K. Aggarwal (ed.)). Ithaca: Cornell University Press, pp. 1–31. Available at: https://basc.berkeley.edu/wp-content/uploads/2021/04/1998-reconciling_multiple_institutions.pdf (accessed 10 July 2025).

Alter K.J., Meunier S. (2009) The Politics of International Regime Complexity. *Perspectives on Politics*, vol. 7, no 1, pp. 13–24. Available at: https://faculty.wcas.northwestern.edu/kal438/KarenJAlter2/International_Regime_Complexity_files/AlterMeunierComplexityPOP2009.pdf (accessed 10 July 2025).

Asian Development Bank (ADB) (1966) *Agreement Establishing the Asian Development Bank* (ADB Charter). Available at: <https://www.adb.org/sites/default/files/institutional-document/32120/charter.pdf> (accessed 10 July 2025).

Asian Infrastructure Investment Bank (AIIB) (2023a) *Who We Are*. Available at: <https://www.aiib.org/en/about-aiib/index.html> (accessed 10 July 2025).

Asian Infrastructure Investment Bank (AIIB) (2023b) *Project Summary*. Available at: <https://www.aiib.org/en/projects/summary/index.html> (accessed 10 July 2025).

Bi Y. (2016) Beat or Join? The Challenges of China's Asian Infrastructure Investment Bank to the US and Japan. *China and WTO Review*, vol. 2, no 2, pp. 281–302. Available at: https://www.researchgate.net/publication/307518341_Beat_or_Join_The_Challenges_of_China's_Asian_Infrastructure_Investment_Bank_to_the_US_and_Japan (accessed 10 July 2025).

Calliess C. (2021) The Future of Europe after Brexit: Towards a Reform of the European Union and its Euro Area. *Yearbook of European Law*, vol. 40, pp. 3–55. Available at: <https://doi.org/10.1093/yel/yeaa014> (accessed 10 July 2025).

Chen C.W. (2023) Quan qiu hua fa ren yu he shi – dui “tu bian lun” yu “jian bian lun” liang zhong shi jiao de zong shu [The Origins of Globalization: A Review of the “Big Bang” and “Gradualist” Perspectives]. *Fan si quan qiu hua: li lun, li shi yu qu shi* [Rethinking Globalization: Theories, Histories, and Prospects] (Z.Y. Wang, S.Q. Tang (eds.)). Beijing: Social Sciences Academic Press, pp. 173–191 (in Chinese).

Chen L.L., Shen H.F. (2011) Dong ya huo bi jin rong he zuo de shen hua: cong ‘qing mai chang yi’ dao ‘qing mai chang yi duo bian hua’ [The Deepening of Monetary and Financial Cooperation in East Asia: from “CMI” to “CMIM”]. *Crossroads: Southeast Asian Studies*, no 5, pp. 36–40 (in Chinese).

China Central Television (CCTV) (2015) *Focus on China Development High-Level Forum: Jin Liqun Elaborates on AIIB*. March 23. Available at: <http://m.news.cntv.cn/2015/03/23/ARTI1427065459213381.shtml> (accessed 10 July 2025).

Desai R.M., Vreeland J.R. (2011) Global governance in a multipolar world: The case for regional monetary funds. *International Studies Review*, vol. 13, no 1, pp. 109–121. Available at: <https://doi.org/10.1111/j.1468-2486.2010.01002.x> (accessed 10 July 2025).

Eilstrup-Sangiovanni M., Westerwinter O. (2022) The Global Governance Complexity Cube: Varieties of Institutional Complexity in Global Governance. *The Review of International Organizations*, vol. 17, no 2, pp. 233–262. Available at: <https://link.springer.com/article/10.1007/s11558-021-09449-7> (accessed 10 July 2025).

European Bank for Reconstruction and Development (EBRD) (1998) *Transition Report 1998*. Available at: <https://www.ebrd.com/home/news-and-events/publications/economics/transition-reports.html#> (accessed 10 July 2025).

Geng X. (2021) Quan qiu xing di qu zhi li de guan nian sheng cheng he shi xian lu jing: Jian yi hu lian hu tong de zheng ce kuo san wei li [The Consolidation and Implementation of the Concept of Global-Regional Governance: the Diffusion of Connectivity Policy as an Example]. *The Journal of International Studies*, no 4, pp. 80–105 (accessed 10 July 2025) (in Chinese).

Gourevitch P. (1978) The International System and Regime Formation: a Critical Review of Anderson and Wallerstein. *Comparative Politics*, vol. 10, no 3, p. 419. Available at: <https://doi.org/10.2307/421712> (accessed 13 July 2025).

He K. (2009) *Institutional Balancing in the Asia Pacific: Economic interdependence and China's Rise*. L.: Routledge. Available at: https://www.routledge.com/Institutional-Balancing-in-the-Asia-Pacific-Economic-interdependence-and-Chinas-rise/He/p/book/9780415541473?srsId=AfmBOop9B5P8KrNvao8z1XUWGwRux2m5aPLajf_e0H1AfoqMNWeUsMbZ (accessed 13 July 2025).

He K., Feng H.Y., Wei B. (2019) Leadership Transition and Global Governance: Role Conception, Institutional Balancing, and the AIIB. *The Chinese Journal of International Politics*, vol. 12, no 2, pp. 153–178. Available at: <https://doi.org/10.1093/cjip/poz003> (accessed 13 July 2025).

Henning C.R., Pratt T. (2023) Hierarchy and Differentiation in International Regime Complexes: a Theoretical Framework for Comparative Research. *Review of International Political Economy*, vol. 30, no 6, pp. 2178–2205. Available at: <https://doi.org/10.1080/09692290.2023.2259424> (accessed 13 July 2025).

- Humphrey C. (2022) The Legacy MDBs: World Bank and Major Regionals. *Financing the Future: Multilateral Development Banks in the Changing World Order of the 21st Century* (C. Humphrey (ed.)). L.: Oxford, pp. 74–115. Available at: <https://doi.org/10.1093/oso/9780192871503.003.0004> (accessed 13 July 2025).
- International Monetary Fund (IMF) (2023) *IMF shi shenme?* [What is IMF]. Available at: <https://www.imf.org/zh/About/Factsheets/IMF-at-a-Glance> (accessed 13 July 2025) (in Chinese).
- Jang W. (2022) Great power rivalry and hedging: the case of AIIB founding members. *The Chinese Journal of International Politics*, vol. 15, no 4, pp. 395–421. Available at: <https://doi.org/10.1093/cjip/poac021> (accessed 13 July 2025).
- Kapur D. (1998) The IMF: a Cure or a Curse? *Foreign Policy*, no 111, pp. 114–129. Available at: https://casi.sas.upenn.edu/sites/default/files/bio/uploads/IMF_Cure_or_Curse.pdf (accessed 13 July 2025).
- Katzenstein P.J. (2005) *A World of Regions: Asia and Europe in the American Imperium*, Ithaca: Cornell University Press. Available at: <https://www.cornellpress.cornell.edu/book/9781501700378/a-world-of-regions/#bookTabs=1> (accessed 13 July 2025).
- Keohane R.O. (1989) Neoliberal Institutionalism: A Perspective on World Politics. *International Institutions and State Power: Essays in International Relations Theory* (R.O. Keohane (ed.)). N.Y.: Routledge, pp. 3–4. Available at: <https://doi.org/10.4324/9780429032967> (accessed 13 July 2025).
- Keohane R.O., Victor D. (2011) The Regime Complex for Climate Change. *Perspectives on politics*, vol. 9, no 1, pp. 7–23. Available at: <https://doi.org/10.1017/S1537592710004068> (accessed 13 July 2025).
- Krasner S.D (1983) *International Regimes*. Ithaca: Cornell University Press. Available at: <https://www.cornellpress.cornell.edu/book/9780801492501/international-regimes/#bookTabs=1> (accessed 13 July 2025).
- Li W., Wu N. (2019) Dong ya jin rong di qu zhu yi de zhi du sheng ji – cong 10+3 dui hua dao AMRO [Institutional Upgrading of East Asian Financial Regionalism: From “10+3” Dialogue to “AMRO”]. *World Politics Studies*, no 2, pp. 79–124. Available at: <http://sis.ruc.edu.cn/upload/editor/1/1616468237210.pdf> (accessed 13 July 2025) (in Chinese).
- Lu M.L. (2014) Jin rong qu yu zhu yi de xing qi he fa zhan [The Rise and Development of Financial Regionalism]. *International Review*, no 6, pp. 131–142 (accessed 10 July 2025) (in Chinese).
- Luo H., Yang L.Z. (2022) Guo ji zu zhi zhong de quan li ge ju ping jia: yi shi jie yin hang, ya kai hang he ya tou hang de bi jiao wei li [Power Structure Evaluation of International Organizations: A Comparative Analysis of the World Bank, the Asian Development Bank and the Asian Infrastructure Investment Bank]. *World Economics and Politics*, no 11, pp. 29–63. Available at: <http://ejournaliwep.cssn.cn/qkjj/sjjjyzz/sjz2211/202212/P020221226429946566970.pdf> (accessed 13 July 2025) (in Chinese).
- Malkin A., Bessma M. (2011) Emerging Powers and IMF Reform: Where Multipolarity in the World Economy is Leading the Fund. *St Antony's International Review*, vol. 7, no 1, pp. 61–78. Available at: <https://www.jstor.org/stable/26227187> (accessed 13 July 2025).
- McCawley P. (2017) *Banking on the Future of Asia and the Pacific: 50 Years of the Asian Development Bank*. Manila: Asian Development Bank. Available at: <https://www.adb.org/sites/default/files/publication/235061/adb-history-book-second-edition.pdf>. (accessed 14 July 2025).
- McKay J., Volz U. (2010) Rivals or Allies? Regional Financing Arrangements and the IMF. *Regional and Global Liquidity Arrangements* (U. Volz, A. Caliarì (eds.)). Bonn: Deutsches Institut für Entwicklungspolitik (DIE), pp. 28–31. Available at: <https://ssrn.com/abstract=2136516> (accessed 13 July 2025).
- Ocampo J.A., Ortega V. (2022) The Global Development Banks' Architecture. *Review of Political Economy*, vol. 34, no 2, pp. 224–248. Available at: <https://doi.org/10.1080/09538259.2021.1977543> (accessed 13 July 2025).
- Pang X., He Y.K. (2015) Ba quan yu zhi du: mei guo ru he cao kong di qu kai fa yin hang [Power Versus Institution: How Does the United States Manipulate and Control Regional Development Banks?]. *World Economics and Politics*, no 9, pp. 4–30. Available at: <http://ejournaliwep.cssn.cn/qkjj/sjjjyzz/2015nd9q/201509/P020180607669691786131.pdf> (accessed 13 July 2025) (in Chinese).
- Perlez J. (2015) China creates a World Bank of its own, and the US balks. *The New York Times*, December 4. Available at: <https://www.nytimes.com/2015/12/05/business/international/china-creates-an-asian-bank-as-the-us-stands-aloof.html> (accessed 13 July 2025).

- Pratt T. (2018) Deference and Hierarchy in International Regime Complexes. *International Organization*, vol. 72, no 3, pp. 561–590. Available at: <https://doi.org/10.1017/S0020818318000164> (accessed 13 July 2025).
- Qian J., Vreeland J.R., Zhao J.Z. (2023) The Impact of China's AIIB on the World Bank. *International Organization*, vol. 77, no 1, pp. 217–237. Available at: <https://doi.org/10.1017/S0020818322000327> (accessed 13 July 2025).
- Raustiala K., Victor D. (2004) The Regime Complex for Plant Genetic Resource. *International Organization*, vol. 58, no 2, p. 277. Available at: <https://doi.org/10.1017/S0020818304582036> (accessed 13 July 2025).
- Ren L., Zhang Z.Y. (2022) Ya tai di qu de zhi du fu za xing fen xi [An Analysis of Regime Complexity in the Asia-Pacific Region]. *Journal of Northeast Asia Studies*, no 6, pp. 16–30 (accessed 10 July 2025) (in Chinese).
- Ruggie J.G. (1992) Multilateralism: the Anatomy of an Institution. *International organization*, vol. 46, no 3, pp. 561–598. Available at: <https://scholar.harvard.edu/files/john-ruggie/files/multilateralism.pdf> (accessed 13 July 2025).
- Ruggie J.G. (2002) *Constructing the world polity: Essays on international institutionalisation*. Oxford: Routledge. Available at: <https://www.routledge.com/Constructing-the-World-Polity-Essays-on-International-Institutionalisation/Ruggie/p/book/9780415099912?srltid=AfmBOoqzWhL8uHWWal716OoEnbHacZHXWJXknOOLNsW37mQirjRnZzVi> (accessed 13 July 2025).
- Runde D.F., Hardman A. (2024) Great Power Competition in the Multilateral System. *Center for Strategic and International Studies (CSIS)*, October 23. Available at: <https://www.csis.org/analysis/great-power-competition-multilateral-system> (accessed 13 July 2025).
- Shields S. (2020) The EBRD, fail forward neoliberalism and the construction of the European periphery. *The Economic and Labour Relations Review*, vol. 31, no 2, p. 233. Available at: <https://doi.org/10.1177/1035304620916652> (accessed 13 July 2025).
- Song Y.M. (2021) Zhi du jing zheng yu guo ji zhi du de deng ji zhi [Institution Competition and Hierarchy of International Institutions]. *World Economics and Politics*, no 4, pp. 33–60. Available at: <http://ejournaliwep.ccssn.cn/qkjj/sjjjyzz/sjz214/202104/P020210427550706790003.pdf> (accessed 13 July 2025) (in Chinese).
- Stokke O.S. (2001) The Interplay of International Regimes: Putting Effectiveness Theory to Work. *FNI report*, no 14. Available at: <https://www.files.ethz.ch/isn/100208/01-14-oss.pdf> (accessed 13 July 2025).
- Su X.Q. (2018) Ou zhou huo bi ji jin zu zhi: qian zhan yu jie jian [European Monetary Fund: Prospect and Reference]. *South China Finance*, no 7, pp. 66–72 (accessed 10 July 2025) (in Chinese).
- Wainaina B.N. (2025) Regional Development Banks in the Broader Multilateral Development Bank Reforms. *WIDER Background Note /10*. UNU-WIDER. Available at: <https://doi.org/10.35188/UNU-WIDER/GDDI3581> (accessed 13 July 2025).
- Wang M.G. (2012) Ji zhi fu za xing ji qi dui guo ji he zuo de ying xiang [Institutional Complexity and its Impact on International Cooperation]. *Foreign Affairs Review*, vol. 29, no 3, pp. 144–155.
- Watt N., Lewis P., Branigan T. (2015) US anger at Britain joining Chinese-led investment bank AIIB. *The Guardian*, March 13. Available at: <https://www.theguardian.com/us-news/2015/mar/13/white-house-pointedly-asks-uk-to-use-its-voice-as-part-of-chinese-led-bank> (accessed 13 July 2025).
- World Bank (2020) *2020 Shareholding Review: Report to Governors at the Annual Meetings. Development Committee Report DC2020-0009*. October 16. Available at: <https://www.devcommittee.org/content/dam/sites/devcommittee/doc/documents/mgr/Final%20DC2020-0009%20Shareholding.pdf> (accessed 13 July 2025).
- Wu L. (2020) Di qu ba quan de zhi du hu chi yu yin du de nan meng zheng ce [The Institutional Maintenance of Regional Hegemony and India's SAARC Policy]. *World Economics and Politics*, no 12, pp. 52–76. Available at: <http://ejournaliwep.ccssn.cn/qkjj/sjjjyzz/sjz202012/202101/P020210107564245145071.pdf> (accessed 13 July 2025) (in Chinese).
- Xie S.Q. (2012) ECB, EIB he EBRD zhi bi jiao yan jiu [A Comparative Study of the ECB, EIB, and EBRD]. *Finance and Economy*, no 6, pp. 33–36 (accessed 10 July 2025) (in Chinese).
- Xie S.Q., Huang Z.H. (2022) Dang dai guo ji huo bi ji jin zu zhi de gai ge [The Reforms of the Contemporary International Monetary Fund]. *Macroeconomics*, no 2, pp. 167–175 (accessed 10 July 2025) (in Chinese).
- Young O. (2006) Vertical Interplay among Scale-dependent Environmental and Resource Regimes. *Ecology and society*, vol. 11, no 1, p. 27. Available at: <https://www.jstor.org/stable/26267811> (accessed 13 July 2025).

Zhu J.J. (2021) Jin zhuan guo jia xin kai fa yin hang de zhi du chuang xin yu fa zhan qian jing [Institutional Innovation and Development Prospects of the New Development Bank]. *Contemporary World*, no 10, pp. 21–25. Available at: https://sirpa.fudan.edu.cn/_upload/article/files/8c/31/af99150c4915b41b4c763186392a/1a909a57-62bd-449f-b00b-45feac78fc80.pdf (accessed 13 July 2025) (in Chinese).

Zhu J.J., Ai M. (2017) “Yu dui shou he zuo”: Zhong guo yu shi jie yin hang zai chou jian ya tou hang zhong de he zuo [Collaborating with “Adversaries”: China’s Cooperation with the World Bank in Establishing the Asian Infrastructure Investment Bank]. *Fudan International Studies Review*, no 1, pp. 52–67. Available at: https://sirpa.fudan.edu.cn/_upload/article/files/3c/e1/850a31cc4133a917f9ced25356cc/052f78d4-8ce4-41e2-bb6d-9921f4c90969.pdf (accessed 13 July 2025) (in Chinese).

Vertical Interplay Between Global and Regional Institutions: Multi-Level Needs and Power Heterogeneity Under Bretton Woods Institution⁸

J. Chen

Jingwen Chen – PhD Candidate, School of International Studies, Peking University; Yanyuan Street, Haidian District, Beijing, 100871, China; chenjingwen@stu.pku.edu.cn

Abstract

As globalisation advances, driven by shared goals of development and crisis management, regions have evolved to create new institutions that address the demands of economic governance within the Bretton Woods institutions. This paper focuses on the asymmetry between the regional and global institutions and the governance boundaries of each, exploring the intricate interconnections between regional and global institutions such as competitive cooperation, complementary cooperation, decoupled competition, and hierarchical institutions. The heterogeneity of power configurations within global governance bodies, coupled with variations in multi-level needs among global governance, collectively contribute to the intricate vertical complexity of institutional dynamics. The article specifically examines the hierarchical, competitive-cooperative, and cooperative relationships among institutions like the Asian Development Bank, the Asian Infrastructure Investment Bank, the European Bank for Reconstruction and Development, and the World Bank. Additionally, the study identifies the wobble nature of European-global institutional cooperation and the decoupling trend in Asian institutions within the International Monetary Fund framework. In practice, the United States, motivated by its pursuit of hegemony, engaged in geopolitical competition, while emerging market nations sought to establish a new global political-economic order. These interactions inherently shaped the development of global governance and its equilibrium interaction with regionalism. This article contributes to understanding the aforementioned complex reality and inspires solutions for global-regional governance.

Keywords: global economic governance, institutional complexity, hierarchical institutions, regionalization, power heterogeneity, Bretton Woods system

Acknowledgments: The author wish to express her thanks to the anonymous reviewers for their valuable comments in the earlier version of this paper. The author declares that she has no known competing financial interests or personal relationships that could have influenced, or appeared to influence, the work reported in this paper.

For citation: Chen J. (2025) Vertical Interplay Between Global and Regional Institutions: Multi-Level Needs and Power Heterogeneity Under Bretton Woods Institution. *International Organizations Research Journal*, vol. 20, no 3, pp. 7–28 (in English). doi:10.17323/1996-7845-2025-03-01

⁸ This article was submitted 26.09.2024.

МВФ в мире глобальной фрагментации: внутриамериканский дискурс¹

Ю.Г. Голуб, С.Ю. Шенин

Голуб Юрий Григорьевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой международных отношений и внешней политики России Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского; Россия, 410012, Саратов, ул. Астраханская, д. 83; goloub@sgu.ru; ORCID: 0000-0001-9819-7494

Шенин Сергей Юрьевич – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры международных отношений и внешней политики России Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского; Россия, 410012, Саратов, ул. Астраханская, д. 83; shenins@yahoo.com; ORCID: 0000-0002-4503-5923

Аннотация

Статья посвящена прогнозированию путей возможной эволюции Международного валютного фонда из-за изменения позиции США. Целью статьи является выявление спектра взглядов наиболее влиятельных американских политико-идеологических групп по вопросу направления и характера деятельности МВФ. Подобная постановка вопроса не рассматривалась современной научной литературой. В качестве научно-теоретической основы статьи выбраны исследования западных теоретиков-экономистов, в частности М. Фридмана, П. Волкера, П. Кругмана и т.д. В контексте американской «промышленной политики» показаны различия во взглядах этих групп на место фонда в современных и будущих глобальных процессах. Особое внимание уделяется изучению представлений американских экспертов и политиков в отношении эффективности МВФ на предыдущих этапах глобализации, потенциала использования фонда для осуществления антикитайской политики, привлечения на свою сторону стран глобального Юга. Соглашаясь с неизбежностью фрагментации, большинство групп американской элиты (кроме трампистов) едины в том, что МВФ необходимо сохранить как важнейший инструмент мировой финансово-экономической стабилизации переходного периода. По вопросу повестки МВФ все группы демократов в той или иной степени поддержали политику ее «расширения», включая климатические, медицинские и социальные проблемы, в то время как республиканцы требуют сосредоточиться на традиционных функциях фонда. Что касается использования потенциала МВФ в антикитайской политике Запада, то часть участников дискуссии (неолибералы, консервативные демократы и умеренные республиканцы) считает, что это можно сделать за счет пересмотра квот и более справедливого распределения СПЗ в пользу стран Юга. Другие группы (консерваторы и неоконсерваторы) полагают, что такие уступки могут привести к потере контроля США над решениями и ресурсами фонда. Делается вывод о том, что с учетом относительного равновесия сил в рамках дискуссии о судьбе фонда вряд ли можно ожидать резких движений со стороны США в отношении реформирования МВФ, даже после прихода к власти Д. Трампа.

Ключевые слова: глобальная фрагментация, МВФ, США, политико-идеологические группы, реформирование, КНР, развивающиеся страны, формирующиеся рынки

¹ Статья поступила в редакцию 04.09.2024.

Для цитирования: Голуб Ю.Г., Шенин С.Ю. МВФ в мире глобальной фрагментации: внутриамериканский дискурс // Вестник международных организаций. 2025. Т. 20. № 3. С. 29–43 (на русском и английском языках). doi:10.17323/1996-7845-2025-03-02

Введение

Одной из характерных черт мироустройства 2020-х годов является начавшийся процесс распада ранее единой ткани всемирных финансово-экономических и торговых отношений, что довольно часто именуется глобальной фрагментацией. Поскольку Соединенные Штаты в этот процесс вовлечены в наибольшей степени, американский политический класс самым активным образом обсуждает возможность влиять на происходящие фундаментальные изменения. Особое внимание при этом уделяется роли отдельных многосторонних институтов, включая Международный валютный фонд (МВФ). На важность последнего для американской внешней политики указал С.В. Лавров. Председательствуя на заседании Совета Безопасности ООН в апреле 2023 г., он подчеркнул, что происходит «окончательное, уже без маскировки, превращение МВФ в инструмент достижения целей США и их союзников, включая цели военного характера» [Ministry for Foreign Affairs, 2023].

Как известно, МВФ был создан в 1944 г. в рамках Бреттон-Вудской конференции вместе со своим «братом-близнецом» – Международным банком реконструкции и развития (который постепенно превратился во Всемирный банк – ВБ). При этом МБРР был задуман как кредитное учреждение, ориентированное на долгосрочное развитие и социальные проекты, а МВФ должен был стать «надзирателем» за денежно-кредитной политикой и состоянием обменных курсов для обеспечения стабильности мировых рынков на основе золото-долларового стандарта.

Однако в 1971 г. Соединенные Штаты отказались от привязки доллара к золоту, что привело к созданию Ямайской системы плавающих валютных курсов. В результате в начале 1980-х годов в странах Латинской Америки случился ряд долговых кризисов. В этой ситуации МВФ нашел себе новое применение – кредиты стали предоставляться нуждающимся странам в обмен на выполнение конкретных условий фонда с целью их «оздоровления», влекущих за собой неоклассическую парадигму «затягивания поясов». Новая модель удовлетворительно функционировала до рубежа XX–XXI вв. Однако скромные результаты борьбы МВФ с финансовым кризисом в Азии заставили многие правительства глобального Юга усомниться в эффективности схемы. Они начали дистанцироваться от сотрудничества с фондом, что поставило под угрозу его авторитет и даже легитимность, то есть признание членами фонда его права формировать и осуществлять общую финансово-экономическую политику.

Такое развитие заставило западные элиты осознать необходимость вернуть доверие к МВФ. Для этого нужны были реформы, свидетельствующие о возможности перераспределить власть и влияние внутри фонда в пользу развивающихся стран. При этом продвигалось несколько вариантов политики в отношении упомянутого института.

Так, страны с низким и средним уровнем доходов требовали пересмотреть саму методологию помощи, то есть уйти от навязываемых программ «удушающей» экономики бюджета к помощи развитию через поддержку реального сектора. Однако США, контролировавшие процесс принятия решений в МВФ, категорически не принимали такой подход.

Значительная часть американской элиты считала приемлемым другой вариант реформ – постепенно менять баланс сил внутри МВФ с помощью перехода части голосующих акций (или квот) слаборазвитым странам, но без утраты контроля Запада над окончательными решениями. При этом ослабить оппозицию стран глобального Юга предлагалось через распределение СПЗ² на основе наличных квот (хотя больше выгод при этом получали развитые страны). Начиная с кризиса 2008–2009 гг. было предпринято несколько попыток использовать такой подход к реформам.

С усилением левоцентристского тренда на Западе в конце 2010-х годов руководством МВФ во главе с К. Георгиевой была предпринята попытка реформировать фонд, добавив в повестку (наряду со стабилизационными кредитами и экономическим надзором) финансирование программ борьбы с проблемами пандемии, изменения климата, нехватки продовольствия, бедности и т.п. Важнейшим шагом на этом пути стало создание в 2022 г. Фонда устойчивости (RST – Resilience and Sustainability Trust).

Наиболее радикальный подход, заключавшийся в ликвидации МВФ или выходе из него США, поддерживался консервативной антиглобалистской частью американской политической элиты, в частности некоторыми представителями администрации Д. Трампа (хотя сам президент подходил к этому вопросу с осторожностью).

Наконец, Дж. Байден, став президентом в 2021 г. и крайне нуждаясь в поддержке стран глобального Юга, согласился с самым масштабным распределением СПЗ (на 650 млрд долл.) и очередным пересмотром квот, а также с расширением повестки фонда, предлагаемой К. Георгиевой.

Таким образом, с начала XXI в. в США наблюдается стремление различных сил контролировать и направлять МВФ. Соответственно, **целью статьи** является выявление спектра взглядов наиболее влиятельных американских политико-идеологических групп на направленность и характер деятельности МВФ, что может в определенной степени способствовать прогнозированию будущих шагов Вашингтона в отношении фонда.

Обзор литературы

Необходимо отметить, что структура политико-идеологических групп в США уже достаточно изучена. Западные исследователи в основном согласны, что наиболее влиятельные группировки в обеих ведущих партиях эволюционируют в трех основных направлениях – либеральном, умеренном и консервативном. Соответственно, группировки рассматривают международные процессы и используемый инструментарий, включая многосторонние институты, в разных системах интересов [Pew Research Center, 2014; Belin, Ruge, Shapiro, 2023]. Необходимо также отметить, что в отечественной историографии тематика, посвященная активности групп, стала разрабатываться не так давно [Shenin, 2016].

Что касается непосредственно МВФ и направлений его реформирования, а также успешности его трансформаций, то в отечественной научной литературе оценки даются в основном с двух точек зрения. С одной стороны, авторы считают, что «реформы Фонда нацелены на достижение равноправной и справедливой представленности развивающихся стран» [Shugurov, 2014; Neshataeva, 2021]. Другая часть исследователей полагает, что политику МВФ в большей степени определяют национальные интересы США, нежели проблемы мирового сообщества [Chuvakhina 2014; Khejfets, Pravdyuk, 2020].

² Специальные права заимствования – резервное и платежное средство, эмитируемое МВФ.

В американской литературе прослеживается более диверсифицированный взгляд на отношение в США к реформам МВФ. В основном различия фиксируются по партийно-политическим предпочтениям авторов.

Так, эксперты, тяготеющие к неолиберальным кругам в Демократической партии, рассматривают МВФ как исключительно полезный институт и требуют его адаптации к новой среднесрочной стратегии, состоящей из «промышленной политики», финансовой архитектуры, климатической повестки [Allan, 2023; Bhattacharya, Kharas, 2023]. Авторы, близкие к левым течениям, находятся в жесткой оппозиции к программам «затягивания поясов», игнорированию фондом прав человека и настаивают на усилении «демократической подотчетности института» [Adler, 2022; Stancil, 2022]. У аналитиков, ориентированных на правый фланг демократов, преобладает позитивная оценка МВФ, однако звучат требования повысить его геополитическую эффективность [Setser, Turner, Weilandt, 2024].

Исследователи, разделяющие воззрения республиканского сегмента американского политикума, утверждают, что необходимо жестче контролировать МВФ, заставить его работать в более прагматичном ключе, что в первую очередь касается противостояния с Китаем. При этом аналитики-консерваторы утверждают, что из-за либерального влияния МВФ работает не в интересах США [Schaefer, Primorac, Kim, 2023], и если эту проблему решить не удастся, то в будущем лучше вообще его ликвидировать [Schonhardt, Waldman, 2024]. Правда, часть из них настроена не столь радикально, считая, что все вопросы можно снять, избавившись от «левацкого влияния» на фонд его нынешнего руководства — в этом случае он сможет играть важную роль в сближении Запада со странами глобального Юга и, соответственно, в проведении антикитайской политики [Lachman, 2022; Nordquist, Katz, 2024].

Научно-теоретическая основа исследования

В качестве научно-теоретической основы статьи выбраны исследования ведущих западных теоретиков-экономистов, которые использовались в качестве идеологического фундамента политических групп в США. Так, например, концепция денежного регулирования, а также идея банкора как прообраза СПЗ Дж.М. Кейнса [Keynes, 2016] легли в основу создания и эволюции МВФ и отражены в идеологиях групп, придерживающихся этатического уклона. Либеральная точка зрения на то, как МВФ прошел период перехода от кейнсианства к неоклассической теории и как этот переход повлиял на его функционирование, дают труды М. Фридмана [Friedman, 1998], Дж. Сакса [Sachs, 1989] и П. Волкера [IMF, 1978–1986]. Проанализировать современный этап активности МВФ в условиях кризиса неоклассической экономики дают возможность работы Дж. Стиглица [Stiglitz, 2003], П. Кругмана [Krugman, 2012] и М. Вейсброта [Weisbrot, 2016], которые стали основой подходов групп с левым уклоном.

Дискуссии в США

Администрация Байдена и МВФ

Как отмечалось выше, приход в Белый дом демократа Дж. Байдена обозначил левоцентристский поворот политики администрации в отношении МВФ. Однако уже к 2023 г. ситуация изменилась — стало очевидно, что в условиях обостряющегося геополитического противостояния происходит фрагментация мировой экономики и дезинтеграция глобальной финансовой системы. Ведущими мировыми державами под

лозунгами «национальной безопасности» (в первую очередь США и ЕС) стали массово использоваться протекционистские меры всех видов – санкции, торговые войны, навязывание трудовых стандартов, меры контроля за движением капитала и т.д. Это означало, что тренд на глобальную либерализацию рынков был окончательно заменен так называемой промышленной политикой. Содержание последней входило в жесткое противоречие с базовыми установками МВФ, основанными на безусловной поддержке правил свободной торговли и конкуренции, где роль правительства ограничивается обеспечением функционирования рынка. Именно эта модель используется МВФ в качестве нормативной основы для оценки экономических показателей стран-членов и выработки рекомендаций, включая программы антикризисных реформ.

Игнорируя протесты К. Георгиевой и ее коллег из ВБ, президент Байден в начале октября 2023 г. во время выступления на саммите «Группы двадцати» сформулировал окончательную версию подхода администрации к реформам МВФ. Он заявил, что развитые страны должны совокупно увеличить капитал фонда и банка на 200 млрд долл. Для МВФ США выделяют дополнительно 21 млрд долл., но без нового распределения СПЗ и изменения квот, ибо такой пересмотр позволил бы Китаю переместиться в рейтинге фонда с третьего места на второе, заметно увеличив влияние Пекина [Smith et al., 2024].

Таким образом, к концу 2023 г. администрация предложила достаточно скупую версию трансформации МВФ. Она подразумевает отказ от предыдущей политики продвижения по каналам фонда левой повестки и возврат к традиционному мандату, а также от попыток использовать фонд для «сдерживания» Китая с помощью пересмотра квот и модернизации механизма распределения СПЗ. Можно предположить, что такой поворот обозначил стремление Белого дома к поиску компромиссов с внутренней опозицией.

Как известно, характер реформ Бреттон-Вудских институтов и объем их финансирования контролируются американским конгрессом, где решения вырабатываются на основе баланса интересов различных политико-идеологических групп. Наиболее влиятельными из них являются три группы в Демократической партии (неолибералы-центристы, консервативные демократы и прогрессисты) и три в Республиканской (умеренные консерваторы, консерваторы-трамписты и неоконсерваторы).

Неолибералы: дилемма легитимности

Неолибералы-центристы — это наиболее близкая к администрации Байдена группа демократов. Ее политики и эксперты³ в основном поддерживают администрацию, согласны с тем, что фрагментация глобальной экономики неизбежна [Hamilton, 2022] и что ее необходимо реформировать в среднесрочной перспективе (например, через такие структуры, как АУКУС⁴).

Тем не менее институты глобализации, по их мнению, необходимо сохранить для решения кризисных задач, которые могут возникнуть в ближайшем будущем, за счет коллективных ресурсов. Особенно важным представляется контроль за МВФ, при помощи которого возможно замедлить процесс дестабилизации долларовой системы, притормозить стремительный подъем экономических оппонентов в лице Китая и сохранить влияние в регионе глобального Юга. Наконец, они продолжают настаивать

³ Среди наиболее влиятельных законодателей, представляющих интересы группы, можно назвать сенаторов М. Келли, Ч. Шумера, Р. Менендеса. Главным аналитическим центром является Brookings Institution.

⁴ Трехсторонний военно-политический блок, образованный Австралией, Великобританией и США.

на необходимости использовать фонд для решения задач, связанных с изменением климата, а также социально-гуманитарными аспектами, включая нехватку продовольствия и угрозу пандемии.

Однако им приходится учитывать, что пока управление фондом находится в руках Запада, развивающиеся страны не рассчитывают на честное применение ресурсов МВФ. Соответственно, США столкнулись с дилеммой: с одной стороны, необходимы реформы, нацеленные на повышение легитимности института через рост влияния стран формирующихся рынков, но, с другой стороны, нельзя допустить ослабления контроля над операциями фонда.

Для достижения этих целей неолбералы предполагают реализовать традиционную для XXI в. модель реформирования системы управления МВФ. Главной особенностью этой программы является модернизация совета директоров с целью «отражения лучших практик корпоративного управления». Предлагаемые реформы включают также изменение формулы расчета квот МВФ, повышение роли СПЗ и ослабление взаимозависимости между голосующими квотами и взносами отдельных стран [Abedin et al., 2024]⁵.

Предлагается также идея о том, что МВФ должен сам принимать решения об эмиссии СПЗ в том случае, если возникает острая необходимость в притоке глобальной ликвидности, и что такой шаг не может быть заблокирован одним или двумя крупными акционерами фонда. Кроме того, заявляется о необходимости разработать механизмы, позволяющие предоставлять СПЗ наиболее нуждающимся странам, а не продолжать их распределение в соответствии с существующей формулой квотирования. Наконец, фонд должен заниматься аналитическими исследованиями не только в сфере угроз финансовой стабильности, но и в определении интенсивности выбросов парниковых газов, а также способов мобилизации ресурсов для смягчения последствий изменения климата и адаптации к ним [Bhattacharya, Kharas, 2023].

Прогрессисты: «демократическая подотчетность»

Представители фракции прогрессистов⁶ в Демократической партии считают, что ускорять разрушение глобализации, фрагментируя мировое хозяйство, не следует. Глобализацию необходимо трансформировать в рамках «зеленого транзита». В результате чего можно смягчить (или даже предотвратить) климатическую «экзистенциальную угрозу», а также ослабить господствующие империализм и монополизм, с помощью которых Запад эксплуатирует страны глобального Юга.

МВФ может стать полезным инструментом такого перехода, считают левые, однако существующий фонд им не нравится из-за программных положений о приватизации, жесткой экономии, минимального правительства, рынка без вмешательства государства. Несмотря на все попытки его реформирования, он остается инструментом эксплуатации стран глобального Юга со стороны западного империализма. Используемая фондом модель «оздоровления», основанная на жесткой бюджетной экономии, не только приводит к спаду экономики и создает чрезмерные трудности для населения, но

⁵ Квоты определяют не только платежи государства по взносам, но и количество голосов, сумму финансирования, которую страна может получить от МВФ, а также ее долю при распределении СПЗ. Формула расчета квот в МВФ состоит из четырех компонентов: ВВП (50%), открытость экономики (30%), изменчивость (15%) и международные резервы страны (5%).

⁶ К самым активным защитникам теории и практики прогрессизма можно отнести Б. Сандерса, Э. Уоррен, А. Окасиа-Кортес, Э. Марки. Среди аналитических центров данной ориентации выделяется Progressive Policy Institute.

и не позволяет достичь даже узких целей по сокращению дефицита бюджета и повышению способности страны выплачивать долги [Stiglitz, Weisbrot, 2022].

Прогрессисты с негодованием указывают на двойные стандарты, применяемые МВФ, то есть фонд «предостерегает богатые страны от жесткой экономии, в то же время вынуждая к ней более бедные». Даже «левая» К. Георгиева открыто указывала на то, что блок состоятельных стран не должен подвергать опасности восстановление своей экономики через «удушающую силу жесткой экономии». Наконец, введение мер жесткой экономии, которые усугубляют бедность и неравенство, препятствует усилиям стран по достижению целей в области изменения климата, социальной стабильности и даже сыграли ключевую роль в разжигании революций.

Эксперты и политики группы уверены, что МВФ злоупотребляет своей властью, в том числе демонстративно игнорируя права человека. Это естественно для учреждения, не подчиняющегося ни законам своих государств-членов, ни ООН. Конец безнаказанности и бесконтрольности фонда можно обеспечить, только создав эффективные механизмы подотчетности и определив, кто принимает решения и как эти решения должны быть реализованы [Adler, 2022].

Хотя прогрессисты не представили четкой программы действий по совершенствованию работы МВФ, тем не менее они предлагают отдельные радикальные меры по улучшению «демократической подотчетности фонда». Во-первых, необходимо обратиться в Международный суд ООН, который должен заставить фонд соблюдать права человека. Во-вторых, МВФ должен подписать Венскую конвенцию 1989 г. о международных договорах, что даст возможность национальным законодательным органам и международным судам проверять соглашения фонда. В-третьих, необходимо передать МВФ под юрисдикцию ЭКОСОС⁷. В-четвертых, надо создать базу для использования национальных судебных систем с целью привлечения местных должностных лиц к ответственности за результаты подписанных соглашений с МВФ [Stancil, 2022].

Консервативные демократы и «небольшая коррекция»

Лидеры группы консервативных демократов⁸ считают, что администрация Байдена слишком резко взяла курс на деглобализацию, что необходимо продолжительный и постепенный выход из глобализации без резкой фрагментации. Поэтому нужно как можно дольше сохранять базовые основы глобализации, перестраивая мировую экономику плавно и сохраняя доминирование США.

Такой подход требует уделить основное внимание Китаю, который является главным фактором фрагментации, и активнее конкурировать с ним. Однако Пекин кредитует страны Юга больше и эффективнее, чем Запад, который заявляет об огромных суммах, но на деле мало что реализуется. Выход здесь один – надо активнее использовать против Китая многосторонние институты – МВФ и ВБ, не выпуская их из-под контроля США [Setser, Turner, Weilandt, 2024].

В целом эксперты группы дают позитивные оценки деятельности МВФ в прошлом, даже включая азиатский кризис 1997–1998 гг. Особо ими выделяются удачные действия фонда в период пандемии, когда институтом предоставлялись беспроцентные кредиты и было приостановлено взимание процента за обслуживание долга с беднейших стран [CFR, 2023].

⁷ Экономический и Социальный Совет ООН.

⁸ Интересы группы в конгрессе представляют сенаторы Дж. Манчин, В. Гонзалес, К. Синема. Ведущей аналитической структурой является Council on Foreign Relations.

В целом испытывая доверие к МВФ, представители группы считают, что нужна небольшая коррекция его теоретического базиса. Так, эксперты требуют разобраться в том, какой долг у слаборазвитых стран является проблемным или приемлемым (с учетом специфических условий), почему после реструктуризации долга у некоторых стран задолженность увеличивается, как влияет на борьбу с дефицитом бюджета фактор доступа к внешним рынкам и т.д.

Предлагается также корректировка системы управления фондом. Как известно, «джентльменское соглашение» между Европой и США гарантировало, что МВФ возглавит европеец, а Всемирный банк – американец. В такой ситуации развивающиеся экономики не имеют возможности влиять на процесс принятия решений. Поэтому, чтобы МВФ мог сохранить свою легитимность, он должен предоставить кандидатам из наиболее динамично развивающихся экономик мира равные шансы на получение руководящей должности [CFR, 2023].

Консервативные демократы полагают, что фонд мог бы сделать больше для того, чтобы помочь странам адаптироваться к последствиям изменения климата, например, приостанавливать выплаты или проценты по кредитам после стихийных бедствий. Однако напрямую предоставлять финансирование для борьбы с климатическими проблемами пока невозможно, поскольку это не предусмотрено изначальным мандатом.

Поскольку СПЗ в МВФ распределяются на основе квот, которые отражают долю стран в мировой экономике, более богатые члены получают большую часть эмиссии. Эта несправедливая ситуация должна быть исправлена, например, если богатые страны сами будут делиться своими СПЗ с бедными членами. Хотя МВФ обещает содействовать таким шагам, ясно, что должны существовать и альтернативные каналы расширения СПЗ, например, через Всемирный банк [Setser, Turner, Weilandt, 2024].

Умеренные консерваторы: антикитайская повестка

Лидеры группы умеренных консерваторов-республиканцев⁹, соглашаясь с фактом ускорения деглобализации, тем не менее считают необходимым максимально растянуть переходной период к этапу фрагментации. Они согласны с тем, что главный противник США – это Китай, который преследует собственную цель создания глобальной альтернативной экономической системы.

Одним из наиболее успешных фронтов, на котором Пекин одолевает Запад, является соперничество за влияние в странах глобального Юга. Важнейшим оружием на этом фронте, которое Китай постоянно совершенствует, является кредит. Здесь КНР постепенно укрепляется, а Запад – слабеет. Поэтому для США было бы серьезной ошибкой не сопротивляться этому тренду и меньше внимания уделять Бреттон-Вудским институтам [Romeu, 2024].

Умеренные консерваторы утверждают, что руководитель МВФ К. Георгиева продолжает отстаивать интересы Китая, призывая к увеличению его квоты. Однако наделение Пекина большей ответственностью не приведет к тому, что страна станет «ответственным субъектом»; это просто даст Китаю больше возможностей использовать Бреттон-Вудские институты для достижения своих собственных целей, которые вступают в противоречие с миссией фонда.

Та же К. Георгиева активно держит курс на расширение мандата МВФ, которое наряду с антикризисными мерами теперь включает в себя программы развития, борьбы

⁹ В конгрессе их позиции представляют Р. Пол, Дж. Амаш и Л. Мурковски. Среди аналитических центров данного направления можно выделить Center for Strategic and International Studies.

с бедностью, голодом, климатическими проблемами, криптовалютой, искусственным интеллектом и т.п. Неясно, какой уникальный опыт МВФ может принести в решение этих вопросов. Такое расширение функций, скорее всего, нанесет ущерб базовым задачам МВФ по надзору и финансовой стабилизации, приведет к «снижению результативности и продолжающемуся разочарованию» [Nordquist, Katz, 2024].

Наибольшее раздражение у умеренных вызывают попытки МВФ заняться решением климатических проблем, поскольку они совершенно не подходят для Бреттон-Вудских учреждений в качестве приоритетных направлений, учитывая неизбежные компромиссы, например, между сокращением выбросов углерода и экономическим ростом. МВФ следует отказаться от программы RST, которая вызвала серьезную критику в конгрессе США и ставит под угрозу финансирование фонда.

В последние годы МВФ последовательно выходил за рамки своей основной миссии по предоставлению кредитов правительствам, испытывающим финансовые трудности, настаивая на крупных общих ассигнованиях СПЗ. Умеренные предлагают отказаться от использования СПЗ для увеличения объема ликвидности, поскольку этот механизм не подходит для реагирования на макроэкономические потрясения из-за необходимости передачи большей ее части богатым странам. Более того, из 100 млрд долл., которые богатые страны обещали направить бедным в рамках раздачи СПЗ в 2021 г., на самом деле было предоставлено менее 1% обещанной суммы. Тем более не стоит использовать для распространения СПЗ каналы Всемирного банка [Plant, Adrogue, 2023].

Укрепление роли стран глобального Юга позволило бы им сопротивляться попыткам Китая навязать свое кредитование. Исходя из этого, МВФ следует продолжить предпринимавшиеся в последние десятилетия усилия по сокращения квот стран Запада в пользу развивающихся стран.

С другой стороны, указывается на необходимость проведения реформ, направленных на обеспечение подотчетности клиентов. Отсутствие подотчетности за неудавшиеся проекты приводит к невыполнению целевых показателей МВФ. Примером является крупнейший заемщик – Аргентина, которая неоднократно не выполняла свои обязательства перед фондом, однако правление МВФ это не сильно беспокоило.

Эксперты группы указывают также на множество других факторов, снижающих эффективность и привлекательность МВФ. Сюда можно отнести коррупцию, бюрократизацию огромного аппарата, культуру подчинения среди сотрудников и даже сексуальные домогательства – все это также не способствует привлечению клиентов из региона глобального Юга [Nordquist, Katz, 2024].

Консерваторы: «реформы редко доводятся до конца»

Республиканцы-консерваторы¹⁰, большая часть которых за последний год перешли в лагерь Д. Трампа, в целом негативно относятся к глобализации, делая ставку на свободную конкуренцию суверенных государств, а также на баланс сил – экономических и военных. Тем не менее они согласны с существованием универсалистского МВФ из-за необходимости поддерживать глобальную торговлю и стабильные валютные курсы в ходе частых финансовых кризисов последних десятилетий. Особо важно для них то, что в обмен на эту помощь страны Юга соглашаются проводить реформы и разумную налогово-бюджетную политику. Впрочем, у консерваторов есть сомнения

¹⁰ Лидерами фракции консерваторов в конгрессе являются К. Макарти, Л. Грэм, Т. Коттон. В качестве головного аналитического центра можно назвать Heritage Foundation.

в эффективности вмешательства МВФ, поскольку «эти реформы редко доводятся до конца» [Reinsberg, Stubbs, 2021].

Особенно возмутил консерваторов факт прямого вмешательства в 2022 г. администрации Байдена в работу фонда, когда Дж. Йеллен поручила МВФ и ВБ «усовершенствовать» методы предоставления кредитов развивающимся странам для более эффективного решения климатических, медицинских и других глобальных проблем. В результате через созданный RST более 140 стран получили право на получение до 150% своей квоты в МВФ в виде двадцатилетних займов по очень льготным ставкам [Schaefer, Primorac, Kim, 2023]. Другими словами, администрация в рамках МВФ создает механизм для подкупа трех четвертей правительств мира с целью принятия левоцентристской политики в области климата и здравоохранения. Даже если какое-то правительство не согласится с такой политикой, ему будет трудно устоять перед искушением получить дешевые кредиты.

На реализацию своего плана администрация Байдена пыталась получить у конгресса 21 млрд долл. Это небольшая сумма, но у нее есть ключевая особенность: на финансирование через МВФ не будут распространяться ограничения, предусмотренные Законом об иностранной помощи, которые запрещают использование денег США для абортных или их лоббирования. Таким образом, финансирование через RST – это в том числе глобальное продвижение политики планирования семьи [Schaefer, Primorac, Kim, 2023].

В целом консерваторы требуют, чтобы конгресс не поддерживал попытки МВФ вторгаться в области, в которых у него нет опыта, особенно без проверки влияния Китая и без законодательных гарантий того, что средства налогоплательщиков США не будут выделяться на поддержку деятельности, запрещенной конгрессом.

Однако такое сравнительно терпимое отношение к МВФ исчезает в предвыборной программе Д. Трампа «Проект 2025», подготовленной коллективными усилиями консервативного сообщества. В документе МВФ обвиняется в том, что он не придерживается принципов свободного рынка и вмешивается в американские политические дебаты, например, рекомендуя повышение налогов. Также утверждается, что МВФ создает «дорогостоящих посредников», которые «перехватывают» американское финансирование до того, как оно может быть распределено на проекты за рубежом. Поэтому США должны выйти как из МВФ, так и из ВБ [The Heritage Foundation, 2024, p. 701]. На опасения, что Китай в этом случае займет место США, консерваторы отвечают: «Если Китай хочет тратить деньги на Всемирный банк и МВФ, то это его дело, но это не увеличит его могущества, а сделает его бедным» [Schonhardt, Waldman, 2024].

Неоконсерваторы: возвращение к рыночным истокам

Эксперты из неоконсервативной группы¹¹ считают, что глобализацию надо сохранить, поскольку она является источником американского экономического могущества. Для этого необходимо восстановить рыночные законы мировой торговли, используя, если понадобится, военную силу. Что касается Бреттон-Вудских институтов, то, с одной стороны, доступность рыночного финансирования сократила потребность в программах ВБ для стран с формирующимся рынком, но, с другой стороны, нарастающие долговые кризисы увеличили потребность в стабильно финансируемом МВФ как «кредиторе последней инстанции», способном поддержать стабильность валютного обращения.

¹¹ Наиболее заметными членами группы являются Р. Коган, П. Райан, Л. Арон, Р. Доар, К. Барфилд. Функции ведущего «мозгового центра» выполняет American Enterprise Institute.

В этой своей ипостаси МВФ на протяжении многих десятилетий выглядел достаточно эффективным, хотя множество претензий высказывается в адрес фонда в связи с его второй миссией – *прогнозирования* и надзора за состоянием финансовых рынков, что проявилось, например, в неспособности предсказать практически все крупные потрясения XXI в.

Поскольку функция стабилизации валют представляется неоконсерваторам исключительно важной, они призывают сохранить МВФ как эффективный инструмент борьбы с долговыми кризисами, с учетом того, что уровень мирового долга находится на рекордном уровне. Правда, они делают оговорку, что на данном этапе фонд необходимо «подлечить», поскольку с приходом администрации Байдена его стало заметно лихорадить [Lachman, 2022].

Многие проблемы в работе МВФ неоконсерваторы связывают с деятельностью его директора-распорядителя К. Георгиевой. Ее политика в фонде опирается на идеологию прогрессизма, поэтому, по сути, противоречит рыночным основам экономики, которые должны быть главным ориентиром для деятельности МВФ. Из арсенала американских левых ею взяты идеи о повышении роли государственного управления, борьбы с изменением климата, бедностью. Георгиева начала наступление на права частной собственности, пытаясь вмешиваться в порядок распределения дивидендов и выкупа акций, что фактически бросает вызов рыночным правилам и правам акционеров.

Также глава фонда активно продвигает цифровую валюту, которая, по ее мнению, «может улучшить доступ к финансовым услугам там, где лишь немногие имеют банковские счета». Неоконсерваторы категорически с этим не согласны, считая, что цифровая валюта – это одна из идей, преимущества которой не доказаны, ее введение будет сопровождаться рисками, и поэтому ее лучше оставить в покое [Anthony, 2023].

Поскольку социальные проблемы многих стран связаны с ростом инфляции, прогрессисты настаивают, что виноваты в этом крупные корпорации, которые «тайно сговариваются» о повышении цен. МВФ поддержал эту «теорию заговора», считая, что инфляция – это «подарок бизнеса», и корпорации «должны позволить своей норме прибыли... снизиться». Неоконсерваторы возражают: в инфляции виновата денежно-кредитная политика, и для снижения инфляции необходимо ограничить денежную массу [Bourne, 2023].

По сути, Георгиева, по их мнению, «идет на поводу у ФРС», не препятствует ей, не критикует инфляционную политику Байдена, которая привела к самым высоким темпам роста денежной массы за последние 60 лет. После пандемии МВФ не заметил пузырей на рынках активов и кредитов, не смог предсказать инфляционный скачок в США. Фонд предоставлял относительно оптимистичный прогноз в отношении мировой экономики, хотя пузыри на мировых рынках сегодня больше, чем были в 2008 г. [Lachman, 2022].

Заключение

Таким образом, в контексте начавшейся фрагментации мировой экономики судьба МВФ вызывает достаточно бурные дебаты в американском политико-экспертном обществе. В результате можно сделать следующие выводы.

Во-первых, практически все политико-идеологические группы едины в том, что МВФ необходимо сохранить в качестве стабилизирующего инструмента переходного периода.

Во-вторых, активная дискуссия развернулась по вопросу необходимости расширения мандата МВФ. Здесь участники разошлись во мнениях: все группы демократов в той или иной степени поддержали политику К. Георгиевой, а республиканцы выразили уверенность в необходимости вернуться к традиционным функциям фонда, очистив его от «левацких наростов». Администрация Байдена в конечном итоге также отказалась от поддержки «левого разворота» МВФ и, по сути, заявила о его незаменимости для реализации «промышленной политики» (хотя трудно понять, как они собираются совмещать последнюю с рыночной «традиционной миссией» фонда).

В-третьих, обсуждается роль МВФ в привлечении стран глобального Юга на сторону коллективного Запада в противостоянии последнего с Китаем. Часть участников дискуссии (центристы и отчасти консервативные демократы с умеренными республиканцами) считает, что это можно сделать за счет пересмотра квот и более справедливого распределения СПЗ. Другие группы (консерваторы и неоконсерваторы) полагают, что такие уступки могут привести к потере контроля США над решениями и ресурсами фонда. Если учесть, что администрация Байдена также отказалась рассматривать возможность пересмотра квот, то и в этом вопросе резкие подвижки в сторону реформирования фонда маловероятны.

В целом же, учитывая, что рассмотренные здесь группы по своему влиянию на процесс принятия решений в США более или менее соизмеримы, резкий разворот американской политики в отношении МВФ маловероятен. И хотя в рамках предвыборной дискуссии республиканцы-трамписты заявляли о намерении выйти из фонда, после победы Д. Трампа в ноябре 2024 г. они заняли более умеренную позицию, поскольку появилось понимание, что институт может понадобиться новому президенту для реализации своей стратегии. Например, для предоставления кредитов дружественным странам, давления на Китай, препятствования кредитованию по линии «изменения климата» и т.д.

Список источников (References)

Abedin W., Coulibaly B., Ghanem H., Prasad E., Uy M. (2024) Reforms for a 21st century global financial architecture. *Brookings Institution*, April 8. Available at: <https://www.brookings.edu/articles/reforms-for-a-21st-century-global-financial-architecture/> (accessed 13 July 2025).

Adler D. (2022) Will Biden ever stand up to the IMF's abuses of power? *The Guardian*, 18 April. Available at: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2022/apr/18/will-biden-ever-stand-up-to-the-imfs-abuses-of-power> (accessed 13 July 2025).

Allan B. (2023) The Biden Administration's New Vision for Global Trade and Investment. *Carnegie Endowment for International Peace*, May 22. Available at: <https://carnegieendowment.org/posts/2023/05/the-biden-administrations-new-vision-for-global-trade-and-investment?lang=en> (accessed 13 July 2025).

Anthony N. (2023) Pick Up Speed on CBDCs, Says IMF. *Cato Institute*, November 17. Available at: <https://www.cato.org/blog/pick-speed-cbdc-says-imf> (accessed 13 July 2025).

Belin C., Ruge M., Shapiro J. (2023) Brace yourself: How the 2024 US presidential election could affect Europe. *European Council on Foreign Relations*, May 30. Available at: <https://ecfr.eu/publication/brace-yourself-how-the-2024-us-presidential-election-could-affect-europe/> (accessed 13 July 2025).

Bhattacharya A., Kharas H. (2023) The big push for transformation through climate and development. *Brookings Institution*, March 1. Available at: <https://www.brookings.edu/articles/the-big-push-for-transformation-through-climate-and-development/> (accessed 13 July 2025).

Bourne R. (2023) 'Greedy' Firms Aren't to Blame for Inflation. *Cato Institute*, June 29. Available at: <https://www.cato.org/commentary/greedy-firms-arent-blame-inflation-whatever-imf-may-say> (accessed 13 July 2025).

- Chuvakhina L. (2014) Mezhdunarodnyj valyutnyj fond kak instrument politiki SSHA [The International Monetary Fund as an Instrument of the USA Policy]. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta* [News of Tula State University], Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki [Economic and legal sciences], no 4–1, pp. 281–289. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdunarodnyy-valyutnyy-fond-kak-instrument-politiki-ssha/viewer> (accessed 13 July 2025) (in Russian).
- Council on Foreign Relations (CFR) (2023) *What is the IMF?* December 8. Available at: <https://www.cfr.org/backgrounder/what-imf> (accessed 13 July 2025).
- Friedman M. (1998) Markets to the Rescue. *The Wall Street Journal*, October 13. Available at: <https://www.wsj.com/articles/SB908229279775781500> (accessed 13 July 2025).
- International Monetary Fund (IMF) (1978–1986) *Paul A. Volcker Papers, Box 28*. Public Policy Papers, Department of Rare Books and Special Collections, Princeton University Library. Available at: <https://fraser.stlouisfed.org/archival-collection/paul-a-volcker-papers-5297/international-monetary-fund-imf-588355> (accessed 13 July 2025).
- Hamilton D.S. (2022) The US-Europe transatlantic partnership is showing its resilience. *The Hill*, March 28. Available at: <https://thehill.com/opinion/international/600014-the-us-europe-transatlantic-partnership-is-showing-its-resilience/> (accessed 13 July 2025).
- The Heritage Foundation (2024) *Mandate for Leadership. The Conservative Promise. Project 2025*. Available at: https://static.project2025.org/2025_MandateForLeadership_FULL.pdf (accessed 13 July 2025).
- Keynes J.M. (2016) *The General Theory of Employment, Interest, and Money*. L.: Stellar Classics. Available at: <https://www.amazon.com/General-Theory-Employment-Interest-Money/dp/198781780X> (accessed 13 July 2025).
- Khejfts V., Pravdyuk D. (2020) Deyatel'nost' MVF v Latinskoj Amerike v XXI veke: poisk novoj paradigmy vzaimootnoshenij [IMF presence in Latin America in the XXI century: looking for a new paradigm of relations]. *Latinskaya Amerika* [Latin America], no 10, pp. 54–67. Available at: <https://doi.org/10.31857/S0044748X0011331-3> (accessed 13 July 2025) (in Russian).
- Krugman P. (2012) The IMF and Capital Controls. *The New York Times*, December 4. Available at: <https://archive.nytimes.com/krugman.blogs.nytimes.com/2012/12/04/the-imf-and-capital-controls/> (accessed 13 July 2025).
- Lachman D. (2022) The IMF's Return to Center Stage. *InsideSources*, April 21. Available at: <https://insidesources.com/the-imfs-return-to-center-stage/> (accessed 13 July 2025).
- Ministry for Foreign Affairs (2023) *Vystuplenie Ministra inostrannyh del Rossii S.V. Lavrova v hode otkrytyh debatov Soveta Bezopasnosti OON na temu "Effektivnaya mnogostoronnost' cherez zashchitu principov Ustava OON"* [Foreign Minister Sergey Lavrov's remarks at the UN Security Council's open debates "Effective multilateralism through the Defence of the Principles of the UN Charter]. New York, April 24. Available at: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1865243/ (accessed 13 July 2025) (in Russian).
- Neshataeva T. (2021) Mirovoj Bank i Mezhdunarodnyj valyutnyj fond: pravovaya ideya i real'nost' [The World Bank and the International Monetary Fund: Legal Idea and Reality]. *Moskovskii zhurnal mezhdunarodnogo prava* [Moscow Journal of International Law], no 2, pp. 82–100. Available at: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-1993-2-82-100> (accessed 13 July 2025) (in Russian).
- Nordquist J., Katz D. (2024) The World Bank and the International Monetary Fund Should Do Less to Achieve More. *CSIS*, January 22. Available at: <https://www.csis.org/analysis/world-bank-and-international-monetary-fund-should-do-less-achieve-more> (accessed 13 July 2025).
- Pew Research Center (2014) *Beyond Red vs. Blue: The Political Typology*. June 26. Available at: <https://www.pewresearch.org/politics/2014/06/26/the-political-typology-beyond-red-vs-blue/> (accessed 13 July 2025).
- Plant M., Adrogué B. (2023) Empty Words, Empty Wallets: The G20's Broken Promise on SDR Recycling. *Center for Global Development*, October 30. Available at: <https://www.cgdev.org/blog/empty-words-empty-wallets-g20s-broken-promise-sdr-recycling> (accessed 13 July 2025).
- Reinsberg B., Stubbs T. (2021) Lots of IMF Programmes are Never Completed. *The Conversation*, July 12. Available at: <https://theconversation.com/lots-of-imf-programmes-are-never-completed-because-theyre-unworkable-161905> (accessed 13 July 2025).

Romeu R. (2024) The Emerging Global Debt Crisis and the Role of International Aid. *Center for Strategic and International Studies (CSIS)*, April 18. Available at: <https://www.csis.org/analysis/emerging-global-debt-crisis-and-role-international-aid> (accessed 13 July 2025).

Sachs J. (1989) Making the Brady Plan Work. *Foreign Affairs*, June 1. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/united-states/making-brady-plan-work> (accessed 13 July 2025).

Schaefer B., Primorac M., Kim A. (2023) Congress Should Not Fund IMF Mission Creep. *Heritage Foundation*, September 8. Available at: <https://www.heritage.org/progressivism/commentary/congress-should-not-fund-imf-mission-creep> (accessed 13 July 2025).

Schonhardt S., Waldman S. (2024) Will Trump Quit the World Bank? *E&E News by Politico*, April 17. Available at: <https://www.eenews.net/articles/will-trump-quit-the-world-bank-it-would-send-climate-shock-waves/> (accessed 13 July 2025).

Setser B., Turner T., Weilandt M. (2024) Mobilizing Clean Energy Financing through the Multilateral Development Banks. *Council on Foreign Relations*, June 24. Available at: <https://www.cfr.org/blog/mobilizing-clean-energy-financing-through-multilateral-development-banks> (accessed 13 July 2025).

Shenin S.Y. (2016) U.S.-Russian Relations: “Menu” for a New President. *USA & Canada: Economics – Politics – Culture*, no 12, pp. 3–29. Available at: <https://usacanada.jes.su/s268667300000616-7-1-ru-240/> (accessed 13 July 2025) (in Russian).

Shugurov M. (2014) Reformirovanie Mezhdunarodnogo valyutnogo fonda v XXI veke: osnovnye napravleniya i priority [The Reforming of International Monetary Fund in XXI Century: Major Directions and Priorities]. *Sovremennoe Pravo* [Modern Law], no 1, pp. 129–137. Available at: <https://www.sovremennoepravo.ru/pdf/1/Shugurov-01.pdf> (accessed 13 July 2025) (in Russian).

Smith C., Politi J., Williams A., Kyng J. (2024) A reboot of the World Bank and IMF tests US influence. *Financial Times*, October 10. Available at: <https://www.ft.com/content/af612504-980f-456b-b2ae-6da6280a2291> (accessed 10 August 2025).

Stancil K. (2022) Progressive International Outlines Four Ways to End IMF’s ‘Abuse of Power’. *Common Dreams*, April 18. Available at: <https://www.commondreams.org/news/2022/04/18/progressive-international-outlines-four-ways-end-imfs-abuse-power> (accessed 13 July 2025).

Stiglitz J.E. (2003) *Globalization and Its Discontents*. New York: W.W. Norton & Company. Available at: <https://www.amazon.com/Globalization-Its-Discontents-Norton-Paperback/dp/0393324397> (accessed 13 July 2025).

Stiglitz J.E., Weisbrot M. (2022) The IMF’s Agreement with Argentina Could Be a Game Changer. *Project Syndicate*, March 10. Available at: <https://www.project-syndicate.org/commentary/imf-argentina-agreement-growth-instead-of-austerity-by-joseph-e-stiglitz-and-mark-weisbrot-2-2022-03> (accessed 13 July 2025).

Weisbrot M. (2016) The IMF’s Lost Influence in the 21st Century and Its Implications. *Challenge*, vol. 59, no 4, pp. 345–360. <https://doi.org/10.1080/05775132.2016.1202029> (accessed 13 July 2025).

The IMF in a World of Global Fragmentation: Intra-American Discourse¹

Yu. Golub, S. Shenin

Yurii Golub – Doctor of Science, Professor, Head of the Department of International Relations and Russian Foreign Policy, Saratov State University; 83 Astrakhanskaya Ulitsa, Saratov, 410012, Russia; goloub@sgu.ru

Sergei Shenin – Doctor of Science, Professor, Department of International Relations and Russian Foreign Policy, Saratov State University; 83 Astrakhanskaya Ulitsa, Saratov, 410012, Russia; shenins@yahoo.com

Abstract

The article is devoted to forecasting the possible evolution of the International Monetary Fund due to the change in the position of the United States. The purpose of the article is a comparative analysis of the approaches used by the most influential American political and ideological groups involved in decision-making on the nature of the IMF's activities. This question has not been considered by modern historiography. The research of such Western economic theorists as M. Friedman, P. Volker, P. Krugman, etc. is chosen as the scientific and theoretical basis of the article. In the context of the American «industrial policy», the differences in the views of the leading political and ideological groups in the United States on the place of the fund in modern and future global processes are shown. Special attention is paid to the study of assessments and perceptions of American experts and politicians regarding the effectiveness of the IMF in the previous stages of globalization, the potential of using the fund to implement anti-Chinese policies, attract countries of the global South to their side, mitigate financial crises, stabilise the economic situation, and transition to a post-global economy. While agreeing with the inevitability of fragmentation, most groups of the American elite (except Trumpists) agree that the IMF should be preserved as the most important tool for global financial and economic stabilisation of the transition period. On the issue of the IMF's mandate, all groups of Democrats have more or less supported the policy of its "expansion", including climate, health and social issues, while Republicans demand to focus on traditional functions. As for using the potential of the IMF in the anti-Chinese policy of the West, some of the participants in the discussion (neoliberals, conservative Democrats and moderate Republicans) believe that this can be done through a revision of quotas and a more equitable distribution of SDRs in favor of the countries of the South. Other groups (conservatives and neoconservatives) believe that such concessions could lead to the loss of U.S. control over the fund's decisions and resources. It is concluded that, given the relative balance of power in the framework of the discussion on the fate of the fund, one can hardly expect sharp movements towards reforming the IMF, even after D. Trump came to power.

Keywords: global fragmentation, IMF, USA, political and ideological groups, reform, China, developing countries, emerging markets

For citation: Golub Yu., Shenin S. (2025) The IMF in a World of Global Fragmentation: Intra-American Discourse. *International Organisations Research Journal*, vol. 20, no 3, pp. 29–43 (in English). doi:10.17323/1996-7845-2025-03-02

¹ This article was submitted 04.09.2024.

Образование сотрудников как дополнительный показатель географической представленности: дисбаланс в системе ООН¹

Е.М. Харитонова, А.А. Бунина

Харитонова Елена Марковна – кандидат политических наук, старший научный сотрудник Центра европейских исследований Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова (ИМЭМО) РАН; Россия, 117997, Москва, ул. Профсоюзная, д. 23; ekharit@imemo.ru; ORCID: 0000-0001-5948-1492

Бунина Анастасия Александровна – младший научный сотрудник Центра североамериканских исследований Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова (ИМЭМО) РАН; Россия, 117997, Москва, ул. Профсоюзная, д. 23; abunina@imemo.ru; ORCID: 0000-0001-7765-6014

Аннотация

В статье на основе находящихся в открытом доступе биографий сотрудников руководящего уровня программ, фондов и учреждений системы Организации Объединенных Наций (ООН) анализируется информация о полученном ими образовании и странах его получения. Официальная политика ООН, а также ряда входящих в систему ООН программ, фондов и специализированных учреждений постулирует стремление к достижению максимально широкой географической представленности персонала, то есть приему на работу сотрудников из разных стран и регионов мира. В то же время не только гражданство, но и страна получения образования также может рассматриваться как дополнительный индикатор представленности той или иной страны или региона. Возрастающая интернационализация образования дает преимущества государствам, занимающим значимую долю рынка международного образования и высокие позиции в мировых рейтингах университетов. Используя инструмент для автоматического сбора данных с официальных сайтов системы ООН и затем ручную обработку биографий около 2 тыс. сотрудников руководящего уровня, авторы установили существенную диспропорцию между географическими направлениями получения образования. Полученные данные, с одной стороны, отражают объективную ситуацию и роль отдельных стран и регионов на рынке международного образования за последние три десятилетия, с другой – позволяют более широко рассматривать вопрос географической представленности в системе ООН и в других международных организациях и в дальнейшем анализировать стратегии государств, направленные на привлечение наиболее талантливых иностранных студентов, формирование глобального идейного и интеллектуального пространства, подготовку наднациональных элит, а также наращивание собственной «мягкой силы» и влияния.

Ключевые слова: ООН, географическая представленность, интернационализация образования, образование за рубежом, глобализация, наднациональные элиты, международные организации, глобальное управление, «мягкая сила»

¹ Статья поступила в редакцию 06.09.2024.

Благодарности: статья подготовлена при поддержке гранта Министерства науки и высшего образования Российской Федерации на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития № 075-15-2024-551 «Глобальные и региональные центры силы в формирующемся мироустройстве».

Авторы также выражают благодарность практикантке ИМЭМО РАН, студентке 4-го курса программы «Политическое управление» Российской академии народного хозяйства и государственной службы (РАНХиГС) Е.А. Касторновой за помощь в обработке данных.

Для цитирования: Харитоновна Е.М., Бунина А.А. Образование сотрудников как дополнительный показатель географической представленности: дисбаланс в системе ООН // Вестник международных организаций. 2025. Т. 20. № 3. С. 44–59 (на русском и английском языках). doi:10.17323/1996-7845-2025-03-03

Введение

Организация Объединенных Наций (ООН) и связанные с ней программы, фонды и специализированные учреждения² призваны способствовать поддержанию мира и осуществлять международное сотрудничество в различных сферах, основываясь на принципе суверенного равенства ее членов. Представители самой организации и исследователи регулярно обращают внимание на разную степень влияния, которой обладают государства – члены ООН. Многочисленные книги и научные публикации, изданные за почти 80 лет с момента основания организации, посвящены деятельности самой ООН и связанных с ней структур, позициям и стратегиям отдельных государств (см., например: [Gromyko, 1985; Weiss, Daws, 2018; Mingst, Karns, Lyon, 2022 и др.]), а также международным организациям и их роли в международных отношениях в целом. В зависимости от теоретической парадигмы, к которой принадлежит исследователь, речь может идти о неизбежном отражении в любой международной организации существующего баланса сил между ведущими державами и менее влиятельными странами (см., например: [Mearsheimer, 1994; Gruber, 2000]); собственной роли, характеристиках, внутренней динамике или механизмах принятия решений в таких организациях или о том, каким образом они конструируют социальную реальность [Barnett, Finnemore, 2004]; о роли идеологий в их деятельности [Voeten, 2021]; или же, в рамках нормативного подхода, – о необходимости более справедливого представления интересов государств-участников и мирового сообщества в целом.

Одним из аспектов, который на протяжении многих лет попадает в поле зрения исследователей, является кадровая политика. В частности, актуальными остаются вопросы о том, какую долю в общей численности персонала ООН занимают представители различных стран; как этот показатель соотносится с численностью населения каждого из государств-членов или размером их финансовых взносов на деятельность тех или иных структур ООН; наконец, каким образом страны влияют на кадровые решения и используют их для продвижения национальных интересов.

Сама организация неоднократно обращала внимание на принципы распределения должностей между представителями государств-членов. Устав ООН постулирует «необходимость обеспечить высокий уровень работоспособности, компетентности и добросовестности» при приеме на службу в Секретариат, а также «важность подбора персонала на возможно более широкой географической основе» [UN, n.d.c]. На 11-й

² См. информацию о системе ООН [UN, n.d.a] и ее структуре [UN, n.d.b].

сессии Генеральной Ассамблеи ООН в 1957 г., когда численность государств-участников значительно выросла³, была принята резолюция об изменениях в географическом распределении персонала Секретариата ООН, в которой предписывалось отдавать предпочтение при приеме на работу гражданам стран, образующих непропорционально малую часть Секретариата [UN, 1957]. В дальнейшем эта тенденция продолжилась, и на сегодняшний день официальная политика ООН, в соответствии с Уставом, заключается в привлечении персонала «на возможно более широкой географической основе, за исключением административного (вспомогательного) персонала категории General Service (GS)» [UN, 2023, pp. 34–36]. Отдельные программы, фонды и специализированные учреждения ООН также принимают собственные стратегии географического распределения, определяют квоты при приеме сотрудников и публикуют соответствующую статистику [Fall, Zhang, 2012]. Регулярно публикуются отчеты о достижениях в данной области.

Тем не менее реализация указанного принципа на практике остается непростой задачей. На 75-й сессии Генеральной Ассамблеи в 2021 г. к вопросу о необходимости дополнительных усилий для достижения равномерной представленности стран привлекли внимание представитель Сингапура и представитель Гвинеи, выступавшие, соответственно, от имени стран АСЕАН и «Группы 77» [UN, 2021]. Официальный представитель Министерства иностранных дел Российской Федерации высказала мнение о «прозападном крене» кадровой политики ООН [RIA, 2020]. В докладе генерального секретаря организации в 2022 г. говорится о том, что, несмотря на приоритетность указанной политики, «в целом изменения в направлении справедливого географического распределения происходят медленно и иногда имеют непостоянный характер» [UN, 2022].

Представители академического сообщества рассматривают вопрос о представленности граждан государств-участников в составе персонала структур системы ООН с разных точек зрения. Л. Гудрич в статье 1962 г. раскрывает историю и предпосылки становления идеи о необходимости широкой географической представленности персонала, отмечая, что на ранних этапах работы организации ее персонал по большей части составляли граждане США, Канады и государств Западной Европы [Goodrich, 1962, p. 467]. В статье изучается эволюция подходов к этой теме по мере того, как количество государств – членов ООН увеличивалось, а ее собственное влияние возрастало, отмечается позиция по этому вопросу советской стороны и других государств. Об острых разногласиях между СССР и западным блоком по этому вопросу пишут авторы коллективной монографии ИМЭМО РАН 1970 г. [Morozov, Shkunaev, Barsegov, 1970, pp. 448–452]. Однако и после окончания холодной войны тема географической представленности по-прежнему привлекает внимание исследователей. Так, Новосад и Веркер анализируют распределение граждан различных стран на руководящих позициях в ООН и подведомственных ей структурах с 1947 по 2007 г. и приходят к выводам о динамике влияния государств-членов в организации. В частности, речь идет о непропорционально высокой представленности на ключевых постах граждан скандинавских и некоторых других богатых стран и относительном снижении с течением времени влияния США, при крайне низкой представленности Китая [Novosad, Werker, 2019]. Паризек и Стефен считают, что с 1997 по 2015 г. Секретариат ООН все в большей степени представляет население мира, в первую очередь за счет снижения доли персонала из наиболее влиятельных стран [Parizek, Stephen, 2021a]. Они также оценивают, насколько изменилась доля сотрудников из стран БРИКС в ведущих международных организа-

³ 82 государства-участника в 1957 г. по сравнению с 51 в 1945 г.

циях, включая ООН, за определенный период времени [Parizek, Stephen, 2021b]. Рассматривается состав руководителей миротворческих операций ООН [Oksamytna, Bove, Lundgren, 2020] и причины, по которым те или иные государства в большей степени представлены в международных организациях [Badache, 2020; Eckhard, Steinebach, 2021]. Отдельный интерес вызывают усилия Китая по продвижению своих граждан в качестве сотрудников системы ООН [Fung, Lam, 2021; Lam, Fung, 2024]. Наконец, исследователи обращают внимание на неформальные механизмы, благодаря которым государства оказывают влияние на кадровые решения [Manulak, 2016; Gui 2024]. При этом китайский исследователь Т. Гуй отмечает ограниченные возможности для количественного анализа таких механизмов.

Цель настоящей статьи – дополнить упомянутые выше исследования и расширить предмет дискуссий по данному вопросу, обратив внимание не только на гражданство сотрудников системы ООН, но и на вклад различных стран в их образование, а следовательно, не прямое влияние на пространство идей и ценностей, в котором функционируют структуры ООН, и на формирование нового типа наднациональных элит.

Высшее образование и формирование глобального идейно-политического пространства

Заметная доля современных научных работ, посвященных принципу географического распределения в ООН, как и большая часть докладов самой организации, фокусируется на гражданстве сотрудников и соответствующей статистике. Между тем в первые годы после создания организации, когда дальнейшие принципы ее деятельности только выработывались и согласовывались, вопрос был поставлен несколько шире. В резолюции второй сессии Генеральной Ассамблеи ООН в 1947 г. речь идет о международном характере Секретариата и о «необходимости избежать нежелательного преобладания существующих в отдельных странах способов ведения работы», в связи с чем «руководящие принципы и методы управления Секретариата должны отражать возможно полнее то ценное, что присуще различным цивилизациям и технической компетентности всех государств – членов Организации» [UN, 1947]. В докладе генерального секретаря по этому вопросу в 1948 г. отмечается, что «правильное толкование основополагающего принципа географического распределения не означает вовсе, что граждане какого-либо определенного государства должны занимать определенное число должностей на определенном уровне или уровнях, или что они должны получать совокупный оклад, составляющий определенную долю от общей суммы окладов», но в первую очередь в удовлетворенности администрации тем, что «Секретариат обогащается опытом и культурными традициями каждого государства-члена», а каждое государство, в свою очередь, было «удовлетворено тем, что его собственные культурные и философские традиции вносят весомый вклад в работу Секретариата» [UN, 1948, р. 2]. Приверженность этой идее была упомянута и в аналогичном докладе 1980 г. [UN, 1980, р. 3], а в Стратегии географического разнообразия ООН 2020 г. говорится о стремлении опираться на сотрудников, которые представляют разнообразие народов мира, чтобы расширить и укрепить способность организации отражать различные точки зрения при реализации мандатов, затрагивающих жизни людей по всему миру [UN, 2020, р. 5].

В то же время после окончания холодной войны, стремительной трансформации международной реальности и ускорения глобализации сформировался новый тип сотрудника международных организаций, включая организации системы ООН. Исходный посыл конца 1940-х годов о том, что каждый сотрудник представляет куль-

турные и философские традиции собственной страны или же присущие различным цивилизациям способы ведения работы и технические компетенции, становится менее актуальным в современном мире. Сегодня речь идет о значительно возросшей международной мобильности; глобальном распространении и влиянии транснациональных компаний и, соответственно, присущих им управленческих и организационных принципов и практик; беспрецедентном развитии информационных и коммуникационных технологий.

В этом контексте крайне интересным представляется осмысление заметно ускоряющегося процесса интернационализации образования. Международная статистика свидетельствует о том, что все больше людей получают высшее образование за рубежом: так, в 1975 г. на программах высшего образования за пределами собственной страны обучалось около 800 тыс. студентов [ОЕСД, 2015, р. 360], а в 2021 г. таких было уже около 6,4 млн [UNESCO, n.d.]. При этом государства, относящиеся к категории развитых, уже по определению имеют высокий уровень образования⁴ и, соответственно, высокий потенциал для привлечения иностранных студентов. Существенная доля рынка международного образования в последние 30 лет принадлежит англоязычным странам: США, Великобритании и Австралии, в частности благодаря международной роли английского языка, но также и вследствие усилий этих государств, направленных на привлечение иностранных студентов, в том числе для укрепления своего влияния в мире. Как видно из табл. 1, доля европейских и североамериканских вузов на рынке международного образования остается высокой.

Таблица 1. Число иностранных студентов по странам, где они проходят обучение, отдельные годы, человек

Год	1999 г.	2000 г. ⁵	2013 г.	2021 г.
Государства «Большой семерки»				
Канада	32 466	36 450	151 244	312 630
Франция	130 952	137085	228 639	252 856
Германия	Н. д.	Н. д.	196 619	376 359
Италия	23 496	24929	82 450	72 284
Япония	56 552	Н. д.	135 803	216 241
Великобритания	232 540	222936	416 693	600 589
США	451 935	Н. д.	784 427	833 204
Другие страны				
Россия	Н. д.	41 210	Н. д.	321 845
Китай	Н. д.	Н. д.	96 409	221 653
Индия	Н. д.	6 988	34 419	48 035
Австралия	117 485	105 764	249 868	378 439

⁴ Например, показатель Индекса человеческого развития ООН, используемый для классификации стран, основан в том числе на критериях, связанных с образованием.

⁵ В связи с отсутствием части данных по странам для наглядности взяты соседние годы.

Год	1999 г.	2000 г. ⁵	2013 г.	2021 г.
Отдельные регионы (по классификации в соответствии с Повесткой дня в области устойчивого развития ООН (SDG))				
Европа и Северная Америка	1 409 551	1 453 501	2 722 593	3 733 873
Восточная и Юго-Восточная Азия	158 101	179 433	491 059	832 742
Мир в целом	2 040 515	2 106 939	4 256 215	6 387 487

Источник: UNESCO Institute for Statistics (UIS) data [UNESCO, n.d.].

Тенденция к глобализации образования также отражается в появлении мировых рейтингов вузов. Один из наиболее известных рейтингов издания Times Higher Education из года в год ставит на первые места университеты из Великобритании и США [Times Higher Education, 2024]. В списке сотни лучших университетов мира большая часть позиций принадлежит североамериканским и западноевропейским вузам (хотя позиции университетов КНР за последние годы заметно выросли [Jack, 2023]).

Вопросы о том, каким образом и в какой степени полученное в другой стране образование сказывается на ценностях, представлениях или идентичности конкретного человека или группы людей, или о роли высшего образования в международных отношениях заслуживают отдельного рассмотрения и выходят за рамки настоящей статьи. Можно лишь отметить, что эти темы не новые и на протяжении долгого времени находятся в поле зрения исследователей: так, речь идет об образовании как инструменте внешней политики государства и его значении с точки зрения «мягкой силы» (см., например: [Benton, 1966, Nye, 2005; Trilokekar, 2010; Kramer 2012; Lin, Hongtao, 2017; Lomer, 2017; Antukhova, 2019; Adoui, 2023; Gauttam et al., 2023] и др.). Отдельно стоит отметить, что в стратегических документах наиболее влиятельных в этом отношении государств четко обозначена значимость привлечения студентов из-за рубежа для увеличения глобального влияния и национальной «мягкой силы» и реализации внешнеполитических целей⁶.

Образовательные траектории конкретных сотрудников системы ООН, о которых пойдет речь ниже, могут существенно различаться, и сам факт получения образования за рубежом может трактоваться по-разному. В отдельных случаях гражданин одной страны может большую часть жизни прожить и учиться в другой и быть в большей степени причастным к культурным и философским традициям и мировоззрению страны получения образования, а не страны гражданства. Другая возможная крайность – негативный опыт, полученный при получении образования в другой стране, и, как следствие, усиление приверженности собственной национальной и культурной идентичности в дальнейшем. Дополнительные исследования могут также учитывать конкретные специализации – так, можно предположить, что подготовка в рамках программ по политическим наукам, международным отношениям, безопасности и урегулированию конфликтов или гендерным исследованиям может быть в большей степени подвержена идеологическому влиянию, чем обучение по медицинским или инженерным спе-

⁶ См., например, Стратегию в области международного образования Великобритании [GOV. UK, n.d.], где говорится о значимости сектора для «мягкой силы» страны, или формулировку миссии профильной структуры Госдепартамента США, подчеркивающую важность образовательных, культурных и научных обменов для достижения взаимопонимания с другими странами, необходимого для продвижения целей внешней политики США [Beattie, n.d.].

циальностям. В то же время можно с достаточной степенью уверенности утверждать, что знания и собственное мнение по вопросам, находящимся в ведении Организации, впоследствии используемые при принятии управленческих решений, в частности представления о концепциях международного развития, социальных и политических процессах, проблемах международной безопасности, правах человека, гендерном равенстве, климатической повестке и т.п., формируются в том числе под влиянием профильного образования. Исходя из этого, данные о полученном сотрудниками в той или иной стране образовании (в частности, высшем и последипломном) могут дополнить имеющуюся информацию о представленности тех или иных государств-членов в системе ООН.

Методология и результаты исследования

Опираясь на представленную выше статистику, авторы сформулировали гипотезу исследования, предположив, что значимая доля сотрудников системы ООН хотя бы на одном из этапов обучения получает образование за пределами собственной страны, и многие из них – в странах Западной Европы и Северной Америки. Так, например, можно предположить, что при реализации заложенного в Уставе ООН принципа набора наиболее компетентных сотрудников, образование в одном из ведущих, согласно международным рейтингам, мировых университетов будет рассматриваться в качестве преимущества, а значит, доля сотрудников, получивших образование в одной из западноевропейских или североамериканских стран, предположительно, должна быть относительно высокой. В пользу указанной гипотезы говорят и приведенные выше данные о доле рынка международного образования у таких государств.

Для подтверждения или опровержения этой гипотезы авторы опирались на находящиеся в открытом доступе на официальных сайтах организации сведения об образовании, полученном сотрудниками системы ООН на руководящих должностях в странах, где реализуется программная деятельность организации, ее программ, фондов и учреждений.

Отметим, что географическая представленность сотрудников ООН обычно анализируется на основании официально публикуемых данных о составе Секретариата. Также, как отмечено выше, существует статистика отдельных структур системы ООН, например ЮНЕСКО или МОТ. Однако для целей настоящего исследования авторы опирались на другой набор данных, а именно на существующие открытые данные об образовании руководящих сотрудников программ, фондов и специализированных учреждений системы ООН, работающих в странах присутствия организации. Речь идет исключительно о страновых и мультистрановых командах, реализующих программную деятельность на местах, а не о штаб-квартирах или региональных представительствах отдельных структур. Список таких страновых команд и мультистрановых отделений доступен на официальном сайте Группы ООН по устойчивому развитию⁷. Следовательно, любые сопоставления с официальной статистикой о географической представленности в Секретариате или отдельных структурах системы ООН некорректны. Тем не менее выбор находящихся на руководящих должностях сотрудников системы ООН, работающих в странах присутствия, позволяет, на взгляд авторов, сделать предварительные выводы о значимости зарубежного образования в контексте глобального управления и формирования идейного пространства деятельности ООН. Именно руководители агентств оказывают влияние на определение приоритетов и планирование программ

⁷ См. сайт группы ООН по устойчивому развитию [UN, n.d.d].

Организации на местах и вносят вклад в формирование повестки на региональном и глобальном уровнях; принимают управленческие решения, в том числе относительно набора персонала, выбора партнерских некоммерческих организаций и проектов для поддержки, реализации информационной и коммуникационной стратегии и т.п.

Информация обо всех сотрудниках, главах страновых и мультистрановых представительств агентств и учреждений системы ООН была собрана с помощью браузерной надстройки WebScaper. WebScaper – онлайн-парсер, то есть инструмент для автоматического сбора данных с однотипных интернет-страниц. Сайты страновых и мультистрановых представительств ООН имеют одинаковую структуру: на всех информация об официальных представителях и руководителях агентств и учреждений в данной стране содержится на вкладке «Наша команда»⁸. С помощью парсера со 132 сайтов собиралась следующая информация: имя, должность, страна представительства, организация, биография.

В результате была сформирована база данных с материалами о 2425 сотрудниках руководящего уровня. Некоторые сотрудники системы ООН занимают несколько должностей одновременно, например, являются представителями своей организации в трех странах сразу, поэтому их биографии представлены на нескольких сайтах. В процессе очистки было удалено 448 таких повторов.

Далее авторы вручную просмотрели оставшиеся 1977 биографий, чтобы установить страну происхождения и место получения образования сотрудников. Страна определялась по следующим признакам: прямое указание происхождения или гражданства; также использовались косвенные признаки, такие как опыт работы в государственном или военном секторах страны. Иная информация, например работа в НКО и коммерческом секторе страны, имя и фамилия, гражданство супругов, не учитывалась, так как не позволяла сделать достоверный вывод о гражданстве.

В биографиях 719 сотрудников не было информации об образовании. Из 1258 сотрудников, указавших образование, 629 не указали страну происхождения.

Также из исследования пришлось исключить 33 сотрудника с множественным гражданством. В исключительном большинстве случаев они были гражданами одновременно развитых и развивающихся стран, что не позволяет сделать выводы, значимые для данной работы. Таким образом, в исследовании участвовали 1225 биографий, из которых 598 содержали информацию о происхождении.

При подсчете образования не учитывались порядок получения дипломов и степень образования. Учитывались все программы на базе организаций высшего образования – бакалавриат, магистратура, программы PhD, MBA и др.

Для дальнейшего исследования авторы обратились к четырем методам группировки стран: Великобритания и США (так как эти страны лидируют в рейтингах образования и занимают первые два места на глобальном рынке международного образования), страны «Группы семи», развитые страны по определению ООН⁹ и страны БРИКС.

Основная гипотеза исследования, согласно которой хотя бы на одном из этапов образования значимая доля сотрудников на руководящих должностях ООН получала образование за рубежом, при этом западное образование преобладает, подтвердилась.

Прежде чем перейти к выводам, обозначим методологические ограничения исследования. Во-первых, 719 руководителей, не указавших образование, могли исказить статистику генеральной совокупности. Авторы понимают это ограничение и ставят перед собой цель только обозначить базовые тенденции. Особенно важно отметить,

⁸ См., например: [UN, n.d.e]. Мультистрановые офисы объединяют сразу несколько стран, см., например: [UN, n.d.f; n.d.g].

⁹ См.: World Economic Situation and Prospects 2024 [UN, 2024].

что в страновом офисе ООН в КНР биографий не было вовсе – это могло повлиять на отображение региональных трендов. Во-вторых, некоторые аспекты биографий сотрудников указывают на существование тенденции указывать только престижное образование. Например, многократно встречались случаи, когда информация о полученной степени бакалавра пропускалась, но перечислялись последующие образования. Подобные явления указывают на то, что обработанные данные могут несколько занижать долю образования, которое можно обозначить как непрестижное. В-третьих, исследование ограничено во времени: данные собирались в начале июня 2024 г., в другой момент времени результаты могут быть несколько иными. Тем не менее отслеживать динамику регулярно таким способом не вполне целесообразно. Для дальнейшего развития темы эффективнее пользоваться внутренними данными кадровых служб ООН, к которым у авторов на данный момент нет доступа. Наконец, при ручной обработке данных, несмотря на некоторые взаимные проверки, человеческий фактор мог привести к незначительным отклонениям от реальности. Основные результаты исследования представлены на рис. 1–3.

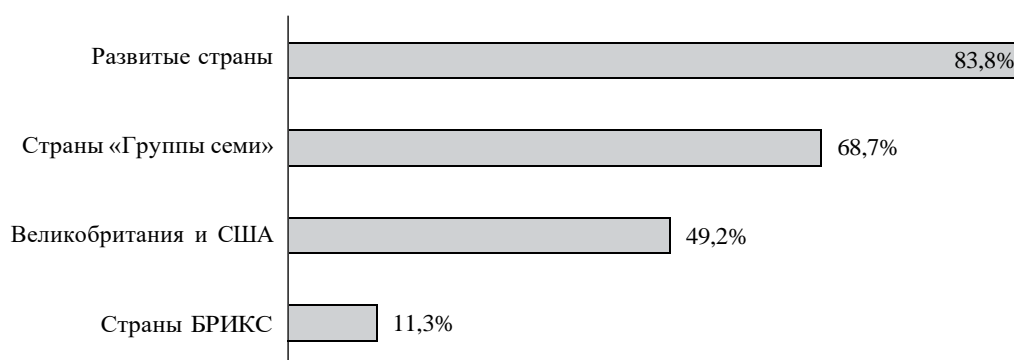

Рис. 1. Доля руководителей страновых представительств агентств ООН, получивших как минимум одно образование в одной из стран группы

Источник: составлено авторами на основе 1225 биографий.

Как видно из рис. 1, почти половина сотрудников хотя бы на одном из этапов высшего образования обучались в США и/или Великобритании, около 69% сотрудников получили образование в одной из стран «Группы семи», 84% – в развитых странах. Для сравнения, в странах БРИКС учились всего 11% сотрудников.

При этом, как показывает рис. 2, всего 11% сотрудников, указавших (напрямую или косвенным образом) гражданство, по происхождению из стран «Группы семи», 18,3% – из развитых стран. Даже с учетом размеров выборки наглядно видна диспропорция: всего 18 из 598 сотрудников по происхождению из США и Великобритании, при этом в вузах этих стран обучались 603 человека из 1225, чуть менее половины всех руководителей.

Если рассматривать потоки движения по странам, то направленность на традиционно лидирующие направления для получения образования очевидна. Например, из 29 сотрудников ООН, учившихся в Индии, девять, то есть более 30%, также обучались в Соединенном Королевстве и еще восемь, или 27%, учились в США. Аналогичная картина по другим странам: вне зависимости от происхождения значительная доля полученных образований приходится на западные страны.

Рис. 2. Доля руководителей государственных представительств агентств ООН по региону происхождения

Источник: составлено авторами на основе 598 биографий.

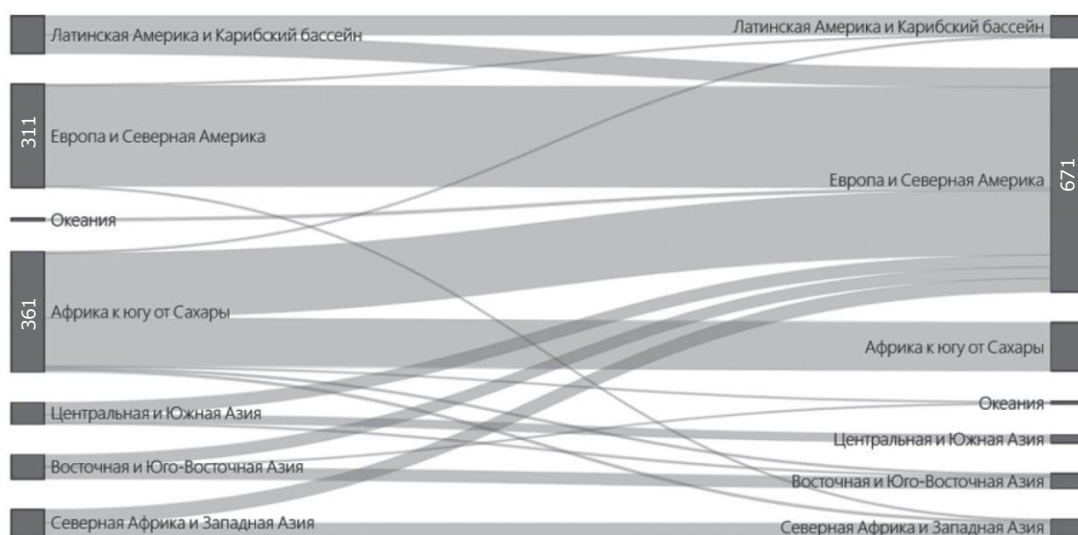

Рис. 3. Руководители государственных представительств агентств ООН по региону происхождения (слева) и регионам образования (справа)

Источник: составлено авторами на основе 598 биографий руководителей, указавших страну происхождения или гражданство¹⁰.

Для большей наглядности этих процессов авторы обратились к анализу на основе регионов. Регионы были поделены в соответствии с классификацией в рамках «Повестки дня в области устойчивого развития» [UNSD, n.d.].

На рис. 3 показано, что руководители, указавшие в биографии страну происхождения, более чем в половине случаев хотя бы одно образование получили либо в

¹⁰ Для наглядности на графике не отображены единичные пары. Например, всего один человек из Океании получил образование, в том числе в Океании. Так как такой случай всего один, он не попал на график.

Европе, либо в Северной Америке. Как можно увидеть, между регионами существует относительно слабый образовательный обмен, и только регион Европы и Северной Америки значительно выделяется по доле получивших образование людей из других регионов.

Выводы

Находящиеся в открытом доступе и проанализированные в рамках настоящего исследования данные об образовании сотрудников руководящего уровня программ, фондов и учреждений системы ООН свидетельствуют о существенной диспропорции между регионами и группами стран. Отдельно стоит отметить низкую долю получивших образование в странах БРИКС, тем более что в настоящее время в них проживает почти половина населения мира, и, по оценкам экспертов, в 2024 г. совокупный ВВП стран БРИКС превысил ВВП стран «Группы семи»¹¹.

Результаты, полученные в рамках представленного в статье количественного исследования, можно интерпретировать по-разному в зависимости от избранного подхода. С одной стороны, продемонстрированная диспропорция отражает объективные тенденции последних десятилетий, усиливающуюся глобализацию и ситуацию с точки зрения международного разделения труда. При этом, учитывая, что с момента получения высшего образования и до занятия значимых должностей в системе ООН проходит в среднем 15–20 лет, речь идет о влиянии тех или иных стран на международном рынке образования в 1990–2000-е годы, то есть в период, который многие исследователи считают эпохой «однополярности». В этом отношении доминирование западного образования, в особенности обучения в США и Великобритании, полностью соответствует тенденциям указанного периода.

В то же время полученные данные можно рассматривать и как проявление целенаправленной политики отдельных государств, стремящихся нарастить свою «мягкую силу» и оказать влияние на глобальные организации не только благодаря работе собственных граждан, но и с помощью формирования повестки дня, ценностей, идей или дискурса по профильной тематике, в том числе в политической и социально-экономической сферах, определения и трансформации представлений о содействии развитию, правах человека, вопросах гендерного равенства и правах меньшинств и т.п. С такой точки зрения наиболее влиятельные государства могут компенсировать снижающуюся долю собственных граждан в структурах глобального управления с помощью образования, стремясь в той или иной мере оказать воздействие на представления и ценности граждан других стран. Доминирование условно «западных» университетов, в особенности британских и американских учебных заведений, в таком случае является не просто отражением распределения сил, но и следствием целенаправленной политики продвижения «либерального мирового порядка» и формирования однополярного мира. В пользу этой трактовки говорят упомянутые выше стратегические документы отдельных стран. С этой точки зрения высокие позиции Великобритании и США в списке направлений получения образования не являются неожиданными, однако наглядно демонстрируют, что политика и достижения в сфере международного образования могут иметь долгосрочный эффект и продолжать оказывать влияние и через два-три десятилетия.

¹¹ Российский эксперт: БРИКС обладает потенциалом для изменения мира после 2030 г. [IRNA, 2024].

Собранные и проанализированные в рамках настоящего исследования данные, безусловно, не являются окончательными, так как основаны на ограниченном эмпирическом материале. Вместе с тем они могут служить основой для дальнейших исследований, в том числе: по отдельным организациям системы ООН; отдельным направлениям профессиональной подготовки, в особенности в социально-гуманитарной сфере, и их влиянию на распространение тех или иных идей и концепций; значимости образования с точки зрения построения профессиональных связей и взаимодействия между сотрудниками, а следовательно, карьерных перспектив; обратном влиянии – например, в ситуации, когда бывший сотрудник системы ООН переходит к преподавательской деятельности в тех или иных вузах и т.п.

Результаты исследования могут иметь прогностическую ценность, так как позволяют проанализировать среднесрочные и долгосрочные тенденции в сфере подготовки кадров для международных организаций в отдельных странах мира и на глобальном уровне. Кроме того, они могут иметь практическую значимость, в том числе для дальнейшего обсуждения политики географической представленности в ООН, а также для формирования образовательной политики и подготовки кадров на страновом и региональном уровнях. В частности, представленные в рамках исследования данные и тенденции могут быть интересны при планировании подготовки специалистов в связи с происходящей трансформацией системы глобального управления и отмеченным в Концепции внешней политики Российской Федерации процессом формирования более справедливого, многополярного мира¹².

Список источников (References)

Adoui A. (2023) *International Higher Education and The Rise of Soft Power as Cultural Diplomacy*. L.: Palgrave Macmillan. Available at: <https://doi.org/10.1007/978-3-031-44180-6> (accessed 13 July 2025).

Antukhova E. (2019) *Образование в политике мягкой силы США [Education in the U.S. soft power policy]*. *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political Studies], no 2, pp. 123–136. Available at: <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.02.09> (accessed 13 July 2025) (in Russian).

Badache F. (2020) A representative bureaucracy perspective on workforce composition in international organizations: The case of the United Nations Secretariat. *Public Administration*, vol. 98, no 2, pp. 392–407. Available at: <https://doi.org/10.1111/padm.12629> (accessed 13 July 2025).

Barnett M., Finnemore M. (2004) *Rules for the World: International Organizations in Global Politics*. L.: Cornell University Press. Available at: <http://www.jstor.org/stable/10.7591/j.ctt7z7mx> (accessed 13 July 2025).

Beattie D. (n.d.) Our Mission. Bureau of Educational and Cultural Affairs. *U.S. Department of State*. Available at: <https://www.state.gov/bureaus-offices/under-secretary-for-public-diplomacy-and-public-affairs/bureau-of-educational-and-cultural-affairs> (accessed 13 July 2025).

Benton W. (1966) Education as an instrument of American foreign policy. *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*, vol. 366, no 1, pp. 33–40. Available at: <https://doi.org/10.1177/000271626636600104> (accessed 13 July 2025).

Eckhard S., Steinebach Y. (2021) Staff recruitment and geographical representation in international organizations. *International Review of Administrative Sciences*, vol. 87, no 4, pp. 701–717. Available at: <https://doi.org/10.1177/00208523211031379> (accessed 13 July 2025).

Fall P.L., Zhang Y. (2012) Staff recruitment in United Nations system organizations: a comparative analysis and benchmarking framework. *United Nations Joint Inspection Unit. Geneva*. Available at: <https://www.unjiu.org/>

¹² Указ об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации [President of Russia, 2023].

sites/www.unjui.org/files/jiu_document_files/products/en/reports-notes/JIU%20Products/JIU_REP_%202012_4_English.pdf (accessed 13 July 2025).

Fung C.F., Lam S. (2021) Staffing the United Nations: China's motivations and prospects. *International Affairs*, vol. 97, no 4, pp. 1143–1163. Available at: <https://doi.org/10.1093/ia/iab071> (accessed 13 July 2025).

Gauttam P., Singh B., Singh S., Bika S.L., Tiwari R.P. (2023) Education as a soft power resource: A systematic review. *Heliyon*, vol. 10, no 1, pp. 1–20. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.heliyon.2023.e23736> (accessed 13 July 2025).

Goodrich L.M. (1962) Geographical Distribution of the Staff of the UN Secretariat. *International Organization*, vol. 16, no 3, pp. 465–482. Available at: <https://doi.org/10.1017/S0020818300011267> (accessed 13 July 2025).

Gromyko A.A. (1986) *Bor'ba SSSR v OON za mir, bezopasnost' i sotrudnichestvo* [The USSR's Struggle at the UN for Peace, Security and Cooperation]. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoy literatury [Publishing House of Political Literature]. Available at: https://books.google.ru/books/about/%D0%91%D0%BE%D1%80%D1%8C%D0%B1%D0%B0_%D0%A1%D0%A1%D0%A1%D0%A0_%D0%B2_%D0%9E%D0%9E%D0%9D_%D0%B7%D0%B0_%D0%BC.html?id=0zYMAAAIAAJ&redir_esc=y (accessed 13 July 2025) (in Russian).

Gruber L. (2000) *Ruling the World: Power Politics and the Rise of Supranational Institutions*. Princeton University Press. Available at: <https://press.princeton.edu/books/paperback/9780691010410/ruling-the-world?srsltid=AfmBOoTEOmvKco1vJ8xifFCJeQ6y29vIZM1YIoxbsrIpkOb4JjvpWMA> (accessed 13 July 2025).

Gui T. (2024) Behind closed doors: Informal influence on United Nations staffing and pathologies of international bureaucracies. *Global Policy*, vol. 5, no 4, pp. 616–630. Available at: <https://doi.org/10.1111/1758-5899.13370> (accessed 13 July 2025).

Jack P. (2023) World University Rankings 2024: China creeps closer to top 10. *Times Higher Education*. Available at: <https://www.timeshighereducation.com/world-university-rankings/world-university-rankings-2024-china-creeps-closer-top-10> (accessed 13 July 2025).

Kramer P. (2012) Is the World Our Campus? International Students and U.S. Global Power in the Long Twentieth Century. *Diplomatic History*, vol. 33, no 5, pp. 775–806. Available at: https://www.academia.edu/27341833/Is_the_World_Our_Campus_International_Students_and_U_S_Global_Power_in_the_Long_20th_Century (accessed 13 July 2025).

Lam S.-H., Fung C.J. (2024) Personnel power shift? Unpacking China's attempts to enter the UN civil service. *Global Policy*, vol. 15, no S2, pp. 135–147. Available at: <https://doi.org/10.1111/1758-5899.13371> (accessed 13 July 2025).

Lin L., Hongtao L. (2017) Joseph Nye's soft power theory and its revelation toward ideological and political education. *Humanities and Social Sciences*, vol. 5, no 2, pp. 69–74. Available at: <https://doi.org/10.11648/j.hss.20170502.13> (accessed 13 July 2025).

Lomer S. (2017) Soft power as a policy rationale for international education in the UK: a critical analysis. *Higher Education*, vol. 74, pp. 581–598. Available at: <https://doi.org/10.1007/s10734-016-0060-6> (accessed 13 July 2025).

Manulak M.W. (2017) Leading by design: Informal influence and international secretariats. *The Review of International Organizations*, vol. 12, pp. 497–522. Available at: <https://doi.org/10.1007/s11558-016-9245-0> (accessed 13 July 2025).

Mearsheimer J.J. (1994) The False Promise of International Institutions. *International Security*, vol. 19, no 3, pp. 5–49. Available at: <https://doi.org/10.2307/2539078> (accessed 13 July 2025).

Mingst K.A., Karns M.P., Lyon A.J. (2022) *The United Nations in the 21st Century. 6th Edition*. New York: Routledge. Available at: https://www.routledge.com/The-United-Nations-in-the-21st-Century/Mingst-Karns-Lyon/p/book/9780367481551?srsltid=AfmBOoqxTj7peCLEfnfrPqNwcB-hydBRt43RTPmw4v_q5nc-3nVf-Nr_d (accessed 13 July 2025).

Morozov G.I., Shkunaev V.G., Barsegov Ju.G. (eds) (1970) *OON: itogi, tendencii, perspektivy* [UN. Results. Trends. Prospects]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya [International relations]. Available at: <https://imobook.ru/book/arhiv/1970/oon-itogi-tendentsii-perspektivy> (accessed 13 July 2025) (in Russian).

- Nye J. (2005) Soft Power and Higher Education. *Forum for the Future of Higher Education (Archives)*. pp. 11–14. Available at: <https://library.educause.edu/-/media/files/library/2005/1/ffp0502s-pdf> (accessed 13 July 2025).
- Novosad P., Werker E. (2019) Who runs the international system? Nationality and leadership in the United Nations Secretariat. *The Review of International Organizations*, vol. 14, pp. 1–33. Available at: <https://doi.org/10.1007/s11558-017-9294-z> (accessed 13 July 2025).
- OECD (2015) *Education at a Glance 2015*. Available at: <https://doi.org/10.1787/eag-2015-en> (accessed 13 July 2025).
- Oksamytna K., Bove V., Lundgren M. (2020) Leadership United Nations Peacekeeping. *International Studies Quarterly*, vol. 65, no 1, pp. 16–28. Available at: <https://doi.org/10.1093/isq/sqaa023> (accessed 13 July 2025).
- Parizek M., Stephen M.D. (2021a) The Increasing Representativeness of International Organizations' Secretariats: Evidence from the United Nations System, 1997–2015. *International Studies Quarterly*, vol. 65, no 1, pp. 197–209. Available at: <https://doi.org/10.1093/isq/sqaa088> (accessed 13 July 2025).
- Parizek M., Stephen M.D. (2021b) The long march through the institutions: Emerging powers and the staffing of international organizations. *Cooperation and Conflict*, vol. 56, no 2, pp. 204–223. Available at: <https://doi.org/10.1177/0010836720966017> (accessed 13 July 2025).
- President of Russia (2023) *Ukaz ob utverzhdenii Konceptii vneshnej politiki Rossijskoj Federacii* [Executive Order approving Russia's Foreign Policy Concept]. Available at: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/70811> (accessed 13 July 2025). (in Russian).
- RIA Novosti (RIA) (2020) *Zaharova ocenila kadrovuju politiku OON* [Zakharova assessed the UN personnel policy]. Available at: <https://ria.ru/20200220/1565019532.html> (accessed 13 July 2025) (in Russian).
- The Islamic Republic News Agency (IRNA) (2024) *Rossijskij ekspert: BRIKS obladaet potencialom dlya izmeneniya mira posle 2030 goda*. [BRICS capable of bringing global change after 2023: Russian expert]. Available at: <https://ru.irna.ir/news/85496060/Российский-эксперт-БРИКС-обладает-потенциалом-для-изменения> (accessed 13 July 2025) (in Russian).
- Times Higher Education (2024) *World University Rankings 2024*. Available at: www.timeshighereducation.com/world-university-rankings/2024/world-ranking (accessed 13 July 2025).
- Trilokekar R.D. (2010) International education as soft power? The contributions and challenges of Canadian foreign policy to the internationalization of higher education. *Higher Education*, vol. 59, no 2, pp. 131–147. Available at: <https://doi.org/10.1007/s10734-009-9240-y> (accessed 13 July 2025).
- United Kingdom Government (GOV.UK) (n.d.) *International Education Strategy: global potential, global growth*. Available at: <https://www.gov.uk/government/publications/international-education-strategy-global-potential-global-growth/international-education-strategy-global-potential-global-growth> (accessed 13 July 2025).
- United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization (UNESCO) (n.d.) *UNESCO Institute for Statistics (UIS) data. Education. Other policy relevant indicators. Outbound internationally mobile students by host region*. Available at: <http://data.uis.unesco.org> (accessed 13 July 2025).
- United Nations (UN) (n.d.a) *UN System*. Available at: <https://www.un.org/en/about-us/un-system> (accessed 13 July 2025).
- United Nations (UN) (n.d.b) *UN System Chart*. Available at: <https://www.un.org/en/delegate/page/un-system-chart> (accessed 13 July 2025).
- United Nations (UN) (n.d.c) *United Nations Charter (full text)*. Available at: <https://www.un.org/en/about-us/un-charter/full-text> (accessed 13 July 2025).
- United Nations (UN) (n.d.d) *UN in Action. Countries and Territories*. Available at: <https://unsdg.un.org/un-in-action/country-level?tab=countries-listing> (accessed 13 July 2025).
- United Nations (UN) (n.d.e) *Our Team in Kazakhstan*. Available at: <https://kazakhstan.un.org/en/about/our-team> (accessed 13 July 2025).
- United Nations (UN) (n.d.f) *Our Team in Fiji, Solomon Islands, Tonga, Tuvalu, and Vanuatu*. Available at: <https://pacific.un.org/en/about/our-team> (accessed 13 July 2025).

United Nations (UN) (n.d.g) *Our Team in Barbados and the Eastern Caribbean*. Available at: <https://easterncaribbean.un.org/en/about/our-team> (accessed 13 July 2025).

United Nations (UN) (1947) *Composition of the Secretariat and the principle of geographical distribution*. UN Secretary-General Report, A/RES/153 (II), 15. Available at: <https://digitallibrary.un.org/record/209981?ln=ru&v=pdf> (accessed 13 July 2025).

United Nations (UN) (1948) *Composition of the Secretariat and the principle of geographical distribution: report of the Secretary-General*. UN. General Assembly (2nd sess. : 1947 : Flushing Meadow, N.Y.), A/652. Available at: <https://digitallibrary.un.org/record/811486?ln=en&v=pdf> (accessed 13 July 2025).

United Nations (UN) (1957) *Changes in geographical distribution of the staff of the United Nations Secretariat*. UN. General Assembly (11th sess. : 1956-1957), A/RES/1097 (XI). Available at: <https://digitallibrary.un.org/record/207858?ln=en&v=pdf> (accessed 13 July 2025).

United Nations (UN) (1980) *Geographical distribution of Professional staff: report of the Secretary-General*. UN. Secretary-General, A/Co5/35/36. Available at: <https://digitallibrary.un.org/record/15602?ln=en&v=pdf> (accessed 13 July 2025).

United Nations (UN) (2020) *Geographical Diversity Strategy*. Available at: https://hr.un.org/sites/hr.un.org/files/OHR%20Geographical%20Diversity%20Strategy_EN_0.pdf (accessed 13 July 2025).

United Nations (UN) (2021) *Recruit More from Under-Represented Countries, End Job Mobility Hurdles for General Service Staff, Speakers Say as Fifth Committee Resumes Seventy-Fifth Session*. UN. Press Release, GA/AB/4363. Available at: <https://press.un.org/en/2021/gaab4363.doc.htm> (accessed 13 July 2025).

United Nations (UN) (2022) *Composition of the Secretariat: staff demographics*. Report of the Secretary-General, A/77/580/, p. 189. Available at: https://digitallibrary.un.org/record/4000510/files/A_77_580-EN.pdf (accessed 13 July 2025).

United Nations (UN) (2023) *Staff Regulations and Staff Rules, including provisional Staff Rules, of the United Nations*. Secretary-General's bulletin, ST/SGB/2023/1, p. 118. Available at: https://digitallibrary.un.org/record/4002120/files/ST_SGB_2023_1-EN.pdf (accessed 13 July 2025).

United Nations (UN) (2024) *World Economic Situation and Prospects 2024*. Available at: https://www.un.org/development/desa/dpad/wp-content/uploads/sites/45/WESP_2024_Web.pdf (accessed 13 July 2025).

United Nations Statistics Division (UNSD) (n.d.) *SDG Indicators Regional groupings used in Report and Statistical Annex*. Available at: <https://unstats.un.org/sdgs/indicators/regional-groups> (accessed 13 July 2025).

Voeten E. (2021) *Ideology and International Institutions*. Princeton: Princeton University Press. Available at: <https://press.princeton.edu/books/hardcover/9780691207315/ideology-and-international-institutions> (accessed 13 July 2025).

Weiss T.G., Daws S. (2018) *The Oxford Handbook on the United Nations*. Oxford: Oxford Press. Available at: <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780198803164.001.0001> (accessed 13 July 2025).

Staff Education as an Additional Indicator of Geographical Representation: Imbalance in the UN System¹

E. Kharitonova, A. Bunina

Elena M. Kharitonova – PhD (Polit.), Senior Researcher, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO); 23 Profsoyuznaya Ulitsa, Moscow, 117997, Russia; ekharit@imemo.ru; ORCID 0000-0001-5948-1492

Anastasia A. Bunina – Junior Researcher, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO); 23 Profsoyuznaya Ulitsa, Moscow, 117997, Russia; abunina@imemo.ru; ORCID 0000-0001-7765-6014

Abstract

Based on the publicly available biographies of senior-level staff of organisations within the UN system, the article analyses information on their educational background and countries of education. The official policy of the United Nations, as well as of a number of UN programmes, funds, and specialised agencies postulates an aspiration to achieve the widest possible geographical representation of staff, i.e. to hire staff from different countries and regions of the world. At the same time, not only nationality but also the country of education can also be considered as an additional indicator of the representation of a particular country or region. The increasing internationalisation of education provides advantages to states with a significant share of the international education market and high positions in world university rankings. Using a data collection tool, the authors collected information from official UN system websites and then manually processed about two thousand biographies of senior-level staff. The collected data demonstrates a significant imbalance in terms of geographical destinations of education. The acquired data, on the one hand, reflects the objective situation and the role of individual countries and regions in the international education market over the last three decades. On the other hand, it can be used as a basis for a broader consideration of geographical representation issue in the UN system and other international organisations. The results also provide additional information for analysing national strategies aimed at attracting the most talented foreign students, forming a global ideological and intellectual space, training supranational elites, as well as increasing the number of international students.

Keywords: United Nations, geographical representation, internationalization of education, education abroad, globalization, supranational elites, international organizations, global governance, soft power

Acknowledgments: The article was prepared with the Support of a Grant from the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation for major scientific projects in priority areas of scientific and technological development no 075-15-2024-551 “Global and regional centers of power in the emerging world order”.

The authors also would like to thank Elena Kastornova, an intern at the IMEMO and a 4th year student of the ‘Political Governance’ program at the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA) for her assistance in data processing.

For citation: Kharitonova E., Bunina A. (2025) Staff Education as an Additional Indicator of Geographical Representation: Imbalance in the UN System. *International Organisations Research Journal*, vol. 20, no 3, pp. 44–59 (in English). doi:10.17323/1996-7845-2025-03-03

¹ This article was submitted 06.09.2024.

Сравнительное исследование политики реализации цифрового суверенитета государства странами - членами БРИКС¹

А.А. Игнатов

Игнатов Александр Александрович – кандидат политических наук, старший научный сотрудник Центра исследований международных институтов Института прикладных экономических исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (ЦИМИ ИПЭИ РАНХиГС); Россия, 119034, Москва, Пречистенская наб., 11, оф. 403; ignatov-aa@ranepa.ru; ORCID: 0000-0001-6740-4454

Аннотация

Актуальность исследования политики реализации цифрового суверенитета государства членами БРИКС обусловлена возрастающим значением цифровых технологий в обеспечении национальной безопасности, экономического роста и независимости стран в условиях глобальной цифровой трансформации. В обстановке обостряющейся геополитической конкуренции и усиления давления со стороны внешних акторов страны – члены БРИКС стремятся выработать общие подходы к защите своей цифровой инфраструктуры и развитию национальных технологических экосистем. Углубление сотрудничества в рамках БРИКС по данному направлению отвечает стратегическим интересам России, заключающимся в укреплении позиции страны в глобальной политике, диверсификации экономических связей, обеспечении технологической независимости от недружественных стран.

Целью исследования является определение особенностей политики реализации цифрового суверенитета государства странами – членами БРИКС. В работе проанализированы подходы к трактовке понятия «цифровой суверенитет» и выделены пять ключевых направлений его реализации: контроль над производственными цепочками, управление инфраструктурой связи и Интернета, регулирование цифровых платформенных услуг, контроль над содержанием распространяемой информации и управление оборотом данных. Автор провел сравнительный анализ политики стран – членов БРИКС в пяти ключевых аспектах реализации цифрового суверенитета государства и определил ключевые сходства и различия страновых подходов. В заключительном разделе представлено авторское видение рисков и перспектив сотрудничества БРИКС в области укрепления цифрового суверенитета.

Ключевые слова: БРИКС, цифровой суверенитет, цифровая экономика, цифровая инфраструктура, управление Интернетом, управление данными, технологический суверенитет

Благодарности: статья подготовлена в рамках государственного задания РАНХиГС.

Для цитирования: Игнатов А.А. Сравнительное исследование политики реализации цифрового суверенитета государства странами – членами БРИКС // Вестник международных организаций. 2025. Т. 20. № 3. С. 60–83 (на русском и английском языках). doi:10.17323/1996-7845-2025-03-04

¹ Статья поступила в редакцию 12.05.2025.

Введение

В условиях продолжающейся цифровизации пристальное внимание исследователей приковано к наблюдаемым трансформациям суверенитета государства. По мнению представителей экспертного сообщества [Nikonov et al., 2021], в обстановке «всепроникающей» цифровизации реализация долгосрочной политики укрепления цифрового суверенитета государства непосредственным образом влияет на жизнеспособность государств, чья безопасность находится под постоянной угрозой в связи с недобросовестным использованием новейших цифровых технологий (прежде всего, deepfake — контент, создаваемый при помощи генеративных моделей на базе искусственного интеллекта²), при этом нормы и механизмы международного права не обеспечивают надлежащей защиты от новых вызовов в связи с проблематичностью атрибуции источника угрозы и трудностью квалификации отдельных кейсов как примеров нарушения государственного суверенитета в соответствии со сложившимися практиками [Kowalevski, 2024]. В контексте дискуссии о современных вызовах государственному суверенитету также рассматривается растущая зависимость национальных рынков от крупных международных поставщиков платформенных услуг («бигтех» / bigtech), от чего сильнее других международных игроков страдают развивающиеся страны мирового большинства, которые фактически попадают в технологическую зависимость от иностранных поставщиков [Ponomarev, Simonova, 2023]; неоколониальный (эксплуаторский) характер деятельности «бигтеха» в сфере обработки пользовательских данных, нередко проявляющийся на примерах из стран мирового большинства [Gupta, Sony, 2021]; наконец, распад цепочек поставок ключевых компонентов вычислительных устройств вследствие естественных причин (например, природных катастроф), но все чаще в последнее время из-за целенаправленной государственной политики [Park, 2024] также рассматривается как вызов государственному суверенитету [Weber et al., 2018].

Вызовы цифровому суверенитету государства, как и понятие «цифровой суверенитет государства», не являются тождественными возникающим угрозам и даже самому определению «классического» государственного суверенитета, и, следовательно, требуют особого подхода в процессе выработки решений, направленных на предотвращение вероятных негативных последствий формирующихся вызовов для государства и общества. Процесс осложняется сравнительно небольшим количеством исследований, учитывающих важные отличия цифрового суверенитета государства от «классического» (иногда называемого Вестфальским) суверенитета государства, строго связанного с территориальностью (ограниченностью) деятельности государства в физическом пространстве, протяженность которого в эпоху цифровых технологий более не способна обеспечить эффективное размежевание между акторами международной политики, при разработке указанных решений и рекомендаций. Настоящая статья призвана отчасти восполнить данный недостаток, обратившись к примерам политики стран — членов международного объединения БРИКС³ по укреплению цифрового суверенитета

² «Лаборатория Касперского» определяет deepfake (или дипфейк) как «синтез правдоподобных поддельных изображений, видео и звука при помощи искусственного интеллекта. Также дипфейками называют контент, полученный в результате этого синтеза. Чаще всего дипфейки изображают известных людей в вымышленных ситуациях. В некоторых случаях к дипфейкам относят также письменные тексты, созданные при помощи искусственного интеллекта в целях имитации речи конкретного человека». См.: [Encyclopedia by Kaspersky, n.d.].

³ По состоянию на май 2025 г. членами БРИКС являются Бразилия, Россия, Индия, Китай, ЮАР, ОАЭ, Египет, Эфиопия, Иран и Индонезия.

государства, которые представляют достаточно разноплановые модели управления аспектами данного явления.

Таким образом, целью настоящей работы является выявление особенностей политики стран – членов БРИКС по защите цифрового суверенитета государства. Достижению данной цели призвано способствовать решение ряда прикладных задач, а именно: уточнение понятия «цифровой суверенитет государства» с опорой на анализ сложившихся в отечественной и зарубежной практике подходов; формирование методологической основы для проведения сравнительного исследования политики стран – членов БРИКС по защите цифрового суверенитета государства; выявление рисков и возможностей сотрудничества стран – членов БРИКС в вопросах защиты цифрового суверенитета государства. Автором используется сочетание специальных методов качественных исследований, в частности метода кейс-стади и метода анализа документов, а также общенаучные методы: описание, анализ и сравнение.

Структурно статья состоит из трех разделов. Мы начинаем с уточнения основного используемого в работе понятия – «цифровой суверенитет государства», затем в разделе «Методология исследования» описываем основные категории, в соответствии с которыми исследуется политика стран – членов БРИКС в сфере защиты цифрового суверенитета государства. В третьем разделе статьи представлены результаты проведенного сравнительного анализа, после чего приведены авторские заключения в отношении стратегических рисков и возможностей сотрудничества стран – членов БРИКС в рассматриваемой области. Наше исследование опирается преимущественно на вторичные источники данных; в отдельных случаях для обоснования позиции автора используются данные международной экспертной оценки, в частности заключения экспертов Всемирной организации интеллектуальной собственности (ВОИС), представленные в виде Глобального индекса инноваций (Global Innovation Index; GII).

Подходы к определению понятия «цифровой суверенитет государства»

В настоящий момент единое определение понятия «цифровой суверенитет» в окончательном виде еще не сложилось. Имеющиеся работы по данной проблематике выдвигают на передний план разные аспекты изучаемого явления. Условная «средняя» позиция основывается на утверждении цифрового суверенитета как способности государства осуществлять независимую цифровую политику⁴. В этом контексте многими авторами подчеркивается значимость эффективного контроля государства над критическими и сквозными технологиями, иными словами, обеспечение технологического суверенитета. Контроль над технологиями подразумевает наличие собственных национальных производственных линий, способных поддерживать разработку технологий и создание готовой продукции на их основе – материально-технической базы (например, компьютерных комплектующих) и программного обеспечения. Укреплению цифрового суверенитета также способствует создание и поддержание в работоспособном состоянии национальных поисковых систем (или в целом всей совокупности «интегрированных и взаимодополняющих цифровых сервисов во всех ключевых сферах государств и обще-

⁴ Схожая по смыслу концепция встречается в документах ЕС: “digital sovereignty” refers to Europe’s ability to act independently in the digital world. На практике под этим подразумеваются как «защитные механизмы, так и инструменты для стимулирования цифровых инноваций (в том числе в сотрудничестве с компаниями, не входящими в ЕС)» (protective mechanisms and offensive tools to foster digital innovation (including in cooperation with non-EU companies)). См.: [Madiega, 2020].

ства» [Nikonov et al., 2021]). Суверенитет данных, реализация на практике принципов суверенного контроля над оборотом данных, например через регулирование оборота данных, требования о хранении и обработке данных в пределах той юрисдикции, где они собираются, или распространение национального законодательства на связанные с оборотом данных проблемные области, является неотъемлемой частью цифрового суверенитета. Немаловажным является установление контроля над физической инфраструктурой связи и Интернета в пределах государственных границ.

Сущность приведенных компонентов цифрового суверенитета демонстрирует расхождение с устоявшейся концепцией государственного суверенитета. «Традиционный» государственный суверенитет жестко связан с понятием территориальности и ограничен частью физического пространства, тогда как цифровой суверенитет предполагает выход за эти рамки, особенно в сфере обеспечения технологической самостоятельности и независимости⁵. Ведущие мировые цифровые державы стремятся установить контроль над производственными цепочками в ключевых отраслях, в том числе путем прямого исключения целых групп зарубежных производителей из недружественных стран, которые могут отказаться от сотрудничества по политическим мотивам в неподходящий момент, поставив безопасность государства под угрозу⁶.

В настоящей работе мы обращаемся к следующей формулировке рассматриваемого определения, которая консолидирует полученные заключения.

Цифровой суверенитет государства понимается как независимость государства в цифровой сфере и способность к самостоятельной реализации информационной политики внутри страны и на международной арене, контроль над инфраструктурой связи и Интернета, расположенной внутри государственных границ, независимость в области программного обеспечения и платформенной экономики, что предполагает наличие в государстве национальных поисковых систем, социальных сетевых сервисов, почтовых сервисов и др., полноценная реализация технологического суверенитета государства (способность создавать технологии и производить на их основе готовую продукцию) и суверенитета в области данных (хранение и обработка данных на территории государства или же распространение национального законодательства на вопросы их обработки, хранения и передачи третьим лицам при хранении и обработке данных за пределами государства)⁷.

Несмотря на то что единое определение цифрового суверенитета еще не разработано, мы можем выделить его основные предполагаемые компоненты и применить их в качестве методологической основы при сравнительном исследовании цифровой политики стран – членов БРИКС. Реализация государственной политики в этих областях

⁵ Роблес-Каррильо в своем исследовании о соотношении концепций традиционного суверенитета государства и цифрового суверенитета указывает на следующие различия: 1) первое понятие применимо только в отношении государства, тогда как второе может относиться к субъектам, не наделенным суверенитетом в традиционном понимании, например ЕС; 2) цифровой суверенитет не следует рассматривать как расширение или продолжение традиционного суверенитета, хотя и не случайно страны, активно выступающие за уважение и полноценную реализацию цифрового суверенитета, также активно защищают свой «традиционный» суверенитет; 3) для государства цифровой суверенитет может выступать как инструмент сбережения «традиционного» суверенитета, тогда как цифровой суверенитет негосударственных субъектов выполняет иные функции [Robles-Carrillo, 2023].

⁶ См. характеристику политики США в отношении емкостных накопителей энергии и полупроводников в работе С. Пака, который указывает на применяемые практики прямого принуждения к переносу производств из Китая в США [Park, 2024]. См. также: [Soon, Mak Rui, Chew, 2023; Zinovieva, 2023].

⁷ За основу взято определение, приведенное в работе Игнатова и Зиновьевой [Ignatov, Zinovieva, 2024].

позволит говорить о технологической и регуляторной самодостаточности государства, без чего полноценная реализация цифрового суверенитета представляется невозможной.

Методологическая основа сравнительного исследования политики стран - членов БРИКС

В соответствии с полученным определением цифрового суверенитета государства мы можем выделить следующие направления государственной политики, которые служат в качестве параметров сравнения декларируемых приоритетов стран – членов БРИКС в рассматриваемой области.

1. Контроль над критически важными технологиями и производственными цепочками – способность государства обеспечивать непрерывный доступ к стратегически значимым компонентам за счет местного производства, диверсификации поставок и экспортно-импортных ограничений. Подобный контроль минимизирует внешние технологические зависимости и повышает устойчивость экономики к санкциям или сбоям в цепочках поставок.

2. Контроль над инфраструктурой связи и Интернета – наличие в распоряжении правительства рычагов управления магистральными сетями передачи данных, центрами обработки данных, точками обмена трафиком и т.д., включая возможность устанавливать технические стандарты, выдавать лицензии и при необходимости ограничивать или перенаправлять трафик.

3. Контроль над ситуацией на рынке цифровых платформенных услуг – способность государства влиять на конкуренцию, структуру собственности и правила доступа к экосистемам (маркетплейсы, поисковики, соцсети, облачные платформы), применяя антимонопольные инструменты, требования локализации сервисов и предпочтения для национальных игроков с целью предотвратить зависимость от транснациональных платформ и сохранить здоровую конкурентную среду.

4. Контроль над содержанием распространяемой информации – правовые и технические механизмы мониторинга, фильтрации и приоритизации контента, включая требования к модерации распространяемого контента и блокировке экстремистских материалов, а также влияние государства на алгоритмы рекомендательных систем в интересах поддержания социальной стабильности и защиты культурных ценностей.

5. Контроль над оборотом данных – комплекс норм, регулирующих сбор, хранение, обработку и трансграничную передачу данных посредством законов о защите данных, требований локализации и режимов доступа уполномоченных органов.

Мы применяем метод анализа документов для определения приоритетов стран – членов БРИКС в отношении реализации компонентов цифрового суверенитета, обозначенных выше. Дополнительным источником информации выступает публикуемая в открытом доступе статистика и результаты экспертной оценки.

Исследование политики стран - членов БРИКС по реализации цифрового суверенитета государства

В настоящем разделе более подробно будут рассмотрены аспекты политики стран – членов БРИКС по реализации цифрового суверенитета государства. В компактном виде результаты проведенного анализа представлены в табл. III (прил.; см. с. 79).

Бразилия

Термин «цифровой суверенитет» часто упоминается в бразильских законопроектах и других публичных документах. Бразилия фокусируется на защите данных, борьбе с дезинформацией, кибербезопасности, усилении ответственности крупнейших технологических компаний и создании возможностей для развития национальных цифровых компаний, но пока находится в поиске своей концепции цифрового суверенитета. Анализ текущей ситуации говорит о том, что в Бразилии в полной мере не реализуется ни один из компонентов цифрового суверенитета.

Бразилия производит достаточно большое количество электронной продукции. Ее номенклатура в основном представлена потребительской электроникой, тогда как производство полупроводниковой продукции достаточно ограничено [ОЕС, n.d.]. При этом ВОИС высоко оценивает инновационный потенциал Бразилии, указывая на то, что страна демонстрирует показатель выше ожидаемого в соответствии с ее уровнем национального дохода.

Бразилия – страна с большой территорией и протяженной береговой линией. На ее территории расположены 17 точек примыкания к международным кабельным сетям⁸. Около двух десятков точек примыкания к местным кабельным сетям расположены по берегам р. Амазонка, они поддерживают цифровую связанность отдаленных и труднодоступных регионов. Крупнейшим «международным кабельным портом» является Рио-де-Жанейро.

Государство проводит достаточно либеральную политику в отношении контроля над инфраструктурой Интернета. На местном рынке представлены крупные частные операторы кабельной связи, такие как Oi и GVT. Еще в 1998 г. крупная государственная компания Embratel прошла через процесс приватизации, тем самым государство утратило монополию в отношении географии строительства новой инфраструктуры Интернета. Исследование не выявило сообщений о применении государством инструментов ограничения сетевого трафика или блокировки средств связи.

Рынок платформенных услуг в Бразилии представлен преимущественно небольшими компаниями. Органы, ответственные за управление конкурентной политикой в Бразилии, выражают обеспокоенность потенциальными злоупотреблениями ведущих рыночных игроков своим положением. Широко представлены иностранные платформенные компании и услуги. Следует отметить, что в Бразилии ранее не предпринимались попытки запустить собственный интернет-поисковик, а около 93% запросов в настоящий момент обрабатываются поисковиком Google. Определяющее рыночное положение занимают иностранные мессенджеры и социальные сети. Местные компании представлены в таких сегментах, как доставка еды и заказ транспортных услуг.

Россия

На практике в России реализуются четыре из пяти компонентов цифрового суверенитета.

Россия осуществляет политику цифрового суверенитета государства прежде всего в русле достижения технологической самостоятельности, обеспечения контроля и создания возможности для развития национальных цифровых технологий и компаний,

⁸ Кабели Firmin, Malbec, Seabras-1, Junior, Monet, South America-1, South American Crossing, Tannat, America Movil Submarine Cable System-1, Brazilian Festoon, BRUSA, GlobeNet, Americas-II, Ella-Link, South Atlantic Cable System, South Atlantic Inter Link.

программного и аппаратного обеспечения, национальных поисковых систем и социальных сетей, укрепления цифрового контура национального сегмента сети Интернет, создания национальной цифровой платежной системы [Zinovieva, Bai, 2023].

Восполнение производственных цепочек в области полупроводниковой продукции позволило бы констатировать достижение стадии всесторонней реализации концепции цифрового суверенитета государства.

ВОИС считает, что инновационное развитие России отстает в части ожидаемых показателей исходя из ее оценочного уровня развития. Собственное производство электронных компонентов в России имеет сравнительно небольшой масштаб. В рамках государственной программы поддержки отрасли электронной продукции были реализованы проекты по организации производства микропроцессоров на основе отечественной технологической базы⁹, в марте 2024 г. объявлено о локализации части производственной цепочки (финальная сборка продукта) [Vedomosti, 2024]. Российские процессоры в основном производятся по заказу тайваньской компанией TSMC.

Россия – страна с крупнейшей в мире территорией и протяженной береговой линией, однако на ее территории расположено сравнительно мало точек примыкания к международным кабельным сетям. Международные сети связывают Россию с Японией, Грузией и Финляндией и только после этого – с остальными странами. Другие значимые кабельные сети связывают российские отдаленные территории на Дальнем Востоке, в Арктике, а также основную территорию страны с Крымским полуостровом и Калининградской областью.

Концентрация международной кабельной инфраструктуры в нескольких точках расширяет возможности контроля сетевого трафика. Роскомнадзор с 2019 г. имеет техническую возможность блокировать пакеты передаваемых данных при помощи технологии глубокой инспекции (Deep Packet Inspection, DPI), точно блокируя или замедляя доступ к определенным сайтам [Zakharov, Reiter, 2018]. В 2021 и 2023 гг. проводились «учения» по отключению российского сегмента Интернета от мировой сети, которые были признаны успешными.

Согласно доступной статистике, отечественная поисковая платформа Yandex опережает по количеству запросов поисковик Google. В России созданы национальные аналоги крупных международных платформенных сервисов, например социальная сеть VK, видеохостинг RuTube, сервис Yandex.Go (доставка еды, организация путешествий, услуги такси), которые успешно конкурируют с зарубежными аналогами.

Реализуется на практике система контроля над распространением нежелательной информации. Действуют требования в отношении операторов цифровых платформ об удалении нежелательного контента¹⁰. Невыполнение требований регулятора может привести к полной блокировке доступа с территории России [Interfax, 2022a; 2022b; RIA, 2022].

Также в России действуют требования о локализации данных, притом российская правовая рамка была введена в действие раньше европейского GDPR. Отказ оператора платформы может привести к полной блокировке ресурса на территории страны (пример – социальная сеть LinkedIn [Vedomosti, 2017]).

⁹ См., например, процессоры марки «Байкал» [Baikal Electronics, n.d.].

¹⁰ Начиная с 2018 г. с момента получения от Роскомнадзора уведомления о включении доменного имени или указателя страницы сайта в Единый реестр запрещенных материалов провайдер хостинга обязан незамедлительно проинформировать владельца сайта и в течение суток принять меры для ограничения доступа к запрещенной информации [RIA, 2018].

Индия

Индия реализует на практике три из пяти основных компонентов цифрового суверенитета государства.

Индия реализует концепцию цифрового суверенитета в контексте создания надежной цифровой инфраструктуры и регулирования данных как экономического актива, которые имеют решающее значение для экономического развития и самообеспеченности [Kumar, Thussu, 2023].

Следует отметить, что в Индии создан достаточно мягкий перечень требований в отношении локализации пользовательских данных, что отличает ее от позиции других стран БРИКС. Проблемной является реализация технологического суверенитета в части производства необходимой для цифрового развития продукции, в частности микрочипов¹¹.

ВОИС высоко оценивает достигнутый Индией прогресс в отношении инновационного развития. ВОИС считает, что Индия достигла более значительных результатов, чем можно было ожидать в соответствии с ее оценочным уровнем развития. Тем не менее в Индии не созданы собственные производственные мощности, способные производить в значительном количестве высокотехнологическую продукцию, используемую в вычислительной технике.

Индия занимает значительную территорию суши, а вблизи ее границ проходят важные международные линии кабельной интернет-связи. Тем не менее на территории Индии расположено всего пять точек подключения к международным кабельным сетям, крупнейшей из них является Мумбай. Еще одна значимая точка – Ченнай. Другие точки связи в основном служат в качестве соединительных пунктов с местными сетями, устанавливающими связь с Мальдивами и Шри-Ланкой. Согласно имеющейся информации, власти Индии достаточно часто используют доступные технические возможности для прерывания работы Интернета и цифровых коммуникаций, например в моменты общественных беспорядков [Mogul, 2023].

Рынок телекоммуникационных услуг Индии довольно разнообразен с точки зрения количества участвующих компаний, однако реальным рыночным влиянием обладают три негосударственные компании: Reliance Jio, Bharti Airtel и Vodafone. Проведенная в 2014 г. реформа системы лицензирования телекоммуникационной деятельности сделала доступ на рынок Индии более свободным за счет объединения лицензий на предоставление услуг сотовой связи и доступа в Интернет [Ghosh, 2015].

В Индии сформулированы требования к операторам цифровых платформ в отношении модерации контента [MeitY, 2021]. Операторы обязаны удалить неприемлемые материалы в течение 36 часов после получения уведомления от компетентных органов.

В Индии действует национальный закон о защите данных [MeitY, 2023]. Перенимая опыт европейского GDPR, индийский закон не вводит жестких требований о локализации пользовательских данных. Индийское руководство не запрещает трансграничную передачу данных при отсутствии прямого запрета в соответствии с решением правительства.

¹¹ Согласно имеющейся информации, Индия производит небольшое количество процессоров, построенных на основе 28-нм технологического процесса, актуального на конец 2000-х годов и в настоящее время применяемого для производства устройств домашнего использования [Sparkes, 2024].

Китай

Китай – единственная страна – член БРИКС, полноценно реализующая все пять компонентов цифрового суверенитета.

Китай осуществляет многогранный подход к цифровому суверенитету, который включает контроль над своей физической инфраструктурой, регулирование контента, балансирование негативных экономических последствий и создание международной поддержки своей концепции цифрового суверенитета [Wang, 2020].

ВОИС высоко оценивает достижения Китая в отношении инновационного развития. По оценке ВОИС, Китай демонстрирует значительно более высокие показатели инновационного развития, чем другие страны со схожим уровнем развития. Важным преимуществом цифровой экономики Китая является возможность осуществлять полный цикл высокотехнологического производства критически важной номенклатуры товаров, в частности комплектующих для вычислительной техники – от фундаментальных разработок до готового изделия, включая передовые решения, например в производстве микропроцессоров по стандарту 5-м технологического процесса [Che, 2024].

Китай обладает большой территорией, а также плотно включен в систему международных интернет-кабелей. На территории страны расположено несколько десятков точек соединения с международными кабельными системами, однако в их географическом распределении обнаруживается высокая степень концентрации. Наибольшее количество точек подключения к международным сетям находится в административном районе Гонконг, большое количество точек доступа расположено в Чонминге (город на северо-востоке Китая). Руководство Китая поддерживает режим жесткого контроля над исходящим и входящим интернет-трафиком, чему способствует высокая географическая концентрация точек доступа к международным кабельным сетям. Правительство Китая также обладает технической возможностью полностью отключать доступ к Интернету и к другим средствам связи при необходимости, например в случае массовых волнений.

Правительство Китая защищает внутренний рынок от конкуренции со стороны иностранных платформ, позволяя национальным компаниям-чемпионам использовать возможности емкого внутреннего рынка. В результате на внутреннем рынке Китая широко представлены национальные компании (поисковик Baidu, крупные маркетплейсы, сервисы по доставке и т.д.), не испытывающие жесткой конкуренции с зарубежными аналогами и даже способные проводить успешное расширение на зарубежные рынки.

Китай хорошо известен как мировой лидер-«бенчмарк» в части вопросов регулирования цифрового контента. Правительство Китая ввело требования об исключении целого перечня тем, имеющих политическую окраску (проблема уйгуров, статус Тибета и др.) из оборота в национальном цифровом пространстве [Green et al., 2024]. Введена суровая система наказаний нарушителей требований закона. Действуют требования в отношении фиксирования сведений об интернет-активности пользователей, которые также обязаны пользоваться услугами интернет-платформ под своими реальными именами (запрет на анонимность) [Internet Monitor, n.d.].

Китай активно работает над формированием национальной рамки управления пользовательскими данными. Основные вопросы управления данными разрешаются в соответствии со специальными законами, такими как Закон о кибербезопасности [Creemers, Webster, Triolo, 2018] и Закон о безопасности пользовательских данных [NPC, 2021]. Большое значение имеют также постановления центрального национального регуляторного органа.

ЮАР

ЮАР на практике полноценно не реализует ни один из компонентов цифрового суверенитета.

По оценке ВОИС, ЮАР демонстрирует более высокие результаты в части инновационного развития, чем можно было ожидать от страны со схожим уровнем развития. Тем не менее ЮАР не обладает собственной материально-технической базой и не способна поддерживать самодостаточность национальной цифровой экономики в отношении удовлетворения спроса на высокотехнологические комплектующие.

ЮАР занимает наименьшую из стран «старой пятерки» БРИКС территорию, а также находится в отдалении от крупнейших международных цифровых кабельных магистралей. На территории страны расположены пять точек примыкания к международным кабельным системам, среди которых нельзя выделить однозначного «лидера» по количеству подключений к международным кабелям. К настоящему моменту нет верифицируемых свидетельств в пользу того, что руководство ЮАР осуществляет непосредственный контроль над инфраструктурой Интернета и цифровой связи. Цифровая инфраструктура ЮАР управляется преимущественно частными компаниями за исключением подотрасли широкополосной связи, где ведущее рыночное положение занимает компания Telkom, 40% акций которой владеет государство [Telkom, 2023].

Комиссия по вопросам конкуренции ЮАР провела несколько исследований ситуации на рынке и пришла к выводу о том, что рынок платформенных услуг в стране находится под сильным влиянием иностранных платформ, которые нередко используют искажающие конкуренцию практики. В ЮАР национальные платформы представлены только в нескольких потребительских сегментах, таких как доставка еды, организация путешествий, онлайн-объявления и т.д. В ЮАР никогда не создавался собственный национальный поисковик, а доминирующее положение занимает платформа Google.

В ЮАР не приняты постановления о фильтрации нежелательного контента. Действуют общие ограничения о распространении определенных категорий информации, их нарушение карается уголовными сроками. К настоящему моменту нет информации относительно выдвижения правительством ЮАР требований об удалении тех или иных информационных материалов.

В ЮАР действует Закон о безопасности данных [South African Parliament, 2020], который устанавливает требования в отношении отчетности о произошедших киберинцидентах, связанных с утечками пользовательских данных в течение 72 часов после инцидента. Тем не менее в ЮАР нет жестких требований в отношении хранения и обработки данных на территории страны. Этот приоритет закреплен в Стратегии управления данными ЮАР, но до сих пор не реализован в виде правовой нормы.

ОАЭ

На практике ОАЭ реализуют три из пяти компонентов цифрового суверенитета.

Среди новых стран БРИКС ОАЭ занимают самую высокую позицию в рейтинге инноваций ВОИС. При этом ВОИС считает, что ОАЭ демонстрирует меньшую эффективность в оценочном показателе «ожидаемый и реальный показатель инноваций», который отражает соотношение уровня доходов и места в мировом рейтинге [WIPO, 2024]. ОАЭ самостоятельно производит сравнительно небольшой объем электронной продукции, что не соответствует амбициозной цели страны стать региональным центром развития ИИ, для достижения которой ОАЭ активно импортируют оборудование и компоненты из-за рубежа [Үч, 2024].

ОАЭ занимают небольшую территорию и имеют выход сразу ко множеству международных кабелей интернет-связи¹². Входными точками на территории страны являются города Дубай, Шарджа, Кальба и Фуджейра (последний – крупнейший по количеству примыкающих международных кабелей). Иными словами, в случае ОАЭ достигнута достаточно высокая степень географической концентрации основных элементов международной инфраструктуры Интернета, что упрощает осуществление эффективного контроля сетевого трафика.

Ключевые интернет-провайдеры в ОАЭ – Etisalat и Du – находятся под полным или частичным контролем государства. Иностраные телекоммуникационные компании представлены на рынке ОАЭ, однако они в обязательном порядке проходят процедуру лицензирования Управлением по телекоммуникациям и цифровому правительству (TDGR). Решение TDGR об отзыве лицензии может быть оспорено, однако процедура судебного рассмотрения подобных обращений не стандартизирована и включена в функционал специальных комитетов TDGR. Ключевое требование TDGR – поставщики онлайн-услуг должны обеспечивать надлежащую модерацию распространяемого контента, в котором не должно быть запрещенной информации.

В ОАЭ действует закон о защите пользовательских данных, опирающийся на опыт GDPR [UAE, 2022]. Закон имеет экстерриториальное действие и требует от операторов обеспечить безопасность данных пользователей из ОАЭ. В условиях значительного присутствия иностранных поставщиков на рынках этих стран наличие подобных требований, подкрепленных полноценным законом, представляется необходимым.

Слабым компонентом в рамках реализации государственного цифрового суверенитета в ОАЭ является независимость в части предоставляемых платформенных решений. Местные компании конкурируют с иностранными платформами в некоторых отраслях платформенной экономики, однако в иных отраслях, имеющих критическое значение в контексте реализации информационной политики государства (например, в сегменте поисковых интернет-систем), ОАЭ не имеют собственного национального аналога.

Иран

В Иране реализуются три из пяти компонентов цифрового суверенитета.

Иран опережает остальные страны, присоединившись к БРИКС в 2024 г., с точки зрения объема производимой электронной продукции. Однако в этом отношении следует отметить, что большая часть электронной продукции Ирана составляет военное снаряжение, в частности беспилотные ударные аппараты. Среди новых стран БРИКС Иран занимает третью позицию и 64-ю позицию в мировом рейтинге по уровню инновационности. Следует отметить, что ВОИС оценивает соотношение инвестиций Ирана в инновационное развитие и итоговой позиции в мировом рейтинге качественно выше, чем в случае ОАЭ, которые могут инвестировать больше, но на выходе имеют показатели, ниже ожидаемых [WIPO, 2024]. Иран стремится занять одну из ведущих позиций в мире (среди 10 первых стран мира) по качеству развития технологий ИИ [Sadat Meidani, n.d.], однако нет обоснованных свидетельств в пользу того, что стра-

¹² Кабели Africa 1, Africa 2, Qatar-U.A.E., SeaMeWe-4, SeaMeWe-5, SeaMeWe-6, Fiber Optic Gulf, FALCON, Tata TGN-Gulf, OMRAN/EPEG, Gulf Bridge International Cable System / Middle East – North Africa Cable System (GBICS/MENA), Asia Africa Europe-1 (AAE-1), UAE-Iran, Transworld (TW1), Bay of Bengal Gateway (BBG), The East African Marine System (TEAMS), IMEWE, Europe India Gateway (EIG). Кабель Sir Abu Nu'ayr Cable не относится к международным и соединяет островные территории ОАЭ с континентальной частью.

на обладает надлежащим уровнем материально-технической базы для осуществления данного намерения.

На территории Ирана расположены пять точек присоединения к системе международных кабелей (в городах Ганаве, Бушир, Бендер-Аббас, Джаск и Чехбехар), однако суммарно страна подключена к значительно меньшему количеству кабелей по сравнению с соседями – странами Персидского залива¹³. Крупные (в случае Ирана) точки международного обмена данными находятся в городах Джаск и Чехбехар. Меньшая открытость страны к каналам международного обмена данными¹⁴ и географическая концентрированность инфраструктуры Интернета позволяют руководству страны осуществлять эффективный контроль над передаваемой посредством Интернета информацией. В стране реализован проект внутреннего Интернета, объединяющего государственные учреждения и недоступного для запросов извне.

В условиях взаимных блокировок международные цифровые платформы практически не представлены на рынке Ирана. Это создает благоприятные условия для развития национальных платформ. В Иране создана и функционирует собственная национальная поисковая платформа ParsiJo, что является важным элементом реализации приоритетов информационной политики государства. Функционирующие аналоги в других новых странах – членах БРИКС не были обнаружены. Наряду с суверенным национальным поисковиком в Иране функционирует система обязательного лицензирования платформ, распространяющих информацию в сети, а также введены в действие требования о модерации контента.

В Иране действует требование в отношении локализации пользовательских данных, собираемых на территории страны. Владельцы иностранных социальных сетей и других платформ, подпадающих под определение операторов данных, обязаны не только получить лицензию от местного регулятора, но и назначить постоянного представителя на территории страны, а также хранить и обрабатывать данные в пределах иранских границ. При этом в Иране не принята национальная стратегия или специальный закон о защите пользовательских данных. Защита пользовательских данных осуществляется с опорой на действующее законодательство, что оставляет некоторые правовые лакуны (например, в некоторых случаях получение несанкционированного доступа к личной информации не рассматривается как уголовное преступление).

Египет

В Египте реализуются три из пяти компонентов цифрового суверенитета государства.

Египет обладает достаточно скромной производственной базой в части производства электроники и полупроводников. Страна также занимает сравнительно невысокую позицию в мировом инновационном рейтинге, однако, как и в случае Ирана, ВОИС оценивает соотношение уровня национального дохода Египта и положения в рейтинге инновационности выше, чем в случае Саудовской Аравии и ОАЭ. Египет запустил амбициозную программу локализации производства электроники в 2015 г. и до-

¹³Кабели Kuwait-Iran, Gulf Bridge International Cable System/Middle East North Africa Cable System (GBICS/MENA), FALCON, OMRAN/EPEG, Pishgaman Oman Iran (POI) Network.

¹⁴ Действительно крупными являются сети, формируемые кабелями FALCON (12 стран: Индия, Шри-Ланка, Мальдивы, Оман, Кувейт, Катар, Бахрейн, Саудовская Аравия, Ирак, Йемен, Судан, Египет) и GBICS/MENA (9 стран: Оман, Катар, ОАЭ, Бахрейн, Кувейт, Саудовская Аравия, Иран, Ирак, Индия). Остальные три кабеля связывают Иран с ближайшими соседями – Оманом и Кувейтом.

бился определенных успехов в производстве смартфонов, однако даже в самом успешном кейсе – смартфоне компании Sico Egypt – было обеспечено замещение только 50% используемых компонентов [Ahrum Online, 2018]. Необходимые компоненты вычислительной техники, требуемые для построения сложных и требовательных систем, например для обучения больших языковых моделей на базе ИИ, не производятся в Египте.

Выгодное географическое положение Египта обуславливает его высокую включенность в международную инфраструктуру обмена данными. По территории страны проходят участки крупных международных кабельных сетей, связывающие Африку, Европу и Азию¹⁵. Всего на территории Египта расположены восемь крупных узлов приямки кабелей оптоволоконной связи – в городах Александрия, Абу Талат, Сиди Керир, Порт Саид, Суэц, Зафарана, Рас-Гариб и Таба. Крупнейшим по количеству приямки кабелей является узел в г. Абу Талат. Несмотря на высокую включенность Египта в международную информационную инфраструктуру, география распределения точек подключения к кабельным сетям демонстрирует высокую концентрированность, что облегчает правительству выполнение задач в отношении контроля над оборотом данных. Рынок телекоммуникационных услуг в стране фактически монополизирован государством – Министерство обороны Египта контролирует инфраструктуру через Национальную организацию сервисных проектов. При необходимости подконтрольный правительству оператор Telesom Egypt может практически полностью прекратить передачу данных посредством Интернета.

Рыночная ситуация в сегменте платформенных услуг Египта схожа с примером ОАЭ. На рынке представлены как иностранные, так и местные компании, конкурирующие на равной основе. Несмотря на ставку руководства Египта на жесткий контроль над содержанием распространяемых в Интернете информационных сообщений, в Египте не создана собственная цифровая поисковая платформа. При этом введены в оборот правила модерации контента и исключения из оборота целых категорий цифровых данных. Международная экспертная оценка говорит о необходимости дальнейшего совершенствования конкурентного законодательства Египта для обеспечения надлежащей защиты конкуренции.

Египет одним из первых среди новых стран – членов БРИКС принял национальный закон о защите пользовательских данных. При этом Египет опирался на опыт европейского GDPR, поэтому между двумя законами нет существенных отличий. Учитывая статус GDPR как международного стандарта, можно сделать вывод о том, что в Египте обеспечена надежная правовая основа для защиты суверенитета государства в области данных.

Эфиопия

Эфиопия реализует на практике два из пяти компонентов цифрового суверенитета.

Эфиопия занимает самую низкую позицию среди стран БРИКС по уровню инновационности экономики, согласно оценке ВОИС. При этом ВОИС отмечает, что с учетом оценочного уровня экономической развитости Эфиопия имеет показатель инновационности выше ожидаемого [WIPO, 2024]. В Эфиопии выпускается небольшое

¹⁵ Кабели PEACE Cable, SeaMeWe-3, SeaMeWe-4, SeaMeWe-5, SeaMeWe-6, Europe India Gateway, Middle East North Africa (MENA) Cable System/Gulf Bridge International, Asia Africa Europe – 1 (AAE-1), India Europe Xpress (IEX), FLAG Europe Asia (FEA), IMEWE, Africa-1, 2Africa, Medusa Submarine Cable System, Red2Med, Hawk.

количество электронной продукции, однако ее номенклатура представлена преимущественно потребительской продукцией – это устройства воспроизведения видео- и аудиосигналов, а также смартфоны [Tulkoff, 2017]. Иными словами, Эфиопия не может обеспечить ни один из компонентов технологического суверенитета, а именно эффективную разработку собственных технологий и последующую организацию производства необходимой продукции.

Среди всех новых стран – членов БРИКС Эфиопия обладает оценочно наиболее низким уровнем базовых возможностей контроля над инфраструктурой Интернета. Эфиопия не обладает прямым выходом к морю, поэтому в работе наземной инфраструктуры Интернета страна зависит от своих соседей – Джибути и Судана. Передача данных в Эфиопии опирается на спутниковую связь, что хуже поддается контролю по сравнению с наземной кабельной инфраструктурой. Тем не менее правительство не раз перекрывало цифровые коммуникации в ходе конфликта в провинции Тиграй в 2020–2022 гг., а также в других провинциях в последующие годы из-за общественных беспорядков. Это стало возможным благодаря установлению монопольного контроля правительством над рынком телекоммуникационных услуг через компанию Ethio Telecom. Правительство пытается ограничивать распространение определенных нарративов (пропаганда терроризма, риторика ненависти, заведомо ложная информация) и требует от операторов онлайн-платформ препятствовать распространению подобной информации.

Достаточно компактный рынок платформенных услуг Эфиопии, вкупе с низкой покупательной способностью населения, усложняет развитие местных компаний, вынужденных конкурировать с крупными иностранными ИТ-компаниями, свободно действующими в Эфиопии. Проект запуска национальной поисковой системы в Эфиопии не привел к кардинальному изменению ситуации – в настоящий момент доминирующей поисковой платформой в Эфиопии остается Google. Дать объективную оценку ситуации в отношении наличия в Эфиопии достаточных ресурсов и собственного пула национальных технологических решений достаточно сложно, однако с учетом общей низкой оценки развитости цифровой экономики можно предположить, что этот компонент цифрового суверенитета еще не реализован в Эфиопии в полной мере.

В отношении управления персональными данными следует отметить, что Эфиопия использует передовой международный опыт GDPR. В национальном законе, принятом по европейскому образцу, присутствуют требования о локализации пользовательских данных и запрет на несанкционированную передачу данных за рубеж, конкретизированы права и обязанности операторов и субъектов данных.

Индонезия

В своей практике Индонезия реализует два из пяти компонентов цифрового суверенитета государства.

Индонезия – крупный производитель электроники, однако собственными мощностями по выпуску высокотехнологичной продукции, в частности полупроводников, страна не обладает. Развитие производства полупроводников заявлено как один из приоритетов долгосрочного развития до 2045 г. [Kurniawan, 2024], однако сейчас страна уступает в этом отношении партнерам по АСЕАН [Ghifari, 2023]. При этом ВОИС достаточно высоко оценивает достижения Индонезии в сфере инновационного развития и указывает на то, что, согласно методологии сравнительного исследования организации, страна показывает результаты выше ожидаемых в соответствии с ее уровнем развития [WIPO, 2024].

Уровень доступа населения к Интернету немного превышает среднемировой показатель (69,2% населения, пользующегося Интернетом, против 67,6% среднемировой отметки, согласно информации МСЭ). Индонезия – одна из крупнейших в мире стран по протяженности береговой линии, поэтому ее характеризует высокая включенность в региональные и международные сети кабелей оптоволоконной связи¹⁶. В Индонезии находится несколько крупных местных инфраструктурных хабов с высокой концентрацией точек выхода на международные и региональные кабельные сети. Рынок коммуникационных услуг достаточно диверсифицированный, с высокой долей участия негосударственных компаний. Несмотря на то что власти Индонезии эпизодически ограничивают доступ к Интернету посредством мобильных устройств на фоне важных религиозных событий, вводимые ограничения, как правило, не затрагивают работу кабельных сетей.

Несмотря на отсутствие специального закона о конкуренции в сегменте платформенных услуг, на рынке Индонезии достаточно широко представлены местные компании, которые конкурируют с крупным иностранным бизнесом. Исключением является спрос на услуги поисковых систем, который практически целиком удовлетворяется за счет Google. Имеющаяся литература говорит о том, что в Индонезии предпринимались попытки создать собственные аналоги поисковых систем, но они не увенчались значительными успехами. Положения действующего закона о защите персональных данных, учитывающего опыт европейского GDPR, вводят требования о локализации данных и жесткий порядок трансграничной передачи данных.

В заключение отметим, что в Индонезии действуют ограничения на распространение в цифровом пространстве определенных видов контента, который рассматривается как нарушающий нормы общественной морали. Имеются сообщения о том, что ограничения накладывались на аккаунты политических активистов на популярных платформах; под запрет попадали и платформы целиком.

Заключение. Риски и возможности для сотрудничества БРИКС

Риски

Страны – члены БРИКС занимают разнонаправленные позиции в отношении реализации цифрового суверенитета государства. Последовательными сторонниками всесторонней реализации цифрового суверенитета государства являются Россия, Китай и Иран, для которых вопросы технологической самостоятельности, защищенности инфраструктуры, суверенного контроля над данными носят экзистенциальный характер. Следует отметить, что за исключением Китая ни одно из государств БРИКС не реализует все компоненты цифрового суверенитета государства. Общей проблемой для большинства стран – членов БРИКС является отсутствие самодостаточной материально-производственной базы, наличие которой может гарантировать бесперебойное функционирование цифровой экономики страны, даже при условии негативных изменений международной конъюнктуры.

Оценка ВОИС говорит о том, что даже при наличии значительных финансовых ресурсов процесс инновационного развития может отставать от ожидаемых результатов. Положительная оценка соотношения вложений и итогового уровня инноваций

¹⁶ Перечислим только некоторые из них: региональные – Palapa Ring West, JaSuKa, Barat Timur Indonesia-1, JAKABARE и др.; международные – Bifrost, Echo, Apricot (проектируемый), Indonesia Global Gateway System и др.

от ВОИС в отношении Эфиопии, Египта и Ирана релевантна только при условии их сравнения со странами со схожим уровнем дохода, а указанная тройка стран относится к группе государств с уровнем дохода ниже среднего. Иными словами, у большинства новых членов БРИКС нет достаточных располагаемых ресурсов для активизации усилий по обеспечению технологической независимости.

Таким образом, большинство стран – членов БРИКС не обладают ни самодостаточным реальным производством, ни существенным потенциалом в плане самостоятельной разработки новых технологических решений. В контексте поставленных амбициозных целей цифрового развития указанные обстоятельства вынуждают страны БРИКС импортировать готовую продукцию и технологии из-за рубежа, преимущественно из развитых стран, что ставит их в прямую зависимость от политической ситуации.

Определенные риски могут быть связаны с соперничеством Китая и ОАЭ за влияние на новые присоединившиеся страны, в частности на Египет и Эфиопию. Эти страны имеют свои политические интересы в регионе, что может повлиять на взаимодействие с местными правительствами. Эфиопия и Египет могут подвергнуться давлению со стороны других стран, стремящихся ограничить влияние иностранных государств на их цифровой сектор, особенно в свете международной конкуренции в сфере технологий. Вклады иностранных компаний в стратегические сектора, такие как цифровая инфраструктура, могут вызывать беспокойство у местного населения, которое опасается за сохранность суверенитета, что может повлиять на политику и даже вызвать социальное недовольство, угрожая стабильности целевых стран.

Возможности

Страны БРИКС уже в краткосрочной перспективе могут активизировать взаимные контакты по линии подготовки кадров для цифровой трансформации. В долгосрочной перспективе представляется возможной реализация совместных двусторонних и многосторонних проектов по созданию новых высокотехнологичных производств по принципу полного цикла: от фундаментальных исследований до готовой продукции. Государственные органы БРИКС могут стать первыми крупными заказчиками подобных совместных производств, обеспечив постоянный спрос на разрабатываемые решения и выпускаемые товары, в том числе на товары двойного назначения. Для продвижения сотрудничества по данному направлению можно использовать уже созданные механизмы БРИКС, такие как Партнерство для новой промышленной революции.

На пространстве БРИКС можно реализовывать зарекомендовавшие себя международные практики в решении ключевых вопросов цифрового роста, в частности в области цифровой общественной инфраструктуры. Показателен пример Индии и ее политики в области инфраструктурного развития на модели DaaS (Desktop as a Service) [Sify, n.d.]. Элементы DaaS интегрируются в инфраструктуру страны для поддержки цифровых услуг и удаленного доступа к государственным ресурсам – DaaS-решения позволяют сотрудникам государственных учреждений и партнерам получать защищенный доступ к необходимым данным и приложениям. Это особенно важно для удаленной работы и обеспечения непрерывности предоставления услуг в условиях кризисных ситуаций. Индийский опыт мог бы быть особенно полезным в контексте цифрового развития Эфиопии, Индонезии, Египта и Ирана, а также найти свое применение в контексте решения проблем цифрового доступа в отдаленных районах Бразилии и Китая.

Список источников (References)

- Ahram Online (2018) *SICO launches first Egyptian-manufactured smartphone*. February 19. Available at: <https://english.ahram.org.eg/News/291292.aspx> (accessed 21 July 2025).
- Baikal Electronics (n.d.) *Vysokoproizvoditel'nye energoeffektivnyye processory*. [High-performance, energy-efficient processors]. Available at: <https://www.baikalelectronics.ru/products/> (accessed 21 July 2025) (in Russian).
- Creemers R., Webster G., Triolo P. (2018) Translation: Cybersecurity Law of the People's Republic of China (Effective June 1, 2017). *Digichina. Stanford University*. Available at: <https://digichina.stanford.edu/work/translation-cybersecurity-law-of-the-peoples-republic-of-china-effective-june-1-2017/> (accessed 21 July 2025).
- Encyclopedia by Kaspersky (n.d.) *Deepfake*. Available at: <https://encyclopedia.kaspersky.ru/glossary/deepfake/> (accessed 21 July 2025) (in Russian).
- Ghifari D. (2023) Indonesia behind, but not conceding, in chip industry race. *Asia News Network*. September 21. Available at: <https://asianews.network/indonesia-behind-but-not-conceding-in-chip-industry-race/> (accessed 21 July 2025).
- Ghosh S. (2015) Trai recommends non-telecom activity be excluded from AGR. *Mint*. January 7. Available at: <https://www.livemint.com/Industry/7ivGrxiayiOsumswoIKMIN/Trai-recommends-nontelecom-activity-be-excluded-from-AGR.html> (accessed 21 July 2025).
- Green K., Sprott A., Francis E., Lafferty B., Wise H., Henry M., Faerber G., Miller F. (2024) Censorship Practices of the People's Republic of China. *Centre for Intelligence Research and Analysis (CIRA)*. February 20. Available at: https://www.uscc.gov/sites/default/files/2024-02/Censorship_Practices_of_the_Peoples_Republic_of_China.pdf (accessed 21 July 2025).
- Gupta S., Sony R. (2021) Quest of Data Colonialism and Cyber Sovereignty: India's Strategic Position in Cyberspace. *Legal Issues in the Digital Age*, vol. 2, no 2, pp. 70–81. Available at: <https://doi.org/10.17323/2713-2749.2021.2.68.81> (accessed 21 July 2025).
- Ignatov A., Zinovieva E. (2024) BRICS Agenda for Digital Sovereignty. *Russian International Affairs Council*. January 29. Available at: <https://russiancouncil.ru/en/analytics-and-comments/analytics/brics-agenda-for-digital-sovereignty/> (accessed 21 July 2025).
- Interfax (2022a) *Roskomnadzor soobshhil o blokirovke Twitter v Rossii* [Roskomnadzor has announced the blocking of Twitter in Russia]. March 4. Available at: <https://www.interfax.ru/russia/826411> (accessed 21 July 2025) (in Russian).
- Interfax (2022b) *Roskomnadzor reshil zablockirovat' Facebook v Rossii* [Roskomnadzor has decided to block Facebook in Russia]. March 4. Available at: <https://www.interfax.ru/russia/826396> (accessed 21 July 2025) (in Russian).
- Internet Monitor (n.d.) *China*. Available at: <https://thenetmonitor.org/country-profiles/chn#:~:text=The%20Chinese%20government%20uses%20a,control%20over%20online%20information%20flows> (accessed 21 July 2025).
- Kowalevski J. (2024) Global Disinformation Campaigns and International Law: Analyzing the Cases of Lisa and Confederation to Navigate the Complexities of Balancing Human Rights and National Security. *Zeszyt Prawniczy UAM*, no 14, pp. 61–71. Available at: <https://doi.org/10.14746/zpuam.2024.14.5> (accessed 21 July 2025) (in English).
- Kumar A., Thussu D. (2023) Media, digital sovereignty and geopolitics: the case of the TikTok ban in India. *Media, Culture & Society*, vol. 45, no 8, pp. 1583–1599. <https://doi.org/10.1177/01634437231174351> (accessed 21 July 2025).
- Kurniawan P. (2024) Indonesia's Bold Bid to Become a Semiconductor Hub. *The Diplomat*. August 16. Available at: <https://thediplomat.com/2024/08/indonesias-bold-bid-to-become-a-semiconductor-hub/> (accessed 21 July 2025).
- Madiega T. (2020) *Digital Sovereignty for Europe*. Think Tank. European Parliament. July 2. Available at: [https://www.europarl.europa.eu/thinktank/en/document/EPRS_BRI\(2020\)651992](https://www.europarl.europa.eu/thinktank/en/document/EPRS_BRI(2020)651992) (accessed 21 July 2025).

- Ministry of Electronics and Information Technology (MeitY) (2021) *The Information Technology (Intermediary Guidelines and Digital Media Ethics Code) Rules*. February 25. Available at: <https://www.meity.gov.in/static/uploads/2024/02/Information-Technology-Intermediary-Guidelines-and-Digital-Media-Ethics-Code-Rules-2021-updated-06.04.2023-.pdf> (accessed 21 July 2025).
- Ministry of Electronics and Information Technology (MeitY) (2023) *The Digital Personal Data Protection Act*. August 11. Available at: <https://www.meity.gov.in/static/uploads/2024/06/2bf1f0e9f04e6fb4f8fef35e82c42aa5.pdf> (accessed 21 July 2025).
- Mogul R. (2023) India cuts internet to 27 million as Punjab police hunt Sikh separatist. *CNN World*. March 20. Available at: <https://edition.cnn.com/2023/03/20/india/india-separatist-manhunt-internet-shutdown-intl-hnk/index.html> (accessed 21 July 2025).
- National People's Congress of the People's Republic of China (NPC) (2021) *Personal Information Protection Law of the People's Republic of China*. August 20. Available at: <https://personalinformationprotectionlaw.com/> (accessed 21 July 2025) (in English).
- Nikonov V., Voronov A., Sazhina V., Volodenkov S., Rybakova M. (2021) Digital Sovereignty of a Modern State: Content and Structural Components (Based on Expert Research). *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, vol. 60, pp. 206–216. Available at: <https://journals.tsu.ru/uploads/import/2087/files/60-206.pdf> (accessed 21 July 2025)(in Russian).
- The Observatory of Economic Complexity (OEC) (n.d.) *Semiconductors Devices in Brazil*. Available at: <https://oec.world/en/profile/bilateral-product/semiconductor-devices/reporter/bra> (accessed 21 July 2025).
- Che P. (2024) China's chip-making sees steady progress with new tools, but nothing to rival ASML. *South China Morning Post (SCMP)*. September 23. Available at: <https://www.scmp.com/tech/policy/article/3279653/chinas-chip-making-sees-steady-progress-new-tools-nothing-rival-asml> (accessed 21 July 2025).
- Park S.-Ch. (2024) New Era of U.S. and the EU Protectionism: How Will It Affect East Asia? *International Organisations Research Journal*, vol. 19, no 2, pp. 21–55. Available at: <https://iorj.hse.ru/en/2024-19-2/928685223.html> (accessed 21 July 2025) (in English).
- Ponomarev E., Simonova L. (2023) Digital sovereignty, challenges and risks of digitalization in Latin America. *Latinskaia Amerika*, no 11, pp. 6–22. Available at: <https://latamerica-journal.ru/s0044748x0028265-0-1/> (accessed 21 July 2025) (in Russian).
- RIA (2018) *V Rossii sokratili sroki udalenija zapreshennyh sajtov* [Russia has shortened the timeframe for removing banned websites]. December 29. Available at: <https://ria.ru/20181229/1548897705.html> (accessed 21 July 2025) (in Russian).
- RIA (2022) *V Rossii zablokirovali Instagram* [Instagram has been blocked in Russia]. March 14. Available at: <https://ria.ru/20220314/instagram-1777974202.html> (accessed 21 July 2025) (in Russian).
- Robles-Carrillo M. (2023) Sovereignty vs. Digital Sovereignty. *Journal of Digital Technologies and Law*, vol. 1, no 3, pp. 673–690. Available at: <https://doi.org/10.21202/jdtl.2023.29> (accessed 21 July 2025).
- Sadat Meidani S.H. (n.d.) From Algebra to Artificial Intelligence: Iran's Legacy for Development of World Science and Technology. *Middle East Political and Economic Institute (MEPEI)*. Available at: <https://mepei.com/from-algebra-to-artificial-intelligence-irans-legacy-for-development-of-world-science-and-technology/> (accessed 21 July 2025).
- Sify (n.d.) *What is desktop as a service (DaaS) and how can it help your organization?* Available at: <https://www.sifytechnologies.com/blog/what-is-desktop-as-a-service/> (accessed 21 July 2025).
- Soon C., Mak Rui A., Chew H.E. (2023) Digital Sovereignty State Action and Implications for Singapore. *Institute of Policy Studies Lee Kuan Yew School of Public Policy, National University of Singapore*. June. Available at: [https://ctic.nus.edu.sg/resources/CTIC-WP-04\(2023\).pdf](https://ctic.nus.edu.sg/resources/CTIC-WP-04(2023).pdf) (accessed 21 July 2025).
- South African Parliament (2020) *Protection of Personal Information Act (POPI Act)*. July 1. Available at: <https://popia.co.za/> (accessed 21 July 2025) (in English).
- Sparkes M. (2024) Can India build a world-leading computer chip industry from scratch? *New Scientist*. April 25. Available at: <https://www.newscientist.com/article/2422985-can-india-build-a-world-leading-computer-chip-industry-from-scratch/> (accessed 21 July 2025).

- Telkom (2023) *Integrated Report for the year ended*. March 31. Available at: https://group.telkom.co.za/documents/ir/financial-information/integrated-report-2023/Telkom_Integrated_Report_2023.pdf (accessed 21 July 2025).
- Tulkoff S. (2017) Ethiopian Electronics Manufacturing Powers Up. *Global SMT & Packaging*. June 26. Available at: <https://www.globalsmt.net/articles-and-papers/ethiopian-electronics-manufacturing-powers-up/> (accessed 21 July 2025).
- United Arab Emirates. Minister of State for Artificial Intelligence, Digital Economy & Remote Work Applications Office (UAE) (2022) *Personal Data Protection Law* (Federal Decree Law No. 45 of 2021 Regarding the Protection of Personal Data). January 2. Available at: <https://ai.gov.ae/personal-data-protection-law/> (accessed 21 July 2025) (in English).
- Vedomosti (2017) *LinkedIn otkazalas' hranit' personal'nye dannye rossijan na territorii Rossii – Roskomnadzor* [LinkedIn refused to store Russian users' personal data on the territory of Russia – Roskomnadzor]. March 7. Available at: <https://www.vedomosti.ru/technology/news/2017/03/07/680291-linkedin> (accessed 21 July 2025) (in Russian).
- Vedomosti (2024) *Razrabotchik processorov Baikal lokalizuet odin iz etapov proizvodstva*. [The Baikal March 26. Available at: <https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2024/03/26/1027924-razrabotchik-protsessorov-baikal-lokalizuet-odin-iz-etapov-proizvodstva> (accessed 21 July 2025) (in Russian).
- Wang A. (2020) Cyber Sovereignty at Its Boldest: A Chinese Perspective. *Ohio State Technology Law Journal*, vol. 16. Available at: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=4779801 (accessed 21 July 2025).
- Weber A., Reith S., Kasper M., Kuhlmann D., Seifert J-P., Krauß C. (2018) *Sovereignty in Information Technology. Security, Safety and Fair Market Access by Openness and Control of the Supply Chain*. White Paper V1.0, March. Available at: <http://www.QuattroS-Initiative.org/> (accessed 21 July 2025).
- World Intellectual Property Organization (WIPO) (2024) *GII 2024 ranks*. Available at: <https://www.wipo.int/gii-ranking/en/rank> (accessed 21 July 2025).
- Yu H.H. (2024) The UAE's ascent in the semiconductor wars: A new era in chip manufacturing? *Institute for Management Development (IMD)*. February 22. Available at: <https://www.imd.org/ibyimd/technology/the-uaes-ascent-in-the-semiconductor-wars-a-new-era-in-chip-manufacturing/> (accessed 21 July 2025).
- Zakharov A., Reiter S. (2018) Roskomnadzor vnedrit novuju tehnologiju blokirovok Telegram za 20 mlrd rublej. [Roskomnadzor will implement a new Telegram blocking technology for 20 billion rubles]. *BBC. News*. December 18. Available at: <https://www.bbc.com/russian/features-46596673> (accessed 21 July 2025) (in Russian).
- Zinovieva E. (2023) Cifrovoj suverenitet v praktike mezhdunarodnyh otnoshenij. [Digital sovereignty in the field of international relations]. *The International Affairs*, no 3. Available at: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/2798> (accessed 21 July 2025) (in Russian).
- Zinovieva E., Bai Y. (2023) Digital Sovereignty in Russia and China. *Russian International Affairs Council*. June 14. Available at: <https://russiancouncil.ru/en/analytics-and-comments/analytics/digital-sovereignty-in-russia-and-china/> (accessed 21 July 2025).

Приложение

Таблица III. Сравнение политики стран – членов БРИКС по реализации основных компонентов цифрового суверенитета государства

Страна БРИКС	Контроль над критически важными технологиями и производственными цепочками ¹⁷	Контроль над инфраструктурой связи и Интернета	Контроль над ситуацией на рынке цифровых платформенных услуг	Контроль над содержанием распространяемой информации	Контроль над оборотом данных
Бразилия	50-е место в мировом рейтинге инноваций (1-е место в региональной группе, 6-е – среди стран сопоставимого уровня доходов / upper-middle income). Добавленная стоимость в производстве электроники: 3,5 млрд долл. США (2024, прогноз)	Территориально распределенная инфраструктура Интернета и выхода на международные кабельные сети. Присутствие на рынке множества негосударственных компаний. Проведен процесс приватизации государственной компании-оператора цифровых инфраструктурных проектов	В сегменте поисковых систем доминирует иностранная платформа Google, отсутствуют местные аналоги. Местные компании преимущественно относятся к малому и среднему бизнесу, которым сложно конкурировать с крупными иностранными платформами. Специальный закон о конкуренции в сегменте платформенных услуг проходит стадию рассмотрения	Нет действующих жестких норм в отношении модерации контента в Интернете и обязанности операторов платформ выполнять подобные функции. Обсуждаются законопроекты, устанавливающие подобные требования	Требования о локализации данных ограничены облачными сервисами. С 2019 г. действует специальный закон о защите данных. Расширение требований о локализации данных ограничивается участием Бразилии в МЕРКОСУР
Россия	59-е место в мировом рейтинге инноваций (33-е место в региональной группе, 13-е – среди стран сопоставимого уровня доходов / upper middle income). Добавленная стоимость в производстве электроники: 10,7 млрд долл. США (2024, прогноз)	Концентрация ключевых узлов передачи информации, наличие технической возможности для мониторинга трафика. Рынок телекоммуникаций разделен между несколькими крупными негосударственными компаниями	Наличие собственных поисковых систем, социальных сетей и других аналогов популярных зарубежных платформ, успешно конкурирующих на местном рынке	Действуют требования в отношении операторов цифровых платформ в отношении модерации контента. Обеспечена техническая возможность блокировки доступа к ресурсам, не выполняющим требования регуляторов	Введены требования о локализации данных. Несоблюдение требований наказывается штрафом, а в некоторых случаях – полной блокировкой доступа к ресурсам оператора-нарушителя

¹⁷ Данные о добавленной стоимости в рассматриваемом секторе – по информации портала Statista (если не указано иное). См.: [Statista, n.d.]. Оценка инновационности – в соответствии с рейтингом ВОИС. См.: [WIPO, n.d.].

Страна БРИКС	Контроль над критически важными технологиями и производственными цепочками ¹⁷	Контроль над инфраструктурой связи и Интернета	Контроль над ситуацией на рынке цифровых платформенных услуг	Контроль над содержанием распространяемой информации	Контроль над оборотом данных
Индия	39-е место в мировом рейтинге инноваций (1-е место в региональной группе, 1-е – среди стран сопоставимого уровня доходов / lower-middle income). Добавленная стоимость в производстве электроники: 4,8 млрд долл. США (2024, прогноз)	Высокая степень географической концентрации Интернет-инфраструктуры. Власти используют инструменты технического ограничения работы Интернета в периоды общественных беспорядков. На рынке представлено множество операторов услуг доступа к Интернету, однако реальный рыночный контроль осуществляют три негосударственные компании	Ключевая поисковая платформа с точки зрения количества запросов – Google. Ключевые рыночные позиции занимают иностранные мессенджеры. Крупные иностранные платформы также занимают ключевые позиции в сегментах доставки еды, такси, организации путешествий и др.	Введены требования об удалении нежелательной информации операторами цифровых платформ в течение 36 часов после уведомления компетентного органа	Принят специальный закон об управлении пользовательскими данными. Требования о локализации достаточно мягкие и позволяют трансграничную передачу, кроме случаев прямого запрета со стороны правительства.
Китай	11-е место в мировом рейтинге инноваций (3-е место в региональной группе, 1-е – среди стран сопоставимого уровня доходов / upper-middle income). Добавленная стоимость в производстве электроники: 2,1 трлн долл. США (2024, прогноз)	Высокая степень географической концентрации интернет-инфраструктуры. Власти используют инструменты технического ограничения работы Интернета в периоды общественных беспорядков. Правительство Китая практически монопольно контролирует рынок сотовой связи и доступ к Интернету	Во всех ключевых отраслях платформенной экономики представлены национальные компании. Для крупных иностранных компаний практически полностью заблокированы возможности входа на местный рынок	Действуют требования о модерации контента цифровых платформ и мониторинга поведения пользователей	Введены требования о локализации данных и получении предварительного согласования компетентных органов в отношении трансграничной передачи данных. Введены требования в отношении обеспечения безопасности пользовательских данных
ЮАР	69-е место в мировом рейтинге инноваций (2-е место в региональной группе, 18-е – среди стран сопоставимого уровня доходов / upper-middle income). Добавленная стоимость в производстве электроники: нет данных	Территориально распределенная инфраструктура доступа к международным кабельным системам. Нет подтверждения наличия у руководства страны возможности эффективно ограничивать интернет-трафик. Рынок телекоммуникационных услуг ЮАР представлен частными компаниями за исключением отрасли оптоволоконной связи	Нет собственного поисковика, доминирующее положение платформы Google. Местные компании представлены в нескольких секторах платформенной экономики, например в доставке еды, организации путешествий	Требования о модерации контента операторами онлайн-платформ не введены	Действует национальный закон о защите данных. Установлены требования о предоставлении информации об утечках данных в течение 72 часов после инцидента, однако требования о локализации данных не вводятся

Страна БРИКС	Контроль над критически важными технологиями и производственными цепочками ¹⁷	Контроль над инфраструктурой связи и Интернета	Контроль над ситуацией на рынке цифровых платформенных услуг	Контроль над содержанием распространяемой информации	Контроль над оборотом данных
ОАЭ	31-е место в мировом рейтинге инноваций (3-е место в региональной группе, 31-е среди стран сопоставимого уровня доходов / high income). Добавленная стоимость в производстве электроники: 147 млн долл. США	Снятие части ограничений на доступ к определенным мобильным приложениям и функциям перед Dubai Expo 2020/21. Не зафиксированы случаи полной блокировки трафика, однако наземная инфраструктура высокоцентрализована и в теории может быть отключена правительством	Нет собственных поисковых систем, ведущее положение Google. Местные компании занимают отдельные ниши на рынке (такси, доставка, маркетплейсы, размещение) и успешно конкурируют с иностранными платформами	Существует регламент в отношении распространения информации, считающейся нежелательной. Действуют требования к операторам цифровых платформ о модерации контента. Введена в действие система лицензирования операторов платформ	Оборот данных регламентируется специальным законом по модели GDPR
Египет	86-е место в мировом рейтинге инноваций (15-е место в региональной группе, 11-е – среди стран сопоставимого уровня доходов / lower-middle income). Добавленная стоимость в производстве электроники: 14,9 млн долл. США	Инфраструктура Интернета характеризуется высокой централизацией. Министерство обороны контролирует инфраструктуру через Национальную организацию сервисных проектов	Нет собственных поисковых систем, ведущее положение Google. Местные компании занимают отдельные ниши на рынке (такси, доставка, маркетплейсы, размещение) и успешно конкурируют с иностранными платформами	Существует регламент в отношении распространения информации, считающейся нежелательной. Действуют требования к операторам цифровых платформ о модерации контента. Введена в действие система лицензирования операторов платформ	Оборот данных регламентируется специальным законом по модели GDPR
Иран	64-е место в мировом рейтинге инноваций (2-е место в региональной группе, 5-е – среди стран сопоставимого уровня доходов / lower-middle income). Добавленная стоимость в производстве электроники: 600 млн долл. США	Реализована возможность практически полного блокирования передачи данных через Интернет, множественные случаи блокировок Интернет-трафика на фоне общественных беспорядков	Собственная национальная поисковая система на фарси; внутренний Интернет для госучреждений, недоступный извне. Формально все крупные международные операторы платформ не допускаются на рынок, поддерживается развитие местных компаний	Существует регламент в отношении распространения информации, считающейся нежелательной. Действуют требования к операторам цифровых платформ о модерации контента. Введена в действие система лицензирования операторов платформ	Специальный закон не принят, отсутствует национальная стратегия управления данными. Действует требование о локализации пользовательских данных. Оценочно недостаточный уровень защиты пользовательских данных с опорой на положение действующих законов

Страна БРИКС	Контроль над критически важными технологиями и производственными цепочками ¹⁷	Контроль над инфраструктурой связи и Интернета	Контроль над ситуацией на рынке цифровых платформенных услуг	Контроль над содержанием распространяемой информации	Контроль над оборотом данных
Эфиопия	130-е место в мировом рейтинге инноваций (24-е место в региональной группе, 8-е — среди стран сопоставимого уровня доходов / low income). Нет статистики о добавленной стоимости в производстве электроники	Сравнительно низкий уровень развития и доступности цифровой инфраструктуры. Нет прямого доступа к международным подводным кабелям. Инфраструктура контролируется государственной компанией Ethio Telecom. Имеются примеры блокировок доступа в Интернет в регионах, охваченных гражданскими беспорядками, и в конфликтных регионах	Создана, но, вероятно, не функционирует поисковая система на амхарском языке. Национальные компании представлены на рынке, однако существенно уступают по охвату аудитории зарубежным конкурентам	Криминализовано распространение недостоверной информации и использование риторики ненависти. Сформулированы требования о пре-модерации контента онлайн-платформами — требуется препятствовать распространению нежелательной информации	Оборот данных регламентируется специальным законом по модели GDPR
Индонезия	54-е место в мировом рейтинге инноваций (12-е место в региональной группе, 8-е место среди стран сопоставимого уровня доходов / upper-middle income). Добавленная стоимость в производстве электроники: 4,3 млрд долл. США ¹⁸	Сравнительно ограниченный доступ населения к цифровой инфраструктуре. Обладает широким доступом к международным кабельным сетям. Имеются примеры ограничения мобильного доступа в Интернет на фоне религиозных событий в отдельных регионах, однако кабельное подключение никак не ограничивается. Рынок достаточно диверсифицирован, представлены крупные негосударственные игроки	Создано несколько собственных поисковых систем, однако их влияние остается малозначительным. Нет специального закона о регулировании рынка платформенных услуг, однако национальные компании широко представлены в ряде ключевых сегментов	Правительство на регулярной основе требует от операторов платформ удалять контент, который рассматривается как нарушающий нормы общественной морали («негативный контент»). Были зафиксированы случаи ограничения работы цифровых аккаунтов политических активистов, а также блокировки целых платформ из-за неудаления нежелательной информации. Право ограничивать доступ к контенту передано компетентным органам на основании действующего закона	Оборот данных регламентируется специальным законом по модели GDPR

Источник: составлено автором.

¹⁸ Kontan (2024) Electronic Product Import Regulations Considered Able to Boost Domestic Industry. Available at: <https://industri.kontan.co.id/news/aturan-soal-impor-produk-elektronik-dinilai-bisa-mendorong-industri-di-dalam-negeri#> (accessed 5 May 2025).

Comparative Study of Policies for Implementing State Digital Sovereignty by BRICS Members¹

A. Ignatov

Alexander Ignatov – PhD in Political Science, Senior Research Fellow at the Center for International Institutions Research of the Institute for Applied Economic Research of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (CIIR IAER RANEPА); Room 403, 11 Prechistenskaya Naberezhnaya, 119034, Moscow, Russia; ignatov-aa@ranepa.ru; ORCID: 0000-0001-6740-4454

Abstract

There is an urgent need to examine how BRICS member states pursue and implement national digital sovereignty, because of the growing role of digital technologies in safeguarding national security, promoting economic growth, and preserving state independence amid global digital transformation. As geopolitical competition intensifies and external pressure mounts, BRICS countries aim to develop shared approaches to protecting their digital infrastructure and fostering national technological ecosystems. Deeper cooperation in this area serves Russia’s strategic interests by reinforcing its global political standing, diversifying economic ties, and ensuring technological autonomy from unfriendly states. The study’s objective is to identify the distinctive features of BRICS digital-sovereignty policies. It reviews different interpretations of “digital sovereignty” and singles out five key implementation areas: control over production chains, management of communications and Internet infrastructure, regulation of digital platform services, control over disseminated content, and governance of data flows. The author conducts a comparative analysis of BRICS policies across these five dimensions, pinpointing the main similarities and differences in national approaches. The conclusion presents the author’s assessment of the risks and prospects for BRICS cooperation in bolstering digital sovereignty.

Keywords: BRICS, digital sovereignty, digital economy, digital infrastructure, Internet governance, data governance, technological sovereignty

Acknowledgements: the article was written on the basis of the RANEPА state assignment research program.

For citation: Ignatov A. (2025) Comparative Study of Policies for Implementing State Digital Sovereignty by BRICS Members. *International Organisations Research Journal*, vol. 20, no 3, pp. 60–83 (In English). doi:10.17323/1996-7845-2025-03-04

¹ This article was submitted 12.05.2025.

Африканский союз и БРИКС: взаимные интересы и общие ценности¹

Д.А. Зеленова, Т.А. Андреева

Зеленова Дарья Александровна – кандидат политических наук, старший научный сотрудник, заведующая Центром изучения африканской стратегии БРИКС Института Африки РАН; Россия, 123001, Москва, ул. Спиридоновка, д. 30/1; d.zelenova@gmail.com; ORCID: 0000-0002-5237-4413

Андреева Тамара Алексеевна – младший научный сотрудник Центра изучения африканской стратегии БРИКС Института Африки РАН; Россия, 123001, Москва, ул. Спиридоновка, д. 30/1; t.andreeva@inafr.ru; ORCID: 0009-0003-9195-3578

Аннотация

С 2024 г. в состав БРИКС вошли два новых африканских государства – Эфиопия и Египет, что ознаменовало начало нового этапа на африканском направлении деятельности объединения. Рост африканского присутствия демонстрирует приверженность БРИКС традиционному диалогу по линии Юг – Юг, но также демонстрирует очевидные сдвиги в сторону полицентричного мира, при котором Африка постепенно превращается в самостоятельного субъекта международных отношений. При этом наблюдается диспропорциональное представление континента в БРИКС, ведь ни одно из государств Западной и Центральной Африки до настоящего времени не является участником объединения в полном формате.

В статье рассматривается процесс трансформации африканского трека БРИКС от формата «аутрич» и «БРИКС+» до частичного представления континента на субрегиональном уровне с учетом расширения в 2024 г. Вместе с тем делается предположение о том, что неформализованный характер объединения, являвшийся долгое время притягательным из-за особого диалогового формата БРИКС, не сможет удовлетворить растущий запрос на включение в состав новых игроков. Дальнейшее присоединение государств к объединению приведет к нагромождению процедур и усложнению его организационной структуры. На Африканском континенте располагается 54 страны, являющихся членами ООН. Присоединение каждой из них немыслимо. Последняя волна расширения объединения в 2025 г. за счет внедрения новой категории «страна-партнер», несмотря на подключение в этом качестве Нигерии и Уганды, по-прежнему не делает Африку равнопредставленной в БРИКС. В этой связи актуальным остается изучение перспектив развития африканского вектора БРИКС и поиск новых внешнегосударственных форматов сотрудничества.

В статье обсуждается проблема дальнейшей интеграции континента в БРИКС, в частности насколько потенциальное расширение может изменить сложившийся диалоговый формат и отсутствие институциональной перегрузки, которые обуславливают успехи БРИКС. Авторы исследуют перспективы приглашения Африканского союза (АС) в качестве представителя всего континента для решения вышеуказанной проблемы. На основе анализа ключевых документов АС и БРИКС рассматривается близость двух объединений как в политико-идеологической (соответствие так называемому духу БРИКС), так и практической плоскости (совпадение повесток и проектов). Проводится анализ внутренней архитектуры АС и БРИКС, который позволяет выявить возможные препятствия и трудности на пути интеграции двух объединений.

¹ Статья поступила в редакцию 29.11.2024.

Ключевые слова: Африканский союз, БРИКС, полицентричность, Повестка – 2063, panaфриканизм, ЦУР, Африка

Для цитирования: Зеленова Д.А., Андреева Т.А. Африканский союз и БРИКС: взаимные интересы и общие ценности // Вестник международных организаций. 2025. Т. 20. № 3. С. 84–98 (на русском и английском языках). doi:10.17323/1996-7845-2025-03-05

Введение

За последние несколько лет БРИКС прошел через значительную и стремительную трансформацию. Преодолев две успешные волны расширения в 2011 и 2024 гг. и выйдя на новый уровень интеграции, бывший «клуб стран с растущими экономиками» вырос в широкоформатный форум, представляющий интересы мирового большинства [Panova, 2024]. Традиционный фокус на инклюзивных экономических сценариях развития и консенсусный формат работы объединения сразу же обозначили альтернативу западнцентричным организациям, а последующие волны расширения позволили претендовать на новый центр принятия решений. При этом важной, если не ключевой, особенностью БРИКС является то, что объединение не ограничивается рамками межгосударственного диалога, привлекая к формированию повестки дня представителей экспертного и гражданского сообщества, «мозговых центров», академических кругов [Muratshina, 2019; Kirton, Larionova, 2022]. Не только гибкий и неформальный формат сотрудничества, но и общие ценности объединения – стремление к справедливому многополярному мироустройству, его контргегемонистская повестка – стали основой успешного расширения и интеграции [Bordachev, Suslov, 2024].

Расширение БРИКС происходило параллельно с нараставшим кризисом институтов глобального управления (далее – ГУ). Одной из ключевых характеристик перехода к полицентричности можно назвать процесс деполяризации, когда государства отходят от «полюсного» разделения мира, то есть либо в формате одного главенствующего полюса (гегемония одной державы), либо в формате биполярного противостояния двух блоков. Полюсное разделение мира предполагает обязательную соизмеримость их потенциалов, а также противопоставление, или конкуренцию [Batalov, 2012]. В результате деполяризации государства, напротив, отказываются от формата блоковых противостояний, формируя множественное число центров силы. Новая биполярность, к которой стремятся страны «коллективного Запада», возглавляемые США, с учетом пройденных уроков истории холодной войны, не интересна странам Глобального Юга. Для БРИКС блоковый формат также неприемлем. Африканский континент, традиционно занимавший позицию неприсоединения с момента создания Организации африканского единства, подчеркивает свою независимость и не хочет играть в игры «больших держав».

Фокус на инклюзивном экономическом развитии, широкая повестка дня, включающая вопросы безопасности и развития, а также консенсусный формат принятия решений полностью отвечают интересам континента, а спрос его стран на участие в работе многосторонних организаций только растет. Африка уже не объект, а субъект международных отношений. И очевидно, что ее субъектность будет только увеличиваться [Abgamova, 2018]. В 2024 г. Африканский союз был приглашен в «Группу двадцати», активизировались обсуждения возможного принятия африканских государств в ряды постоянных членов Совета Безопасности ООН. Вторая волна расширения БРИКС 2024 г. охватила двух крупнейших региональных игроков Африки – Египет и

Эфиопию, обе страны имеют не только субрегиональное влияние, но и в определенном смысле могут претендовать на выражение голоса всей Африки. В 2024 г. в ходе российского председательства в БРИКС была сформулирована и закреплена новая категория «страна-партнер». Приглашение к сотрудничеству в новом формате получили еще три африканских государства: Уганда, Алжир и Нигерия. Все они, кроме Алжира, уже приняли решение присоединиться к БРИКС.

Одной из актуальных проблем будущего развития объединения, по мнению авторов, можно назвать невозможность расширения числа постоянных стран-участниц. Сохранение неформализованного и гибкого характера объединения крайне важно по причине того, что он обеспечивает уникальность БРИКС – его диалоговый формат и «гибкую геометрию» [Bordachev, Suslov, 2024]. Вместе с тем очевидно, что дальнейшее присоединение государств к объединению приведет к нагромождению процедур и усложнению его организационной структуры. На Африканском континенте располагается 54 страны, и региональное представительство Центральной Африки в БРИКС пока что остается под вопросом. По итогам второй волны расширения в 2024 г. к БРИКС присоединились два субрегиона Африки: Северный (Египет) и Восточный (Эфиопия). Несмотря на выработку новой категории «страна-партнер» в 2024 г. и приглашение к сотрудничеству в таком формате еще трех африканских государств, сохраняется ситуация, при которой Африка представлена диспропорционально. В этой связи особенно актуальным становится изучение потенциала структурных изменений БРИКС за счет развития африканского направления.

Предлагаемая вниманию читателей статья поднимает вопрос, который до сих пор лишь вскользь рассматривался в научной литературе. Авторы рассуждают о пересечении практико-ориентированных (interest-based) и ценностных (value-based) повесток двух международных объединений: АС и БРИКС². Методологически исследование опирается на качественный анализ, по результатам которого были показаны ключевые пересечения повесток (отражены в табл. 1). Исследование «тематических портфелей» двух объединений демонстрирует пересечение повесток по ряду магистральных направлений. Делается вывод о том, что страны БРИКС могут открыть для себя новые форматы сотрудничества с АС, в том числе и через работу совместных инфраструктурных проектов, взаимодействие платежных систем и банков развития, а также потенциального выхода на рынки Африканской континентальной зоны свободной торговли (АфКЗСТ). Кроме практических вопросов, оба объединения выдвигают и ценностную повестку. Несмотря на попытку АС выработать единую панафриканскую повестку и быть голосом всей Африки, многочисленная литература по АС указывает на его хрупкую политическую субъектность. Это необходимо принимать во внимание при выработке стратегий сотрудничества БРИКС и АС.

Теоретическая рамка работы

В данной статье авторы изучают потенциал сотрудничества БРИКС и АС через призму агент-структурного подхода [Wendt, 1987; Wight, 2006], заимствованного из теории социальных наук, в первую очередь из работ Э. Гидденса [Giddens, 1979]. Теория рассматривает взаимосвязь общества (структура) и его отдельных индивидуумов (агентов),

² Авторы статьи развивают и углубляют научную дискуссию, начатую в рамках Академического форума БРИКС, в рамках которой обсуждались возможные сценарии интеграции АС и БРИКС. См.: Специальная сессия РАН «Интеграция интеграций: БРИКС и Африканский союз», проходившая в рамках Академического форума БРИКС в Москве [BRICS, 2024].

указывая на возможность агентов вносить изменения в структуру. Таким образом, и общество, и индивидуумы формируют друг друга.

Отталкиваясь от данной теории, мы смотрим на БРИКС как на структуру, в которой находятся крупнейшие региональные лидеры Африки. Они могут рассматриваться как агенты изменений в БРИКС и в АС. Они способны транслировать ценности обоих объединений как на свои субрегионы, так и вовне.

Кейс ЮАР достаточно интересный, так как он наглядно демонстрирует возможный потенциал агента изменений в структуре БРИКС. Страна, бывшая долгие годы в изоляции во времена апартеида, смогла войти в международную структуру, добавив в нее не только свои национальные интересы, но и более широкую африканскую повестку. В теоретической рамке агент-структурного подхода деятельность агентов изменений может быть рассмотрена через их повестку дня – нарративы и ценности, продвигаемые в декларациях, которые принимаются по итогам председательства страны в БРИКС [Zelenova et al., 2024]. Рассматривая проблему идентичности АС и сопоставляя его ценности с ценностями БРИКС, авторы исходят из конструктивистской парадигмы, для которой проблемы идентичности являются центральными. Представляется, что такой теоретический подход будет полезным для осмысления множественных и изменчивых идентичностей БРИКС и АС.

Африканская повестка в БРИКС

С момента включения в 2011 г. в состав объединения ЮАР страна поступательно интегрировала общеконтинентальные интересы в деятельность объединения, усиливая голос Африки на международной арене и выстраивая важный внешнеполитический вектор отношений по линии Юг – Юг. Ключевым инструментом для расширения диалога стали практики «аутрич» (приглашение соседних государств, не являющихся членами БРИКС, к диалогу), которые были начаты на саммите в Дурбане в 2013 г. Саммит проходил под названием «БРИКС и Африка: партнерство в целях развития, интеграции и индустриализации», что само по себе уже стало громким событием для континента.

Тогда правительство ЮАР впервые пригласило председателя АС (лидера Руанды) и председателя Комитета глав государств НЕПАД (лидера Сенегала) принять участие в заседаниях саммита [Shubin, 2015]. Это положило начало дальнейшему регулярному диалогу между представителями АС и БРИКС. Кроме того, благодаря ЮАР в формате «аутрич» началась работа с представителями региональных экономических сообществ (РЭС) Африки. В 2013 г. впервые на саммит в Дурбан были приглашены лидеры Африканского континента, возглавлявшие африканские РЭС – из Габона, Уганды, Эфиопии, Того, Замбии, Намибии, Анголы [Shubin, 2015]. В год первого председательства ЮАР в БРИКС был создан Деловой совет БРИКС для укрепления и развития экономических, торговых, деловых и инвестиционных связей между бизнес-сообществами стран-участниц.

Во время второго председательства ЮАР в БРИКС был проведен Форум диалога с африканскими лидерами «Раскрывая потенциал Африки: сотрудничество БРИКС и Африки в сфере инфраструктуры», результатом которого стало подписание Многостороннего соглашения о взаимном финансировании инфраструктуры в Африке между экспортно-импортными банками и банками развития БРИКС [Larionova, 2015].

Южноафриканцы и в дальнейшем значительно расширяли африканскую повестку дня БРИКС, обращая внимание на Африканский союз как на ключевую региональную организацию, обеспечивающую стабильность на континенте, а уже в третий год пред-

седательства в Йоханнесбургской декларации было прописано предложение усилить торговую интеграцию Африканского континента через АфКЗСТ [Second Johannesburg Declaration, 2023], которая рассматривается южноафриканцами в том числе и как источник укрепления продовольственной безопасности на Африканском континенте [Second Johannesburg Declaration, 2023].

Кроме того, африканский трек в БРИКС включал работу и по линии Нового банка развития (НБР). Неслучайно штаб-квартира первого регионального представительства НБР по Африке была открыта в Йоханнесбурге в 2018 г. [NDB, 2017]. По состоянию на 2024 г. ЮАР получила от НБР значительное финансирование на развитие 14 инфраструктурных проектов в области водоснабжения, транспорта и энергетики, в сфере развития возобновляемых источников энергии и социальной инфраструктуры [All projects, South Africa, 2025].

Поиск новых практических форматов интеграции и сотрудничества объединения с Африкой обсуждается в исследованиях южноафриканских ученых [April et al., 2023]. Отмечается, что для обеспечения экономического суверенитета африканские страны заинтересованы в реализации инфраструктурных проектов на своем континенте. Особую роль сами африканские эксперты отводят НБР БРИКС. Среди всех стран объединения Китай наиболее активный и мощный по объему инвестиций игрок на континенте [Deitch, 2019], но поскольку НБР пока что дает займы только своим членам, среди которых на данный момент только две африканские страны (Египет и ЮАР), то расширение сотрудничества с африканскими банками развития является приоритетной задачей для африканских государств, не входящих в НБР и БРИКС [Khambule, 2023].

Анализ повесток трех деклараций БРИКС, принятых под председательством ЮАР, подсвечивает широкий спектр проблем, относящихся непосредственно к Африке. Кроме экономики, в трех «южноафриканских» декларациях значительное внимание уделяется и гуманитарным вопросам, связанным с развитием человеческого капитала. При этом темы развития континента приобретают социально ориентированный характер, что роднит их с тем видением, которое предложено АС в его программном документе «Повестка – 2063: Африка, которую мы хотим». Если рассматривать деятельность ЮАР в БРИКС в предложенной теоретической рамке, то заметно, что страна, выступая агентом в структуре объединения, постепенно смогла изменить повестку дня в сторону «африканизации» проблемного поля.

Соответствие повестки Африканского союза «духу БРИКС»

Африканский союз – одно из наиболее давних объединений на континенте: его предшественница – Организация африканского единства (ОАЕ) – была образована в 1963 г. Африка долгое время оставалась объектом международных отношений [Abramova, 2018], но за более чем 60-летнюю историю существования ОАЕ и пришедшего ему на смену в 2002 г. АС удалось превратить ее в эффективную континентальную организацию, утвердившую свою роль в ГУ [Gottshalk, 2024]. Пока государствам континента с трудом удается обрести полную субъектность на национальном уровне, АС выработал единую panaфриканскую повестку, благодаря которой с переменным успехом страны выступают «единым фронтом» в международных институтах [Brosig, Lecki, 2022; Ravenhill, 2016]. Правда, важно отметить, что единство этого фронта не всегда успешно. Можно вспомнить хотя бы пример с Ливией, когда процесс решения конфликта решался отнюдь не африканскими силами, а дорожная карта АС была маргинализирована в ходе военной интервенции НАТО [Murithi, 2012; Linnéa, 2016].

В критериях расширения БРИКС одним из условий было прописано соответствие кандидатов ценностям и принципам объединения, среди которых выделяются «дух солидарности, равенства, взаимного уважения и понимания, открытости, инклюзивности, взаимовыгодного сотрудничества и консенсуса» [BRICS, 2023]. Несмотря на расплывчатый характер формулировок, в общественном понимании уже сложился вполне отчетливый образ «духа БРИКС», под описание которого подпадут далеко не все государства мира. Рассуждая о схожести повесток и ценностей, стоит рассмотреть соответствие позиций БРИКС и АС, в частности пересечение panaфриканской повестки с так называемым духом БРИКС.

Идеи panaфриканизма, начиная с XIX в. и до наших дней, находят отражение в деятельности АС. В Учредительном акте АС отмечается, что создание организации «вдохновлено благородными идеалами, которыми руководствовались отцы-основатели нашей континентальной организации и многие поколения panaфриканистов в своей решимости содействовать единству, солидарности, сплоченности и сотрудничеству между народами Африки и африканскими государствами» [Constitutive Act of the African Union, 2000]. Таким образом, несмотря на глубинные различия и сложности в формировании национальной идентичности в рамках постколониальных государственных границ [Bondarenko, 2022], panaфриканская повестка демонстрирует свои первые результаты в построении коллективной идентичности. Транснационализация участия в политических и экономических процессах, которая реализуется как на субрегиональных уровнях через деятельность региональных экономических сообществ, так и на континентальном в рамках АС, ведет к плавному конструированию транснациональной культуры, которая объединит (но не упразднит) национальные и этнические особенности африканских народов [Bondarenko, 2014].

Коллективная идентичность чаще (и легче) строится на негативном противопоставлении («мы» и «они»), когда «мы» ассоциируется с позитивом, а «они» обычно рассматриваются как негативные или даже враждебные [Wendt, 1999]. «Они» представляют политическую угрозу или «культурный вызов» («Запад» против «не Запада») [Hurrell, 1995]. Для африканских государств «они» – это, как правило, бывшие метрополии. Антагонизация укрепляет солидарность и чувство принадлежности к чему-то единому, однако ослабление или элиминация «противника» могут привести к исчезновению мотивации для объединения. Со временем идентичность также может изменить свою сущность под влиянием структурных изменений [Wendt, 1999]. В случае с panaфриканской идентичностью АС исследователи отмечают ее постепенную переориентацию от национальных к транснациональным интересам [Murithi, 2005]. Идеалы современного АС близки «духу» БРИКС и заключаются в построении более справедливого миропорядка совместно с ведущими незападными державами.

БРИКС выступает в качестве альтернативы, но открыто не противопоставляется западным организациям, что проявляется и в характере расширения объединения (многие африканские страны-участницы поддерживают тесные партнерские связи со странами «Запада»). Такой характер сотрудничества находит отклик у африканских элит, не склонных к дуализму во внешней политике и отказывающихся от игры «с нулевой суммой» при выборе партнеров [Maslov, 2023]. Таким образом, страны БРИКС, как и АС, стараются сформировать в общественном представлении «позитивную идентичность», построенную на общих ценностях и активном независимом развитии.

Если сравнивать два института с точки зрения ценностной повестки, то, несмотря на их изначально разные задачи, можно отметить как точки пересечения, так и некоторые противоречия. С одной стороны, БРИКС гораздо громче позиционирует себя на международной арене как альтернатива западноцентричной модели ГУ. В основе объ-

единения лежат принципы взаимного уважения к разнообразию цивилизаций и общее представление о справедливом многополярном мироустройстве. Проект БРИКС в общем смысле относит нас к идее множественных модерностей Эйзенштадта, которая не отождествляет современное развитие с западным проектом [Eisenstadt, 2000; 2002]. Для АС же главной объединяющей идеей является панафриканизм, прошедший длительный этап формирования от идей К. Нкрумы и Дж. Ньерере до современных трактовок [Kassae, Ivkina, 2022]. Новый подход включает известный принцип «африканским проблемам – африканские решения», ставший аксиомой африканской субъектности. С точки зрения имплементации принцип вызывает дискуссии. Например, попытки АС самостоятельно решать без внешней помощи конфликты на континенте далеко не всегда были удачными [Denisova, Kostelyanets, 2023], вопросы правоприменения гуманитарной интервенции АС, пусть и с ограниченным мандатом, также вызывают неоднозначные оценки у экспертов [Vokeria, 2022]. Отстаивание субъектности континента, безусловно, входит в задачи АС, но возможности полной реализации этой субъектности пока что ограничены ввиду внешнего финансирования и слабой интеграции континента. Сохраняются сомнения в том, сможет ли АС выражать общеконтинентальные интересы. Союз – единственная в мире международная организация, обладающая правом вмешиваться в дела своих государств-членов в случае возникновения чрезвычайных обстоятельств [Denisova, Kostelyanets, 2023, p. 455].

От идеологических пересечений к практической совместимости

Деятельность БРИКС подразделяется на три ключевых направления: задачи в сферах политики и обеспечения безопасности (1), экономики и финансов (2), а также гуманитарное и культурное сотрудничество (3). В свою очередь, каждый из этих приоритетов подразумевает решение более узких специфических вопросов. Они определяются страной-председателем, однако магистральные направления остаются неизменными.

Формат БРИКС предполагает участие стран не только в ежегодных и неформальных саммитах. Помимо них в рамках объединения открыто почти 60 внутригрупповых институтов и механизмов, деловые круги, экспертные центры, профсоюзы и т.д., а повестка дня охватывает до 34 сфер [Kirton, Larionova, 2022]. Не менее разветвленная структура АС позволяет установить диалог по всем ключевым направлениям (табл. 1). В результате сотрудничества АС и БРИКС для стран-участниц откроется более 200 ежегодных мероприятий, охватывающих сферы, упомянутые в табл. 1.

Таблица 1. Пересечение сфер деятельности БРИКС и Африканского союза

	Направления развития БРИКС	Репрезентация направлений в рамках АС
Политика и обеспечение безопасности	Противодействие терроризму	Повестка – 2063, Дакарская декларация против терроризма (2001 г.), План действий по предотвращению терроризма и борьбе с ним (2002 г.); функционирует Африканский центр по изучению и исследованию терроризма; повестка фигурировала как один из стратегических приоритетов в дорожной карте Африканской архитектуры мира и безопасности на 2016–2020 гг.; есть Специальный представитель по контртеррористическому сотрудничеству и т.д.

	Направления развития БРИКС	Репрезентация направлений в рамках АС
Политика и обеспечение безопасности	Верховенство международного права	Комиссия Африканского союза по международному праву
	Контроль над вооружениями, разоружение и нераспространение ОМУ	Пелиндабский договор (безъядерная зона в Африке, 1996); входит в полномочия департамента мира и безопасности Комиссии АС (отдел обороны и безопасности); фигурировал как один из стратегических приоритетов в Дорожной карте Африканской архитектуры мира и безопасности на 2016–2020 гг.
	Противодействие отмыванию денег и финансированию терроризма	Повестка – 2063; Стратегия Африканского банка развития по предотвращению отмывания денег и финансирования терроризма в Африке (2007)
	Борьба с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров	Повестка – 2063; План действий Африканского союза по контролю над наркотиками и предупреждению преступности (2019–2023 гг.)
Экономика и финансы	Содействие справедливому переходу к низкоуглеродной экономике	Повестка – 2063; План действий Африканского союза по экологическому восстановлению на 2021–2027 гг.; одна из целей департамента инфраструктуры и энергетики Комиссии АС
	Повышение роли государств БРИКС в международной валютно-финансовой системе	Повестка – 2063; группа Африканского банка развития состоит из непосредственно Африканского банка развития (АФБР), созданного в 1964 г., а также Африканского фонда развития (1972 г.) и Целевого фонда Нигерии (1976 г.). Среди акционеров числятся 27 неафриканских государств. В рамках АС также планируется запуск Африканского ЦБ (в Абудже, столице Нигерии), Африканского инвестиционного банка (в Ливии) и Африканского валютного фонда (в Яунде, столице Камеруна). Восемь «золотых правил» управления финансами АС; санкционный режим за неуплату взносов и т.д.
	Развитие межбанковской кооперации	
	Рост производительности труда и цифровизации	Повестка – 2063; Стратегия цифровой трансформации для Африки (2020–2030); Программа инфраструктурного развития Африки до 2040 г. (включает цели по развитию информационно-коммуникационных технологий); за направление отвечает отдел информационного общества департамента инфраструктуры и энергетики; проект Pan African e-Network; на континенте располагается более 400 технологических хабов
	Сотрудничество в области сельского хозяйства, обеспечение продовольственной безопасности	Повестка – 2063; Комплексная программа развития сельского хозяйства в Африке к 2025 г.; проект «Великая зеленая стена»; Стратегия и план действий АС в области изменения климата и устойчивого развития (2022–2032 гг.); План действий АС по экологическому восстановлению на 2021–2027 гг. и др.
	Сотрудничество в сфере транспорта	Повестка – 2063; Программа инфраструктурного развития Африки; Концепция развития железных дорог в Африке на период до 2040 г.; Браззавильская декларация и план действий по развитию африканских железных дорог (2006); Пересмотренная Африканская хартия морского транспорта (2010); программа по созданию интеграционной сети высокоскоростных железных дорог; создание единого африканского рынка воздушных перевозок; Африканская сеть региональной транспортной инфраструктуры и т.д.

	Направления развития БРИКС	Репрезентация направлений в рамках АС
Экономика и финансы	Борьба с инфекционными заболеваниями, искоренение эпидемий	Повестка – 2063; Стратегия здравоохранения Африки на 2016–2030 гг.; специализированное агентство по лекарственным средствам (учреждено в 2019 г., заменило Программу по гармонизации регулирования лекарственных средств в Африке от 2012 г.); Абуджийский план действий по искоренению ВИЧ/СПИДа, туберкулеза и малярии в Африке к 2030 г.; многочисленные документы, касающиеся вспышек COVID-19 и лихорадки Эбола и др.
	Совместные действия по предупреждению и ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций	Повестка – 2063; Программа «Африканская система раннего предупреждения и раннего реагирования на многочисленные угрозы» (2023); многочисленные документы по проблеме изменения климата и его последствий, включая Найробийскую декларацию африканских лидеров об изменении климата и призыв к действиям (2024 г.)
Гуманитарная и культурная сферы	Межпарламентское сотрудничество	Повестка – 2063; Panafrican Parliament (10 permanent committees, 235 representatives)
	Сетевой университет БРИКС, Альянс сотрудничества стран БРИКС в области технического и профессионального образования	Повестка – 2063; Continental strategy for Africa 2016–2025; Strategy for science, technology and innovation in Africa; Panafrican University (academic network of existing African institutions); Panafrican Institute for Education and Development (institution of AS, studying educational processes on the continent); International Center for Education of Women and Girls in Africa; Stipendia in the name of Dr. Nyerere and program of academic mobility; Strategy for harmonization of higher education programs and др.
	Контакты между представителями научного и экспертного сообществ, в том числе молодых ученых	Повестка – 2063; Strategy for science, technology and innovation in Africa until 2024; Network of scientific institutions of the African Union (virtual network); program of awarding scientific prizes in the name of Kwame Nkrumah; Program of research grants and др.
	Молодежная политика	Повестка – 2063; African Youth Charter; Plan of Action for the Decade of Youth; Decision of Malabo on the expansion of rights and opportunities for youth; Day of African Youth (November 1st by the date of adoption of the above-mentioned Charter) and др.
	Добровольческие движения и волонтерство	Youth volunteer corps of AS
	Культурное сотрудничество	African Cultural Renaissance Charter; Plan of Action of AS for the development of cultural and creative industries in Africa

Источник: составлено авторами.

Присоединение АС к БРИКС: какие проблемы может решить, а какие усугубить?

На сегодняшний день АС представляет собой структуру, находящуюся в значительной зависимости. Во-первых, преобладающую долю финансирования составляют средства, поступающие от западных партнеров [Sow, 2016]. Во-вторых, с недавнего времени организация стала полноправным участником «Группы двадцати». С одной стороны, на АС может оказываться дополнительное давление – как политическое, так и финансовое – со стороны западных участников объединения, что может препятствовать углу-

блению отношений с БРИКС. С другой стороны, расширенное участие в БРИКС, как в объединении, набирающем все большее влияние с присоединением новых незападных игроков, может, напротив, повысить статус и придать большую силу голосу АС на полях мероприятий «Группы двадцати». Например, подобной позиции придерживается Нигерия: Абуджа не выбирает между двумя объединениями, а предпочитает диверсифицировать свою представленность в обоих институтах [Schumacher, 2024].

Что же касается последствий для самого БРИКС, то присоединение АС к объединению в каком-либо формате могло бы устранить угрозу возникновения конфликтов на субрегиональном уровне при условии дальнейшего расширения объединения. Например, такая напряженность потенциально могла бы возникнуть в отношениях между Эфиопией, уже получившей статус страны-участницы, и Эритреей [TASS, 2024] – государства находятся в настоящее время в состоянии «тлеющего» конфликта друг с другом [Lyons, 2009; Addis et al., 2020].

Участие АС в работе БРИКС можно условно разделить на два сценария, в зависимости от репрезентации крупнейших центров силы в Африке. После присоединения Египта и Эфиопии сразу же возник дисбаланс – Западная и Центральная Африка не были приглашены. В первую очередь дисбаланс был обусловлен отсутствием Нигерии – страны, которая способна оказывать значительное политическое и экономическое влияние на своих соседей [Zhambikov, 2023]. Если крупные игроки не будут приглашены в качестве участников или партнеров, то деятельность АС может свестись к определяемой ими повестке дня, которая зачастую не соответствует интересам малых и средних государств континента. При таком сценарии они могут постепенно «сателлизироваться», примерив на себя одну из политических стратегий: баланс сил между державами, достижение покровительства и защиты крупной державы или статус-кво из-за нецелесообразности ее завоевания в связи с отсутствием серьезных выгод [Kaveshnikov, 2008].

Второй сценарий предполагает, что все крупные субрегиональные и общеконтинентальные игроки будут *самостоятельно представлять себя* в рамках объединения. При такой расстановке сил АС, хотя и негарантированно, может превратиться в рамках БРИКС в площадку, транслирующую интересы малых и средних стран. Им будет все так же непросто согласовать консенсусную позицию, однако без участия крупнейших лидеров шансы на единство увеличиваются. В частности, упор может быть сделан на традиционную сильную сферу влияния государств такого калибра – формулирование норм и апелляция к морали в мировой политике [Egeland, 1985; Ingebritsen, 2002]. После присоединения Нигерии к БРИКС в качестве государства-партнера в 2025 г. вероятность проигрывания второго сценария значительно возрастает.

Заключение: возможно ли сотрудничество АС и БРИКС?

Хрупкая политическая субъектность и слабая экономическая интеграция АС мешает ему стать консолидированным панафриканским голосом Африки, но это не значит, что о сотрудничестве между двумя объединениями нужно забыть. Амбициозные планы построения единого торгового пространства на Африканском континенте и политические устремления крупных африканских стран – участниц БРИКС сделать свой континент процветающим, независимым и интегрированным дают основания для оптимистических прогнозов относительно возможностей дальнейшего сотрудничества стран Африки и БРИКС. В каком формате это сотрудничество будет продолжено – вопрос ближайшей перспективы.

Если рассматривать такое расширение в рамках агент-структурной теории, то структура АС будет неизбежно меняться новыми агентами – крупными африканскими странами – участницами БРИКС. По итогам принятой Казанской декларации 2024 г. хорошо видно, что новые африканские страны-участницы – Эфиопия и Египет – уже смогли за короткий срок своего участия приобщить свои интересы и расширить повестку дня БРИКС [Abramova et al., 2024].

На практическом уровне АС уже имеет богатый опыт взаимодействия со структурами БРИКС в форматах «БРИКС+» и «аутрич», так как с 2013 г. участвует в заседаниях. Анализ повесток двух объединений показывает, что они совпадают по большинству магистральных направлений.

С учетом принятия новых африканских государств, логичным будет активизировать сотрудничество для реализации проектов между БРИКС и АС по линии малых структур, например НБР и АФБР или АфКЗСТ. Принимая во внимание усилия, приложенные африканскими государствами для реализации комплекса задач Повестки – 2063 и их амбициозные планы по построению единого торгового пространства, дискуссия об интеграции АС и БРИКС может выстраиваться как вокруг общих направлений сфер деятельности, отмеченных в табл. 1, так и в ценностном плане. Согласно содержанию Повестки – 2063, АС стремится к построению новой архитектуры международных отношений, основанной на полицентричности и признании африканской субъектности, что пересекается с целями БРИКС. Союз также заинтересован в укреплении продовольственной, энергетической и информационной безопасности, создании транспортных коридоров и совместных независимых платежных инструментов, в развитии научной сферы через обмен кадрами и технологиями и т.д.

Представляется, что углубление сотрудничества между БРИКС и АС должно быть, во-первых, инициировано самими африканскими странами – участницами БРИКС, и, разумеется, при поддержке остальных членов. Во-вторых, должен соблюдаться баланс интересов между ценностно ориентированной повесткой, направленной на продвижение многосторонности и цивилизационного многообразия, в которые вполне встраиваются идеи panaфриканизма, и практическими задачами экономического развития стран мирового большинства.

Список источников (References)

- Abramova I.O. (2018) Afrika v sovremennoj modeli miroustrojstva: vesomyj igrok ili autsajder? [Africa in the Modern World Order Model: A Major Player or an Outsider?]. *Outlines of global transformations: politics, economics, law*, vol. 11, no 5, pp. 6–21. Available at: <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2018-11-5-6-21> (accessed 13 July 2025).
- Abramova E., Grishenkin M., Zelenova D. (2024) Ot Johannesburga do Kazani: ob itogovoj Deklaracii XVI sammita BRIKS 2024 g. [From Johannesburg to Kazan': Overview of the Kazan Declaration of the XVI BRICS summit in 2024]. Available at: <https://www.inafran.ru/node/3350#close> (accessed 13 July 2025) (in Russian).
- Addis A.K., Asongu S., Zhu Z., Addis H.K., Shifaw E. (2020) The Recent Political Situation in Ethiopia and Rapprochement with Eritrea. *AGDI Working Paper*, no WP/20/036. Yaoundé: African Governance and Development Institute (AGDI).
- Alekseeva T. (2022) Agent-strukturnie otnosheniya: metodologija konstruktivizma [Agent-Structure Relationship: Methodology of Constructivism]. *Polis. Political Studies*, no 4, pp. 77–93. Available at: <https://doi.org/10.17976/jpps/2022.04.07> (accessed 13 July 2025) (in Russian).
- April F.Y., Kanyane M., Davids D., Chetty K. (eds) (2023) *The BRICS in Africa. Promoting Development?* Cape Town: HSRC Press. Available at: <http://hdl.handle.net/20.500.11910/20330> <http://hdl.handle.net/20.500.11910/20330>

Batalov E. (2012) Sovremennye global'nye trendy i novoe soznanie [Current Global Trends and New Consciousness]. *Mezhdunarodnye processy* [International Trends], vol. 10, no 1, pp. 4–17. Available at: <https://www.intertrends.ru/system/Doc/ArticlePdf/36/Batalov-28.pdf> (accessed 15 July 2024) (in Russian).

Baykov A., Dundich A. (2018) Bol'shie trendy mirovogo razvitiya: ekspertnyj vzglyad cherez dvadcatiletie [Big Trends of The Global Development: An Expert Look Into Twenty Years]. *World Economy and International Relations*, vol. 62, no 5, pp. 110–116. Available at: <https://www.imemo.ru/publications/periodical/meimo/archive/2018/5-t-62/around-books/big-trends-of-the-global-development-an-expert-look-into-twenty-years> (accessed 15 July 2025) (in Russian).

Bokeria S.A. (2022) Partnerstvo OON i AS v oblasti mirotvorchestva: tendencii i problemi [UN and AU Partnership in the sphere of peacebuilding: trends and problems]. *International Organisations Research Journal*, vol. 17, no 2, pp. 189–207. <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2022-02-08> (accessed 15 July 2025) (in Russian).

Bondarenko D. (2014) Etnicheskie kul'tury, nacional'nye kul'tury i transnacional'naya kul'tura v epohu intensivnoj globalizacii [Ethnic Cultures, National Cultures and Transnational Culture in the Time of Intensive Globalization]. *Vestnik antropologii* [Journal of Anthropology], vol. 28, no 2, pp. 15–19. Available at: <https://publications.hse.ru/articles/134762972> (accessed 15 July 2025) (in Russian).

Bordachev T., Suslov D. (2024) Avangard mirovogo bolshinstva: novaja identichnost BRICS pri neizmennom baze [Avantgarde of the World Majority: New BRICS Identity With the Constant Basis]ю *Rossiiskoe predsedatel'stvo v BRIKS – 2024: Ukreplenie mnogostoronnosti dlya spravedlivogo global'nogo razvitiya i bezopasnosti* [Russian Chairship in BRICS – 2024: Strengthening multilateralism for fair global development and security]. *Special issue*, pp. 68–78. Available at: https://interaffairs.ru/virtualread/brics2024/BRICS2024_rus.pdf (accessed 14 July 2025) (in Russian).

Brosig M., Lecki M. (2022) The African Three (A3) at the UN Security Council: Translating Agency into Influence? *Politikon*, vol. 49, no 3, pp. 254–273. Available at: <https://doi.org/10.1080/02589346.2022.2122003> (accessed 14 July 2025).

BRICS (2023) *BRICS Membership Expansion. Guiding Principles, Standards, Criteria and Procedures*. Available at: <http://www.brics.utoronto.ca/docs/BRICS-Membership-expansion-guiding-principles-criteria-and-standards-2023.pdf> (accessed 14 July 2025).

BRICS (2024) *Academic Forum “BRIKS: Novye figury na mirovoj shahmatnoj doske”* [“BRICS: New pieces on the World Chessboard”], May 22–24. Available at: <https://bricsacademforum.ru/programma> (accessed 14 July 2025) (in Russian).

Constitutive Act of the African Union (2000) Available at: https://www.pulp.up.ac.za/images/pulp/books/legal_compilations/compendium/Constitutive%20Act%20of%20the%20African%20Union%202000_2001.pdf (accessed 14 July 2025).

Degterev D.A. (2023) K okonchaniyu “postkolonialnogo momenta” anticolonialnoj bor'bi: kontury issledovatel'skoj programmy. [To the End of the “Postcolonial Moment” in the Anti-Colonial Struggle: Counters of the Research Programme]. *Postcolonialism and modernity*, no 1, pp. 13–46. Available at: https://inon.ru/site/assets/files/7597/2023_1_postkolonializm_v_tip.pdf (accessed 14 July 2025) (in Russian).

Deitch T.L. (2019) Afrikan'skaja “Povestka dn'ya-2063” i sodejstvije Kitajja v ee realizacii [African Agenda-2063 and Chinese Role in its Implementation]. *AU Agenda-2063 and prospects of the Russian-African cooperation: a collection of research papers of the IX International scientific conference “Africa in the context of the formation of the new system of IR”* (Vasil'ev A.M., Degterev D.A., Butorov A.S. (eds)). Moscow: RUDN. Available at: <https://africa.rudn.ru/images/AFNSIR-Conference-2019-proceedings.pdf> (accessed 14 July 2025) (in Russian).

Egeland J. (1985) Impotent Superpower – Potent Small State: Potentials and Limitations of Human Rights Objectives in the Foreign Policies of the United States and Norway. *PRIO Report*. Oslo: PRIO. Available at: <https://www.prio.org/publications/12103> (accessed 14 July 2025).

Fituni L.L., Abramova I.O. (2020) Politicheskaya teoriya dekolonizacii: imperativyi sovremennogo prochteniya. [Political theory of decolonization: imperatives for contemporary readings] *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political Studies], no 6, pp. 26–40. Available at: <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.06.03> (accessed 14 July 2025) (in Russian).

- Gelot L. (2024) The Role and Impact on the African Union. *Political Rationale and International Consequences of the War in Libya* (D. Henriksen, A.K. Larssen (eds.)). Oxford Academic. Available at: <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780198767480.003.0015> (accessed 14 July 2025).
- Giddens A. (1979) *Central Problems in Social Theory. Action, Structure and Contradiction in Social Analysis. Contemporary Social Theory*. L.: Palgrave Macmillan. Available at: <https://www.arasite.org/giddep.htm> (accessed 14 July 2025).
- Hurrell A. (1995) Explaining the Resurgence of Regionalism in World Politics. *Review of International Studies*, vol. 21, no 4, pp. 331–358. Available at: <https://www.cambridge.org/core/journals/review-of-international-studies/article/explaining-the-resurgence-of-regionalism-in-world-politics/30F0C03F224387E212491E98EE42FBED> (accessed 15 July 2025).
- Ingebritsen C. (2002) Norm Entrepreneurs: Scandinavia's Role in World Politics. *Cooperation and Conflict*, vol. 37, no 1, pp. 11–23. Available at: <https://www.jstor.org/stable/45083956> (accessed 14 July 2025).
- Kassae N., Ivkina N. (2022) Osnovniye etapyi formirovaniya I razvitiya koncepcii Panafrikanizma: Istorija I Sovremennost' [The main stages in the formation and development of the concept of Pan-Africanism: History and modernity]. *Asia and Africa Today*, no 10, pp. 34–40. Available at: <https://asaf-today.ru/s032150750022719-2-1/> (accessed 14 July 2025) (in Russian).
- Kaveshnikov N. (2008) Malye i vrednye? [Small and Harmful?]. *Mezhdunarodnyye processy* [International processes], vol. 6, no 3, pp. 84–92. Available at: <https://www.intertrends.ru/system/Doc/ArticlePdf/854/Kaveshnikov-18.pdf> (accessed 14 July 2025) (in Russian).
- Khambule I. (2023) BRICS, the New Development Bank and African development. *The BRICS in Africa. Promoting Development?* (F.Y. April, M. Kanyane, D. Davids, K. Chetty (eds)). HSRC Press: CT, pp. 77–97. Available at: https://www.researchgate.net/publication/369627055_BRICS_the_New_Development_Bank_and_African_Development (accessed 14 July 2025).
- Khudaykoulouva A. (2023) Global Governance of the Polycentric World: Actors, Architecture, Hierarchy of Issue Areas. *Polycentric World Order in the Making* (A. Baykov, T. Shakleina (eds)). Singapore: Palgrave Macmillan, pp. 41–75. Available at: <https://mgimo.ru/about/news/issues/polycentric-world-order-in-the-making/> (accessed 14 July 2025).
- Kirton J., Larionova M. (2022) The First Fifteen Years of the BRICS. *International Organisations Research Journal*, vol. 17, no 2, pp. 7–30. Available at: <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2022-02-01> (accessed 14 July 2025) (in Russian).
- Larionova M. (2015) South Africa's BRICS Presidency: Regional Power at the Helm of a Global Governance Forum. *Vestnik RUDN. International Relations*, no 1, pp. 125–134. Available at: <https://journals.rudn.ru/international-relations/article/view/10377> (accessed 14 July 2025).
- Lyons T. (2009) The Ethiopia–Eritrea Conflict and the Search for Peace in the Horn of Africa. *Review of African Political Economy*, vol. 36, no 120, pp. 167–180. Available at: <https://doi.org/10.1080/03056240903068053> (accessed 14 July 2025).
- Maslov A.A. (2023) Stanovlenie afrikanskoj civilizacii i afrikanizaciya mira [The Formation of African Civilization and the Africanization of the World]. *Russia in Global Affairs*, vol. 21, no 4, pp. 180–191. Available at: <https://globalaffairs.ru/articles/afrikanizaciya-mira/> (accessed 15 July 2025) (in Russian).
- Muratshina K.G. (2019) BRICS plus format: Osobennosti Instiutalizacii, regional'naya specifiica [BRICS plus format: peculiarities of institutionalisation, regional specifics]. *Ars Administrandi*, vol. 11, no 1, pp. 135–150. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/format-briks-plyus-istoki-osobennosti-institutsionalizatsii-regionalnaya-spetsifika/viewer> (accessed 15 July 2025) (in Russian).
- Murithi T. (2005) *The African Union: Pan-Africanism, Peacebuilding and Development*. Routledge. Available at: <https://doi.org/10.4324/9781315241470> (accessed 14 July 2025).
- Murithi T. (2012) The African Union and the African Peace and Security Architecture: past, present and future. *Africa Insight*, vol. 42, issue 3. Available at: <https://journals.co.za/doi/10.10520/EJC134078>
- Panova V. (2024) Globalnoye upravleniye bez globalnogo edineniya [Global governance without Global Unity]. *Rossijskoe predsedatel'stvo v BRIKS – 2024: Ukreplenie mnogostoronnosti dlya spravedlivogo global'nogo razvitiya i bezopasnosti* [Russian Chairship in BRICS – 2024: Strengthening multilateralism for fair global de-

velopment and security]. Special issue, pp. 34–46. Available at: https://interaffairs.ru/virtualread/brics2024/BRICS2024_rus.pdf (accessed 15 July 2025) (in Russian).

Ravenhill J. (2016) Regional Integration in Africa: Theory and Practice. *Region-Building in Africa* (D.H. Levine, D. Nagar (eds)). N.Y.: Palgrave Macmillan. Available at: https://doi.org/10.1057/9781137586117_3 (accessed 15 July 2025).

Schumacher E. (2024) Nigeria seeks South Africa's help to join G20, BRICS. *Deutsche Welle*. Available at: <https://www.dw.com/en/nigeria-seeks-south-africas-help-to-join-g20-brics/a-70943063> (accessed 14 July 2025).

Shakleina T. (2023) The Global Order in the Twenty-First Century: Consolidating Polycentricity. *Polycentric World Order in the Making* (A. Baykov, T. Shakleina (eds)). Singapore: Palgrave Macmillan, pp. 13–40. Available at: <https://mgimo.ru/about/news/issues/polycentric-world-order-in-the-making/> (accessed 14 July 2025).

Shubin V.G. (2015) UAR v BRICS: posledn'aya v ocheredi, no ne po vazhnosti [South Africa in BRICS: last but not the least] *International Organisations Research Journal*, vol. 10, no 2, pp. 229–247. Available at: <https://iorj.hse.ru/en/2015-10-2/152402164.html> (accessed 14 July 2025) (in Russian).

Sow M. (2016) Figure of the week: The African Union introduces a new funding structure. *The Brookings Institution*. July 27. <https://www.brookings.edu/articles/figure-of-the-week-the-african-union-introduces-a-new-funding-structure/#:~:text=The%20African%20Union%20heavily%20relies,China%20and%20the%20European%20Union> (accessed 14 July 2025).

TASS (2024) Posol RF Zayavil, chto Eritreja oposredovanno uje vhodit v orbity BRICS [Russian ambassador Says Eritrea is Indirectly Already in the BRICS Orbit]. June 11. Available at: <https://tass.ru/politika/21066187> (accessed 14 July 2025) (in Russian).

Vasiliev A., Degtrev D., Shaw T. (2023) *Africa and the formation of the new system of international relations – vol. II. Beyond Summit Diplomacy: Cooperation with Africa in the Post-pandemic World*. Springer, p. 377 Available at: <https://doi.org/10.1007/978-3-031-34041-3> (accessed 14 July 2025).

Voronina N., Zelenova D. (2023) Predsedatelstvo Yuar v BRICS: Ot vzaimovigodnogo partnerstva k postroeniju novogo miroporyadka. [South African BRICS Chairmanship: From Mutual Partnership to The New Global Architecture]. *Asia and Africa today*, no 11, pp. 23–31. Available at: <https://asaf-today.ru/s032150750028609-1-1/> (accessed 14 July 2025) (in Russian).

Wendt A. (1994) Collective Identity Formation and the International State. *The American Political Science Review*, vol. 88, issue 2, pp. 384–396. Available at: <https://doi.org/10.2307/2944711> (accessed 14 July 2025).

Wendt A. (1999) *Social Theory of International Politics*. Cambridge University Press. Available at: <https://doi.org/10.1017/CBO9780511612183> (accessed 14 July 2025).

Wight C. (2006) *Agents, Structures and International Relations: Politics as Ontology*. Cambridge Studies in International Relations. Cambridge: Cambridge University Press. Available at: [https://institutes.abu.edu.ng/idr/public/assets/docs/Agents,%20Structures%20and%20International%20Relations%20\(%20PDFDrive%20\).pdf](https://institutes.abu.edu.ng/idr/public/assets/docs/Agents,%20Structures%20and%20International%20Relations%20(%20PDFDrive%20).pdf) (accessed 14 July 2025).

Zelenova D.A., Andreeva T.A., Grishenkin M.S., Ufimcev A.A. (2024) Formirovanie povestki dnya v BRICS: globalnie problem i natsionalnije interesi [Shaping the BRICS Agenda: Navigating Global Issues and National Interests]. *Kontury global'nyh transformacij: politika, ekonomika, pravo* [Outlines of global transformations: politics, economics, law]. vol. 17, no 5, pp. 85–104. Available at: <https://doi.org/10.31249/kgt/2024.05.06> (accessed 14 July 2025) (in Russian).

New Development Bank (n.d.) All projects, South Africa. *NDB: official website*. Available at: https://www.ndb.int/projects/all-projects/?country=southafrica&key_area_focus&project_status&type_category&pyearval#038;key_area_focus&project_status&type_category&pyearval%23paginated-list (accessed 14 July 2025).

African Union and BRICS: Mutual Interests and Shared Values¹

D. Zelenova, T. Andreeva

Daria Zelenova – Director, Centre for African Strategy in BRICS, Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences, 30/1 Spiridonovka Ulitsa, Moscow, 123001, Russia; d.zelenova@gmail.com; ORCID: 0000-0002-5237-4413

Tamara Andreeva – Junior Researcher, Centre for African Strategy in BRICS, Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences, 30/1 Spiridonovka Ulitsa, Moscow, 123001, Russia; t.andreeva@inafr.ru; ORCID: 0009-0003-9195-3578

Abstract

Since 2024, two new African states, Ethiopia and Egypt, have become full BRICS members, marking the advent of a new phase in the evolution of the association's African dimension. The expansion of the African continent within the club demonstrates BRICS' dedication to the South-South dialogue and the growing importance of Africa and also reflects broader shifts in the global power dynamics.

However, it also underscores a transition towards a polycentric world order in which the African continent is assuming an autonomous role in global affairs. At the same time, there is a disproportionate representation of the continent in BRICS, as none of the states of Western and Central Africa has so far been a full member of the association.

This article examines the process of transformation of the BRICS African track, from its initial BRICS Plus and BRICS Outreach formats to the partial representation of the continent at the sub-regional level by the recently-appointed permanent and partner members of the association. It has been suggested, however, that the informalized nature of the association, which has long been attractive due to the special dialogue format of the BRICS, will not be able to meet the growing demand for the inclusion of new actors. The more states that join the grouping, the greater the procedural and organisational clutter that awaits it. The African continent is home to 54 UN member states, the accession of each of which is unthinkable. The latest wave of expansion in 2025 with the introduction of a new category of "partner country", despite the inclusion of Nigeria and Uganda, still does not make Africa equally represented in BRICS. In this regard, it remains relevant to study the prospects for the development of the African vector of BRICS and the search for new non-state formats of cooperation.

The article discusses the problem of the continent's further integration into BRICS, in particular the extent to which potential expansion could challenge the established dialogical format and lack of institutional overload that have been responsible for BRICS' success. The authors analyse the prospect of inviting the African Union (AU) as a continent-wide representative to address the above issue. Based on the analysis of the key documents of the AU and BRICS, the authors examine the proximity of the two organisations both politically and ideologically (compliance with the so-called "spirit of BRICS") and practically (coincidence of agendas and projects). The paper analyses the internal architecture of the AU and the BRICS to identify possible obstacles and difficulties on the way to the integration of the two organisations.

Keywords: African Union, BRICS, polycentricity, Agenda 2063, pan-africanism, SDG, Africa

For citation: Zelenova D., Andreeva T. (2025) African Union and BRICS: Mutual Interests and Shared Values. *International Organisations Research Journal*, vol. 20, no 3, pp. 84–98 (in English). doi:10.17323/19967845-2025-03-05

¹ This article was submitted 29.11.2024.

Формат AUKUS: континуитет и новизна¹

Г.В. Торопчин

Торопчин Глеб Вячеславович – кандидат исторических наук, заместитель декана по научной работе факультета гуманитарного образования Новосибирского государственного технического университета; Россия, 630073, Новосибирск, просп. К. Маркса, д. 20; старший научный сотрудник Центра евразийских исследований Томского государственного университета; Россия, 634050, Томск, просп. Ленина, д. 36; glebtoropchin@mail.ru

Аннотация

В статье рассматривается эволюция трехстороннего формата AUKUS, о создании которого лидеры Австралии, Великобритании и США объявили 15 сентября 2021 г., в рамках концептуальной дихотомической модели «континуитет – дисконтинуитет». Обзор зарубежной и отечественной литературы позволяет выявить основные подходы к определению сути соглашения и трактовке его содержания, в том числе с точки зрения различных теорий международных отношений.

Методология исследования представлена сравнительным анализом, использованным в диахроническом разрезе с соблюдением принципа историзма. Кроме того, применение дискурс-анализа позволяет выявить особенности релевантной терминологии (к примеру, факт перехода метафоры «стол» применительно к AUKUS из научно-публицистического дискурса в официальный), а также факторы, способствующие и препятствующие реализации формата.

Обращение к перипетиям холодной войны дает возможность выделить несколько уровней континуитета. В долгосрочной ретроспективе речь идет о продолжении сотрудничества в рамках блоков, в первую очередь таких, как пакт АНЗЮС 1951 г., но также соглашение UKUSA 1947 г. В краткосрочном плане отмечается преемственность и взаимодополняемость AUKUS с другими мультатеральными инициативами в АТР (в первую очередь Quad). В пространственном измерении континуитет проявляется в вовлечении в формат традиционных союзников Канберры в Европе и Америке (Великобритания, США), как в случае с АНЗЮС.

Вместе с тем выявлены и параметры, определяющие относительную новизну соглашения в сопоставлении с предыдущими малосторонними образованиями в АТР. К таким характеристикам прежде всего относится выход на первый план ядерной составляющей с учетом попытки создания прецедента передачи государству, не обладающему ядерным оружием (НЯОГ), технологии ядерных двигателей для атомных подводных лодок (АПЛ) с использованием высокообогащенного урана (ВОУ).

Ключевые слова: AUKUS, АНЗЮС, Австралия, Азиатско-Тихоокеанский регион, континуитет

Для цитирования: Торопчин Г.В. Формат AUKUS: континуитет и новизна // Вестник международных организаций. 2025. Т. 20. № 3. С. 99–112 (на русском и английском языках). doi:10.17323/1996-7845-2025-03-06

¹ Статья поступила в редакцию 08.09.2024.

Введение

Данная работа посвящена раскрытию некоторых тенденций, связанных с созданием и функционированием британо-австралийско-американского соглашения AUKUS, о создании которого было объявлено 15 сентября 2021 г. Несмотря на относительно недавнее по историческим меркам событие, оно уже отчасти осмыслено в отечественной и зарубежной литературе. Более того, массив работ по теме стоит признать весьма внушительным, что объясняется, помимо прочего, историографическим феноменом аберрации близости. Статью следует рассматривать как попытку задействовать экспликативную функцию политической науки для объяснения сути отдельных явлений международной жизни. Новизну исследования определяет тот факт, что категория континуитета не была рассмотрена в отношении AUKUS в предыдущих работах прицельно за редким исключением (см. соответствующий раздел).

Актуальность избранной тематики связана с растущей важностью различных аспектов безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР). Более того, экстрарегиональный характер объединения, сочетающего по одному государству из собственно АТР, а также Европы, Северной Америки, свидетельствует о важности описываемых явлений и в мировом масштабе. Понимание природы AUKUS и причинно-следственных связей соответствующих событий важно и в практическом ключе, а именно для грамотного выстраивания политической линии в отношении макрорегиона.

Для начала следует рассмотреть вопрос об определении сути AUKUS с точки зрения базовых дефиниций, после этого в формате краткого обзора литературы остановиться на различных теоретических подходах к экспликации данного явления, осветить особенности официального и научно-публицистического дискурсов в отношении AUKUS, и перейти к применимости понятия «континуитет» в отношении рассматриваемого феномена. Указанные соображения и определяют структуру представленной статьи.

Проблема номенклатуры

Прежде всего, необходимо определиться с дефинициями и наполнением определения рассматриваемого объекта. Даже по поводу родового слова, характеризующего сущность AUKUS, в науке и публицистике нет однозначного консенсуса. В отечественной литературе объединение постулировалось как стратегический альянс по определению [Leonova, 2022]. В зарубежных произведениях использовались такие словосочетания, как «большой военно-морской альянс» и, более того, «военно-научно-промышленное сообщество» (именно в таком порядке развития) [Shi, 2022], коалиция балансирования и акт коллективной самообороны [Walt, 2021], пакт, оборонительное либо технологическое объединение. А. Тарапор и Б. Тейлор назвали AUKUS «самым дерзким малосторонним объединением» [Tarapore, Taylor, 2022]. Б. Гилл и Р. Медкаф [Global Security Briefing, 2023], с другой стороны, утверждают, что AUKUS не является альянсом и даже не представляет собой часть региональной архитектуры безопасности. Ф. Шетлер-Джонс также отверг предположение о природе AUKUS как альянса, предложив вместо этого термин «коллаборация» [Global Security Briefing, 2024]. В то же время Хай Хонг Нгуен в своей работе для Австралийского института стратегической политики уточняет, что Вьетнам рассматривает AUKUS как трехсторонний альянс (sic!) в сфере безопасности [Nguyen, 2021]. Что касается официального дискурса, австралийский

премьер-министр С. Моррисон охарактеризовал AUKUS как «вечное партнерство» (англ. Forever Partnership), повторив это словосочетание 13 (!) раз в своей речи, посвященной образованию объединения [Babones, 2022].

Таким образом, не лишены логичности попытки определить новое явление методом «от противного». Это относится к утверждениям, согласно которым AUKUS не является организацией (ввиду отсутствия четкой структуры или сколько-нибудь выраженных признаков формализации) либо договором коллективной обороны (в соглашении не предусмотрено положений, аналогичных ст. V Североатлантического договора). Возможно, разумно было бы воспользоваться префиксами, дополняющими общепринятые базовые понятия: «квазиальянс» или «параорганизация».

Примечательно использование в отдельных публикациях метафоры «зонтик» по отношению к AUKUS [Cox, Cooper, O'Connor, 2023], с явной отсылкой к позитивным гарантиям безопасности США. Несмотря на сомнения некоторых авторов (см., например, [Behm, 2022, p. 235]) в том, что расширенное ядерное сдерживание распространяется на Австралию², в целом принято считать, что договор 1951 г. АНЗЮС является основанием для предоставления Канберре «ядерного зонтика» со стороны Вашингтона. В современной американской доктрине Австралия включена в рамки интегрированного сдерживания, закрепленного в Индо-Тихоокеанской стратегии США [The White House, 2022, p. 12].

Соответственно, можно констатировать, что подбор терминологии весьма сильно зависит от оптики, сквозь которую те или иные эксперты рассматривают суть международных отношений и глобальной безопасности как научных дисциплин и практических явлений реального мира. Это обуславливает необходимость обращения к разнообразным интерпретациям AUKUS с точки зрения теорий международных отношений (ТМО), чему и посвящен следующий раздел.

Обзор литературы: AUKUS в оценках различных школ ТМО

В теоретико-методологическом разрезе AUKUS было бы логично рассматривать в первую очередь с точки зрения семейства теорий реализма, прежде всего сквозь призму понятия «баланс сил» [Adamu, 2022]. В этом отношении учреждение AUKUS может быть расценено как иллюстрация концептов «баланса сил» и «баланса угроз» в противовес ревизионизму со стороны Пекина [Walt, 2021]. Такое прочтение, отражающее изменение соотношения потенциалов, ближе к структурному подвиду реализма. Таким образом, эта школа ТМО трактует учреждение AUKUS как попытку препятствовать проецированию мощи со стороны Народно-освободительной армии Китая (НОАК) и контролировать морские линии коммуникаций и снабжения.

С точки зрения геополитической школы мысли AUKUS представляет собой иллюстрацию такого тренда, как маритимизация внешней политики. Под этой тенденцией подразумевается акцент на морской мощи (талассократия) в противоположность могуществу континентальному (теллутократия). В самом деле, АПЛ непосредственно связаны с морской составляющей американской военно-политической стратегии: именно этот компонент является ведущим в «ядерной триаде» США. Более того, в этом отношении AUKUS преследует не только сугубо геостратегические цели: в качестве одной из задач объединения называется «декитаизация» цепочки поставок в оборонной индустрии [Shi, 2022]. В пространственном плане предоставление Австралии манев-

² Их основным аргументом является неоднозначность юридической трактовки положений пакта АНЗЮС, в частности ст. IV.

ренных и способных к долгосрочным миссиям АПЛ позволяет членам AUKUS поставить под контроль Малаккский пролив как «узкое место» для поставки углеводородов и других критически важных товаров для функционирования китайской экономики.

Не случайным является особое внимание социал-конструктивистов к англосаксонскому компоненту соглашения. Симптоматично в этом отношении само употребление концепта «англосфера», в том числе в работах зарубежных авторов [Clayton, Newman, 2023]. Впрочем, даже австралийские деятели критиковали такое стремление к единению с внерегиональными игроками: по словам бывшего премьера П. Китинга, Атлантика, к которой принадлежат США и Великобритания, расположена буквально «в другом мире» (англ. a world away) [Clayton, Newman, 2023]. Австралия воспринимает AUKUS как шанс повысить свой статус в региональной структуре альянсов США и закрепить свою англофонную идентичность [Cheng, 2022]. В то же время некоторые допускают, что создание AUKUS произвело раскол с остальной частью глобального Запада, вплоть до изоляции англосферы [Samaan, 2021], особенно от континентальной Европы, возглавляемой Францией и Германией. В статьях с применением методологии критического дискурса-анализа утверждается, что AUKUS способствует закреплению колонизаторских практик и даже расового доминирования [Clayton, Newman, 2023].

Что касается неолиберального подхода, в нем обращает на себя внимание концептуальная составляющая, описываемая идеологами «демократическая солидарность», «свободная и открытая Индо-Пацифика», «порядок, основанный на правилах» и т.п. Дихотомия между либеральными демократиями, представленными членами AUKUS, и так называемыми автократиями региона (в первую очередь КНР) предопределяет, по мнению некоторых авторов [Noorali, Yazdanpanah, Noorali, 2024], дальнейшее сплачивание союзников вокруг США с целью сдерживания противников. Впрочем, неолиберальная посылка «из демократий получаются лучшие союзники» [Vucetic, 2023] не объясняет, почему потребовался новый союз «поверх» страдающего от эрозии АНЗЮС (в котором все три члена также считаются демократиями).

Таким образом, на вопрос о влиянии AUKUS на стратегическую стабильность и архитектуру региональной безопасности в АТР различные ТМО не дают одинакового ответа. В соответствии с канонами господствующей ныне постпозитивистской парадигмы, понимание феномена в высшей степени зависит от угла зрения, под которым он рассматривается, и AUKUS не исключение.

AUKUS: анализ официального и научно-публицистического дискурсов

Создание образования AUKUS привело к особенно активному обсуждению в международной среде нескольких компонентов, связанных с данным форматом. К ним относятся такие вопросы, как влияние AUKUS на режим ядерного нераспространения, «неядерный» компонент AUKUS (то есть связанный с другими передовыми технологиями), возможное расширение формата и др. Ниже представлены основные позиции по данным проблемам в рамках как официального, так и научно-публицистического дискурса. В первом случае имеются в виду высказывания представителей органов государственной власти, во втором – членов академического и экспертного сообществ.

Один из дискуссионных моментов сконцентрирован вокруг вопроса о *примате инициативы*. С одной стороны, можно утверждать, что Вашингтон воспользовался охлаждением в китайско-австралийских отношениях, проявившимся в коронавирусную эпоху, чтобы с помощью AUKUS сделать Австралию еще более зависимой от США в

сфере безопасности. К примеру, подобную точку зрения высказывал Г. Чизман: по его мнению, выбор Канберры в пользу AUKUS определяют составляющие в виде «страха и зависимости» [Clayton, Newman, 2023], во многом определяющие австралийскую стратегическую культуру. Другие исследователи, напротив, указывают на возросшую агентивность Канберры, которая из-за опасений ухудшения региональной обстановки проактивно выступила с идеей передачи технологии ядерных силовых установок (ЯСУ) для АПЛ. Так, по выражению П. Мицкевича, США фактически сознательно пошли на делегирование Австралии лидерства в Индо-Тихоокеанском регионе (ИТР) в военноморском измерении для сдерживания роста мощи Китая в регионе [Mickiewicz, 2023]. Впрочем, факт создания AUKUS далеко не означает автоматического перемещения Австралии на лидерские позиции в регионе, равно как и отстранения США от событий в ИТР. По мнению С. Вучетича, инициатором AUKUS выступило именно либеральное правительство С. Моррисона [Vucetic, 2023]. Также AUKUS может трактоваться в первую очередь как воплощение изменений в направлении политики Канберры и Лондона по отношению к КНР, наложившееся на попытку администрации Дж. Байдена сгладить впечатление от вывода войск из Афганистана [Samaan, 2021].

Несомненно, наличие в AUKUS *ядерной подоплеку* вызвало особый интерес со стороны как официальных лиц, так и научно-экспертного сообщества. В то же время сложно согласиться с выводом о том, что AUKUS способствует расширению клуба ядерных держав за счет Австралии [Leonova, 2022]: дело в том, что под этим метафорическим объединением традиционно принято понимать именно государства, обладающие ядерным оружием (ЯО). Австралия – участница Договора о нераспространении ядерного оружия 1968 г. – по определению к таковым не относится. Следует подчеркнуть, что значение AUKUS выражается в создании прецедента обретения технологии АПЛ с ЯСУ неядерной страной, полноценно участвующей в режиме нераспространения. Ситуация усугубляется тем, что в реакторах, движущих такие субмарины, используется обогащенный уран. И это вызывает обоснованные опасения по поводу его возможного применения в военных целях. Вызов с точки зрения нераспространения представляет собой следующий технический аспект: в американских и британских подлодках с ядерным двигателем используется уран с высокой степенью обогащения (93–97%), близкой к «оружейным» показателям. Историческим примером интереса к этой технологии НЯОГ служит Канада. В июле 1987 г. Оттава объявила о желании создать свои 10–12 АПЛ английской либо французской конструкции с собственным ВОУ, но идея сошла на нет спустя два года [Findlay, 2021]. Неписаная норма подразумевает, что обладать технологией ЯСУ могут только члены ядерного клуба, но в настоящее время отчетливый интерес к подобным технологиям проявляют и «пороговые» страны – Южная Корея, Япония, Бразилия. Несмотря на заявления о том, что австралийские АПЛ не будут оснащены ракетами с ядерными боеголовками, такое развитие событий дало возможность говорить о гонке ядерных вооружений (см., например, [Ashraf, 2024]).

Важной вехой для эволюции объединения стал март 2023 г.: по прошествии 18 месяцев была определена «оптимальная траектория» имплементации условий, озвученных в 2021 г. Помимо этого, обнаружилась и структурная неоднородность AUKUS: в дискурсе появился постулат о наличии двух «*столпов*», на которые подразделяются сферы сотрудничества в рамках соглашения. Показательно, что изначально, еще как минимум в 2022 г., термин «*столпы*» появился в научно-публицистическом обороте (см., например, [Jackett, 2022]) и уже впоследствии был заимствован официальными лицами (см., например, [Jenkins, 2023]). Кроме наиболее изученного сюжета с АПЛ, который составляет первую основу AUKUS, существует и второй «*столп*». К нему относится создание трехсторонней технологической базы и для остальных перспективных

разработок в военной сфере, среди которых гиперзвуковое оружие и ракеты большой дальности, искусственный интеллект, квантовые технологии и некоторые другие смежные области [Dolan, 2024]. При этом в некоторых прочтениях к названным составляющим добавляется и третий «столп», связанный с конвенциональными вооружениями [Nagy, 2024].

Реакция международного сообщества и стран АТР, в частности на объявление об AUKUS, оказалась весьма неоднозначной. Несмотря на намеренное уклонение официальных лиц трех держав от упоминания Китая в контексте AUKUS, его имплицитная направленность против КНР практически не оспаривается. Китайские эксперты (например, Лю Чун, Институт современных международных отношений Китая) выступили с критикой избирательной безопасности (то есть обеспечиваемой за счет других), которая проявляет себя в малосторонних образованиях – блоках в АТР [Zhang, 2022]. Официальный Китай в критике AUKUS делает особый акцент на военизированной природе объединения и присущем ему принципе эксклюзивности, клеймя создателей формата за блоковое мышление образца холодной войны. Симптоматичной оказалась и весьма настороженная реакция официальных представителей «островной» части АСЕАН, в особенности Малайзии и Индонезии [Ashraf, 2024]. Среди других условных противников AUKUS можно отметить Камбоджу, Мьянму, КНДР. В негативном ключе AUKUS неоднократно упоминался в комментариях представителей МИД и Минобороны России.

Относительно позитивно к созданию объединения отнеслись другие союзники США в регионе, не исключая для себя возможности поучаствовать в нем. Что касается вариантов *потенциального расширения* AUKUS, в научно-публицистической литературе регулярно фигурируют новые аббревиатуры, призванные описать такие гипотетические сочетания, как CAUKUS в случае с Канадой или JAUKUS, включающее Японию. Последняя как минимум желает участвовать во втором «столпе», в первую очередь имеется в виду компонент, связанный с кибербезопасностью. При этом в статье на сайте Центрального телеграфного агентства Кореи, опубликованной под именем Кан Чжин Сона, отмечается готовность организаторов AUKUS к отходу от англосаксонского компонента за счет преференциального сотрудничества именно с Японией [TASS, 2024]. К числу стран, за счет которых может произойти вероятное пополнение AUKUS, также относится Республика Корея. Впрочем, во всех трех случаях отмечаются вызовы в виде внутривосточной нестабильности [Nagy, 2024]. Наконец, проявляет интерес к ограниченному участию более умеренно настроенная Новая Зеландия. Однако следует отметить, что наиболее реалистичным сценарием для перечисленных стран выглядит участие в отдельных инициативах по линии второго «столпа» AUKUS [Paramonov, 2024]. В чем-то такие осторожные попытки распространить отдельные аспекты деятельности AUKUS вовне напоминают формат “outreach”, реализуемый в рамках БРИКС. Также аналогом может служить пока слабо реализованный проект Quad+ (включающий некоторые другие страны региона, например Южную Корею и Новую Зеландию), что служит доказательством тезиса об общем курсе на сетевизацию структуры (про)американских альянсов в АТР. Кроме того, подобные намерения вызвали сравнения AUKUS с «азиатским НАТО» со стороны внешних комментаторов (см., например, [Global Times, 2024]).

Дискуссия по поводу AUKUS вызвала весьма заметный раскол в австралийском обществе [Dunley, 2023]. Иные австралийские исследователи высказывали противоположную точку зрения, приоритизируя идею консенсуса. По мнению С. Бабонеса (Университет Сиднея) [Lukyanov, 2021], согласие внутри австралийского политикума по поводу AUKUS носит достаточно широкий характер. Впрочем, это не отменяет мак-

симально жесткой критики объединения со стороны двух бывших премьеров, П. Китинга и М. Тернбулла, инициатора предыдущих договоренностей с Францией [Knott, 2024]. П. Китинг утверждал, что AUKUS превращает Австралию в 51-й штат США. Более того, по меткому выражению одного из архитекторов австралийского «поворота на Восток» (в терминологии С. Хантингтона «выбор Китинга – Эванса» [Huntington, 1996, p. 153]), AUKUS, скорее, обеспечивает «безопасность от Азии», нежели «безопасность Азии» как таковой [Zaman, Yasmin, 2022]. Концентрированным выражением критики AUKUS «изнутри» стало открытое письмо, которое подписали более ста общественных и академических деятелей Австралийского Союза.

В глобальном масштабе академические публикации в отношении AUKUS также варьируются от комплиментарных (см., например, [Prayitno, 2021]) до критических: так, высказывали сомнения в функциональности объединения индийские авторы [Zaman, Yasmin, 2022]. Для определения возможностей и препятствий имплементации соглашения был проанализирован массив англоязычных научных и публицистических статей, экспертных колонок и других актуальных материалов по тематике AUKUS. Результаты анализа представлены в табл. 1.

Таблица 1. Результаты дискурс-анализа зарубежной научно-публицистической литературы по проблеме AUKUS

Связанный аспект	Факторы, способствующие реализации положений AUKUS	Факторы, препятствующие реализации положений AUKUS
Политическая воля	Наличие поддержки AUKUS правительствами/ администрациями трех стран-участниц в краткосрочной перспективе	Отсутствие уверенности в поддержке AUKUS правительствами/ администрациями трех стран-участниц в долгосрочной перспективе
Рабочие места	Создание рабочих мест для строительства инфраструктуры/подлодок	Недостаток высококвалифицированной рабочей силы на фоне «перегрева» австралийского рынка труда
Технологическая и производственная база	Наличие компетенций по созданию АПЛ с ЯСУ (в первую очередь в США)	Высокая загруженность и отставание американских судостроителей от графика
Имидж и связи на глобальной арене	Укрепление англосаксонского альянса в АТР, практическая реализация стратегии «Глобальной Британии» и Индо-Тихоокеанского проекта США, интерес к присоединению со стороны ряда стран макрорегиона	Неоднозначная реакция международных партнеров (АСЕАН, ЕС), дипломатический демарш Франции, резкое неприятие со стороны КНР, России, КНДР и др.
Международно-правовое измерение	Декларированный отказ от размещения ракет с ЯБГ на АПЛ с ЯСУ в рамках проекта	Отсутствие прецедентов наличия АПЛ с ЯСУ у НЯОГ, вероятность «переключения» ядерного материала (ВОУ) на военные цели

Источник: составлено автором.

Соответственно, налицо неоднозначность влияния AUKUS на региональную и глобальную безопасность, равно как и зависимость выполнения условий первоначального соглашения от ряда переменных. Для получения более полной картины в следующем разделе статьи представляется необходимым обратиться к категории континуитета.

Континуитет и дисконтинуитет: множественность измерений

По определению под континуитетом в интересующем нас случае следует понимать непрерывность, преемственность в проведении государствами политической линии и ключевых тенденций региональной безопасности в целом.

Идея континуитета уже поднималась в публицистической и научной литературе по связанной теме. Рассуждая о нарративном обрамлении, сопровождающем учреждение AUKUS, следует иметь в виду, что основополагающей идеологемой сдвига фокуса внимания США на Индо-Тихоокеанский регион является «международный порядок, основанный на правилах» [Paikin, 2021]. Действительно, размышляя о концептуальном генезисе AUKUS, нельзя сбрасывать со счетов Индо-Тихоокеанский проект, который был охотно воспринят австралийским экспертным сообществом. Так, в этом конструкте подчеркивается в том числе тот факт, что берега австралийского континента омывают оба океана, Индийский и Тихий. В то же время с точки зрения идентичности Австралия называется географическим центром макрорегиона по обеим осям [Shi, 2022]³. «Индо-Тихоокеанский сдвиг» (англ. Indo-Pacific tilt) является и одним из неотъемлемых элементов стратегии «Глобальной Британии» [Saddington, 2024].

О.Г. Леонова в своем прочтении сути AUKUS упоминает категорию непрерывности, но, скорее, спатильного толка, то есть проявляется она в региональном измерении [Леонова, 2022]. Согласно такой трактовке, все три страны за счет участия AUKUS решают свои геополитические задачи. Действительно, в географическом отношении AUKUS иногда рассматривается как своеобразный инструмент сопряжения Евроатлантики и Индо-Пацифики. В этой интерпретации создание AUKUS видится попыткой налаживания бесшовной интеграции двух глобальных регионов (Атлантики – за счет Великобритании, Индо-Пацифики – за счет Австралии) благодаря международному разделению труда [Shi, 2022]. Однако следует признать, что в этом измерении проблема больших расстояний между странами-участницами [Walt, 2021] принципиально сохраняется в сравнении с АНЗЮС и АНЗЮК за счет неизменности географических констант.

Периферийность и даже внерегиональность для АТР всех игроков AUKUS, кроме Австралии, также достаточно очевидна. Лишь наличие Канберры [Walt, 2021] обеспечивает присутствие азиатско-тихоокеанского компонента, чрезвычайно важного для достижения подспудных целей квазиальянса, связанных со сдерживанием КНР и укреплением собственного военного присутствия в макрорегионе. Парадокс AUKUS, то есть количественное превалирование внешних игроков в сравнении с внутрирегиональными, может объяснять смешанную реакцию держав макрорегиона на объявление о создании формата (см. предыдущий раздел). Следует отдельно рассмотреть особенности континуитета, проявляющегося в создании AUKUS, в региональной политике Лондона и Вашингтона.

³ Несмотря на подобные утверждения, на деле из относительно заметных держав АТР южнее Австралийского Союза расположена только Новая Зеландия.

С одной стороны, AUKUS является отражением многолетних тенденций в азиатско-тихоокеанской политике США в области безопасности. Так, Ж.-Л. Самаан принципиально рассматривает AUKUS как логическое продолжение американских практик в ИТР, постулируя историческую связь AUKUS с АНЗЮС или альянсом «Пять глаз» [Samaan, 2021]. Вместе с тем автор отмечает тенденциозность такого развития событий: в частности, речь идет о произошедшем за десятилетие изменении восприятия Китая англосаксонскими странами. Соответственно, континуитет также состоит в выстраивании международного сотрудничества против стратегического конкурента США: если в эпоху холодной войны речь шла о «красной угрозе» со стороны СССР, ныне воспринимаемую англосаксонским ядром AUKUS экзистенциальную опасность можно метафорически обозначить как «желтую угрозу» со стороны Китая. Также, несмотря на декларируемый антагонизм, примечательно, что подобные действия команды Дж. Байдена берут начало в Индо-Тихоокеанской политике Д. Трампа. Таким образом, обнаруживается и континуитет политики демократов в сравнении с курсом предыдущей администрации, в том числе на уровне формулировок и идеологием (разница лишь в большем объеме внимания, которое нынешняя администрация готова уделять макро-региону).

С другой стороны, для Великобритании континуитет состоит в институционализированном (пусть и не совсем жестко) закреплении своего присутствия в отдаленном регионе. Еще во времена холодной войны этому способствовало существование пакта АНЗЮС. Благодаря же AUKUS Лондон получает возможность непрерывно обновлять собственный флот АПЛ [Nason, 2024]: в отличие от США, полагающихся на «ядерную триаду», для Великобритании это единственное средство доставки ядерного оружия. Э. Фаттер (Университет Лестера, Великобритания) подтверждает мысль о том, что AUKUS становится лишь отражением уже оформленных тенденций и для Лондона: речь идет о дальнейшем сближении с заокеанскими союзниками [Lukyanov, 2021]. При этом Лондон называется бенефициаром сделки: Великобритания занимает срединное положение между США как источником технологий и Австралией как инвестором [Nason, 2024], пусть Лондон и изначально считался австралийскими экспертами условным «слабым звеном» [Nason, 2024].

Континуитет обеспечивается и относительно постоянными величинами в виде идеологической, культурной и даже языковой общности, равно как и схожестью политических и юридических систем стран-участниц (двухпартийность, прецедентное право). Эти важнейшие моменты можно совокупно обозначить как англосаксонский субстрат. Во внутривнутриполитическом измерении во всех трех случаях по поводу AUKUS также наблюдается условный двухпартийный консенсус, слабо зависящий от электро-ральных циклов. Так, в Австралии и Великобритании уже были отмечены случаи смены правительств уже после 2021 г., что не повлияло в целом на решимость продолжать сотрудничество по линии формата, несмотря на изначальную позицию австралийских лейбористов. Таким образом, налицо не только кратковременное, тактическое совпадение интересов администрации США и правительств Великобритании и Австралии, но и долгосрочная готовность к укреплению стратегических связей. В этом состояло важнейшее условие не только для создания, но и для выживаемости AUKUS. Впрочем, глобальная ситуация продолжает оставаться волатильной, и результаты выборов в США, намеченных на конец 2024 г., также могут стать испытанием для пакта, учитывая особенности расстановки внешнеполитических приоритетов двумя ведущими американскими партиями.

Помимо прочего, AUKUS проявляет свой континуитет с точки зрения такой тенденции, как минилатерализация. Малосторонние объединения в регионе существова-

ли еще во время холодной войны (АНЗЮС, Оборонное соглашение пяти держав 1971 г. и др.), но практика продолжается и в текущем столетии (речь идет о Quad и целой россыпи трехсторонних форматов). Более того, континуитет сотрудничества именно такого состава участников обеспечивается связями еще с форматом UKUSA 1947 г., направленным на стратегическое планирование и радиоразведку в частности [Adamy, 2022]. В отношении англосаксонского базиса индийские исследователи отмечали и своеобразную преемственность AUKUS с разведывательным альянсом «Пять глаз» (англ. FVEY, Five Eyes) [Zaman, Yasmin, 2022]. Важнейшим сходством AUKUS с Quad служит внимание к совместному развитию новейших технологий двойного назначения. Таким образом, в качестве принципиального сходства AUKUS со всеми этими минилатеральными объединениями следует назвать фокус на высокотехнологических разработках, критических для реализации оборонной политики.

С точки зрения сферы сотрудничества примечательно, что три страны концентрируются именно на военно-политической составляющей как основе кооперации. Это доказывает преемственность AUKUS с аналогичными форматами образца холодной войны. В то же время важно отметить, что новизну в сравнении с предыдущими подобными соглашениями составляет долгосрочный, но не бессрочный характер проекта (в частности, в рамках первого «столпа» AUKUS) и конкретика планов (поэтапность), несмотря на постоянные опасения о необходимости «сдвига вправо» сроков их реализации.

Отдельный аспект, требующий пристального изучения, состоит в политэкономии ВПК (военно-промышленных комплексов) трех стран, связанной с подрядчиками, выполняющими заказ на создание АПЛ. Масштаб проекта определяет и гигантские бюджетные затраты, ложащиеся в первую очередь на австралийских налогоплательщиков. Этот фактор резко контрастирует с постоянными отсылками британских и австралийских политиков к позитивным эффектам в виде создания рабочих мест.

Помимо этого, стоит обратить внимание и на дисконтинуитет как бинарную оппозицию предыдущему описанному явлению. С этой точки зрения можно интерпретировать заключение соглашения как знаменующее прерывание партнерских отношений Австралии с Францией и одновременно как акцентирующее продолжение сотрудничества с США как гарантом безопасности с 1945 г. [Barnes, Makinda, 2022] (патрон-клиентские отношения) и с Великобританией как бывшей метрополией⁴. В этом отношении создание AUKUS уже трактовалось как символический акт предательства Франции в обход принципа “*pacta sunt servanda*”, подрывающий институт доверия в широком смысле [Barnes, Makinda, 2022].

Заключение

Как показано выше, континуитет AUKUS с предыдущими похожими объединениями проявляется в пространственном и временном измерениях. Если в первом случае речь идет об использовании Канберры в качестве своеобразного «якоря», позволяющего обосновать вовлечение в АТР внерегиональных игроков, то во втором случае ситуация двоякая.

С одной стороны, при обращении к опыту холодной войны (ретроспективный подход) становится очевидной генетическая связь блоков типа UKUSA или АНЗЮС с новым форматом. В то же время назвать AUKUS заменой АНЗЮС или очередной его итерацией было бы упрощением: блок АНЗЮС так и не был распущен, несмотря на ос-

⁴ Британский монарх до сих пор является формальным главой австралийского государства.

лабление двусторонних связей в области безопасности между США и Новой Зеландией в 1980-е годы. Более того, в современности его конституируют ежегодные встречи на уровне министров, несмотря на возникшую «расщепленность» трехстороннего формата. Сходство AUKUS с АНЗЮС, и особенно с UKUSA, подтверждает такой параметр, как набор игроков, как в количественном, так и в качественном отношении.

С другой стороны, при рассмотрении в ближайшей перспективе AUKUS явно оказывается схожим с более новыми малосторонними образованиями вроде Quad. Принципиальным отличием AUKUS или Quad от АНЗЮС является отсутствие жестко определенной инфраструктуры и четкого международно-правового оформления: по сути, его создание было ознаменовано лишь трехсторонним заявлением, но не заключением полноценного договора. Такое положение еще раз доказывает тезис об аморфности зарождающихся малосторонних группировок в эродирующей системе международных отношений.

Из иных новых черт AUKUS следует обратить внимание на гетерогенность повестки, определяемую наличием нескольких «треков» сотрудничества, как и в случае с Quad. Такая разнородность диалектически сопровождается фрагментарностью: развитие событий, связанных с первым «столпом», идет независимо, параллельно с целым рядом направлений, включенных во второй. Помимо этого, беспрецедентной даже в сравнении с иными минилатеральными образованиями является интенция к предоставлению неядерному государству технологии ядерных двигателей для АПЛ, которая предполагает использование урана весьма высокой степени обогащения. Этот же фактор можно охарактеризовать как свидетельство внутренней морфологической асимметрии AUKUS, предполагающей распределение ролей на поставщиков технологий и условных «клиентов»⁵. Кроме того, в отличие от АНЗЮС, в тексте которого эксплицитно не проявляется ядерная проблематика, AUKUS откровенно связан с военными ядерными технологиями.

В целом создание AUKUS вполне вписывается в общую тенденцию к минилатерализации военно-политической жизни макрорегиона. Если трехсторонний пакт АНЗЮС был, скорее, исключением в рамках модели «оси и спиц», в основном представленной двусторонними соглашениями, то AUKUS – скорее, правило, подтверждающее тренды развития обновленной военно-политической архитектуры АТР. К последним относятся сетевизация и децентрализация межгосударственных связей в сфере безопасности, а также все более активное вовлечение внерегиональных игроков.

Список источников (References)

Adamy M.I.R. (2022) AUKUS and Australia's Nuclear-Powered Submarine: A Reinforced Strategic Culture. *Journal Hubungan Internasional*, vol. 15, no 1, pp. 148–165. Available at: <https://e-journal.unair.ac.id/JHI/article/view/33817/21909> (accessed 13 July 2025).

Ashraf S. (2024) AUKUS Will Fuel Arms Race and is Bad for Southeast Asia. *China-US Focus*, January 5. Available at: <https://www.chinausfocus.com/peace-security/aukus-will-fuel-arms-race-and-is-bad-for-southeast-asia> (accessed 13 July 2025).

Babones S. (2022) Understanding the 'Forever' Alliance: What AUKUS Means for Australia and the World. *Valdai Discussion Club*, February, 17. Available at: <https://valdaiclub.com/a/highlights/understanding-the-forever-alliance-what-aukus/> (accessed 13 July 2025).

⁵ Однако в этой связи AUKUS обнаруживает и очередное сходство с АНЗЮС, связанное с заведомым неравенством США, предоставляющих позитивные гарантии безопасности, и Австралии, которая таким образом оказывается под американским «ядерным зонтиком».

- Barnes J., Makinda S.M. (2022) Testing the limits of international society? Trust, AUKUS and Indo-Pacific security. *International Affairs*, vol. 98, no 4, pp. 1307–1325. Available at: <https://doi.org/10.1093/ia/iia111> (accessed 13 July 2025).
- Behm A. (2022) Extended Deterrence and Extended Nuclear Deterrence in a Pandemic World. *WMD in Asia-Pacific* (P. Hayes, T. Kulkarni, C. Moon, S. Shetty (ed.)). Seoul: Asia-Pacific Leadership Network for Nuclear Non-Proliferation and Disarmament, pp. 224–252. Available at: <https://www.apln.network/projects/wmd-project/wmd-in-asia-pacific-book> (accessed 13 July 2025).
- Cheng M. (2022) AUKUS: The Changing Dynamic and Its Regional Implications. *European Journal of Development Studies*, vol. 2, no 1, pp. 1–7. Available at: <https://www.ej-develop.org/index.php/ejdevelop/article/view/63> (accessed 13 July 2025).
- Clayton K., Newman K. (2023) Settler Colonial Strategic Culture: Australia, AUKUS, and the Anglosphere. *Australian Journal of Politics & History*, vol. 69, no 3, pp. 503–521. Available at: <https://doi.org/10.1111/ajph.12941> (accessed 13 July 2025).
- Cox L., Cooper D., O'Connor B. (2023) The AUKUS umbrella: Australia-US relations and strategic culture in the shadow of China's rise. *International Journal*, vol. 78, no 3, pp. 307–326. Available at: <https://doi.org/10.1177/00207020231195631> (accessed 13 July 2025).
- Dolan C.D. (2024) Perspective Chapter: AUKUS Pillar 2 – Technology, Interoperability, and Advanced Capabilities in the Evolving Trilateral Security Partnership. *National Security in the Digital and Information Age* (S. Burt (ed.)). Available at: <https://doi.org/10.5772/intechopen.1005189> (accessed 13 July 2025).
- Dunley R. (2023) The end of the 'lucky country'? Understanding the failure of the AUKUS policy debate. *Australian Journal of International Affairs*, vol. 77, no 3, pp. 317–324. Available at: <https://doi.org/10.1080/10357718.2023.2210278> (accessed 13 July 2025).
- Findlay T. (2021) Not Necessarily a Sure or a Good Thing. *Arms Control Today*, vol. 51, no 9, pp. 6–9. Available at: <https://www.jstor.org/stable/27088665> (accessed 13 July 2025).
- Global Security Briefing (2023) Can AUKUS Deter China? *Libsyn Podcasting*, April 5. Available at: <https://sites.libsyn.com/341255/can-aukus-deter-china> (accessed 13 July 2025).
- Global Security Briefing (2024) An Examination of AUKUS. *Libsyn Podcasting*, May 15. Available at: <https://sites.libsyn.com/341255/an-examination-of-aukus> (accessed 13 July 2025).
- Global Times (2024) AUKUS expansion an alarming move destabilizing region: experts. *Global Times*, April 8. Available at: <https://www.globaltimes.cn/page/202404/1310227.shtml> (accessed 13 July 2025).
- Huntington S.P. (1996) *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*. N.Y.: Simon & Schuster, 1996, p. 153. Available at: <https://www.simonandschuster.com/books/The-Clash-of-Civilizations-and-the-Remaking-of-World-Order/Samuel-P-Huntington/9781451628975> (accessed 13 July 2025).
- The White House (2022) *Indo-Pacific Strategy of the United States*, February 2022. Available at: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/02/U.S.-Indo-Pacific-Strategy.pdf> (accessed 13 July 2025).
- Jackett J. (2022) Laying the foundations for AUKUS: Strengthening Australia's high-tech ecosystem in support of advanced capabilities. *United States Studies Centre*. 41 p. Available at: <https://cdn.sanity.io/files/oooh1fq7e/production/c8e54e01eb241e8c1fa1ae574cd2a137509d656d.pdf/Laying-the-foundations-for-AUKUS-Strengthening-Australias-high-tech-ecosystem-in-support-of-advanced-capabilities.pdf> (accessed 13 July 2025).
- Jenkins B. (2023) AUKUS: A Commitment to the Future. Remarks. *The White House*, November 27, 2023. Available at: <https://www.state.gov/aukus-a-commitment-to-the-future/> (accessed 13 July 2025).
- Knott M. (2024) There are two camps on nuclear-powered submarines. Only one of them is based in reality. *The Sydney Morning Herald*, August 9. Available at: <https://www.smh.com.au/politics/federal/there-are-two-camps-on-nuclear-powered-submarines-only-one-of-them-is-based-in-reality-20240809-p5k0zo.html> (accessed 13 July 2025).
- Leonova O.G. (2022) The Impact of the Strategic Partnership AUKUS on the Geopolitical Situation in the Indo-Pacific Region. *International Organisations Research Journal*, vol. 17, no 3, pp. 194–211. Available at: <https://iorj.hse.ru/en/2022-17-3/779654237.html> (accessed 13 July 2025) (in English).

- Lukyanov F. (2021) AUKUS: chetyre vzgljada na trjohstoronnee soglasenie [AUKUS: Four Views on a Tripartite Agreement]. *Russia in Global Affairs*, November, 10. Available at: <https://globalaffairs.ru/articles/aukus-chetyre-vzglyada/> (accessed 13 July 2025) (in Russian).
- Mickiewicz P. (2023) AUKUS as an effective response to the prospective limitation of American domination in the Indo-Pacific. *Torun International Studies*, vol. 1, no 18, pp. 25–38. Available at: <https://doi.org/10.12775/tis.2023.011> (accessed 13 July 2025).
- Nagy S.R. (2024) Who will ‘plug and play’ with AUKUS? *The Japan Times*, May 28. Available at: <https://www.japantimes.co.jp/commentary/2024/05/28/world/aukus-plug-and-play/> (accessed 13 July 2025).
- Nason A. (2024) The overlooked outcome: AUKUS and the Australia-UK partnership. *United States Studies Centre*, July 16. Available at: <https://www.ussc.edu.au/the-overlooked-outcome-aukus-and-the-australia-uk-partnership> (accessed 13 July 2025).
- Nguyen H.H. (2021) Australia can count on Vietnam to support AUKUS. *The Runway – Royal Australian Air Force*, November 11. Available at: <https://runway.airforce.gov.au/resources/link-article/australia-can-count-vietnam-support-aukus> (accessed 13 July 2025).
- Noorali H., Yazdanpanah Dero Q., Noorali H. (2024) The consensus of material and discursive geopolitical codes to contain China in the Indo-Pacific. *Asian Geographer*, pp. 1–22. <https://doi.org/10.1080/10225706.2024.2330052>. Available at: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/10225706.2024.2330052> (accessed 13 July 2025).
- Paikin Z. (2021) AUKUS and “Rules-Based Order”: Change and Continuity in Great Power Relations in 2021. *The Institute for Peace and Diplomacy*, December 14. Available at: <https://peacediplomacy.org/2021/12/14/aukus-and-rules-based-order-change-and-continuity-in-great-power-relations-in-2021/> (accessed 13 July 2025).
- Paramonov O. (2024) AUKUS v ozhidanii popolnenija? [AUKUS awaiting new addition?]. *The International Affairs*, March 3 Available at: <https://interaffairs.ru/news/show/44855> (accessed 13 July 2025).
- Prayitno H. (2021) AUKUS and the Role of ASEAN Centrality in Managing Regional Security Affairs. *Technium Social Sciences Journal*, vol. 26, pp. 678–688. Available at: <https://media.neliti.com/media/publications/543825-aukus-and-the-role-of-asean-centrality-i-2260d0b5.pdf> (accessed 13 July 2025).
- Saddington L. (2024) The ‘Tilt’ and the ‘Pacific Uplift’ in ‘Global Britain’s’ ties with the Pacific Islands. *Asia Europe Journal*, vol. 22, pp. 85–102. Available at: <https://doi.org/10.1007/s10308-024-00691-3> (accessed 13 July 2025).
- Samaan J.-L. (2021) AUKUS and the Future of Alliances in the Indo-Pacific. *Trends Research and Advisory*, October 4. Available at: <https://trendsresearch.org/insight/aukus-and-the-future-of-alliances-in-the-indopacific/> (accessed 13 July 2025).
- Shi X. (2022) Beyond AUKUS: the emerging grand maritime alliance. *China International Strategy Review*, vol. 4, pp. 248–267. Available at: <https://doi.org/10.1007/s42533-022-00123-0> (accessed 13 July 2025).
- Tarapore A., Taylor B. (2022) Minilaterals and Deterrence: A Critical New Nexus. *Asia Policy*, vol. 17, no 4, pp. 2–7. Available at: <https://www.jstor.org/stable/27254587> (accessed 13 July 2025).
- TASS (2024) CТАK: rasshirenie AUKUS prevratit region Tihogo okeana v “jadernoe minnoe pole” [KCNA: AUKUS expansion to turn Asia-Pacific region into ‘nuclear minefield’]. April 25. Available at: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/20644103> (accessed 13 July 2025).
- Vucetic S. (2023) Guest Editor’s Introduction: AUKUS among Democracies. *International Journal*, vol. 78, no 3, pp. 293–306. Available at: <https://doi.org/10.1177/00207020231198134> (accessed 13 July 2025).
- Walt S.M. (2021) The AUKUS Dominoes Are Just Starting to Fall. *Foreign Policy*, September 18. Available at: <https://foreignpolicy.com/2021/09/18/aukus-australia-united-states-submarines-china-really-means/> (accessed 13 July 2025).
- Zaman R.U., Yasmin L. (2022) The shape of the international order: the case study of AUKUS. *Stosunki Międzynarodowe – International Relations*, vol. 2, p. 6. Available at: <https://doi.org/10.12688/stomiedintrelat.17420.1> (accessed 13 July 2025).
- Zhang Y. (2022) Blocs heat up arms race in Asia-Pacific. *China Daily*, August 24. Available at: <http://global.chinadaily.com.cn/a/202208/24/WS63056010a310fd2b29e73d95.html> (accessed 13 July 2025).

AUKUS as a Format: Continuity and Novelty¹

G. Toropchin

Gleb V. Toropchin – Cand.Sc. (Hist.), Associate Dean for Academic Affairs, Faculty of Humanities, Novosibirsk State Technical University; 20 Prospect Karla Marxa, Novosibirsk, 630073, Russia; Senior Research Fellow, Centre for Eurasian Studies, Tomsk State University (Russia); 36 Prospekt Lenina, Tomsk, 634050, Russia; glebtoropchin@mail.ru

Abstract

The article scrutinises the evolution of the AUKUS trilateral format announced by the leaders of Australia, United Kingdom and United States on September 15th, 2021, within the framework of a conceptual dichotomic model “continuity vs. discontinuity”. A review of Russian and international literature makes it possible to single out the major approaches to defining the gist of the agreement and interpreting its content, including from the standpoints of various international relations theories.

The methodology of the study is represented by comparative analysis utilised diachronically while adhering to historicism as a principle. Apart from that, the application of discourse analysis reveals the particularities of the relevant terminology (e.g. the transition of the “pillar” metaphor as applied to AUKUS from the scholarly discourse into the official one), as well as the factors both favouring and impeding the implementation of the format.

Addressing the intricacies of the Cold War period makes it possible to identify several levels of continuity. In the long-term, the continued cooperation within the blocs is notable, beginning with the 1947 UKUSA Agreement followed by the 1951 ANZUS pact. More recently, in the short-term perspective, there is AUKUS’ succession and complementarity with other minilateral initiatives in the Asia-Pacific (notably the informal quadrilateral security dialogue of the USA, Australia, India, and Japan – “Quad”). In the spatial dimension, the continuity manifests itself in the involvement of Canberra’s traditional allies in Europe and America (UK and US), similar to ANZUC.

At the same time, the paper identifies the parameters determining the relative novelty of the agreement compared to the previous minilaterals in the Asia-Pacific. The most important of these is the nuclear component, creating a precedent of transferring nuclear propulsion technology involving highly enriched uranium (HEU) to a non-nuclear-weapon state (NNWS).

Keywords: AUKUS, ANZUS, Australia, Asia-Pacific, continuity

For citation: Toropchin G.V. (2025) AUKUS as a Format: Continuity and Novelty. *International Organisations Research Journal*, vol. 20, no 3, pp. 99–112 (In English). doi:10.17323/1996-7845-2025-03-06

¹ This article was submitted 08.09.2024.

Динамическая временная модель международных санкций и защитные процентные ставки (на примере Ирана и России)^{1, 2}

И. Бастанифар, М. Ваез Барзани, Р. Назари

Бастанифар Иман (автор-корреспондент) – доцент департамента экономики факультета административных наук и экономики Исфаханского университета, Исфахан, Иран; i.bastanifar@ase.ui.ac.ir; ORCID: 0000-0003-0854-0485

Ваез Барзани Мохаммад – доцент департамента экономики факультета административных наук и экономики Исфаханского университета, Исфахан, Иран; vaez@ase.ui.ac.ir

Рогайе Назари – аспирант департамента экономики факультета административных наук и экономики Исфаханского университета, Исфахан, Иран; r.nazari6860@gmail.com

Аннотация

Влиянию международных санкций на процентные ставки как способу избежать их негативного воздействия в литературе уделяется относительно мало внимания. Защитная процентная ставка определяется как стратегия защиты от колебаний валютных курсов, в том числе вызванных спекулятивными операциями. Подобная стратегия чаще встречается в условиях международных санкций, особенно затрагивающих валютные операции. Можно поставить вопрос о том, как должна меняться оптимальная процентная ставка в экономиках, находящихся под санкциями.

В данном исследовании, во-первых, используется модель динамического программирования для определения интенсивности международных санкций как функции условий торговли. В результате решения этой исследовательской модели вводится новое понятие защитной процентной ставки и ее эластичности, которая оценивается с помощью параметра интенсивности санкций. Затем, следуя методологии, разработанной авторами, рассчитывается стохастическая переменная интенсивности санкций на основе суммирования количества различных санкций в соответствии с версией 4 Глобальной базы данных по санкциям. Для оценки параметра интенсивности санкций за период с 1979 по 2023 г. для Ирана и с 1993 по 2023 г. для России в соответствии с методикой Бокса – Дженкинса в программном обеспечении Eviews была построена модель AR(1). Согласно результатам исследования, при увеличении интенсивности санкций на 1% в Иране и России процентная ставка должна снизиться на 0,89 и 0,97% соответственно. Результаты показывают, что в России было больше периодов снижения процентных ставок, чем в Иране, когда санкции ужесточались.

Ключевые слова: временная модель санкций, защитная процентная ставка, динамическое программирование

Для цитирования: Бастанифар И., Ваез Барзани М., Назари Р. Динамическая временная модель международных санкций и защитные процентные ставки (на примере Ирана и России) // Вестник международных организаций. 2025. Т. 20. № 3. С. 113–146 (на русском и английском языках). doi:10.17323/1996-7845-2025-03-07

¹ Статья поступила в редакцию 17.08.2024.

² Перевод статьи выполнен А.В. Шелеповым, старшим научным сотрудником Центра исследований международных институтов Института прикладных экономических исследований (ЦИМИ ИПЭИ) Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС).

1. Введение

Санкции представляют собой комплексную систему «наказания» в сфере внешней политики. Это популярный инструмент, используемый странами как самостоятельно, так и через международные организации, для достижения различных целей [Hatipoglu, Peksen, 2018]. Эффективность санкций до сих пор остается предметом споров. С одной стороны, некоторые исследования, в частности [Wang et al., 2019; Hatipoglu, Peksen, 2018; Itskhoki, Mukhin, 2022], подтверждают влияние санкций на экономику. Однако другие работы, например [Drezner, 1999; Egger et al., 2024; Kholodilin, Netšunajev, 2019], демонстрируют, что санкции не влияют на экономические показатели.

Экономические санкции часто оказывают влияние на валютные операции. Они могут спровоцировать спекулятивные атаки на валютном рынке, что приводит к обесценению национальной валюты страны, на которую наложены санкции [Hatipoglu, Considine, AlDayel, 2023].

Центральный банк использует стратегию защиты посредством процентной ставки и посредством заимствований, а также прямое вмешательство на валютном рынке для противодействия таким атакам. В рамках стратегии защитных заимствований центральный банк противодействует спекулятивным атакам, занимая достаточное количество иностранных резервов для выкупа существующей денежной массы. После спекулятивной атаки орган денежно-кредитного регулирования может напрямую вмешаться в функционирование валютного рынка и снизить волатильность валютного курса, покупая или продавая валютные резервы, либо сделать это косвенно, корректируя процентную ставку. Такая политика, направленная на уравнивание колебаний обменного курса посредством изменения процентной ставки, называется «защитной процентной ставкой» [Dobrynskaaya, 2008; Drazen, 2000]. Поскольку обменный курс чувствителен к условиям международных санкций, процентную ставку можно рассматривать как защитный инструмент в случае спекулятивных действий в условиях международных санкций.

Согласно Глобальной базе данных по санкциям (Global Sanctions Database, GSDB)³ по состоянию на июнь 2023 г., санкции против Ирана и России за последнее десятилетие значительно ужесточились в сравнении с предыдущими десятилетиями. По данным Всемирного банка, по мере ужесточения санкций обменные курсы в этих двух странах резко выросли. Для России и Ирана существовали два варианта политики: снижение и повышение процентных ставок. Какой из них следовало выбрать?

Что касается изменений процентных ставок, теория защитных процентных ставок постулирует, что их повышение помогает стране защитить курс своей валюты от колебаний, поскольку значительно увеличивает издержки обладания иностранной валютой и, таким образом, препятствует спекулятивным атакам. Кроме того, более высокие процентные ставки могут сигнализировать о приверженности денежно-кредитных властей фиксированному валютному курсу. Однако это восприятие изменилось после азиатского финансового кризиса. Некоторые критики отмечали, что повышение процентных ставок парадоксально, поскольку вредит экономике. По мере роста издержек высоких процентных ставок сигнал со стороны денежно-кредитных властей ослабевает, ожидается более сильное обесценивание валюты, а следовательно, и большее давление на валютный курс со стороны спекулянтов. Таким образом, если экономика чув-

³ Данные из этой базы были использованы в исследованиях [Syropoulos et al., 2024; Felbermayr et al., 2020; Kirikakha et al., 2021].

ствительна к влиянию более высоких процентных ставок, действия денежных властей могут фактически повысить вероятность успешной спекулятивной атаки, а не снизить ее [Goderis, Ioannidou, 2008]. При надлежащей политике в условиях санкций возможно быстрое восстановление экономики. Однако при неправильной политике экономике могут потребоваться годы, чтобы выйти из кризиса.

В предыдущих исследованиях, посвященных Ирану [Roudari et al., 2023; Mousavi et al., 2021; Jonaghani et al., 2021; Heydarian et al., 2021; Laudati, Pesaran, 2023; Zamani et al., 2024; McDonald, Reitano, 2016], рассматривалось влияние санкций на экономические переменные, такие как экономический рост, доходы от экспорта нефти, стоимость иранской валюты, инфляция, производство, занятость, расходы на оборону и индикаторы фондового рынка. Аналогичным образом для российской экономики [Dreger et al., 2016; Kholodilin, Netšunajev, 2019; Bali, Rapelanoro, 2021, Shirov et al., 2015; Nikulina, Kruk, 2016; Korhonen et al., 2018] изучалось влияние санкций на российский рубль и обменные курсы, объемы производства, промышленные цены, торгово-экономические отношения, нефтегазовую отрасль и экспорт продовольствия. Несмотря на значительное количество исследований, посвященных политическим и экономическим последствиям введенных санкций, непосредственного анализа их влияния на использование процентных ставок как защитного инструмента в Иране и России не проводилось. Данное исследование выполнено с целью восполнить эти пробелы. При этом возникают вопросы: как должны изменяться процентные ставки в случае санкций? какой количественный индекс можно использовать для измерения интенсивности санкций и как индекс интенсивности санкций соотносится с процентными ставками?

Для решения этих исследовательских задач и оценки альтернативной стоимости денег была введена новая модель – «временная модель санкций». В этой модели интенсивность санкций рассматривается как переменная, влияющая на время транзакции. В результате решения исследовательской модели вводится новая концепция понимания защитной процентной ставки через ее эластичность, которая измеряется на основе параметра интенсивности санкций. Для оценки интенсивности санкций проводится агрегация всех санкций, введенных против рассматриваемой страны, основанная на работе [Ranjekshan, 2023].

Используя метод Бокса – Дженкинса, с помощью авторегрессионной модели первого порядка оценивается параметр интенсивности санкций для периода с 1979 по 2023 г. для Ирана и с 1993 по 2023 г. для России. Результаты показывают, что по мере ужесточения санкций процентные ставки необходимо снижать. В России наблюдалось больше периодов снижения процентных ставок по сравнению с Ираном по мере усиления санкций.

2. Обзор литературы

2.1. Количественный подход к экономическим санкциям

В работе [Hufbauer et al., 2009] предложена концептуальная структура для оценки эффективности санкций. Хуфбауэр и его соавторы использовали качественные и количественные показатели для получения выводов об успешности или неуспешности санкций. В качестве одного из количественных показателей успешности был использован процент санкций, достигших своих целей. Сарау [Sarau, 2024] оценил количественный показатель эффекта санкций, умножая фиктивную переменную для стран, подвергшихся санкциям, на фиктивную переменную для периода после их введения.

Дрегер с соавторами [Dreger et al., 2016] разработали индекс санкций, введение которых было связано с украинским кризисом. Этот индекс был расширен в работе [Kholodilin, Netšunajev, 2019]. Указанный составной индекс представляет собой агрегацию фиктивных переменных в разные моменты времени. Фиктивная переменная может быть равна единице, двум или трем, в зависимости от типа санкций. Бали и Рапеланоро [Bali, Rapelanoro, 2021] учли при составлении индекса санкций экономический рычаг и временной фактор, дополнив таким образом две предыдущие работы, рассматривающие составной индекс. Они критиковали работу [Dreger et al., 2016] за то, что авторы не придали санкциям пропорционального веса. В этой работе оценка весов различных видов санкций основывалась на личном мнении авторов, что, естественно, может быть подвергнуто критике со стороны других исследователей.

В нашем исследовании, следуя методу, изложенному в работе [Ranjekshan, 2023], чтобы избежать влияния личных мнений авторов на веса санкций, мы сначала рассчитываем степень жесткости санкций, введенных каждой страной против Ирана и России за определенный период времени. Мы учитываем количество санкций, введенных каждым государством против Ирана и России, включая торговые, военно-промышленные, финансовые санкции, санкции в сфере торговли вооружениями и туризма, а также другие виды санкций.

Затем мы суммируем эти показатели степени жесткости санкций по годам, получая количественный временной ряд. После этого мы применяем подход Бокса – Дженкинса для определения подходящей модели для оценки параметра жесткости санкций, введенных против Ирана и России. Все расчеты представлены в приложениях (с. 139).

2.2. Защитная процентная ставка

Существует мнение, что повышение процентной ставки в периоды колебаний обменного курса снижает мотивацию к спекулятивной деятельности в отношении национальной валюты. Повышая процентные ставки, регулятор стимулирует открытие депозитов, тем самым снижая мотивацию держать национальную валюту для спекулятивной покупки и продажи. Это стабилизирует волатильность обменного курса [Sarpong et al., 2021]. В исследовании [Крау, 2003] были проанализированы 75 стран, подвергшихся спекулятивным атакам, и показано, что распространенное мнение о том, что повышение процентных ставок может остановить такие атаки, неоднозначно. Существуют свидетельства как подтверждающие, так и опровергающие эффективность такой политики. Например, в период с июля по август 1992 г. Швеция столкнулась со спекулятивными атаками на крону. Шведские денежно-кредитные институты ответили повышением ставки кредитования центрального банка в сентябре, что успешно сдержало спекуляции. Во время восточноазиатского финансового кризиса в 1997 г. Корея также столкнулась со спекулятивным давлением на свою национальную валюту. Реализованная в данном случае аналогичная политика не смогла решить проблему [Крау, 2003]. Российская экономика пережила кризис платежного баланса в 1998 г. В результате цены в стране резко реагировали на колебания обменного курса. В данном случае также нельзя недооценивать роль денежно-кредитной политики [Dobrynская, Levando, 2005]. В ответ на валютные кризисы, спровоцированные спекулятивными атаками, денежно-кредитные власти могут прибегнуть к прямому вмешательству на валютном рынке, регулируя колебания обменного курса путем покупки или продажи валютных резервов или отреагировать косвенно, путем корректировки процентных ставок. Такая политика сглаживания волатильности обменного курса посредством модуляции процентных ставок называется стратегией «защитной процентной ставки» [Dobrynская, 2008].

Таким образом, согласно общепринятому мнению, повышение процентных ставок может помочь стране защитить курс национальной валюты от влияния спекулятивных атак. В условиях санкций, когда курсы иностранных валют демонстрируют рост, денежно-кредитные власти рассматривают повышение процентных ставок как способ повышения альтернативных издержек владения активами в иностранной валюте, тем самым сдерживая стремление валютных спекулянтов выходить на рынок [Goderis, Ioannidou, 2008]. Санкции, введенные Европейским союзом и США в связи с ситуацией на Украине, оказали прямое воздействие на процентную ставку в России [Bali et al., 2024]. Они также повлияли на обменный курс из-за ограничений импорта и экспорта, заморозки активов и торговых эмбарго [Eichengreen et al., 2024].

Существуют различные исследования эффективности защитных процентных ставок. Например, Эйффингер и Каратас [Eijffinger, Karatas, 2012] предполагают, что характер защитной стратегии может различаться в зависимости от стадии валютного кризиса. Следовательно, острота кризиса влияет на процентные ставки.

При этом обзор существующей литературы демонстрирует дефицит исследований, посвященных тому, как процентные ставки могут служить защитным механизмом в период санкций.

2.3. Процентные ставки и санкции

[Daniëls et al., 2011], используя модифицированную модель глобальной теории игр для изучения использования защитных процентных ставок во время валютных кризисов, пришли к выводу, что такая стратегия увеличивает риск, связанный со спекуляциями. Ее может быть достаточно для сдерживания спекулянтов, когда фундаментальные факторы остаются относительно устойчивыми. Годерис и Иоанниду [Goderis, Ioannidou, 2008] использовали пробит-модель для оценки влияния повышения процентных ставок на защиту обменных курсов от спекулятивных атак в период 1986–2002 гг. Их выводы подтверждают, что эффективность денежно-кредитной политики для защиты валютных курсов зависит от уровня краткосрочной задолженности. Добрынская [Dobrynskaya, 2008], исследуя оптимальную политику в условиях жесткости цен и колебаний обменного курса, использует модель общего равновесия с жесткими ценами для открытой экономики, уделяя особое внимание использованию защитных процентных ставок в период валютных кризисов в США. В исследовании сделан вывод о том, что оптимальность реакции процентной ставки на шоки обменного курса положительно коррелирует с волатильностью и отрицательно коррелирует с жесткостью цен.

Учитывая противоречивое влияние санкций на макроэкономические переменные, изучение влияния введенных санкций на использование процентной ставки как защитного инструмента является необходимым и важным. Обзор существующих исследований показал, что влияние санкций на важную переменную – процентные ставки – для иранской экономики привлекало относительно небольшое внимание исследователей, а для российской экономики эта тема вообще не изучалась. Данное исследование имеет как теоретическую, так и практическую значимость. С точки зрения теории оно оценивает влияние санкций на использование процентных ставок как защитного инструмента в рамках временной модели санкций с использованием динамического программирования и вводит понятие частичной эластичности защитной ставки по санкциям. Практическим вкладом является измерение интенсивности санкций, для чего сначала определяется индекс интенсивности санкций, а затем параметр интенсивности санкций оценивается с помощью авторегрессионной модели первого порядка. Далее, в свете результатов исследования, экономики Ира-

на и России рассматриваются и сравниваются с точки зрения процентных ставок, используемых в условиях санкций. Ни в одном из предыдущих исследований этот метод не использовался для получения как теоретического, так и практического результата.

3. Методология и данные

Данный раздел начинается с представления трех подходов к пониманию роли денег в функции полезности домохозяйства. Это делается для обоснования выбора временной модели транзакций для определения взаимосвязи между санкциями и процентной ставкой. Затем мы обсуждаем, как санкции могут увеличить транзакционные издержки в соответствии с этой моделью. В итоге выводится временная модель санкций.

В следующем разделе вводится параметр интенсивности санкций и проводится его оценка с использованием эконометрических моделей.

3.1. Временная модель санкций

В отношении включения денег в функцию полезности домохозяйства в динамических моделях общего равновесия существует три подхода.

Первый подход, основанный на теориях Сидрауски [Sidrauski, 1967], предполагает, что деньги имеют прямую полезность. Таким образом, они входят в функцию полезности экономических агентов. Этот тип моделей называется моделями функции «деньги в полезности» (Money in Utility, MIU). Второй подход фокусируется на концепции транзакционных издержек, которые возникают при обмене активами [Baumol, 1952; Tobin, 1956], а также при обмене товарами [Kiyotaki, Wright, 1989]. В этом подходе спрос на деньги [Croushore, 1993], деньги и время объединяются для производства транзакционных услуг по доступу к потребительским товарам. Эти модели известны как «временные модели покупок», которые постулируют, что транзакции являются дорогостоящими, а деньги могут снизить соответствующие издержки. В этих моделях время считается транзакционными издержками покупки. Деньги могут увеличить время досуга, сокращая время, затрачиваемое на покупки, тем самым косвенно влияя на функцию полезности. Основанный на теориях Самуэльсона [Samuelson, 1958] третий подход рассматривает деньги как актив, используемый для передачи ресурсов между людьми. Фактически деньги служат средством обмена, используемым для покупки товаров. В этих моделях, известных как модели «авансовой оплаты» (Cash-in-Advance, CIA), помимо стандартного бюджетного ограничения домохозяйства также учитывается ограничение авансовых платежей [Walsh, 2017].

Временная модель покупок основана на предположении, что деньги облегчают транзакции и тем самым сокращают время и/или энергию, необходимые для процесса покупок [McCallum, Goodfriend, 1987]. Другими словами, деньги снижают транзакционные издержки. С другой стороны, введение экономических санкций увеличивает транзакционные издержки из-за таких факторов, как сокращение легальной торговли и экономической деятельности [Neuenkirch, Neumeier, 2015], нарушение торговых путей и торговых связей с поставщиками или покупателями [Bove et al., 2023].

Поскольку в нашей модели предполагается, что санкции увеличивают транзакционные издержки при покупках, что, в свою очередь, приводит к увеличению времени их совершения, в данном исследовании для учета влияния санкций используется временная модель времени покупок. На ее основе мы получаем временную модель санкций.

Во временной модели покупок функция полезности репрезентативного домохозяйства может быть представлена следующим образом:

$$U(c, m, l) = V(C, l). \tag{1}$$

Таким образом, потребление (c) и время досуга (l) являются двумя переменными функции полезности, по которым принимается решение экономическим агентом. Время досуга (l) равно:

$$L = 1 - n^w - n^s, \tag{2}$$

$$n^s = g(c, m), \quad 0 < n^s < 1, \tag{3}$$

$$g^c > 0,$$

где n^w – рабочее время, а n^s – время, затрачиваемое на покупки или транзакции; n^s положительно коррелирует с уровнем потребления и отрицательно – с реальным денежным балансом. Другими словами, деньги экономят время, которое можно было бы потратить на покупки или совершение транзакций.

Введение санкций, включая финансовые и торговые, создает препятствия для торговли. Например, в условиях санкций торговые компании вынуждены использовать различные способы обхода санкций и проведения сделок в рамках обычных торговых отношений. Это повышает неопределенность при выборе оптимальных или новых маршрутов и приводит к увеличению времени заключения сделок.

Политические институты также могут влиять на транзакционные издержки в период санкций. Например, демократические институты могут повышать доверие между агентами и приводить к снижению транзакционных издержек, связанных с санкциями [Morrow et al., 1998; Lektzian, Souva, 2001].

Утверждается, что санкции повышают транзакционные издержки, увеличивая время транзакций или покупок (торговли). Поэтому представленная выше модель модифицируется для представления санкций как фактора, оказывающего влияние на торговлю. Функция санкций, s , повышает торговые издержки за счет увеличения времени транзакций или покупок (g). Основываясь на работах [Bastanifar, 2024a; 2024b; Bastanifar, Omid, Khan, 2024], в которых влияние шоков на предпочтения домохозяйств было включено во временную модель покупок, мы вводим функцию санкций как шока для времени покупок.

Функция санкций включается во временную модель покупок как фактор, увеличивающий время покупок:

$$n^s = Sg(c, m), \tag{4}$$

$$S = s^{-\rho}, \tag{5}$$

где ρ – интенсивность санкций, которая для удобства масштабируется от нуля до единицы. Согласно уравнению 4, время, затрачиваемое на покупки или транзакции, увеличивается с ростом интенсивности санкций, что затрудняет торговлю. Санкции вводятся в модель как фактор, увеличивающий время, затрачиваемое на покупки:

$$E_t \sum_{j=0}^{\infty} \beta^j u[c_{t+j}, 1 - n^w_{t+j} - g(c_{t+j}, m_{t+j})S]. \quad 0 \leq \beta \leq 1. \tag{6}$$

Вышеуказанное соотношение представляет собой межвременную функцию полезности для репрезентативного домохозяйства: E обозначает ожидание, которое показывает, что социальный планировщик принимает решение с определенной степенью

риска относительно будущего; c_t – потребление на душу населения в момент времени t , а β – параметр временных предпочтений.

$$A_t = \tau_t N_t + \frac{(1 + i_{t-1}^g) B_{t-1}^g}{P_t} + \frac{M_{t-1}}{P_t}, \quad (7)$$

где A_t – капитал, отличный от человеческого; τ_t – трансфертные платежи; B – государственные облигации, выпускаемые для финансирования дефицита; $1 + i_{t-1}^g$ – доходность облигаций предыдущего периода; P_t – индекс цен; $M_{(t-1)}$ – международная денежная масса.

$$Y_t + (1 - \delta) K_{t-1} + A_t \geq C_t + K_t + \frac{M_t}{P_t} + \frac{B_t^g}{P_t}, \quad (8)$$

где $Y_t = F(K_{t-1}, N_t)$ – производственная функция; K_{t-1} – общий запас капитала на конец периода; N_t – численность населения; $\tau_t N_t$ – чистые трансфертные платежи; δ – норма амортизации физического капитала; $P_{t-1} = (1 + \pi_t) P_t$, а $N_{t-1} = (1 + n) N_t$. Два приведенных выше соотношения делятся на N_t :

$$\begin{aligned} a_t &= \tau_t + \frac{(1 + i_{t-1}^g) B_{t-1}^g}{(1 + \pi_t)(1 + n) P_{t-1} N_{t-1}} + \frac{M_{t-1}}{(1 + \pi_t)(1 + n) P_{t-1} N_{t-1}} = \\ &= \tau_t + \frac{(1 + i_{t-1}^g) b_{t-1}^g}{(1 + \pi_t)(1 + n)} + \frac{m_{t-1}}{(1 + \pi_t)(1 + n)}, \end{aligned} \quad (9)$$

$$y_t + \frac{(1 - \delta) K_{t-1}}{(1 + n)} + a_t \geq c_t + k_t + m_t + b_t g_t. \quad (10)$$

Уравнение 10 определяет бюджетное ограничение домохозяйства на душу населения. Формулируется функция ценности, или уравнение Беллмана:

$$V(a_t, k_{t-1}) = \max\{u(c_t, 1 - n^w - g(c_t, m_t)S) + \beta E_t V(a_{t+1}, k_t)\}. \quad (11)$$

Условия первого порядка для труда, потребления, реальных денежных остатков и реальных активов в виде облигаций имеют следующий вид:

$$\begin{aligned} \frac{\partial V(a_t, k_{t-1})}{\partial n_t^w} &= \frac{\partial u}{\partial l_t} \frac{\partial l_t}{\partial n_t^w} + \beta E_t \frac{\partial V(a_{t+1}, k_t)}{\partial k_t} \frac{\partial k_t}{\partial f} \frac{\partial f}{\partial n_t^w} = 0 \\ &\Rightarrow -u_l + \beta E_t \frac{\partial V(a_{t+1}, k_t)}{\partial k_t} f_n = 0, \end{aligned} \quad (12)$$

где f_n – предельная производительность труда, равная заработной плате (на конкурентном рынке).

$$\begin{aligned} \frac{\partial V(a_t, k_{t-1}, am_t)}{\partial c_t} &= \frac{\partial u}{\partial c_t} + \frac{\partial u}{\partial l_t} \frac{\partial l_t}{\partial g} S - \beta E_t \frac{\partial V(a_{t+1}, k_t, am_{t+1})}{\partial k_t} \frac{\partial k_t}{\partial c_t} = 0 \\ &\Rightarrow u_c - u_l g_c S - \beta E_t \frac{\partial V(a_{t+1}, k_t, am_{t+1})}{\partial k_t} = 0. \end{aligned} \quad (13)$$

$$\begin{aligned} \frac{\partial V(a_t, k_{t-1})}{\partial m_t} &= \frac{\partial u}{\partial l_t} \frac{\partial l_t}{\partial g} \frac{\partial g}{\partial m_t} S - \beta E_t \left[\frac{\partial V(a_{t+1}, k_t)}{\partial a_{t+1}} \frac{\partial a_{t+1}}{\partial m_t} + \frac{\partial V(a_{t+1}, k_t)}{\partial k_t} \frac{\partial k_t}{\partial m_t} \right] = 0 \\ \Rightarrow -u_l g_m S + \beta E_t \left[\frac{\partial V(a_{t+1}, k_t)}{\partial a_{t+1}} \frac{1}{(1 + \pi_{t+1})(1 + n)} - \frac{\partial V(a_{t+1}, k_t)}{\partial k_t} \right] &= 0 \quad (14) \\ \Rightarrow -u_l g_m S + \beta V_k \frac{1}{a(1 + \pi_{t+1})(1 + n)} - \beta V_k &= 0. \end{aligned}$$

$$\begin{aligned} \frac{\partial V(a_t, k_{t-1})}{\partial b_t^g} &= \beta E_t \left[\frac{\partial V(a_{t+1}, k_t)}{\partial a_{t+1}} \frac{\partial a_{t+1}}{\partial b_t^g} + \frac{\partial V(a_{t+1}, k_t)}{\partial k_t} \frac{\partial k_t}{\partial b_t^g} \right] = 0 \\ \Rightarrow \beta E_t \left[\frac{\partial V(a_{t+1}, k_t)}{\partial a_{t+1}} \frac{1 + i_t^g}{(1 + \pi_{t+1})(1 + n)} - \frac{\partial V(a_{t+1}, k_t)}{\partial k_t} \right] &= 0 \quad (15) \\ \Rightarrow \beta V_a &= \beta V_k \left(\frac{(1 + \pi_{t+1})(1 + n)}{1 + i_t^g} \right). \end{aligned}$$

Вместо βV_a в уравнение 14 подставляется уравнение 15:

$$\begin{aligned} -u_l g_m S + \beta V_k \left(\frac{(1 + \pi_{t+1})(1 + n)}{1 + i_t^g} \right) / 0 \frac{1}{(1 + \pi_{t+1})(1 + n)} 1 - \beta V_k &= 0 \\ \Rightarrow -u_l g_m S &= \frac{i_t^g}{1 + i_t} \beta V_k. \end{aligned} \quad (16)$$

Из уравнения 12 βV_k можно выразить через u_l и f_n :

$$\beta V_k = \frac{u_l}{f_n}. \quad (17)$$

Подставляя βV_k из уравнения 17 в уравнение 16, имеем:

$$-f_n g_m = \frac{i_t^{\$}}{1 + i_t^{\$}} \frac{1}{S}. \quad (18)$$

В уравнении 18 S заменяется тождественным значением из уравнения 5:

$$-f_n g_m = \frac{i_t^{\$}}{1 + i_t^{\$}} s^p. \quad (19)$$

Левая часть уравнения 19 представляет собой упущенные проценты, связанные с альтернативными издержками владения деньгами. Отношение $\frac{i_t^{\$}}{1 + i_t^{\$}}$, представляющее собой ожидаемую доходность облигаций, предполагается равным i :

$$-g_m f_n = i s^p. \quad (20)$$

Далее берется натуральный логарифм обеих частей уравнения 20, который приравнивается к нулю в устойчивом состоянии:

$$\ln(-g_m f_n) = \ln i + (\rho) \ln(s) = 0 \Rightarrow \ln i = -(\rho) \ln(s). \quad (21)$$

Обе части уравнения 21 дифференцируются по S :

$$\frac{\partial i}{\partial s} = -\rho. \quad (22)$$

Уравнение 22 показывает частичную эластичность защитной процентной ставки по санкциям. Из него видно, что увеличение параметра интенсивности санкций отрицательно влияет на эластичность. При увеличении жесткости санкций политикам следует снижать спрос на государственные долговые ценные бумаги.

3.2. Оценка частичной эластичности защитной процентной ставки

Для оценки параметра интенсивности санкций, полученного в уравнении 22, сначала мы рассчитываем индекс интенсивности санкций. Затем параметр санкций оценивается с помощью эконометрических моделей.

3.2.1. Индекс интенсивности санкций

В исследовании [Ranjakeshan, 2023] для количественной оценки доли каждого типа санкций (финансовых, торговых, в торговле вооружениями и т.д.) была использована сумма показателей, присвоенных соответствующему типу за указанные годы в базе данных GSDB. В этой базе данных каждый тип санкций, введенных страной, применяющей санкции, против страны – объекта санкций, обозначается единицей, а отсутствие санкций – нулем. Например, для расчета доли финансовых санкций, введенных Европейским союзом, использовалась сумма показателей для данного типа санкций за годы, когда Европейский союз вводил финансовые санкции против каких-либо стран. В данном исследовании, вдохновленном указанной работой, интенсивность (жесткость) санкций во времени рассчитываются по следующей формуле:

$$\frac{\partial i}{\partial s} = -\rho \cdot s_{jt} = (S(jt))[(U(jt) + V(jt) + WW(jt) + XX(jt) + Y(jt) + Z(jt))], \quad (23)$$

где $S(jt)$ – количество государств, применивших санкции против страны j в году t ; s_{jt} – жесткость санкций, наложенных на страну j в году t ; $U(jt)$ – финансовые санкции, наложенные на страну j в году t ; $V(jt)$ – торговые санкции, наложенные на страну j в году t ; $W(jt)$ – санкции на поставки оружия, наложенные на страну j в году t ; $X(jt)$ – военно-промышленные санкции, наложенные на страну j в году t ; $Y(jt)$ – туристические санкции (визовые ограничения), наложенные на страну j в году t ; $Z(jt)$ – другие санкции, наложенные на страну j в году t .

Используя данные GSDB, интенсивность санкций против целевых стран (Ирана и России) рассчитывается путем сложения чисел (нулей и единиц), присвоенных каждому типу санкций (торговые, на поставки вооружений, военно-промышленные, финансовые, туристические и др.) в каждом году. Например, в период с 2011 по 2016 г. санкции против Ирана ввели в общей сложности восемь юрисдикций (Европейский союз, Хорватия, Македония, Черногория, Исландия, Лихтенштейн, Норвегия и Молдова).

Таким образом, количество санкционирующих государств ($S(jt)$) составило 8. Веса (количества) различных санкций, включая торговые, на поставки вооружений, военно-промышленные, финансовые, туристические и другие, были равны соответственно 0, 0, 0, 1, 1 и 0. Таким образом, суммарный вес санкций был равен 2. Умножая 8 на 2, мы получаем 16, что выражает жесткость санкций, введенных указанными юрисдикциями против Ирана в 2011–2016 гг. Чтобы рассчитать суммарную жесткость санкций на 2011 г., мы должны учесть санкции со стороны других стран, действовавшие в этот период, и прибавить полученную для них жесткость к 16. Суммарная интенсивность санкций против Ирана в 2011 г. составила 45. Расчет жесткости санкций для России и Ирана можно найти в приложениях (табл. П1–П4).

3.2.2. Оценка параметра интенсивности санкций

Для оценки параметра жесткости санкций использовался метод Бокса – Дженкинса. В рамках этого метода модели AR, MA и ARMA оцениваются с использованием функций автокорреляции и частной корреляции, после чего на основе критериев Шварца, Акаике и Хеннана – Куинна выбирается наилучшая для расчета параметра жесткости санкций модель. В итоге для расчета параметра интенсивности санкций из уравнения 22 используется модель AR(P)⁴:

$$s_t = \sum_{i=1}^P \rho_i s_{t-i} + \varepsilon_t, \quad (24)$$

где s_t – переменная интенсивности санкций в момент времени t , ρ_i – параметр интенсивности санкций, $s_{(t-i)}$ – переменная интенсивности санкций в период $t - i$, P – порядок авторегрессионной модели, а ε_t – погрешность модели. Сначала, используя уравнение 23, мы получаем временной ряд данных о санкциях, затем, используя уравнение 24, рассчитываем параметр интенсивности санкций для Ирана и России.

4. Результаты

На основе уравнения 24 были рассчитаны временные ряды интенсивности санкций для экономик Ирана и России. В табл. 1 и 2 показаны результаты расчета временных рядов для Ирана и России соответственно, основанные на формуле 23. В примере Ирана параметр i представляет годы с 1979 по 2023-й, а j включает США, Японию, Австралию, Канаду, Южную Корею, Хорватию, Македонию, Черногорию, Исландию, Лихтенштейн, Норвегию, Молдову, Швейцарию, Албанию, Боснию и Герцеговину, Украину, ООН и Европейский союз. Для России параметр i представляет годы с 1993 по 2023-й, а j включает Албанию, Германию, Европейский союз, Австралию, США, Италию, Исландию, Украину, Великобританию, Тайвань, Канаду, Южную Корею, Косово, Грузию, Лихтенштейн, Македонию, Черногорию, Норвегию, Новую Зеландию, Японию, «Группу семи», Сингапур, Швейцарию и Францию.

В табл. 1 представлена динамика интенсивности санкций против Ирана. Санкции против Ирана были введены в 1979 г. после Исламской революции по причинам, которые представляются во многом немотивированными, и продолжают действовать по сей день. В табл. 1 представлена количественная оценка интенсивности санкций с 1979 по 2023 г. Мировые державы вводили эти санкции, ссылаясь на обвинения в

⁴ Авторегрессионная модель.

терроризме и нарушениях прав человека, с формальной целью изменения политики и предотвращения конфликтов.

Таблица 1. Временной ряд интенсивности санкций против Ирана

Год	Санкции	Год	Санкции	Год	Санкции	Год	Санкции
1979	2	1990	4	2001	5	2012	72
1980	3	1991	4	2002	5	2013	73
1981	3	1992	4	2003	5	2014	73
1982	0	1993	4	2004	5	2015	73
1983	0	1994	4	2005	5	2016	85
1984	3	1995	5	2006	9	2017	15
1985	3	1996	5	2007	11	2018	19
1986	3	1997	5	2008	17	2019	22
1987	4	1998	5	2009	17	2020	25
1988	4	1999	5	2010	25	2021	29
1989	4	2000	5	2011	45	2022	43
						2023	88

Источник: расчеты авторов с использованием данных GSDB.

Как показано на рис. 1, интенсивность санкций возрастала в основном благодаря согласованным усилиям Европейского союза и Совета Безопасности ООН. Хотя заключение СВПД⁵ привело к временному снижению интенсивности, на графике сохраняются высокие значения из-за неполной отмены санкций. Односторонний выход США из СВПД в 2018 г. вновь вывел график на восходящий тренд.

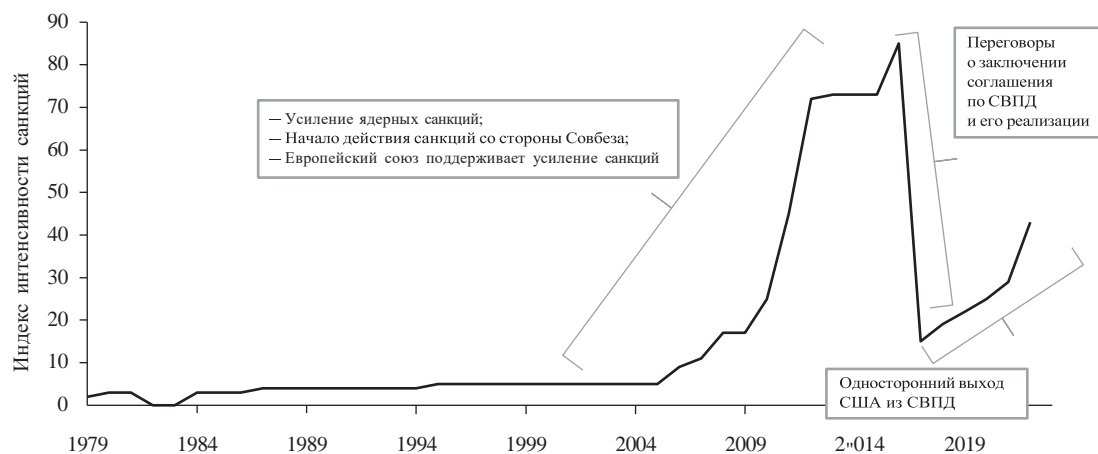

Рис. 1. Жесткость санкций против Ирана в 1979–2023 гг.

Источник: составлено авторами.

⁵ Совместный всеобъемлющий план действий.

Украина инициировала первые санкции против России в 1993 г., стремясь повлиять на ее политику. В 2014 г., на фоне роста напряженности между Россией и Украиной, несколько стран ввели санкции против России, рассчитывая таким образом оказать влияние на развитие конфликта. В 2021 г. эти санкции ужесточились по мере присоединения к ним все большего числа стран. В табл. 2 представлена динамика интенсивности санкций против России с 1993 по 2023 г.

Таблица 2. Временной ряд интенсивности санкций против России

Год	Санкции	Год	Санкции	Год	Санкции	Год	Санкции
1993	2	2001	0	2009	1	2017	48
1994	2	2002	0	2010	1	2018	48
1995	2	2003	0	2011	1	2019	50
1996	2	2004	0	2012	0	2020	54
1997	0	2005	0	2013	0	2021	59
1998	0	2006	0	2014	46	2022	156
1999	0	2007	0	2015	46	2023	212
2000	0	2008	1	2016	46		

Источник: расчеты авторов с использованием данных GSDB.

На рис. 2 показано, что с 2014 по 2022 г. в связи с конфликтом на Украине ряд юрисдикций, включая Австралию, Канаду, Европейский союз, Черногорию, Исландию, Албанию, Лихтенштейн, Норвегию, Украину, Японию, Новую Зеландию, Швейцарию и США, ввели санкции против России. График показывает резкий рост числа санкций после 2021 г., на фоне присоединения к ним таких стран, как Македония, Косово, Германия, Южная Корея, Сингапур, Тайвань, Великобритания, Франция и Италия.

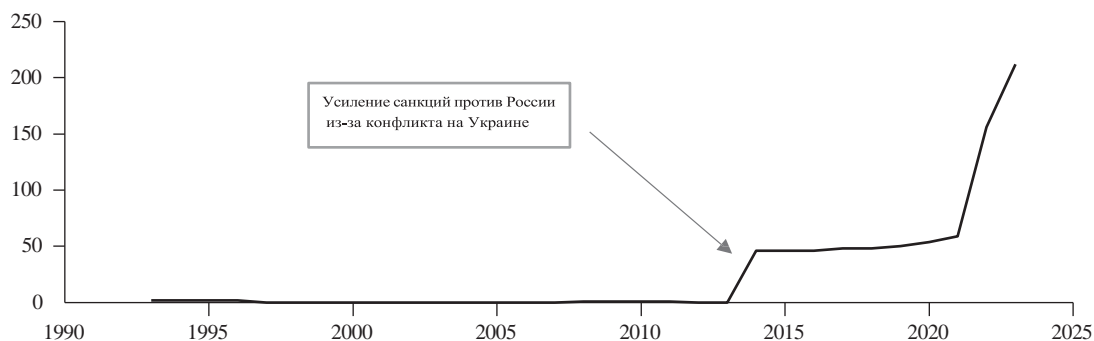

Рис. 2. Жесткость санкций против России в 1993–2023 гг.

Источник: составлено авторами.

Тенденция к введению новых санкций резко усилилась с 24 февраля 2022 г. На рис. 3 показано количество санкций, введенных Европейским союзом против россий-

ских физических и юридических лиц с марта 2014 г. (начало роста напряженности между Россией и Украиной) по февраль 2024 г.

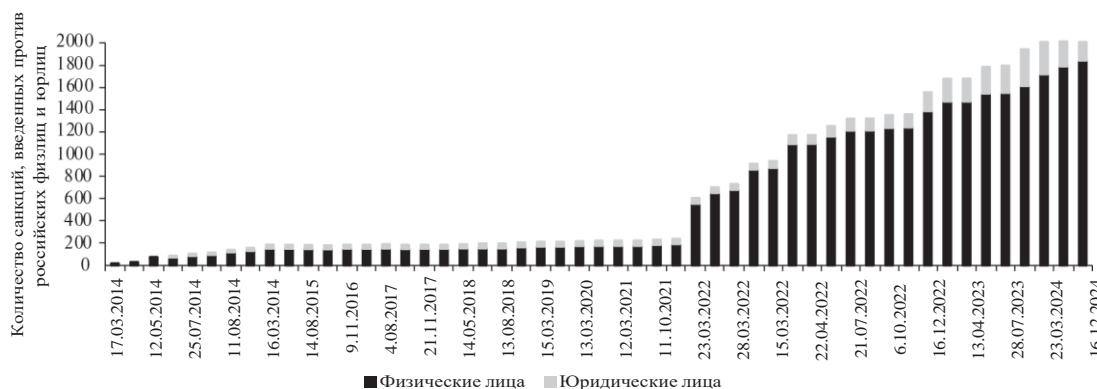

Рис. 3. Количество санкций, введенных против России с марта 2014 г. по февраль 2024 г.

Источник: Statista Research Department (Statista) [2025].

Из рис. 3 видно, что количество санкций увеличилось примерно в 3 раза с 23 февраля 2022 г. (607) по 23 февраля 2024 г. (2137). Доля персональных санкций по сравнению с ограничениями против юридических лиц также значительно выросла за этот период.

В ряде работ [Bali, Rapelanoro, 2021; Dreger et al., 2016; Kholodilin, Netšunajev, 2019] для оценки влияния санкционного шока на экономические переменные использовались модели VAR и SVAR. Цель данного исследования – оценить параметр санкций для оценки изменения интенсивности санкций в будущем. Этот параметр, согласно результатам нашего исследования, будет служить сигналом для политиков к повышению или снижению процентных ставок.

После формирования временных рядов данных о санкциях с помощью программного обеспечения EVIEWS были построены диаграммы автокорреляции и частной корреляции для Ирана и России (рис. 4 и 5).

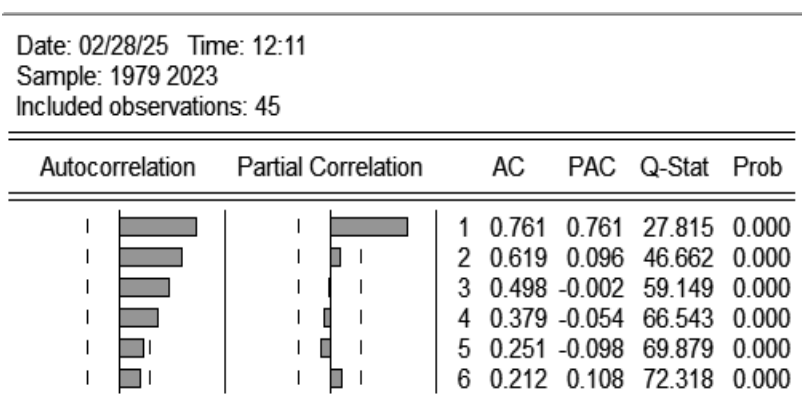

Рис. 4. Корреляция временных рядов данных о санкциях против Ирана

Источник: составлено авторами.

Date: 03/02/25 Time: 08:42
 Sample: 1993 2023
 Included observations: 31

Autocorrelation	Partial Correlation	AC	PAC	Q-Stat	Prob	
		1	0.656	0.656	14.658	0.000
		2	0.374	-0.098	19.583	0.000
		3	0.327	0.217	23.489	0.000
		4	0.286	-0.007	26.583	0.000
		5	0.252	0.084	29.090	0.000
		6	0.220	0.004	31.074	0.000
		7	0.183	0.016	32.502	0.000
		8	0.148	-0.008	33.470	0.000
		9	0.046	-0.138	33.568	0.000
		10	-0.094	-0.162	34.000	0.000
		11	-0.102	0.037	34.535	0.000
		12	-0.110	-0.098	35.183	0.000
		13	-0.120	0.028	35.997	0.001
		14	-0.130	-0.050	37.011	0.001
		15	-0.141	0.009	38.283	0.001
		16	-0.153	-0.029	39.877	0.001

Рис. 5. Корреляция временных рядов данных о санкциях против России

Источник: составлено авторами.

Учитывая автокорреляцию и частную корреляцию временных рядов данных о санкциях против России и Ирана (убывающая и синусоидальная соответственно), подход Бокса – Дженкинса предполагает использование моделей $AR(p)$, $MA(q)$ и $ARMA(p, q)$. Соответствующие оценки представлены в табл. 3–5.

Оценка модели $AR(1)$ для Ирана представлена в табл. 3. Параметр интенсивности санкций в этом случае равен 0,89. Коэффициент статистически значим на уровне 95%. Модель можно считать достаточно надежной, поскольку коэффициент детерминации равен 0,70.

Таблица 3. Результаты оценки модели $AR(1)$ для Ирана

Переменная	Коэффициент	Стд. ош.	t-статистика	P-значение
AR(1)	0,89	0,13	6,59	0,00
R-квадрат	0,70	Критерий Акаике		8,24
Скорректированный R-квадрат	0,68	Критерий Шварца		8,36
		Критерий Хеннана – Куинна		8,28

Источник: составлено авторами.

Результаты оценки модели $MA(4)$ для Ирана представлены в табл. 4. На уровне значимости 95% все коэффициенты статистически незначимы.

Таблица 4. Результаты оценки модели MA(4) для Ирана

Переменная	Коэффициент	Стд. ош.	t-статистика	P-значение
MA(1)	0,56	315,3	0,001	0,99
	1,00	698,7	0,001	0,99
MA(2)	0,56	471,5	0,001	0,99
MA(3)				
MA(4)	0,99	1387,1	0,001	0,99
R-квадрат	0,80	Критерий Акаике		8,13
Скорректированный R-квадрат	0,78	Критерий Шварца		8,37
		Критерий Хеннана-Куинна		8,22

Источник: составлено авторами.

Таблица 5. Результаты оценки модели ARMA(1,4) для Ирана

Переменная	Коэффициент	Стд. ош.	t-статистика	P-значение
AR(1)	0,56	0,23	2,37	0,02
MA(1)	0,18	202,6	0,0008	0,99
MA(2)	0,70	402,3	0,001	0,99
MA(3)	0,40	250,7	0,001	0,99
MA(4)	0,75	941,1	0,0008	0,99
R-квадрат	0,81	Критерий Акаике		8,05
Скорректированный R-квадрат	0,79	Критерий Шварца		8,33
		Критерий Хеннана – Куинна		8,15

Источник: составлено авторами.

В табл. 5 представлена оценка модели ARMA(1,4) для Ирана. На уровне 95% из всех коэффициентов только коэффициент при AR(1) статистически значим.

В случае Ирана все коэффициенты в модели MA(4) незначимы. В модели ARMA(1,4) значим только коэффициент при AR(1). Следовательно, среди трех моделей AR(1) обеспечивает наиболее точную оценку.

Таблица 6. Результаты оценки модели AR(1) для России

Переменная	Коэффициент	Стд. ош.	t-статистика	P-значение
AR(1)	0,97	0,07	12,17	0,00
R-квадрат	0,79	Критерий Акаике		9,35
Скорректированный R-квадрат	0,77	Критерий Шварца		9,49
		Критерий Хеннана – Куинна		9,39

Источник: составлено авторами.

В табл. 6 представлена оценка авторегрессионной модели первого порядка для России. В этой модели параметр интенсивности санкций равен 0,97. Полученный коэффициент статистически значим при уровне значимости 95%. Таким образом, гипо-

теза H1 подтверждается. Модель можно считать достаточно надежной, поскольку коэффициент детерминации равен 0,79.

Таблица 7. Результаты оценки модели MA(2) для России

Переменная	Коэффициент	Стд. ош.	t-статистика	P-значение
MA(1)	1,57	0,09	17,44	0,00
MA(2)	0,82	0,11	7,2	0,00
R-квадрат	0,78	Критерий Акаике		9,40
Скорректированный R-квадрат	0,75	Критерий Шварца		9,58
		Критерий Хеннана – Куинна		9,46

Источник: составлено авторами.

Результаты оценки модели MA(2) для России представлены в табл. 7. При уровне значимости 95% все оцененные коэффициенты для различных лагов MA статистически значимы.

Таблица 8. Результаты оценки модели ARMA(1,2) для России

Переменная	Коэффициент	Стд. ош.	t-статистика	P-значение
AR(1)	0,92	0,23	3,99	0,0005
MA(1)	0,51	0,29	1,72	0,09
MA(2)	0,14	1,82	0,08	0,93
R-квадрат	0,82	Критерий Акаике		9,22
Скорректированный R-квадрат	0,80	Критерий Шварца		9,45
		Критерий Хеннана – Куинна		9,29

Источник: составлено авторами.

В подходе Бокса – Дженкинса решение об использовании той или иной модели принимается путем сравнения значений критериев Шварца и Акаике. Модель с более низкими значениями считается более эффективной [Loganathan, Ibrahim, 2010]. Результат оценки модели ARMA(1,2) для России представлен в табл. 8. При 95%-м уровне значимости из всех коэффициентов только коэффициент при AR(1) статистически значим. В итоге для выбора между AR(1) и MA(2) нужно использовать информационные критерии Шварца и Акаике. Их значения в модели AR(1) составляют 9,49 и 9,35, что ниже соответствующих значений для модели MA(2). Следовательно, из двух моделей мы выбираем AR(1). Как для Ирана (уравнение (25)), так и для России (уравнение (26)) модель авторегрессии первого порядка обеспечивает более точные оценки:

$$SANCTION = 0,89 SANCTION(-1) + \varepsilon_p \tag{25}$$

$$SANCTION = 0,97 SANCTION(-1) + \varepsilon_r \tag{26}$$

На рис. 6 и 7 для проверки точности моделей представлены графики прогнозной силы уравнений (25) и (26). Было выявлено, что коэффициент ковариации для обеих стран превышает 0,50, что свидетельствует о высокой прогнозной способности моделей.

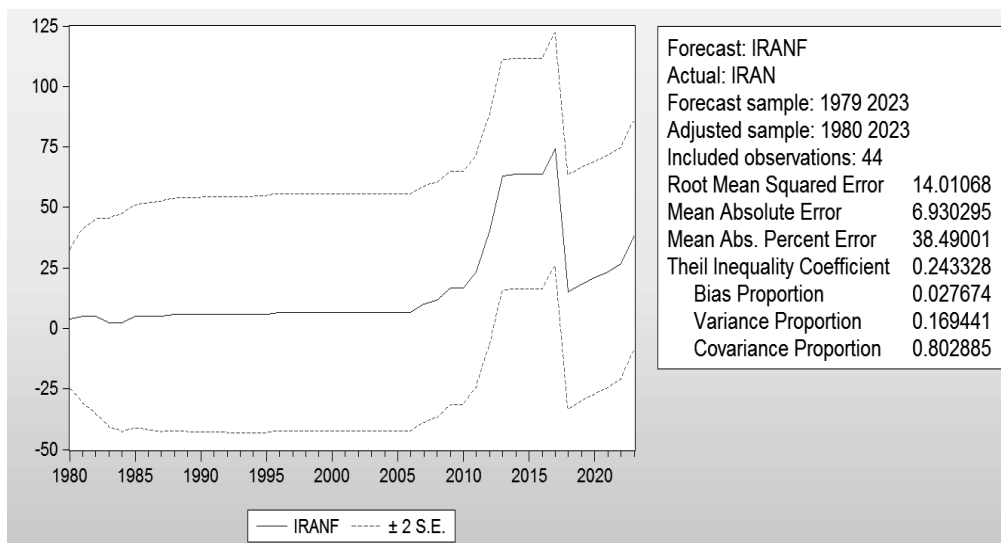

Рис. 6. Прогнозная сила модели AR(1) для Ирана

Источник: составлено авторами.

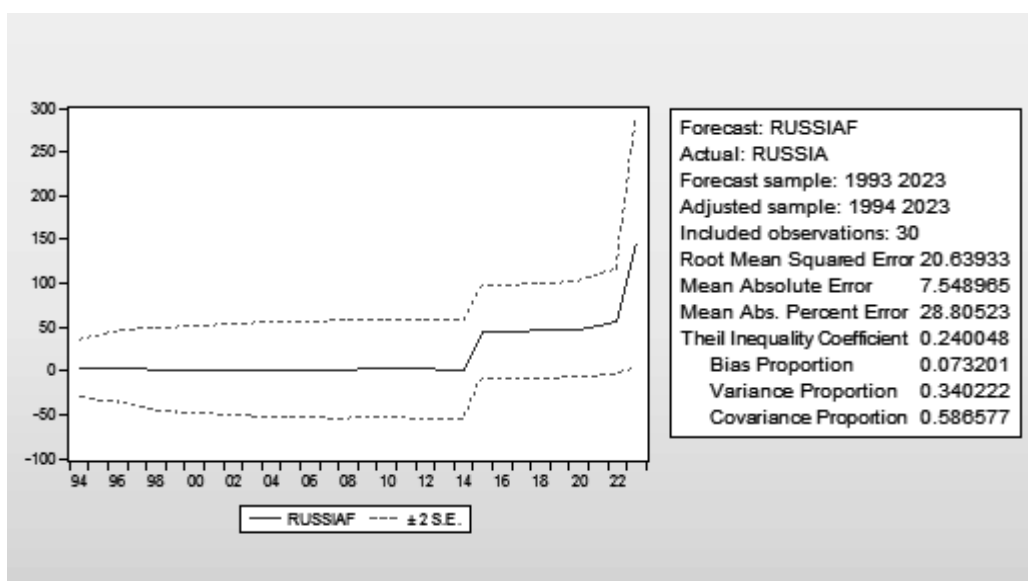

Рис. 7. Прогнозная сила модели AR(1) для России

Источник: составлено авторами.

Для обоснования выбора моделей AR(1) на рис. 8 и 9 представлены автокорреляция и частная корреляция погрешностей оцененных моделей для Ирана и России. Погрешности стационарны, поскольку находятся в пределах доверительного интерва-

ла Бартлетта. На основе подхода Бокса – Дженкинса был сделан вывод об адекватности оцененных моделей AR(1).

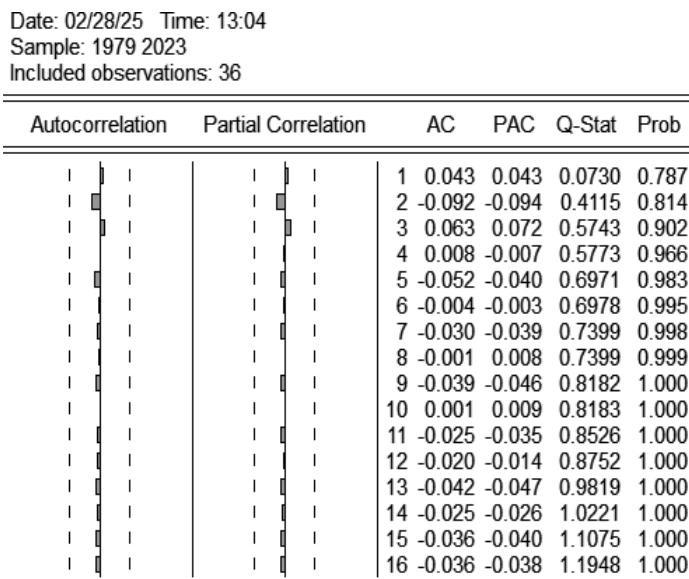

Рис. 8. Корреляция погрешностей в оцененной модели для Ирана

Источник: составлено авторами.

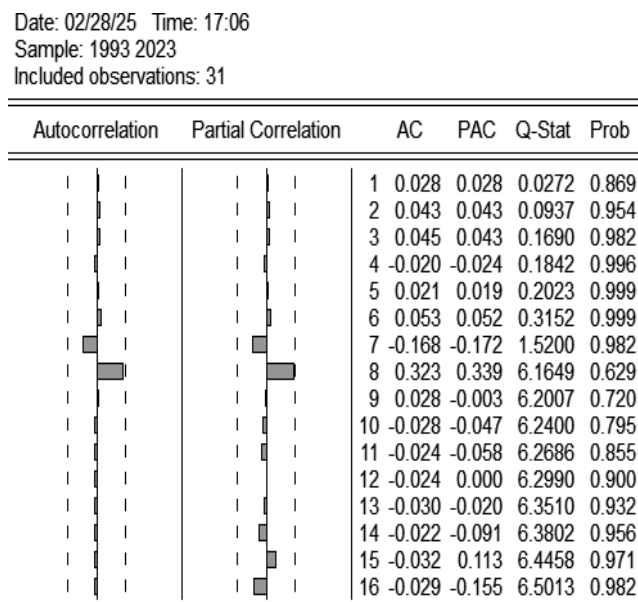

Рис. 9. Корреляция погрешностей в оцененной модели для России

Источник: составлено авторами.

Уравнения (25) и (26) показывают, что при увеличении интенсивности санкций на 1% процентная ставка в Иране и России должна снизиться на 0,89 и 0,97% соответственно.

5. Обсуждение

Не все санкции могут приводить к увеличению транзакционных издержек. Это зависит от масштаба экономики и типа введенных санкций, будь то индивидуальные санкции или ограничения на технологии глубокой добычи нефти. Методология данной работы основана на понятии времени совершения транзакции, которое предполагает, что оно является транзакционной издержкой. Предполагается, что санкции влияют на продолжительность транзакций и в конечном счете приводят к увеличению транзакционных издержек.

Согласно уравнению (20), санкции снижают альтернативные издержки хранения денег. Чтобы оценить влияние санкций на процентную ставку по облигациям, был взят натуральный логарифм обеих частей уравнения (20), затем стоимость хранения денег была приравнена к нулю в равновесном состоянии и был рассчитан коэффициент, показывающий связь между процентной ставкой по облигациям и санкциями. Результаты, полученные в данной работе, противоречат общепринятому взгляду на защитные процентные ставки, который предполагает повышение процентных ставок для предотвращения спекулятивных атак.

Временной ряд индекса санкций для оценки параметра их интенсивности построен впервые, ранее подобные исследования не проводились. Некоторые исследователи использовали фиктивные переменные, равные нулю и единице (для наличия и отсутствия санкций), для оценки влияния санкций. В других работах использовались искусственные переменные или метод построения сценариев интенсивности санкций, который в той или иной степени учитывает субъективное мнение автора и не принимает во внимание интенсивность различных типов санкций. Индекс интенсивности санкций, разработанный в данной работе, может быть использован и в других исследованиях.

В исследованиях [Ershov, 2016; Heydarian et al., 2021; Astrov et al., 2022] поддерживается идея повышения процентных ставок на фоне ужесточения санкций. Одно из предложений, сформулированных в работе [Pourshahabi, Dahmardeh, 2014], – повышение процентной ставки для краткосрочного сдерживания колебаний валютного курса при ужесточении санкций. Результаты указанных исследований противоречат результатам нашей работы. Астров и его соавторы [Astrov et al., 2024] обнаружили, что повышение процентных ставок на фоне ужесточения санкций в долгосрочной перспективе приводит к снижению экономического роста. Ряд аналитиков [Jones, Whitworth, 2014] не поддерживают повышение процентных ставок, рассматривая его скорее как временную меру с негативными последствиями. Таким образом, авторы двух последних указанных исследований не рекомендуют повышать процентные ставки на фоне ужесточения санкций, что согласуется с результатами данной статьи.

Согласно результатам исследования, при увеличении интенсивности санкций на 1% властям следует снизить процентную ставку по облигациям на 0,89% в Иране и на 0,97% в России. Это свидетельствует о том, что для России по сравнению с Ираном эластичность защитной ставки оказывается более высокой.

Как видно из рис. 10, процентные ставки в Иране демонстрировали тенденцию к росту на протяжении многих лет. В начале рассматриваемого периода, в 2003 г., их уровень составлял 17%. Очевидно, что денежно-кредитные власти Ирана не снижали

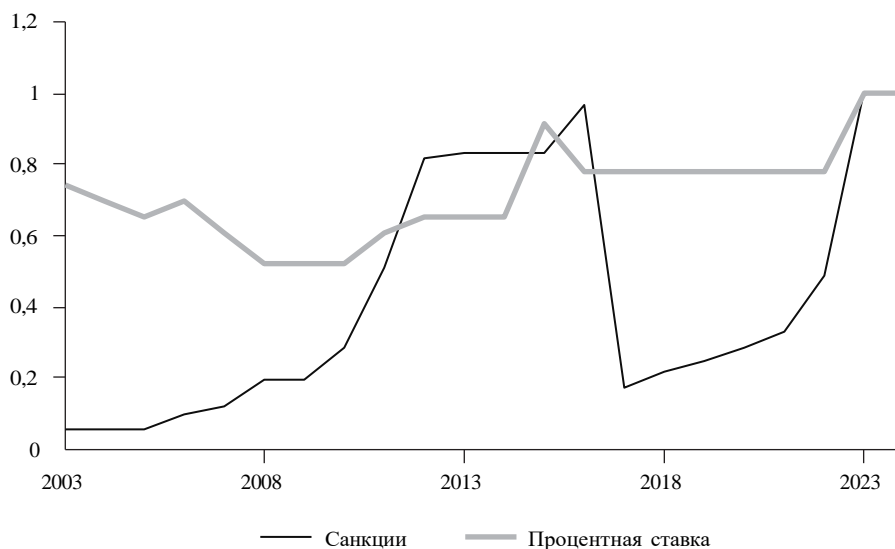

Рис. 10. Индекс процентных ставок и санкций для Ирана в 2003–2024 гг.

Источник: составлено авторами.

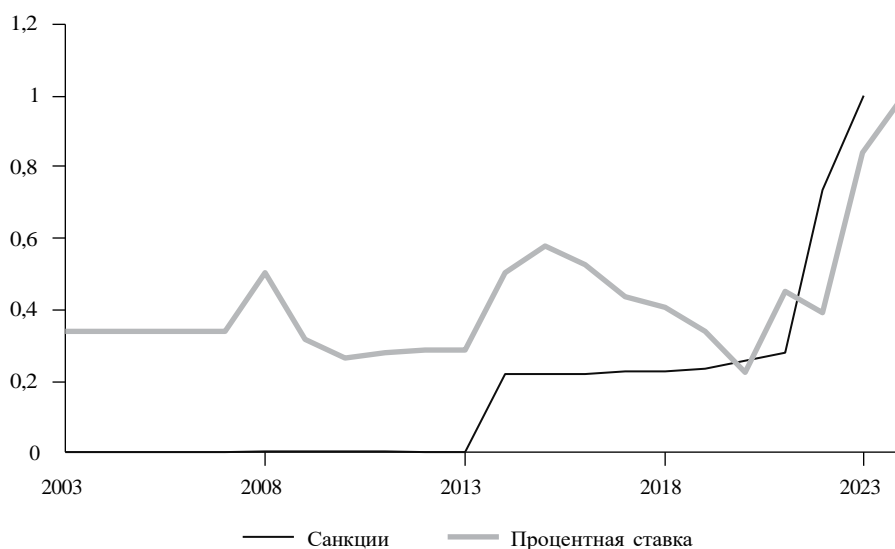

Рис. 11. Индекс процентных ставок и санкций для России в 2003–2024 гг.

Источник: составлено авторами.

процентные ставки, сталкиваясь с жесткими санкциями. Такая денежно-кредитная политика сохранялась, хотя результаты данного исследования показывают необходимость противоположных действий. Единственный период, когда денежные власти Ирана следовали нашим выводам, пришелся на 2003–2008 гг. При этом и в эти годы процентные ставки на фоне ужесточения санкций снижались редко. Во все остальные

годы реакция процентных ставок на интенсивность санкций противоречит результатам данного исследования.

По сравнению с Ираном в России периодов снижения процентных ставок при ужесточении санкций было больше. Например, в период с 2015 по 2020 г., когда интенсивность санкций увеличивалась, процентная ставка снижалась. В 2022 г. наблюдалось значительное увеличение интенсивности санкций (с 59 до 156), чему сопутствовало снижение процентной ставки с 8,5 до 7,5 (см. рис. 11). Для более точного сравнения динамики жесткости санкций и процентных ставок на рис. 10 и 11 все значения нормализованы путем деления на максимальное значение в каждом временном ряду.

6. Заключение

Исходя из результатов исследования, по мере ужесточения санкций процентные ставки должны снижаться. В сравнении с Ираном Россия снижала свою процентную ставку на фоне ужесточения санкций более активно. Вопреки выводам исследования в Иране в течение большей части рассматриваемого периода процентные ставки увеличивались по мере ужесточения санкций. Повышение процентных ставок увеличивает издержки производства для компаний. Это приводит к росту цен на товары, что, в свою очередь, вызывает рост инфляции и снижение стоимости национальной валюты. С ростом процентных ставок и снижением стоимости национальных валют из-за инфляции в Иране и России с 2022 г. вероятность того, что иранская и российская валюты займут место в корзине валют БРИКС, уменьшается. В результате две страны не могут достичь значительного политического сближения на международной арене в отношении повестки БРИКС, в частности по дедолларизации и участию в проекте общей валюты. С другой стороны, развитие торговли Ирана благодаря присоединению к БРИКС может усилить стимулы для инвестиций и снизить опасения монетарных властей по поводу снижения процентных ставок, которое может привести к массовому изъятию вкладов из банков. Таким образом, политика снижения банковских ставок в Иране в условиях санкций и расширение возможностей для иностранных инвестиций могут привести к изменению парадигмы денежно-кредитной политики страны в пользу снижения ставок в условиях санкций.

В целях противодействия санкциям Иран и Россия потенциально могут сотрудничать, принимая меры по повышению стабильности и устойчивости своих экономик. Этого можно достичь за счет расширения международного финансирования и торговли, внедрения системы расчетов, аналогичной двустороннему SWIFT, и соблюдения единых правил денежно-кредитной политики, таких как снижение процентных ставок в период действия санкций, исходя из принципов таргетирования инфляции и обеспечения макроэкономической стабильности. Кроме того, рекомендуется расширить практику включения альтернативных валют, таких как юань и распространенные цифровые валюты, в корзины валютных резервов наряду с долларом, евро и фунтом стерлингов.

Ограничения. В статье анализируются параметры интенсивности санкций и политики в отношении процентных ставок на примере России и Ирана. В связи с расширением санкционной политики в международных отношениях могут быть рассмотрены и другие страны. В будущих исследованиях с разработанным в данной статье индексом могут быть объединены другие индикаторы для оценки влияния жесткости санкций на процентные ставки и другие макроэкономические показатели, включая государственный долг. Будущие исследования, основанные на методе расчета индекса санкций, так-

же могут предусматривать классификацию воздействия санкций на основе различных транзакционных издержек с учетом продолжительности сделок. В связи с методологией, применяемой в настоящей статье, и отсутствием подробной информации о санкциях в Глобальной базе данных по санкциям (GSDB), мы предполагаем, что санкции увеличивают продолжительность всех сделок, а это приводит к увеличению транзакционных издержек. Будущие исследования могут устранить данное ограничение за счет использования более полных данных.

Доступность данных. Данные, использованные в исследовании, могут быть предоставлены автором-корреспондентом по обоснованному запросу.

Список источников (References)

Astrov V., Grieveson R., Kochnev A., Landesman M., Pindyuk O. (2022) Possible Russian invasion of Ukraine, scenarios for sanctions, and likely economic impact on Russia, Ukraine and the EU. *Policy Notes and Reports*, no 55. Available at: <https://wiiw.ac.at/possible-russian-invasion-of-ukraine-scenarios-for-sanctions-and-likely-economic-impact-on-russia-ukraine-and-the-eu-dlp-6044.pdf> (accessed 7 July 2025).

Astrov V., Kochnev A., Scheckenhofer L., Stamer V., Teti F. (2024) Monitoring the Impact of Sanctions on the Russian Economy. *EconPol Policy Report*, no 46. Available at: https://www.ifo.de/DocDL/EconPol_Policy_Report_46_Sanctions_Russian_Economy_vol1.pdf (accessed 7 July 2025).

Baumol W.J. (1952) The transactions demand for cash: An inventory theoretic approach. *The Quarterly journal of economics*, vol. 66, no 4, pp. 545–556. Available at: <https://doi.org/10.2307/1882104> (accessed 7 July 2025).

Bali M., Rapelanoro N. (2021) How to simulate international economic sanctions: A multipurpose index modelling illustrated with EU sanctions against Russia. *International Economics*, vol. 168, pp. 25–39. Available at: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S211070172100041X> (accessed 7 July 2025).

Bali M., Rapelanoro N., Pratson L.F. (2024) Sanctions Effects on Russia: A Possible Sanction Transmission Mechanism? *European Journal on Criminal Policy and Research*, pp. 1–31. Available at: <https://doi.org/10.1007/s10610-024-09578-w> (accessed 7 July 2025).

Bastanifar I. (2024a) An Optimal Monetary Policy in a Long-Run Coexistence with COVID-19. *International Journal of New Political Economy*, vol. 5, no 1, pp. 239–268. doi: 10.52547/jep.5.1.239.

Bastanifar I. (2024b) A monetary model of global peace and health. *Globalization and Health*, vol. 20, no 1, p. 28. Available at: <https://doi.org/10.1186/s12992-024-01029-9> (accessed 7 July 2025).

Bastanifar I., Omid A., Khan K.H. (2024) A recursive networking economic analysis of international economic corridors: IMEEC and INSTC. *Cogent Economics & Finance*, vol. 12, no 1. Available at: <https://doi.org/10.1080/23322039.2024.2363457> (accessed 7 July 2025).

Bove V., Di Salvatore J., Nisticò R. (2023) Economic sanctions and trade flows in the neighborhood. *The Journal of Law and Economics*, vol. 66, no 4, pp. 671–697. Available at: https://www.researchgate.net/publication/378066613_Economic_Sanctions_and_Trade_Flows_in_the_Neighborhood (accessed 7 July 2025).

Brock W.A. (1974) Money and growth: The case of long run perfect foresight. *International Economic Review*, vol. 15, no 3, pp. 750–777. Available at: <https://doi.org/10.2307/2525739> (accessed 7 July 2025).

Croushore D. (1993) Money in the utility function: Functional equivalence to a shopping-time model. *Journal of Macroeconomics*, vol. 15, no 1, pp. 175–182. Available at: [https://doi.org/10.1016/0164-0704\(93\)90060-Y](https://doi.org/10.1016/0164-0704(93)90060-Y) (accessed 7 July 2025).

Daniëls T.R., Jager H., Klaassen F. (2011) Currency crises with the threat of an interest rate defence. *Journal of International Economics*, vol. 85, no 1, pp. 14–24. Available at: https://www.static.tu.berlin/fileadmin/www/10002414/Publications/Threat_JIE.pdf (accessed 7 July 2025).

Dobrynskaya V.V., Levando D.V. (2005) A study of exchange rate pass-through effect in Russia. SU-HSE, *International College of Economics and Finance*. Available at: https://www.hse.ru/data/298/314/1234/VDDL_pte.pdf (accessed 7 July 2025).

- Dobrynskaya V.V. (2008) Asymmetric price rigidity and the optimal interest rate defense of the exchange rate: Some evidence for the US. *Journal of Policy Modeling*, vol. 30, no 5, pp. 713–724. Available at: https://www.hse.ru/data/2010/05/31/1219954940/Dobrynskaya_JPM.pdf (accessed 7 July 2025).
- Drazen A. (2000) Interest-rate and borrowing defense against speculative attack. In *Carnegie-Rochester Conference Series on Public Policy*, vol. 53, no 1, pp. 303–348. Available at: <https://econweb.umd.edu/~drazen/interest%20defence%20attack.pdf> (accessed 7 July 2025).
- Dreger C., Kholodilin K.A., Ulbricht D., Fidrmuc J. (2016) Between the hammer and the anvil: The impact of economic sanctions and oil prices on Russia's ruble. *Journal of comparative economics*, vol. 44, no 2, pp. 295–308. Available at: https://www.econstor.eu/bitstream/10419/181286/1/Dreger_2016_Between-Hammer-Preprint.pdf (accessed 7 July 2025).
- Drezner D.W. (1999) *The sanctions paradox: Economic statecraft and international relations*, no 65. Cambridge University Press. Available at: <https://assets.cambridge.org/97805216/43320/sample/9780521643320wsc00.pdf> (accessed 7 July 2025).
- Eichengreen B., Ferrari Minesso M., Mehl A., Vansteenkiste I., Vicqu ery R. (2024) Sanctions and the exchange rate in time. *Economic Policy*, vol. 39, no 118, pp. 323–354. Available at: <https://www.economic-policy.org/wp-content/uploads/2023/03/Eichengreen-et-al-paper.pdf> (accessed 7 July 2025).
- Egger P., Syropoulos C., Yotov Y.V. (2024) Analyzing the effects of economic sanctions: Recent theory, data, and quantification. *Review of International Economics*, vol. 32, no 1, pp. 1–11. Available at: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/pdf/10.1111/roie.12724> (accessed 7 July 2025).
- Eijffinger S.C., Karataş B. (2012) Currency crises and monetary policy: A study on advanced and emerging economies. *Journal of International Money and Finance*, vol. 31, no 5, pp. 948–974. Available at: <https://research.tilburguniversity.edu/en/publications/currency-crises-and-monetary-policy-a-study-on-advanced-and-emerg> (accessed 7 July 2025).
- Ershov M.V. (2016) What Economic Policy Does Russia Need Under the Sanctions? *Problems of Economic Transition*, vol. 58, no 3, pp. 181–202. Available at: <https://doi.org/10.1080/10611991.2016.1200387> (accessed 7 July 2025).
- Felbermayr G., Kirilakha A., Syropoulos C., Yalcin E., Yotov Y.V. (2020) The global sanctions data base. *European Economic Review*, vol. 129. Available at: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0014292120301914?via%3Dihub> (accessed 7 July 2025).
- Goderis B., Ioannidou V.P. (2008) Do high interest rates defend currencies during speculative attacks? New evidence. *Journal of International Economics*, vol. 74, no 1, pp. 158–169. Available at: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1095698 (accessed 7 July 2025).
- Hatipoglu E., Considine J., AlDayel A. (2023). Unintended transnational effects of sanctions: A global vector autoregression simulation. *Defence and Peace Economics*, vol. 34, no 7, pp. 863–879. Available at: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/10242694.2022.2073429#abstract> (accessed 7 July 2025).
- Hatipoglu E., Peksen D. (2016) Economic Sanctions and Banking Crises in Target Economies. *Defence and Peace Economics*, vol. 29, no 2, pp. 171–189. Available at: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/10242694.2016.1245811> (accessed 7 July 2025).
- Heydarian S., Pahlavani M., Mirjalili S.H. (2021) Financial sanctions and economic growth: an intervention time-series approach. *International Economics Studies*, vol. 51, no 1, pp. 1–14. Available at: https://ies.ui.ac.ir/article_25352.html (accessed 7 July 2025).
- Hufbauer G., Schott J., Elliott K.A., Oegg B. (2009) *Economic Sanctions Reconsidered*. 3rd ed. Peterson Institute for International Economics. Available at: [https://d11.cuni.cz/pluginfile.php/863435/mod_resource/content/0/Gary%20Clyde%20Hufbauer%2C%20Jeffrey%20J.%20Schott%2C%20Kimberly%20Ann%20Elliott%2C%20Barbara%20Oegg-Economic%20Sanctions%20Reconsidered%20\(2008\).pdf](https://d11.cuni.cz/pluginfile.php/863435/mod_resource/content/0/Gary%20Clyde%20Hufbauer%2C%20Jeffrey%20J.%20Schott%2C%20Kimberly%20Ann%20Elliott%2C%20Barbara%20Oegg-Economic%20Sanctions%20Reconsidered%20(2008).pdf) (accessed 7 July 2025).
- Itskhoki O., Mukhin D. (2022) Sanctions and the exchange rate, no w30009. *National Bureau of Economic Research*. Available at: https://www.nber.org/system/files/working_papers/w30009/w30009.pdf (accessed 7 July 2025).

- Jonaghani A.E., Bastanifar I., Heidari M.R. (2021) Ranking of Swift Alternatives in the Sanctioned Environment Case Study: Islamic Republic of Iran. *A Quarterly Journal of Economic Strategy*, vol. 10, no 37, pp. 321–349. Available at: https://econrahbord.csr.ir/article_139337.html?lang=en (accessed 7 July 2025).
- Jones E., Whitworth A. (2014) The unintended consequences of European sanctions on Russia. *Survival*, vol. 56, no 5, pp. 21–30. Available at: https://www.researchgate.net/publication/266207300_The_Unintended_Consequences_of_European_Sanctions_on_Russia (accessed 7 July 2025).
- Kholodilin K.A., Netšunajev A. (2019) Crimea and punishment: the impact of sanctions on Russian economy and economies of the euro area. *Baltic Journal of Economics*, vol. 19, no 1, pp. 39–51. Available at: https://www.econstor.eu/bitstream/10419/200147/1/Kholodilin_2019_Crimea%20Punishment%20Impact%20FT.pdf (accessed 7 July 2025).
- Kirikakha A., Felbermayr G.J., Syropoulos C., Yalcin E., Yotov Y.V. (2021) The Global Sanctions Data Base (GSDB): an update that includes the years of the Trump presidency. In *Research handbook on economic sanctions*, pp. 62–106. Edward Elgar Publishing. Available at: https://ideas.repec.org/p/ris/drxlwp/2021_010.html (accessed 7 July 2025).
- Kiyotaki N., Wright R. (1989) On Money as a Medium of Exchange. *Journal of Political Economy*, vol. 97, no 4, pp. 927–954. Available at: <https://www.jstor.org/stable/1832197> (accessed 7 July 2025).
- Korhonen I., Simola H., Solanko L. (2018) Sanctions, countersanctions and Russia: Effects on economy, trade and finance, BOFIT Policy Brief, no 4/2018, *Bank of Finland, Institute for Economies in Transition (BOFIT)*, Helsinki. Available at: <https://nbn-resolving.de/urn:nbn:fi:bof-201805301586> (accessed 7 July 2025).
- Kraay A. (2003) Do high interest rates defend currencies during speculative attacks? *Journal of International Economics*, vol. 59, no 2, pp. 297–321. Available at: <https://ideas.repec.org/a/eee/inecon/v59y2003i2p297-321.html> (accessed 7 July 2025).
- Laudati D., Pesaran M.H. (2023) Identifying the effects of sanctions on the Iranian economy using newspaper coverage. *Journal of Applied Econometrics*, vol. 38, no 3, pp. 271–294. Available at: https://www.researchgate.net/publication/355390896_Identifying_the_Effects_of_Sanctions_on_the_Iranian_Economy_using_Newspaper_Coverage (accessed 7 July 2025).
- Lektzian D., Souva M. (2001) Institutions and International Cooperation: An Event History Analysis of the Effects of Economic Sanctions. *The Journal of Conflict Resolution*, vol. 45, no 1, pp. 61–79. JSTOR. Available at: <http://www.jstor.org/stable/3176283> (accessed 7 July 2025).
- Loganathan N., Ibrahim Y. (2010) Forecasting international tourism demand in Malaysia using Box Jenkins Sarima application. *South Asian Journal of Tourism and Heritage*, vol. 3, no 2, pp. 50–60. Available at: https://www.academia.edu/63847087/Forecasting_International_Tourism_Demand_in_Malaysia_Using_Box_Jenkins_Sarima_Application (accessed 7 July 2025).
- McCallum B.T., Goodfriend M. (1987) Money: Theoretical analysis of the demand for money. Federal Reserve Bank of Richmond. *Economic Review*, January/February 1988. Available at: https://www.richmondfed.org/~media/richmondfedorg/publications/research/economic_review/1988/pdf/er740102.pdf (accessed 7 July 2025).
- McDonald III B.D., Reitano V. (2016) Sanction failure: Economic growth, defense expenditures, and the Islamic Republic of Iran. *Armed Forces & Society*, vol. 42, no 4, pp. 635–654. Available at: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2285895 (accessed 7 July 2025).
- Morrow J.D., Siverson R.M., Tabares T.E. (1998) The political determinants of international trade: the major powers, 1907–1990. *American political science review*, vol. 92, no 3, pp. 649–661. Available at: https://ideas.repec.org/a/cup/apsrev/v92y1998i03p649-661_21.html (accessed 7 July 2025).
- Mousavi S.S., Bastanifar I., Amiri H. (2021) The Impact of Interest Rate Defense on the Financial Stability of Banking in Iran. *Journal of economics and modeling*, vol. 11, no 44, pp. 1–26. Available at: https://www.researchgate.net/publication/354777539_The_Impact_of_Interest_Rate_Defense_on_the_Financial_Stability_of_Banking_in_Iran (accessed 7 July 2025).
- Neuenkirch M., Neumeier F. (2015) The impact of UN and US economic sanctions on GDP growth. *European Journal of Political Economy*, vol. 40, pp. 110–125. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.ejpoleco.2015.09.001> (accessed 7 July 2025).

- Nikulina A.Y., Kruk M.N. (2016) Impact of sanctions of European Union and Unites States of America on the development of Russian oil and gaz complex. *International Journal of Economics and Financial Issues*, vol. 6, no 4, pp. 1379–1382. Available at: <https://www.econjournals.com/index.php/ijefi/article/view/2523/pdf> (accessed 7 July 2025).
- Pourshahabi F., Dahmardeh N. (2014) The effects of economic sanctions and speculative attacks on inflation. *Iranian Economic Review*, vol. 18, no 3, pp. 45–67. Available at: https://ier.ut.ac.ir/article_54803_52f0e82206f948020162bd235c4d9fcf.pdf (accessed 7 July 2025).
- Ranjekshan A. (2023) An Empirical Analysis of the Economic Effects of Sanctions.1 (*Master's Thesis, Lund University*). Available at: <https://lup.lub.lu.se/luur/download?func=downloadFile&recordId=9133301&fileId=9133304> (accessed 7 July 2025).
- Roudari S., Ahmadian-Yazdi F., Arabi S.H., Hammoudeh S. (2023) Sanctions and Iranian stock market: Does the institutional quality matter? *Borsa Istanbul Review*, vol. 23, no 4, pp. 919–935. Available at: https://www.researchgate.net/publication/369426254_Sanctions_and_Iranian_Stock_Market_Does_the_Institutional_Quality_Matter (accessed 7 July 2025).
- Samuelson P.A. (1958) An exact consumption-loan model of interest with or without the social contrivance of money. *Journal of political economy*, vol. 66, no 6, pp. 467–482. Available at: <https://www.journals.uchicago.edu/doi/abs/10.1086/258100> (accessed 7 July 2025).
- Sarau E.D. (2024) Economic sanctions and trade dynamics: Analyzing US unilateral and EU autonomous economic sanctions (1950–2019). *Russian Journal of Economics*, vol. 10, no 3, pp. 274–298. Available at: <https://rujec.org/article/121368/> (accessed 7 July 2025).
- Sarpong M., Abubakari M., Edward N.A. (2021) Relationship between Exchange Rate Volatility and Interest Rates Evidence from Ghana. *Cogent Economics & Finance*, vol. 9, no 1. Available at: https://www.econstor.eu/bitstream/10419/270051/1/10.1080_23322039.2021.1893258.pdf (accessed 7 July 2025).
- Shirov A.A., Yantovskii A.A., Potapenko V.V. (2015) Evaluation of the potential effect of sanctions on the economic development of Russia and the European Union. *Studies on Russian Economic Development*, vol. 26, pp. 317–326. Available at: <https://link.springer.com/article/10.1134/S1075700715040103> (accessed 7 July 2025).
- Sidrauski M. (1967) Rational choice and patterns of growth in a monetary economy (*Doctoral dissertation, The University of Chicago*). Available at: <https://www.jstor.org/stable/1821653> (accessed 7 July 2025).
- Statista Research Department (Statista) (2025) *Cumulative number of European Union (EU) sanctions against Russian individuals and entities over the territorial integrity of Ukraine from March 2014 to February 2025*. April 10. Available at: <https://www.statista.com/statistics/1293589/eu-sanctions-against-russia/> (accessed 7 July 2025).
- Syropoulos C., Felbermayr G., Kirilakha A., Yalcin E., Yotov Y.V. (2024) The global sanctions data base – Release 3: COVID-19, Russia, and multilateral sanctions. *Review of International Economics*, vol. 32, no 1, pp. 12–48. Available at: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/full/10.1111/roie.12691> (accessed 7 July 2025).
- Tobin J. (1956) The interest-elasticity of transactions demand for cash. *The review of Economics and Statistics*, vol. 38, no 3, pp. 241–247. Available at: <https://doi.org/10.2307/1925776> (accessed 7 July 2025).
- Walsh C.E. (2017) Monetary theory and policy. 4th ed. *The MIT press*. Available at: https://students.aiu.edu/submissions/profiles/resources/onlineBook/P5g2t4_Carl%20Walsh%20-%20Monetary%20Theory%20and%20Policy-Mit%20Press2017.pdf (accessed 7 July 2025).
- Wang Y., Wang K., Chang C.P. (2019) The impacts of economic sanctions on exchange rate volatility. *Economic Modelling*, vol. 82, pp. 58–65. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.econmod.2019.07.004> (accessed 7 July 2025).
- Zamani M., Haji G., Fotros M.H., Ghafari Ashtiani P. (2024) The effects of economic sanctions on Iran's employment and economic growth according to the Markov switching model. *International Journal of Nonlinear Analysis and Applications*, vol. 15, no 5, pp. 23–34. Available at: https://ijnaa.semnan.ac.ir/article_6944_95546d1d080df0c87a881040fe0ea59.pdf (accessed 7 July 2025).

Приложение 1

Таблица III. Расчет жесткости государственных санкций, наложенных на Россию

Юрисдикция, против которой введены санкции	Юрисдикция, вводящая санкции	Количество юрисдикций, вводящих санкции	Начало периода действия	Окончание периода действия	Количество торговых санкций	Количество санкций на поставки вооружений	Количество военно-промышленных санкций	Количество финансовых санкций	Количество туристических санкций	Количество других санкций	Общее количество санкций	Жесткость санкций = (Количество юрисдикций, вводящих санкции) × (Общее количество санкций)
Россия	Украина	1	1993	1996	1	0	1	0	0	0	2	2
Россия	Грузия	1	2008	2011	0	0	0	0	0	1	1	1
Россия	Австралия	1	2014	2023	1	1	1	1	1	0	5	5
Россия	Канада	1	2014	2023	1	0	0	1	0	0	2	2
Россия	ЕС	1	2014	2023	1	1	1	1	0	0	4	4
Россия	ЕС, Черногория, Исландия, Албания, Лихтенштейн, Норвегия, Украина	7	2014	2023	1	0	0	1	1	0	3	21
Россия	Япония	1	2014	2023	1	0	1	1	1	0	4	4
Россия	Новая Зеландия	1	2014	2023	0	0	0	1	1	1	3	3
Россия	Швейцария	1	2014	2023	1	1	1	1	0	0	4	4
Россия	США	1	2014	2023	1	0	0	1	1	0	3	3
Россия	США	1	2017	2023	1	0	0	1	0	0	2	2
Россия	США	1	2019	2023	0	0	0	1	1	0	2	2
Россия	Великобритания	1	2020	2023	0	0	0	1	1	0	2	2
Россия	США	1	2020	2023	1	0	0	1	0	0	2	2
Россия	Великобритания	1	2021	2023	1	1	1	1	1	0	5	5
Россия	Польша	1	2022	2023	1	0	0	0	0	0	1	1
Россия	США	1	2022	2023	0	0	0	1	1	0	2	2
Россия	Великобритания	1	2022	2023	0	0	0	1	1	0	2	2
Россия	Австралия	1	2022	2023	1	0	0	1	1	1	4	4
Россия	Канада	1	2022	2023	1	0	0	1	1	1	4	4
Россия	ЕС, Македония, Албания, Косово	4	2022	2023	1	0	0	1	1	1	4	16
Россия	«Группа семи», ЕС	2	2022	2023	1	0	0	1	0	0	2	4

Юрисдикция, против которой введены санкции	Юрисдикция, вводящая санкции	Количество юрисдикций, вводящих санкции	Начало периода действия	Окончание периода действия	Количество торговых санкций	Количество санкций на поставки вооружений	Количество военно-промышленных санкций	Количество финансовых санкций	Количество туристических санкций	Количество других санкций	Общее количество санкций	Жесткость санкций = (Количество юрисдикций, вводящих санкции) × (Общее количество санкций)
Россия	Германия	1	2022	2023	1	0	0	0	0	1	2	2
Россия	Исландия	1	2022	2023	1	0	0	1	1	1	4	4
Россия	Япония	1	2022	2023	1	0	0	1	1	0	3	3
Россия	Республика Корея	1	2022	2023	1	0	0	1	0	0	2	2
Россия	Лихтенштейн	1	2022	2023	0	0	0	1	0	0	1	1
Россия	Монако	1	2022	2023	0	0	0	1	0	0	1	1
Россия	Новая Зеландия	1	2022	2023	1	1	1	0	1	0	4	4
Россия	Норвегия	1	2022	2023	1	0	0	1	1	1	4	4
Россия	Польша	1	2022	2023	1	0	0	1	1	0	3	3
Россия	Сингапур	1	2022	2023	1	0	0	1	0	0	2	2
Россия	Швейцария	1	2022	2023	1	0	0	1	1	1	4	4
Россия	Тайвань	1	2022	2023	1	0	0	0	0	0	1	1
Россия	Великобритания	1	2022	2023	1	0	0	1	1	1	4	4
Россия	США	1	2022	2023	1	0	0	1	0	0	2	2
Россия	США	1	2022	2023	1	0	0	1	1	1	4	4
Россия	США, ЕС, Япония, Великобритания, Канада, Франция, Германия, Италия	8	2022	2023	0	0	0	1	0	1	2	16
Россия	США, Великобритания, Канада	3	2022	2023	0	0	0	1	0	0	1	3
Россия	США, Великобритания, Япония, Канада	4	2022	2023	1	0	0	0	0	0	1	4
Россия	США	1	2023	2023	1	0	0	1	0	0	2	2
Россия	Чехия	1	2023	2023	0	0	0	1	0	0	1	1
Россия	Казахстан	1	2023	2023	1	0	0	0	0	0	1	1
Россия	Латвия, Литва, Эстония	3	2023	2023	0	0	0	0	1	0	3	3
Россия	Украина	1	2023	2023	1	0	0	1	1	0	3	3

Юрисдикция, против которой введены санкции	Юрисдикция, вводящая санкции	Количество юрисдикций, вводящих санкции	Начало периода действия	Окончание периода действия	Количество торговых санкций	Количество санкций на поставки вооружений	Количество военно-промышленных санкций	Количество финансовых санкций	Количество туристических санкций	Количество других санкций	Общее количество санкций	Жесткость санкций = (Количество юрисдикций, вводящих санкции) × (Общее количество санкций)
Россия	США, Великобритания	2	2023	2023	0	0	0	1	0	0	2	2
Россия	ЕС, Македония, Черногория, Албания, Исландия, Швейцария, Босния и Герцеговина, Лихтенштейн, Норвегия, Люксембург	10	2023	2023	1	0	0	1	1	1	4	40
Россия	Украина	1	2023	2023	1	0	0	1	1	1	4	4

Источник: расчеты авторов с использованием данных GSDB.

Примечание. Показатели, характеризующие степень жесткости санкций, действующих в один и тот же год, суммируются. Методика расчета представлена в таблице ниже.

Таблица П2. Временной ряд интенсивности санкций против России

Год	Интенсивность санкций	Год	Интенсивность санкций	Год	Интенсивность санкций	Год	Интенсивность санкций
1993	2	2001	0	2009	1	2017	$(5 + 2 + 4 + 21 + 4 + 3 + 4 + 3 + 2) = 48$
1994	2	2002	0	2010	1	2018	48
1995	2	2003	0	2011	1	2019	$(5 + 2 + 4 + 21 + 4 + 3 + 4 + 3 + 2 + 2) = 50$
1996	2	2004	0	2012	0	2020	$(5 + 2 + 4 + 21 + 4 + 3 + 4 + 3 + 2 + 2 + 2 + 2) = 54$
1997	0	2005	0	2013	0	2021	$(5 + 2 + 4 + 21 + 4 + 3 + 4 + 3 + 2 + 2 + 2 + 2 + 5) = 59$
1998	0	2006	0	2014	$(5 + 2 + 4 + 21 + 4 + 3 + 4 + 3) = 46$	2022	$(5 + 2 + 4 + 21 + 4 + 3 + 4 + 3 + 2 + 2 + 2 + 2 + 5 + 1 + 2 + 2 + 4 + 4 + 16 + 4 + 2 + 4 + 3 + 2 + 1 + 1 + 4 + 4 + 3 + 2 + 4 + 1 + 4 + 2 + 4 + 16 + 3 + 4) = 156$
1999	0	2007	0	2015	46	2023	$(5 + 2 + 4 + 21 + 4 + 3 + 4 + 3 + 2 + 2 + 2 + 2 + 5 + 1 + 2 + 2 + 4 + 4 + 16 + 4 + 2 + 4 + 3 + 2 + 1 + 1 + 4 + 4 + 3 + 2 + 4 + 1 + 4 + 2 + 4 + 16 + 3 + 4 + 2 + 1 + 1 + 3 + 3 + 2 + 40 + 4) = 212$
2000	0	2008	1	2016	46		

Источник: расчеты авторов с использованием данных GSDB.

Приложение 2

Таблица ПЗ. Расчет жесткости страновых санкций, наложенных на Иран

Юрисдикция, против которой введены санкции	Юрисдикция, вводящая санкции	Количество юрисдикций, вводящих санкции	Начало периода действия	Окончание периода действия	Количество торговых санкций	Количество санкций на поставки вооружений	Количество военно-промышленных санкций	Количество финансовых санкций	Количество туристических санкций	Количество других санкций	Общее количество санкций	Жесткость санкций = = (количество юрисдикций, вводящих санкции) × × (общее количество санкций)
Иран	США	1	1979	1981	1	0	0	1	0	0	2	2
Иран	США	1	1980	1981	1	0	0	0	0	0	1	1
Иран	США	1	1984	2016	1	1	0	1	0	0	3	3
Иран	США	1	1987	1995	1	0	0	0	0	0	1	1
Иран	США	1	1995	2016	1	0	0	0	0	0	1	1
Иран	США	1	1996	2023	1	0	0	0	0	0	1	1
Иран	Япония	1	2006	2016	1	0	0	0	0	0	1	1
Иран	ООН	1	2006	2016	1	0	0	1	1	0	3	3
Иран	ЕС	1	2007	2016	0	1	0	0	0	0	1	1
Иран	ООН	1	2007	2016	0	1	0	0	0	0	1	1
Иран	Австралия	1	2008	2016	1	1	1	1	1	0	5	5
Иран	ООН	1	2008	2016	0	0	0	0	1	0	1	1
Иран	Канада	1	2010	2016	1	1	0	1	0	0	3	3
Иран	Республика Корея	1	2010	2012	1	0	0	0	0	0	1	1
Иран	ООН	1	2010	2016	1	0	0	1	0	0	2	2
Иран	ООН	1	2010	2020	0	1	1	0	0	0	2	2

Юрисдикция, против которой введены санкции	Юрисдикция, вводящая санкции	Количество юрисдикций, вводящих санкции	Начало периода действия	Окончание периода действия	Количество торговых санкций	Количество санкций на поставки вооружений	Количество военно-промышленных санкций	Количество финансовых санкций	Количество туристических санкций	Количество других санкций	Общее количество санкций	Жесткость санкций = (количество юрисдикций, вводящих санкции) × (общее количество санкций)
Иран	Канада	1	2011	2016	1	0	0	0	0	0	1	1
Иран	ЕС, Хорватия, Македония, Черногория, Исландия, Лихтенштейн, Норвегия, Молдавия	8	2011	2016	0	0	0	1	1	0	2	16
Иран	Швейцария	1	2011	2016	1	0	0	1	1	0	3	3
Иран	Канада	1	2012	2016	1	0	0	1	0	1	3	3
Иран	ЕС	1	2012	2016	1	0	0	0	0	0	1	1
Иран	ЕС, Хорватия, Македония, Черногория, Исландия, Албания, Босния и Герцеговина, Молдавия, Лихтенштейн, Норвегия, Украина	11	2012	2016	1	0	0	1	0	0	2	22
Иран	США	1	2012	2023	0	0	0	1	0	0	1	1
Иран	Канада	1	2013	2016	1	0	0	1	0	0	2	2
Иран	Австралия	1	2016	2023	1	1	1	1	1	0	5	5
Иран	Канада	1	2016	2023	1	0	0	1	0	0	2	2
Иран	Джибути	1	2016	2023	0	0	0	0	0	1	1	1
Иран	Швейцария	1	2016	2016	1	0	0	0	1	0	2	2
Иран	ООН	1	2016	2023	0	1	1	0	0	0	2	2
Иран	США	1	2017	2021	0	0	0	0	1	0	1	1
Иран	Республика Корея	1	2018	2023	1	0	0	0	0	0	1	1
Иран	США	1	2018	2023	1	0	0	1	1	0	3	3
Иран	США	1	2019	2023	0	0	0	1	0	0	1	1
Иран	США	1	2019	2023	0	0	0	1	1	0	2	2

Юрисдикция, против которой введены санкции	Юрисдикция, вводящая санкции	Количество юрисдикций, вводящих санкции	Начало периода действия	Окончание периода действия	Количество торговых санкций	Количество санкций на поставки вооружений	Количество военно-промышленных санкций	Количество финансовых санкций	Количество туристических санкций	Количество других санкций	Общее количество санкций	Жесткость санкций = (количество юрисдикций, вводящих санкции) × (общее количество санкций)
Иран	США	1	2020	2023	1	0	0	1	1	0	3	3
Иран	США	1	2021	2023	1	1	1	1	0	0	4	4
Иран	США	1	2021	2023	1	0	0	1	0	0	2	2
Иран	Канада	1	2022	2023	0	0	0	1	1	0	2	2
Иран	ЕС	1	2022	2023	1	0	0	1	1	0	3	3
Иран	ЕС	1	2022	2023	0	0	0	1	1	0	2	2
Иран	Новая Зеландия	1	2022	2023	0	0	0	0	1	0	1	1
Иран	США	1	2022	2023	1	0	0	1	0	0	2	2
Иран	США	1	2022	2023	0	0	0	1	0	0	1	1
Иран	США	1	2022	2023	0	0	0	1	1	0	2	2
Иран	Великобритания	1	2022	2023	0	0	0	1	1	0	2	2
Иран	Великобритания, США, Канада	3	2023	2023	0	0	0	1	1	0	6	6
Иран	Австралия	1	2023	2023	0	0	0	1	1	0	2	2
Иран	Канада	1	2023	2023	0	0	0	1	0	0	1	1
Иран	ЕС, Македония, Черногория, Албания, Украина, Босния и Герцеговина, Молдавия, Исландия, Лихтенштейн, Норвегия	10	2023	2023	1	0	0	1	1	0	30	30
Иран	Великобритания	1	2023	2023	1	0	0	1	1	0	3	3
Иран	США	1	2023	2023	1	0	0	0	0	0	1	1
Иран	США	1	2023	2023	1	0	0	1	0	0	2	2

Источник: расчеты авторов с использованием данных GSDB.

Таблица П4. Временной ряд интенсивности санкций против Ирана

Год	Интенсивность санкций	Год	Интенсивность санкций	Год	Интенсивность санкций	Год	Интенсивность санкций
1979	2	1990	$(1 + 3) = 4$	2001	$(1 + 3 + 1) = 5$	2012	$(3 + 1 + 1 + 1 + 3 + 1 + 1 + 1 + 5 + 3 + 1 + 2 + 2 + 1 + 16 + 3 + 3 + 1 + 22 + 1) = 72$
1980	$(1 + 2) = 3$	1991	4	2002	$(1 + 3 + 1) = 5$	2013	$(3 + 1 + 1 + 1 + 3 + 1 + 1 + 1 + 5 + 3 + 2 + 2 + 1 + 16 + 3 + 3 + 1 + 22 + 1 + 2) = 73$
1981	$(1 + 2) = 3$	1992	$(1 + 3) = 4$	2003	$(1 + 3 + 1) = 5$	2014	$(3 + 1 + 1 + 1 + 3 + 1 + 1 + 1 + 5 + 3 + 2 + 2 + 1 + 16 + 3 + 3 + 1 + 22 + 1 + 2) = 73$
1982	0	1993	$(1 + 3) = 4$	2004	$(1 + 3 + 1) = 5$	2015	$(3 + 1 + 1 + 1 + 3 + 1 + 1 + 1 + 5 + 3 + 2 + 2 + 1 + 16 + 3 + 3 + 1 + 22 + 1 + 2) = 73$
1983	0	1994	$(1 + 3) = 4$	2005	$(1 + 3 + 1) = 5$	2016	$(3 + 1 + 1 + 1 + 3 + 1 + 1 + 1 + 5 + 3 + 2 + 2 + 1 + 16 + 3 + 3 + 1 + 22 + 1 + 2 + 5 + 2 + 1 + 2 + 2) = 85$
1984	3	1995	$(1 + 3 + 1) = 5$	2006	$(3 + 1 + 1 + 1 + 3) = 9$	2017	$(1 + 2 + 1 + 5 + 2 + 1 + 2 + 1) = 15$
1985	3	1996	$(1 + 3 + 1) = 5$	2007	$(3 + 1 + 1 + 1 + 3 + 1 + 1) = 11$	2018	$(1 + 2 + 1 + 5 + 2 + 1 + 2 + 1 + 1 + 3) = 19$
1986	3	1997	$(1 + 3 + 1) = 5$	2008	$(3 + 1 + 1 + 1 + 3 + 1 + 1 + 1 + 5) = 17$	2019	$(1 + 2 + 1 + 5 + 2 + 1 + 2 + 1 + 1 + 3 + 1 + 2) = 22$
1987	$(1 + 3) = 4$	1998	$(1 + 3 + 1) = 5$	2009	$(3 + 1 + 1 + 1 + 3 + 1 + 1 + 1 + 5) = 17$	2020	$(1 + 2 + 1 + 5 + 2 + 1 + 2 + 1 + 1 + 3 + 1 + 2 + 3) = 25$
1988	$(1 + 3) = 4$	1999	$(1 + 3 + 1) = 5$	2010	$(3 + 1 + 1 + 1 + 3 + 1 + 1 + 1 + 5 + 3 + 1 + 2 + 2) = 25$	2021	$(1 + 1 + 5 + 2 + 1 + 2 + 1 + 1 + 3 + 1 + 2 + 3 + 4 + 2) = 29$
1989	$(1 + 3) = 4$	2000	$(1 + 3 + 1) = 5$	2011	$(3 + 1 + 1 + 1 + 3 + 1 + 1 + 1 + 5 + 3 + 1 + 2 + 2 + 1 + 16 + 3) = 45$	2022	$(1 + 1 + 5 + 2 + 1 + 2 + 1 + 3 + 1 + 2 + 3 + 4 + 2 + 23 + 2 + 1 + 2 + 1 + 2 + 2) = 43$
						2023	$(1 + 1 + 5 + 2 + 1 + 2 + 1 + 3 + 1 + 2 + 3 + 4 + 2 + 2 + 3 + 2 + 1 + 2 + 1 + 2 + 2 + 6 + 2 + 1 + 30 + 3 + 1 + 2) = 88$

Источник: расчеты авторов с использованием данных GSDB.

A Dynamic International Sanctions-Time Model for Determining Interest Rate Defence (Case Studies: Iran and Russia)¹

I. Bastanifar, M. Vaez Barzani, R. Nazari

Iman Bastanifar – Associate Professor, Department of Economics, Faculty of Administrative Sciences and Economics, University of Isfahan, Isfahan, Iran; i.bastanifar@ase.ui.ac.ir; ORCID iD: 0000-0003-0854-0485

Mohammad Vaez Barzani (Corresponding Author) – Associate Professor, Department of Economics, Faculty of Administrative Sciences and Economics, University of Isfahan, Isfahan, Iran; vaez@ase.ui.ac.ir

Roghayeh Nazari – PhD student, Department of Economics, Faculty of Administrative Sciences and Economics, University of Isfahan, Isfahan, Iran; r.nazari6860@gmail.com

Abstract

The impact of international sanctions on interest rates as a measure to avoid the international sanctions has not received enough attention. Defensive interest rate is defined as fluctuations in interest rates due to speculation. These behaviors are more prevalent under international sanction conditions, especially in foreign exchange transactions. Thus, it is possible to pose the question of how the optimal interest rate should evolve in sanctioned economies when sanctions are being applied.

In this research, first, a dynamic programming model is used to define the intensity of international sanctions as a function of trading time conditions. From the solution of this research model, a new concept of defensive interest rate is introduced in terms of defensive interest elasticity, which is estimated with the help of the sanctions intensity parameter. Next, following the methodology developed by the authors, the sanctions intensity stochastic variable is calculated by summing the numbers of different sanctions according to version 4 of the Global Sanctions Database. To estimate the sanctions intensity parameter for the period 1979 to 2023 for Iran and 1993 to 2023 for Russia, the AR (1) model was selected among the Box-Jenkins models, in Eviews software. According to the research findings, if the intensity of sanctions increases by one percent in Iran and Russia, the interest rate should decline by 0.89 and 0.97 percent, respectively. The findings indicate that in Russia, there have been more periods of decreasing interest rates, compared to Iran, when sanctions were intensified.

Keywords: Sanctions-Time, Interest Rate Defence, Dynamic Programming

For citation: Bastanifar I., Vaez Barzani M., Nazari R. (2025) A Dynamic International Sanctions-Time Model for Determining Interest Rate Defence (Case Studies: Iran and Russia). *International Organisations Research Journal*, vol. 20, no 3, pp. 113–146 (In English). doi:10.17323/1996-7845-2025-03-07

¹ This article was submitted 17.08.2024.

Экономический рост и экологическая устойчивость в Бангладеш, Индии и Пакистане: эмпирическое исследование^{1, 2}

И. Али, О.О. Олалекан, А. Джонас

Али Имран – магистрант факультета менеджмента Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» – Нижний Новгород; Россия, 603155, Нижний Новгород, ул. Большая Печерская, д. 25/12; imranalieco@gmail.com

Олалекан Олатунбосун Онаопемипо – магистрант факультета менеджмента Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» – Нижний Новгород; Россия, 603155, Нижний Новгород, ул. Большая Печерская, д. 25/12; olalekanolatumbosun001@gmail.com

Джонас Аджибу – аспирант факультета экономики Международного исламского университета Индонезии; Индонезия, Западная Ява, Депок, ул. Рая Богор, д. 9; ajibu.jonas@uiii.ac.id

Аннотация

В статье рассматриваются долгосрочные и краткосрочные взаимосвязи между экономическим ростом, торговлей, индустриализацией, потреблением возобновляемой энергии и ухудшением состояния окружающей среды (на основании данных о выбросах CO₂) в Бангладеш, Индии и Пакистане в период с 1990 по 2022 г. с использованием модели авторегрессии и распределенного лага (ARDL). В исследовании используется корреляционный анализ, тесты на панельную коинтеграцию и объединенную ARDL для выявления динамических взаимодействий между переменными. Результаты показывают положительную долгосрочную связь между ростом ВВП и выбросами CO₂, что подтверждает гипотезу экологической кривой Кузнецца (ЭКК). Торговля и промышленный рост также оказывают значительное положительное влияние на выбросы в долгосрочной перспективе. В то же время потребление возобновляемой энергии неизменно демонстрирует отрицательную связь с выбросами CO₂ как в краткосрочной, так и в долгосрочной перспективе, подчеркивая ее важность в замедлении деградации состояния окружающей среды (экологической деградации). Сельскохозяйственный сектор оказывает неоднозначное воздействие, способствуя росту выбросов в основном за счет изменений в землепользовании. Термин коррекции ошибок из панельной модели ARDL является статистически значимым, подтверждая долгосрочные равновесные отношения между показателями. Исследование обнаруживает убедительные доказательства коинтеграции между переменными. Это позволяет предположить, что страны находятся на пути конвергенции с точки зрения балансирования экономического роста и экологической устойчивости. Рекомендации включают обеспечение соблюдения более строгих экологических норм, содействие развитию возобновляемой энергетики и использованию устойчивых торговых практик для смягчения вреда окружающей среде при одновременном содействии экономическому росту.

¹ Статья поступила в редакцию 03.10.2024.

² Перевод статьи выполнен А.Г. Сахаровым, научным сотрудником Центра исследований международных институтов Института прикладных экономических исследований (ЦИМИ ИПЭИ) Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС).

Ключевые слова: панельный ARDL, коинтеграция, экономический рост, выбросы CO₂, торговля, индустриализация, возобновляемая энергия, Южная Азия, экологическая устойчивость

Для цитирования: Али И., Олалекан О.О., Джонас А. Экономический рост и экологическая устойчивость в Бангладеш, Индии и Пакистане: эмпирическое исследование // Вестник международных организаций. 2025. Т. 20. № 3. С. 147–170 (на русском и английском языках). doi:10.17323/1996-7845-2025-03-08

Введение

Южная Азия (в частности, Бангладеш, Индия и Пакистан) за последние три десятилетия пережила стремительные экономические преобразования. После либеральных реформ начала 1990-х годов страны региона глубже интегрировались в мировую экономику за счет расширения торговых связей, роста прямых иностранных инвестиций (ПИИ) и индустриализации. Регион пережил значительный экономический рост – Индия стала одной из самых быстрорастущих экономик мира, в то время как Бангладеш продемонстрировал впечатляющий рост в таких секторах, как текстильная промышленность и производство [World Bank, 2021]. Пакистан отстает по темпам роста от своих соседей, но добился значительных успехов в промышленном развитии и торговой интеграции [ADB, 2020]. По мере перехода этих стран от преимущественно аграрных экономик к системам, основанным на промышленности и секторе услуг, стали возникать экологические проблемы вследствие растущей эксплуатации природных ресурсов и повышения уровня загрязнения, особенно в форме выбросов углекислого газа (CO₂).

Экологическое воздействие быстрой индустриализации, особенно в развивающихся регионах, достаточно подробно освещено в литературе. Гипотеза экологической кривой Кузнеца (ЭКК) предсказывает перевернутую U-образную связь между ухудшением состояния окружающей среды и экономическим ростом. Это означает, что ухудшение состояния окружающей среды увеличивается на начальных этапах экономического развития, но со временем снижается, когда страны достигают более высоких уровней дохода и внедряют более чистые технологии [Stern, 2004]. Однако эмпирические исследования, особенно фокусирующиеся на регионе Южной Азии, показывают неоднозначные данные относительно обоснованности гипотезы ЭКК, предполагая, что выгоды от экономического роста не приводят к автоматическому улучшению состояния окружающей среды без целенаправленных политических усилий [Shahbaz et al., 2016]. Бум индустриализации в Южной Азии также вызвал опасения по поводу гипотезы «убежища для загрязнения» (Pollution Haven Hypothesis (PHH)), которая предполагает, что развивающиеся страны могут привлекать загрязняющие отрасли менее строгими экологическими нормами [Cole, 2004]. Это привело к росту выбросов CO₂ и истощению ресурсов в регионе, что способствует повышению долгосрочных экологических рисков.

В последние годы в Южной Азии наблюдается бум внедрения возобновляемых источников энергии, мотивированный существующими экологическими проблемами и необходимостью обеспечения энергетической безопасности. Индия, например, поставила амбициозные цели в области возобновляемой энергетики, намереваясь достичь мощности 450 ГВт к 2030 г. [IEA, 2021]. Бангладеш и Пакистан также пытались увеличить свои мощности в области возобновляемой энергетики, но эти инициативы отстают из-за инфраструктурных ограничений и политических соображений. Развитие

возобновляемой энергетики является ключевым фактором в деле сокращения выбросов CO₂ и улучшения состояния окружающей среды, что подчеркивается глобальными климатическими соглашениями, такими как Парижское соглашение [UNFCCC, 2015]. Однако эффективность воздействия возобновляемой энергетики на темпы экологической деградации в Южной Азии изучена недостаточно, особенно в свете быстрого экономического роста и индустриализации в регионе.

Несмотря на расширяющийся объем литературы, изучающей взаимосвязь экономического роста и экологической деградации, лишь немногие исследования фокусируются на Южной Азии, особенно после 2010 г. Большинство исследований сосредоточено на более крупных развивающихся регионах или отдельных странах и пренебрегают важными межстрановыми оценками, которые отражают региональную динамику в Южной Азии. Более того, существующие исследования часто не учитывают недавние экономические тенденции, такие как всплеск инвестиций в возобновляемую энергетику и меняющиеся торговые модели в регионе. Настоящее исследование направлено на восполнение этого пробела путем проведения детального изучения Бангладеш, Индии и Пакистана с 1990 по 2022 г., с особым фокусом на изучении влияния экономического роста, торговли и потребления возобновляемой энергии на экологические результаты, в частности на выбросы CO₂.

Обзор литературы

В последнее время рассматриваемый вопрос многократно подвергался академическому анализу, особенно в отношении развивающихся экономик. Южная Азия представляет собой особый пример для изучения в этом отношении: Бангладеш, Индия и Пакистан претерпели стремительную экономическую трансформацию под воздействием либерализации торговли и прямых иностранных инвестиций с 1990-х годов. Однако этот рост вызвал несколько опасений по поводу экологической устойчивости, включая выбросы CO₂ и общее ухудшение состояния окружающей среды. Критическая оценка эмпирических исследований по этой теме была сосредоточена на связи между экономической политикой и экологическими последствиями для региона в период с 1990 по 2022 г. Анализ был структурирован вокруг трех основных теоретических рамок: гипотезы экологической кривой Кузнецца (ЭКК), гипотезы «убежища для загрязнения» и гипотезы Портера, что позволило провести более тщательную и многомерную оценку столь сложной динамики.

Теоретическая база

Гипотеза экологической кривой Кузнецца (ЭКК)

Гипотеза экологической кривой Кузнецца (ЭКК) представляет собой перевернутую U-образную зависимость между экономическим ростом и ухудшением состояния окружающей среды. Согласно этой концепции, состояние окружающей среды ухудшается по мере роста промышленной деятельности и увеличения потребления энергии на начальных этапах экономического развития [Mohamed et al., 2024]. Эта гипотеза была очень актуальна для исследования Южной Азии, проведенного Муршедом и Дао [Murshed, Dao, 2020], в частности, потому, что Бангладеш, Индия и Пакистан начали демонстрировать экономический рост в 1990-х годах и с тех пор показывают высокие темпы роста. Применительно к этим странам ЭКК показывает, что ранняя индустриализация и либерализация приведут к увеличению загрязнения, но состояние окру-

жающей среды может улучшиться по мере «взросления» этих экономик и поддержки более амбициозной экологической политики. В настоящее время ведутся дискуссии о применимости модели ЭКК к странам Южной Азии, а также об их положении на экологической кривой [Jóźwik et al., 2022].

Гипотеза «убежища для загрязнения»

Согласно гипотезе «убежища для загрязнения» (Pollution Haven Hypothesis (PHH)), либерализация торговли и прямые иностранные инвестиции (ПИИ) могут привести к перемещению отраслей, интенсивно загрязняющих окружающую среду, из стран со строгими экологическими нормами в страны с менее строгими или плохо соблюдаемыми экологическими стандартами [Gill et al., 2018]. Предполагается, что развивающиеся страны, в частности страны Южной Азии, могут стать «гаванью» или «убежищем для загрязнения», поскольку они привлекают ПИИ в секторах, которые сильно загрязняют окружающую среду, из-за их относительно мягких экологических норм. PHH особенно актуальна для Южной Азии, где промышленный рост подпитывается либерализацией торговли и значительным притоком ПИИ, особенно в текстильной, обрабатывающей и горнодобывающей отраслях промышленности, отличающихся сильным воздействием на окружающую среду.

Гипотеза Портера

Согласно гипотезе Портера, строгие экологические нормы не наносят ущерба экономической конкурентоспособности. При правильной конфигурации строгое регулирование может стимулировать инновации и конкурентоспособность, что приводит к улучшению экологических показателей в сочетании с промышленным ростом [van Leeuwen, Mohnen, 2016]. То есть строгое экологическое регулирование даже стимулирует предприятия к инновациям, тем самым повышая эффективность производственного процесса за счет сокращения отходов и разработки экологически чистой продукции. Гипотеза Портера чрезвычайно оптимистична в отношении способности стран Южной Азии превратить экологические нормы в движущую силу технологического прогресса и устойчивого промышленного роста [Twum et al., 2021]. Хотя Южная Азия обычно отстает во внедрении экологических норм, согласно гипотезе Портера, постепенное их ужесточение будет стимулировать инновации, что значительно расширит возможности возобновляемой энергетики, энергоэффективности и экологически чистого производства, приведет к качественным улучшениям экономических и экологических показателей.

Эмпирический обзор

Либерализация торговли и экологическая деградация

Исследование Маранцано, Сердейра Бенто и Манера [Maranzano, Cerdeira Bento, Manera, 2022] является одним из многих, закладывающих основу для изучения взаимосвязи между либерализацией торговли и качеством окружающей среды. Используя анализ панельных данных по широкому кругу стран, авторы эмпирически подтвердили теорию экологической кривой Кузнеца (ЭКК). Исследование показало, что на первом этапе либерализация торговли усугубляет экологическую деградацию из-за промышленного роста, но в дальнейшем она приводит к улучшению качества окружающей среды по мере роста уровня доходов и усиления общественного запроса на более чистую

окружающую среду. Обратная U-образная зависимость между экономическим ростом и ухудшением состояния окружающей среды имеет решающее значение для понимания потенциальных долгосрочных последствий либерализации торговли в Южной Азии. Однако исследование Маранцано, Сердейра Бенто и Манера [Maranzano, Serdeira Bento, Manera, 2022] не сосредоточено конкретно на странах Южной Азии, а рассматриваемый ими период не охватывает многих значительных политических мер, направленных на либерализацию торговли и реализованных в 1990-х и 2000-х годах.

Развитие промышленного производства и экологическая деградация

Взаимосвязь между промышленным ростом и ухудшением состояния окружающей среды была достаточно глубоко исследована, особенно в развивающихся странах, переживающих стремительную индустриализацию. Хеттиге, Мани и Уилер [Hettige, Mani, Wheeler, 2000] проанализировали факторы, влияющие на промышленное загрязнение в развивающихся странах, включая роль роста промышленного производства. Используя панельные данные за период с 1973 по 1998 г., Хеттиге, Мани и Уилер [Hettige, Mani, Wheeler, 2000] обнаружили, что промышленный рост вносит существенный вклад в ухудшение состояния окружающей среды, особенно в странах со слабым экологическим контролем. Это исследование подтверждает гипотезу «убежища для загрязнения», склоняясь к тому, что Бангладеш, Индия и Пакистан после либерализации столкнутся с деградацией окружающей среды, если не введут более строгие экологические нормы. Однако это исследование ограничено временными рамками, поскольку не охватывает более поздние тенденции развития промышленности и экологической политики в Южной Азии.

Прямые иностранные инвестиции (ПИИ) и экологическая деградация

Взаимосвязь между прямыми иностранными инвестициями (ПИИ) и ухудшением состояния окружающей среды широко обсуждается, особенно в развивающихся странах. Демена и Афесоргбор [Demena, Afesorgbor, 2019] провели одно из первых исследований по этой теме, изучив влияние прямых иностранных инвестиций на качество окружающей среды в развивающихся странах, включая некоторые государства Южной Азии. Используя методы метаанализа, авторы показывают, что ПИИ, как правило, направляются на предприятия, связанные с повышенным уровнем загрязнения окружающей среды, в страны со слабыми экологическими стандартами, что подтверждает гипотезу «убежища для загрязнения». Тем не менее исследование показало, что в некоторых случаях ПИИ предлагают более чистые технологии и улучшенные методы управления, которые могут компенсировать их негативное воздействие на окружающую среду. Этот двойной вывод особенно актуален для Южной Азии, где ПИИ сыграли значительную роль в промышленном развитии. Однако область исследования несколько ограничена его сосредоточенностью на данных на уровне фирм, которые могут не отражать более широкое макроэкономическое воздействие ПИИ на деградацию окружающей среды.

Возобновляемая энергетика, торговля и экологическая деградация

Роль возобновляемой энергии в смягчении воздействия либерализации торговли и промышленного роста на окружающую среду является актуальной и развивающейся областью исследований. Нгуен и Какинака [Nguyen, Kakinaka, 2019] проанализировали взаимосвязь между потреблением возобновляемой энергии, экономическим ростом и выбросами CO₂ в странах с формирующейся экономикой, включая некоторые страны Южной Азии. Исследование с использованием панельных данных за 1994–2009 гг. по-

казало, что увеличение потребления возобновляемой энергии связано с более низкими выбросами CO₂, что подтверждает тезис, согласно которому переход к возобновляемой энергетике может смягчить воздействие промышленного роста и либерализации торговли на окружающую среду. Этот вывод особенно актуален для Южной Азии, где потенциал возобновляемой энергии значителен, но остается недостаточно используемым. Однако временные рамки исследования ограничиваются 2009 г., не позволяя учесть более поздние события в области внедрения возобновляемой энергии в регионе.

Синтез и пробелы в исследованиях

Актуальность вышеупомянутых исследований для настоящей работы заключается в их сосредоточенности на ключевых затрагиваемых переменных – открытости торговли, промышленном росте, ПИИ, выбросах CO₂ и потреблении возобновляемой энергии – и применении теоретических рамок, таких как гипотеза ЭКК, гипотеза «убежища для загрязнения» и гипотеза Портера. Однако остается несколько пробелов. Во-первых, многие из рассмотренных исследований не охватывают последнее десятилетие (2010–2022 годы), то есть период, когда в Южной Азии произошли значительные экономические и экологические изменения. Во-вторых, одни исследования сосредоточены именно на Южной Азии, другие содержат более общий анализ, в полной мере не отражающий уникальную экономическую и экологическую динамику региона. Наконец, существует потребность в большем числе исследований, которые интегрируют роль возобновляемой энергии в смягчении воздействия либерализации торговли и промышленного роста на окружающую среду, особенно в контексте Южной Азии.

Мы включили в наше исследование данные за 2022 г., тогда как предыдущие исследования завершили свой анализ 2020 г. Это позволило наблюдать за текущими изменениями политики в Бангладеш, Индии и Пакистане. Последние данные позволяют получить более точное представление о развитии возобновляемой энергетики и ее двойном влиянии на экономическое развитие и экологическую устойчивость. Индия реализовала амбициозные цели в области развития возобновляемой энергетики. Пакистан также изменил политику в области альтернативной энергетики, что привело к значительному снижению выбросов CO₂ за последние пять лет. Наше исследование предоставляет возможность точнее оценить влияние современного законодательства о возобновляемой энергетике на экологические и экономические результаты посредством внедрения обновленных технологических методов.

Методология

В данном исследовании используется количественный исследовательский подход для изучения взаимосвязи между экономическим ростом и экологической устойчивостью в Южной Азии, в частности в Бангладеш, Индии и Пакистане, в период с 1990 по 2022 г. Для изучения этой динамики в исследовании используется анализ панельных данных, который позволяет интегрировать кросс-секторальные данные (по странам) и временным рядам (по годам). Панельные данные предлагают более надежный анализ по сравнению с чисто кросс-секторальными или временными рядами, учитывая как индивидуальные страновые факторы, так и их динамику [Baltagi, 2005]. Эта методика позволяет контролировать ненаблюдаемую гетерогенность, повышать точность оценок параметров и предоставлять информацию о долгосрочных и краткосрочных взаимосвязях между переменными.

Таблица 1. Описание подборки данных

Переменные	Индикаторы
Экологическая деградация	Выбросы CO ₂ (тонны на душу населения)
Международная торговля	Торговля (% ВВП)
Экономический рост	Рост ВВП (% в год)
Промышленность	Промышленность (включая строительство), добавленная стоимость (% ВВП)
Возобновляемая энергетика	Потребление возобновляемой энергии (% общего объема конечного энергопотребления)
Сельское хозяйство и лесная промышленность	Сельское хозяйство, лесная промышленность, рыболовство, добавленная стоимость (% ВВП)
Рост численности населения	Рост численности населения (% в год)
Экспорт	Экспорт товаров и услуг (% ВВП)

Примечание. Здесь и далее во всех таблицах результаты получены с помощью программы EViews 12 (анализ авторов).

Источник: составлено авторами на основе данных [World Bank, n.d.].

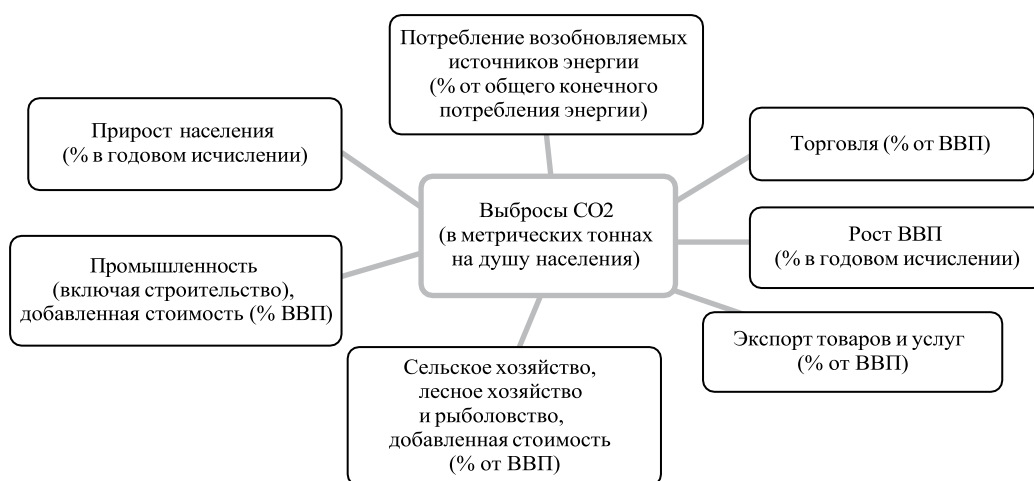

Рис. 1. Структура переменных

Источник: составлено авторами на основе данных [World Bank, n.d.].

Основой используемого в работе подхода является модель авторегрессии и распределенного лага (ARDL), которая сочетается с тестами на коинтеграцию для исследования долгосрочных равновесных взаимосвязей между переменными. Подход ARDL особенно актуален для данного исследования, поскольку он может обрабатывать переменные разных порядков (I (0) и I (1)) и не требует предварительного тестирования на единичный корень, как другие эконометрические методы, такие как модели коррекции ошибок вектора (VECM) [Pesaran et al., 2001].

Спецификация модели

Модель для данного исследования основана на панельной ARDL-структуре, которая исследует как краткосрочные, так и долгосрочные взаимосвязи между зависимой переменной (выбросы CO₂, представляющие ухудшение состояния окружающей среды) и набором независимых переменных. В общей форме модель ARDL имеет следующий вид:

$$\Delta CO_{2it} = \alpha_0 + j = 1 \sum p \beta_j \Delta X_{it-j} + \lambda (CO_{2it-1} - \gamma' X_{it-1}) + \epsilon_{it}$$

Error correction term (ECT) – термин коррекции ошибок – отражает долгосрочную равновесную связь, указывая на то, как быстро устраняются отклонения от нее. Статистически значимый и отрицательный коэффициент ECT подразумевает, что система корректируется для восстановления равновесия, что предполагает долгосрочную коинтеграцию переменных [Pesaran et al., 2001]. Панельная модель ARDL использовалась для этого исследования, поскольку она имеет различные преимущества по сравнению с другими эконометрическими моделями. Во-первых, она может обрабатывать переменные с различными порядками интегрирования (I (0) и I (1)), что типично для макроэкономических данных [Pesaran et al., 1999]. Во-вторых, метод ARDL адаптируется для различения краткосрочной и долгосрочной динамики, что имеет решающее значение для понимания непосредственного и долгосрочного воздействия торговли, индустриализации и возобновляемой энергии на состояние окружающей среды.

Анализ и результаты

Описательная статистика

Статистические данные для Пакистана, Бангладеш и Индии в период с 1990 по 2022 г. показывают важные тенденции, связанные с экономическим ростом и состоянием окружающей среды (табл. 2). Средние выбросы CO₂ составили 0,703 метрической тонны на душу населения. Сельскохозяйственный сектор сохранял значительное влияние – 20,967% ВВП, а экспорт составил 14,164% ВВП, что указывает на высокую степень чувствительности к колебаниям на мировых рынках. Рост ВВП в среднем составил 5,145% со значительной волатильностью, варьирующейся от –5,778 до 8,846%. Доля промышленного сектора составила 24,403% ВВП, а темп роста населения в среднем 1,798%, что усиливает давление на спрос. Доля международной торговли составила

Таблица 2. Описательная статистика

Статистика	CO2	AGRI	EXP01	GDP	INDUSTRY	POP	TRADE	R_ENERGY
Средняя	0,703	20,967	14,164	5,145	24,403	1,798	32,804	46,976
Медиана	0,683	21,787	12,675	5,240	23,581	1,788	31,334	47,200
Максимум	1,796	31,677	25,431	8,846	32,912	3,297	55,794	73,100
Минимум	0,099	11,975	5,908	–5,778	17,159	0,880	15,506	26,100
Стандартное отклонение	0,425	4,278	4,561	2,249	4,029	0,586	9,384	10,273
Наблюдение	93	93	93	93	93	93	93	93

Источник: составлено авторами на основе данных [World Bank, n.d.].

32,804% ВВП, а потребление возобновляемой энергии в среднем составило 46,976% от общего объема конечного энергопотребления, что подчеркивает текущие усилия по обеспечению устойчивости. В целом эти выводы свидетельствуют о необходимости комплексной политики для содействия экономическому росту и экологической устойчивости в регионе.

Корреляционная матрица

Корреляционная матрица дает важную информацию о взаимосвязи между экономической деятельностью и воздействием на окружающую среду в Южной Азии. Сильная положительная связь между торговлей и экспортом (0,96) демонстрирует ключевой вклад экспорта в объяснение торговых показателей. Умеренные положительные корреляции между выбросами CO₂ и торговлей (0,46) и промышленной деятельностью (0,34) показывают, что усиление экономической активности приводит к ухудшению состояния окружающей среды, преимущественно за счет промышленного производства и транспорта. Однако высокая отрицательная корреляция потребления чистой энергии с выбросами (-0,63) свидетельствует о потенциале возобновляемой энергии в сдерживании ухудшения состояния окружающей среды. Сельское хозяйство имеет отрицательную корреляцию с выбросами (-0,37) и торговлей (-0,69), то есть активизация сельскохозяйственной деятельности соответствует снижению выбросов и снижению интенсивности торговли, что может быть связано с сокращением загрязнения от промышленных секторов. Кроме того, отрицательная связь между ростом населения и выбросами (-0,26) говорит о том, что рост населения не обязательно приводит к росту экологической деградации, и это может быть связано с повышением эффективности или экологически чистыми практиками. Полученные результаты подчеркивают многочисленные и сложные компромиссы между отраслевым развитием, экономическим ростом и экологической устойчивостью, а также необходимость сбалансированных «зеленых» политических мер в регионе.

Визуализация данных

Визуальные данные по Бангладеш, Индии и Пакистану указывают на тонкую конвергенцию экономического роста и охраны окружающей среды. Все три страны демонстрируют устойчивую тенденцию к увеличению выбросов CO₂, в основном обусловленную индустриализацией и растущей торговой деятельностью, особенно в энергоемких экспортных отраслях. Резкий рост выбросов в Индии свидетельствует о ее быстрой индустриализации и энергоемком росте, а в Бангладеш и Пакистане наблюдается сравнительно медленный, но все же значительный рост выбросов. В то же время данные указывают на чрезвычайно отрицательную корреляцию между использованием возобновляемой энергии и выбросами, и Индия находится в авангарде – ее более высокие инвестиции в возобновляемую энергию, очевидно, сдерживают темпы выбросов. Сельское хозяйство в Пакистане демонстрирует четкую негативную корреляцию, когда увеличение производства связано со снижением выбросов, что подразумевает его относительно низкий углеродный след по сравнению с другими отраслями. Эти тенденции указывают на необходимость содействия крупномасштабному развитию возобновляемой энергетики и принятию экологически чистой промышленной и торговой политики для балансирования экономического роста и устойчивости в регионе.

Тест на единичный корень

В табл. 3 показаны результаты теста на единичный корень, согласно которым большинство переменных, включая выбросы CO₂, экспорт, ВВП, промышленность и торговлю, являются нестационарными на уровне, но становятся стационарными после первого дифференцирования, что приводит к I (1). С другой стороны, сельское хозяйство и возобновляемая энергия остаются стационарными на уровне (I (0)). Учитывая этот набор порядков интегрирования, панельная модель ARDL демонстрирует актуальность для целей настоящего исследования. Панельная модель ARDL особенно полезна для переменных с различными порядками интегрирования [Pesaran et al., 2001]. Она поддерживает как краткосрочные, так и долгосрочные исследования, а метод тестирования границ может выявить потенциальные долгосрочные связи (коинтеграцию) между экономическим ростом, торговлей и экологическими факторами. Это делает ее надежным методом для исследования динамических взаимосвязей в панелях по странам, как подчеркивается в исследованиях временных рядов с нестационарными переменными [Narayan, 2005].

Таблица 3. Результаты теста на единичный корень

Переменная	ADF (уровень)	Вероятность (уровень)	ADF (1-е дифференцирование)	Вероятность (1-е дифференцирование)
CO2	1,36718	0,9678	19,4525	0,003
AGRI	34,7011	0,0000		
EXP01	4,07563	0,6664	41,9148	0,0000
GDP	5,34384	0,5005	93,2123	0,0000
INDUSTRY	2,71507	0,8437	36,2577	0,0000
POP	8,77761	0,1865	37,3611	0,0000
R_ENERGY	33,5746	0,0000	25,4207	0,0003
TRADE	2,16448	0,9040	40,8371	0,0000

Источник: составлено авторами на основе данных [World Bank, n.d.].

Тест коинтеграции

Результаты тестов на коинтеграцию по отдельным переменным

Результаты панельного теста Йохансена – Фишера на коинтеграцию подтверждают долгосрочные равновесные связи между критическими экономическими и экологическими переменными – выбросами CO₂, торговлей, ВВП, промышленностью, сельским хозяйством и возобновляемой энергией – в Бангладеш, Индии и Пакистане. Статистика следа и максимального собственного значения отвергает гипотезу об отсутствии коинтеграции, демонстрируя чрезвычайно значимые статистики Фишера (239,4 и 100,8 соответственно; p -значение = 0,0000), что говорит о наличии по крайней мере одного вектора коинтеграции в панели. Анализ по странам подтверждает эти выводы, поскольку все три страны демонстрируют статистически значимую коинтеграцию на базовом уровне, при этом статистики следа превышают критические значения и p -значения равны 0,0000. Сила коинтеграции уменьшается на повышенных уровнях,

однако наблюдаются устойчивые долгосрочные взаимосвязи вплоть до уровня «4». Результаты оправдывают применение методологии ARDL для моделирования краткосрочных корректировок и долгосрочных взаимосвязей, подчеркивая глубокую взаимосвязь между экономическим развитием, экологической устойчивостью и торговой политикой в Южной Азии.

Критерии выбора порядка лага векторной авторегрессии (VAR)

Критерии выбора порядка лага модели VAR указывают на то, что оптимальная длина лага для модели равна 1, основываясь на нескольких статистических показателях. В частности, информационный критерий Акаике (AIC), критерий Шварца (SC) и критерий Ханнана – Куинна (HQ) указывают на самые низкие значения при лаге 1, с соответствующим логарифмом правдоподобия (LogL) $-486,1907$. Кроме того, тест отношения правдоподобия (LR) и ошибка окончательного прогноза (FPE) также подтверждают лаг 1 как оптимальный выбор, поскольку при этом лаге найдено наименьшее значение FPE ($0,000135$). Результаты показывают, что модель VAR с лагом 1 лучше всего подходит для отражения динамических взаимосвязей между переменными, обеспечивая баланс между сложностью модели и соответствием [Lütkepohl, 2005]. Выбор лага 1 имеет решающее значение для обеспечения точного представления краткосрочной динамики в анализе панельных данных.

Таблица 4. Критерии выбора порядка лага

Лаг	LogL	LR	FPE	AIC	SC	HQ
0	$-1274,588$	NA	$7830,831$	$31,66883$	$31,90532$	$31,76371$
1	$-486,1907$	$1401,595$	$0,000135$	$13,78249$	$15,91089$	$14,63643$
2	$-430,4489$	$88,08586$	$0,000172$	$13,98639$	$18,00670$	$15,59939$
3	$-370,9226$	$82,30798$	$0,000216$	$14,09685$	$20,00907$	$16,46891$
4	$-313,3479$	$68,23663$	$0,000320$	$14,25550$	$22,05963$	$17,38662$

Источник: составлено авторами на основе данных [World Bank, n.d.].

Панельная модель ARDL

Краткосрочные коэффициенты для каждой переменной

В табл. 5 приведены краткосрочные коэффициенты, полученные из модели панельной ARDL, подчеркивающие непосредственное влияние значимых экономических переменных на зависимую переменную в Бангладеш, Индии и Пакистане. Модель демонстрирует удовлетворительное общее соответствие, о чем свидетельствует значение логарифмической функции правдоподобия, равное $248,5902$. Термин коррекции ошибок (COINTEQ01) отрицателен и статистически значим ($-0,0897$, p -value = $0,0132$). Это указывает на то, что примерно $8,97\%$ любого отклонения от долгосрочного равновесия корректируется в каждом периоде, что свидетельствует об умеренной скорости корректировки равновесия в панели. Среди объясняющих переменных возобновляемая энергия (D(R_ENERGY)) демонстрирует значительный отрицательный краткосрочный эффект ($-0,0118$, $p = 0,0012$), указывающий на то, что увеличение потребления возобновляемой энергии приводит к немедленному снижению зависимой переменной

(предположительно, выбросов CO₂), подчеркивая ее эффективность в смягчении деградации окружающей среды даже в краткосрочной перспективе. Другие переменные – сельское хозяйство (D(AGRI)), экспорт (D(EXP01)), ВВП (D(GDP)), промышленность (D(INDUSTRY)), население (D(POP)) и торговля (D(TRADE)) – не демонстрируют статистически значимых краткосрочных эффектов (p -values > 0,05), то есть их влияние на зависимую переменную может быть более выраженным в долгосрочной перспективе.

Таблица 5. Краткосрочная панельная модель ARDL

Переменная	Коэффициент	Ст. ошибка	t-статистика	Вероятность
COINTEQ01	-0,089684	0,035077	-2,556763	0,0132
D(AGRI)	-0,009183	0,004736	-1,939031	0,0573
D(EXP01)	-0,009665	0,008207	-1,177647	0,2437
D(GDP)	-0,001446	0,002735	-0,528948	0,5988
D(INDUSTRY)	0,002173	0,006412	0,338820	0,7359
D(POP)	-0,046571	0,051962	-0,896254	0,3738
D(R_ENERGY)	-0,011834	0,003488	-3,392911	0,0012
D(TRADE)	0,001639	0,004840	0,338716	0,7360

Источник: составлено авторами на основе данных [World Bank, n.d.].

Долгосрочные коэффициенты для каждой переменной

В табл. 6 представлены долгосрочные коэффициенты панельной модели ARDL, которые содержат важную информацию о стабильном долгосрочном влиянии различных экономических переменных на зависимую переменную, скорее всего, выбросы CO₂ или аналогичный экологический показатель. Рост ВВП и сельское хозяйство (AGRI) демонстрируют значительное положительное долгосрочное влияние (коэффициенты 0,0774 и 0,0579 соответственно). Это означает, что увеличение сельскохозяйственного производства и экономический рост связаны с долгосрочным увеличением зависимой переменной. И наоборот, промышленность оказывает значительное отрицательное долгосрочное влияние (-0,0784), то есть в долгосрочной перспективе индустриализация может привести к сокращению зависимой переменной, возможно, из-за повышения эффективности, внедрения более чистых технологий или структурных изменений в промышленных секторах. Возобновляемое потребление энергии также оказывает значительное отрицательное долгосрочное влияние (-0,0236), подтверждая его роль в сокращении ухудшения состояния окружающей среды. Торговля со статистически значимым и положительным коэффициентом (0,0524) вносит положительный вклад в долгосрочной перспективе. Возможно, потому, что она увеличивает экономическую активность, но также может увеличивать выбросы. Экспорт и рост населения не оказывают статистически значимого долгосрочного влияния. Результаты показывают, что грамотная политика, направленная на стимулирование экономического роста и торговли, а также чистой промышленности и энергетики необходима для избежания долгосрочного экологического и экономического дисбаланса.

Таблица 6. Долгосрочная панельная модель ARDL

Переменная	Коэффициент	Ст. ошибка	t-статистика	Вероятность
AGRI	0,057872	0,027925	2,072422	0,0426
EXP01	-0,026716	0,036450	-0,732949	0,4665
GDP	0,077352	0,037110	2,084408	0,0415
INDUSTRY	-0,078449	0,022819	-3,437960	0,0011
POP	-0,077405	0,090446	-0,855819	0,3956
R_ENERGY	-0,023581	0,008826	-2,671620	0,0097
TRADE	0,052352	0,022444	2,332578	0,0231

Источник: составлено авторами на основе данных [World Bank, n.d.].

Краткосрочные кросс-секторальные коэффициенты

Бангладеш – краткосрочные коэффициенты

В табл. 7 представлены результаты краткосрочной экономической динамики Бангладеш с использованием модели ARDL для панельных данных в кросс-секторальном разрезе. Статистически значимый и отрицательный термин коррекции ошибок (-0,021841, p -значение = 0,0000) указывает на то, что любое отклонение от долгосрочного равновесия корректируется со скоростью примерно 2,18% за период, что является довольно быстрым возвратом к стабильности. В краткосрочной перспективе сельское хозяйство, рост ВВП и промышленное производство оказывают устойчивое положительное влияние на зависимую переменную ($9,11E-05$, 0,003851 и 0,010028 соответственно). Это указывает на их актуальность для немедленной экономической корректировки. Однако импорт и потребление возобновляемой энергии оказывают значительное краткосрочное отрицательное воздействие (-0,019516 и -0,004858), вероятно,

Таблица 7. Краткосрочные кросс-секторальные коэффициенты для Бангладеш

Переменная	Коэффициент	Ст. ошибка	t-статистика	Вероятность
COINTEQ01	-0,021841	4,99E-05	-437,9259	0,0000
D(AGRI)	9,11E-05	3,65E-06	24,95984	0,0001
D(EXP01)	-0,019516	2,37E-05	-823,9098	0,0000
D(GDP)	0,003851	3,48E-06	1105,321	0,0000
D(INDUSTRY)	0,010028	6,40E-06	1566,775	0,0000
D(POP)	0,016578	0,000293	56,60001	0,0000
D(R_ENERGY)	-0,004858	2,29E-06	-2117,726	0,0000
D(TRADE)	0,006919	3,75E-06	1843,404	0,0000
C	0,016983	0,000303	56,00643	0,0000

Источник: составлено авторами на основе данных [World Bank, n.d.].

в связи с тем, что они сигнализируют о переходных трудностях, таких как увеличение производственных затрат или структурные изменения в процессе реальной переориентации. Рост населения и торговля также имеют значение в краткосрочной перспективе (0,016578 и 0,006919). Это означает, что рост населения и торговли стимулирует немедленные реакции в экономике.

Индия – краткосрочные коэффициенты

В табл. 8 представлены краткосрочные оценки коэффициентов для Индии, полученные из модели ARDL для панельных данных, что дает важную информацию о механизмах немедленной экономической корректировки страны. Термин коррекции ошибок является значимым и отрицательным ($-0,1081$, p -значение = 0,0000). Это означает, что 10,8% отклонений от долгосрочного равновесия исправляются каждый период, что свидетельствует о достаточно быстром возвращении к стабильности. Критические переменные, включая сельское хозяйство ($-0,0155$), экспорт ($-0,0161$), рост ВВП ($-0,0029$) и промышленность ($-0,0105$), демонстрируют существенное отрицательное краткосрочное воздействие, указывая на то, что эти сектора сталкиваются с немедленной структурной или переходной неэффективностью. Возобновляемая энергия ($-0,0153$) оказывает значительное отрицательное влияние, вероятно, из-за затрат на интеграцию или задержек в реализации преимуществ от инвестиций в зеленую энергетику. И наоборот, торговля (0,0060) оказывает положительное и значительное краткосрочное воздействие, что подтверждает ее стабилизирующую и способствующую росту функцию в экономике Индии. Рост населения оказывает отрицательное, хотя и статистически незначительное влияние ($-0,1496$, $p = 0,1483$), в то время как положительный и существенный постоянный член (0,16095, $p = 0,0032$) указывает на базовый уровень экономической активности, который не подвержен краткосрочным колебаниям. Краткосрочная динамика для Индии демонстрирует быстрое восстановление равновесия, торговля выступает как жизненно важный краткосрочный экономический катализатор, в то время как другие сектора борются с временными корректировками на пути к устойчивому росту.

Таблица 8. Краткосрочные кросс-секторальные коэффициенты для Индии

Переменная	Коэффициент	Ст. ошибка	t -статистика	Вероятность
COINTEQ01	-0,108141	0,002592	-41,71633	0,0000
D(AGRI)	-0,015487	6,44E-05	-240,3478	0,0000
D(EXP01)	-0,016111	0,000120	-133,7284	0,0000
D(GDP)	-0,002917	8,89E-06	-327,9643	0,0000
D(INDUSTRY)	-0,010534	7,56E-05	-139,3915	0,0000
D(POP)	-0,149625	0,077293	-1,935810	0,1483
D(R_ENERGY)	-0,015344	8,15E-05	-188,3561	0,0000
D(TRADE)	0,006025	2,44E-05	247,3440	0,0000
C	0,160950	0,018605	8,650917	0,0032

Источник: составлено авторами на основе данных [World Bank, n.d.].

Пакистан – краткосрочные коэффициенты

В табл. 9 приведены краткосрочные коэффициенты для Пакистана, полученные из модели ARDL для панельных данных. Результаты выявляют критические элементы экономической политики страны. Термин коррекции ошибок является отрицательным и статистически значимым ($-0,1391$, p -значение = $0,0001$). Это означает, что примерно 13,9% отклонений от долгосрочного равновесия корректируются каждый период, демонстрируя относительно быстрый процесс корректировки. В краткосрочной перспективе экспорт ($0,0066$, $p = 0,0000$) и промышленность ($0,0070$, $p = 0,0000$) демонстрируют положительное и существенное влияние, что указывает на их вклад в экономическое восстановление. Тем не менее сельское хозяйство ($-0,0122$), рост ВВП ($-0,0053$), возобновляемая энергия ($-0,0153$), торговля ($-0,0080$) и рост населения ($-0,0067$) оказывают существенное отрицательное воздействие, то есть эти переменные представляют краткосрочные препятствия для экономического успеха. Полученные результаты могут указывать на неэффективность, связанную с переходным периодом, ограничения ресурсов или затраты на корректировку, особенно для интеграции возобновляемой энергии и управления торговлей. Постоянный член (константа) ($0,0997$, $p = 0,0165$) является положительным и статистически значимым, что означает стабильный базовый уровень экономической активности.

Таблица 9. Краткосрочные кросс-секторальные коэффициенты для Пакистана

Переменная	Коэффициент	Ст. ошибка	t-статистика	Вероятность
COINTEQ01	-0,139071	0,004823	-28,83198	0,0001
D(AGRI)	-0,012153	2,93E-05	-414,1293	0,0000
D(EXP01)	0,006631	2,46E-05	270,0665	0,0000
D(GDP)	-0,005273	7,36E-06	-716,1967	0,0000
D(INDUSTRY)	0,007024	2,73E-05	257,6218	0,0000
D(POP)	-0,006666	0,000415	-16,05089	0,0005
D(R_ENERGY)	-0,015298	9,40E-06	-1628,153	0,0000
D(TRADE)	-0,008026	1,17E-05	-687,4174	0,0000
C	0,099696	0,020474	4,869477	0,0165

Источник: составлено авторами на основе данных [World Bank, n.d.].

Тестирование надежности

Стандартный график остатков

В табл. 10 показаны критерии выбора модели. Спецификация ARDL (1, 1, 1, 1, 1, 1, 1) была признана наиболее подходящей для целей исследования из-за минимизированного значения критерия Акаике (AIC) $-4,768671$ и существенного значения логарифмической функции правдоподобия $248,5902$. Эти показатели демонстрируют, что данная модель достигает оптимального равновесия между корректностью данных и простотой. Диагностика остатков, представленная на графике стандартизированных остатков, демонстрирует временные изменения с заметными отклонениями в опреде-

ленные периоды по странам, предположительно указывающими на внешние шоки или структурные изменения, недостаточно учтенные моделью.

Таблица 10. Критерии выбора модели

Модель	LogL	AIC	BIC	HQ	Спецификация
1	248,590181	-4,768671*	-3,824298	-4,387844	ARDL (1, 1, 1, 1, 1, 1, 1)

Источник: составлено авторами на основе данных [World Bank, n.d.].

В табл. 11 представлены масштабированные (эластичные) коэффициенты, которые проясняют долгосрочную чувствительность зависимой переменной к изменениям в регрессорах. Сельское хозяйство (AGRI) демонстрирует положительное долгосрочное влияние, но промышленность и использование возобновляемых источников энергии имеют отрицательные коэффициенты, указывая на то, что индустриализация и энергетический переход связаны с экологическими компромиссами. Торговля демонстрирует наибольшую положительную эластичность, что подчеркивает ее ключевую роль во влиянии на долгосрочные экономические тенденции. Эти результаты подтверждают эффективность модели в разъяснении фундаментальных связей, а также свидетельствуют о необходимости дальнейшего изучения поведения остатков и возможного включения новых контрольных переменных или нелинейной динамики в последующие моделирования.

Таблица 11. Масштабированные коэффициенты

Переменная	Коэффициент	Стандартизированный коэффициент	Эластичность в средних значениях
AGRI	0,057872	0,582265	1,726532
EXP01	-0,026716	-0,286608	-0,538438
GDP	0,077352	0,409199	0,566248
INDUSTRY	-0,078449	-0,743398	-2,724023
POP	-0,077405	-0,106652	-0,198003
R_ENERGY	-0,023581	-0,569764	-1,576215
TRADE	0,052352	1,155393	2,443659

Источник: составлено авторами на основе данных [World Bank, n.d.].

Анализ результатов

Результаты анализа проливают свет на сложную взаимосвязь между экономическим ростом, либерализацией торговли, индустриализацией, потреблением возобновляемой энергии и экологической устойчивостью в Бангладеш, Индии и Пакистане с 1990 по 2022 г. Эмпирические данные соответствуют существующей литературе и теоретическим основам, обсуждаемым в разделе «Обзор литературы».

Экономический рост (ВВП) и выбросы CO₂

Корреляция между выбросами CO₂ и ВВП (экономическим ростом) также слабо положительная (0,07). Это означает, что хотя рост ВВП и играет роль, промышленная деятельность, торговля и потребление энергии являются более сильными детерминантами. Это подтверждают выводы работы Шахбаза и др. [Shahbaz, Solarin, Ozturk, 2016, pp. 623–636], утверждающих, что экономический рост сначала приводит к деградации окружающей среды, но по мере увеличения уровня дохода, при внедрении более экологически чистых технологий, ситуация улучшается, и это соответствует гипотезе кривой Кузнеця для окружающей среды (ЕКС). Тест на коинтеграцию Йохансена – Фишера подтверждает наличие долгосрочной взаимосвязи между ВВП и выбросами для Пакистана, Индии и Бангладеш, поскольку устойчивый экономический рост имеет долгосрочные последствия для окружающей среды [Stern, 2004]. Долгосрочные оценки ARDL также фиксируют значительное положительное влияние роста ВВП на выбросы (0,0774, $p = 0,0415$), подтверждая гипотезу кривой Кузнеця, согласно которой рост сначала увеличивает выбросы, а затем они стабилизируются. Краткосрочные эффекты, как правило, незначительны. Это означает, что краткосрочный экономический рост не обязательно имеет последствия для окружающей среды, если он непродолжительный. Но в Бангладеш рост ВВП значительно увеличивает выбросы в краткосрочной перспективе (0,003851, $p = 0,0000$), что совпадает с оценками Райхана и др. [Raihan et al., 2022], из-за зависимости от углеродоемкой индустриализации. Напротив, Индия демонстрирует отрицательную краткосрочную корреляцию (–0,002917, $p = 0,0000$) в результате повышения энергоэффективности и «зеленых» законов, как и предсказывает гипотеза Портера [van Leeuwen, Mohnen, 2016]. Пакистан также показывает отрицательный краткосрочный эффект (–0,005273, $p = 0,0000$), что, скорее всего, отражает структурный сдвиг в сторону отраслей с меньшим энергопотреблением, хотя долгосрочные проблемы с выбросами сохраняются из-за продолжающейся зависимости от ископаемого топлива [Shahbaz et al., 2014].

Рост промышленного производства и выбросы CO₂

Промышленный рост умеренно положительно коррелирует с выбросами CO₂ (0,34). Это указывает на то, что расширение промышленной деятельности способствует ухудшению состояния окружающей среды, подтверждая гипотезу «убежища для загрязнения» [Cole, 2004]. Тест Йохансена – Фишера подтверждает долгосрочную связь между промышленным ростом и выбросами в Бангладеш, Индии и Пакистане и свидетельствует о структурном влиянии индустриализации на качество окружающей среды [Hettige et al., 2000; Shahbaz et al., 2014]. Однако долгосрочные результаты ARDL показывают отрицательное и значительное влияние промышленного роста на выбросы (–0,0784, $p = 0,0011$). Это означает, что повышение промышленной эффективности, модернизация и применение более чистых технологий, как ожидается, приведут к сокращению выбросов в долгосрочной перспективе. То есть подтверждается гипотеза Портера, поскольку она предполагает, что строгая экологическая политика может стимулировать инновации и способствовать совершенствованию производственных процессов [van Leeuwen, Mohnen, 2016]. Промышленный рост в краткосрочной перспективе значительно увеличивает выбросы в Бангладеш (0,010028, $p = 0,0000$) и Пакистане (0,007024, $p = 0,0000$), что свидетельствует о зависимости экономики этих стран от энергоемких секторов и слабом соблюдении экологических норм [Qamri et al., 2022]. В отличие от Индии, она имеет отрицательный краткосрочный коэффициент

$-0,010534$ ($p = 0,0000$), предположительно из-за ее растущего внимания к более чистым методам производства, энергоэффективности и возобновляемым источникам энергии, что подтверждается в анализе влияния возобновляемой энергетики на выбросы углерода и экономический рост в 15 странах [Saidi, Omri, 2020].

Либерализация торговли и выбросы CO₂

Торговля показывает умеренную положительную корреляцию с выбросами CO₂ (0,46), причем более активная торговля связана с более высокими выбросами, в основном из-за энергоемких экспортных отраслей и транспортных потребностей. Это подтверждает гипотезу «убежища для загрязнений», согласно которой свободная торговля в бедных странах со слабой экологической политикой приводит к развитию грязной промышленности [Gill et al., 2018]. Тесты на коинтеграцию подтверждают долгосрочную связь между выбросами и торговлей. Это позволяет предположить, что даже если торговля способствует экономическому росту и индустриализации, она может привести к долгосрочному разрушению окружающей среды, если не будет регулироваться [To et al., 2019]. Долгосрочные оценки ARDL показывают значительное положительное влияние торговли на выбросы (0,0524, $p = 0,0231$), что подтверждает данные исследования Лю, Чжан, Ляо [Liu, Zhang, Liao, 2021] о том, что либерализация торговли сопровождается загрязнением окружающей среды, если не будет подкреплена более чистыми технологиями и мерами для защиты окружающей среды. Торговля приводит к значительному краткосрочному увеличению выбросов в Бангладеш (0,006919, $p = 0,0000$) и Индии (0,006025, $p = 0,0000$), что свидетельствует о зависимости от энергоемких отраслей и высоких темпах роста промышленности [Raihan et al., 2022; Khan et al., 2023]. Пакистан испытывает отрицательный краткосрочный эффект ($-0,008026$, $p = 0,0000$), возможно, из-за временных торговых потрясений или большей эффективности в определенных отраслях. Однако долгосрочное воздействие торговли в Пакистане также может привести к ухудшению состояния окружающей среды, если оно не будет сбалансировано надлежащей экологической политикой.

Потребление возобновляемой энергии и выбросы CO₂

Использование возобновляемой энергии демонстрирует сильную отрицательную корреляцию с выбросами CO₂ ($-0,63$). Это указывает на то, что более высокая зависимость от возобновляемых источников энергии значительно снижает выбросы, что подтверждают данные исследования Саиди и Омри [Saidi, Omri, 2020], которые свидетельствуют об экологических преимуществах использования возобновляемой энергии. Тестирование на коинтеграцию подтверждает долгосрочную взаимосвязь между потреблением возобновляемой энергии и выбросами в Бангладеш, Индии и Пакистане – к этому выводу пришли Нгуен и Какинака, [Nguyen, Kakinaka, 2019], а также подтверждает долгосрочный потенциал возобновляемых источников энергии в области сокращения выбросов. Данные ARDL подтверждают, что возобновляемые источники энергии оказывают значительное отрицательное влияние в краткосрочной ($-0,011834$, $p = 0,0012$) и долгосрочной ($-0,023581$, $p = 0,0097$) перспективе на выбросы CO₂. Это подтверждает их роль в смягчении воздействия на окружающую среду [Shahbaz et al., 2014]. В краткосрочной перспективе возобновляемые источники энергии вносят значительный вклад в сокращение выбросов в Бангладеш ($-0,004858$, $p = 0,0000$), Индии ($-0,015344$, $p = 0,0000$) и Пакистане ($-0,015298$, $p = 0,0000$), демонстрируя раннюю выгоду от внедрения возобновляемых источников энергии. Достижения Индии особенно

примечательны в свете ее амбициозных планов в области возобновляемой энергетики [IEA, 2021], в то время как Пакистану необходимо ускорить темпы энергетических реформ для достижения более значительных долгосрочных результатов [Qamri et al., 2022].

Сельскохозяйственное и лесохозяйственное производство и выбросы CO₂

Сельскохозяйственное и лесохозяйственное производство демонстрируют отрицательную корреляцию с выбросами CO₂ ($-0,37$), то есть по мере увеличения доли сельскохозяйственного сектора в ВВП выбросы имеют тенденцию к снижению из-за его относительно низкой энергоемкости по сравнению с промышленными секторами. Кроме того, устойчивые практики, в частности агролесоводство, могут способствовать улавливанию углерода, поддерживая экологическую устойчивость [Shahbaz et al., 2014]. Тест на коинтеграцию панели Йохансена – Фишера подтверждает долгосрочную взаимосвязь между сельским хозяйством и выбросами CO₂ в Бангладеш, Индии и Пакистане. Таким образом, можно утверждать, что структурные сдвиги между сельским хозяйством и индустриализацией имеют долгосрочные экологические последствия. Хотя корреляция отрицательная, долгосрочная модель ARDL показывает значительное положительное влияние сельского хозяйства на выбросы ($0,0579$, $p = 0,0426$), возможно, из-за обезлесения, изменения землепользования и неустойчивых практик, связанных с расширением сельского хозяйства, – к таким выводам пришли исследователи Шахбаз, Соларин и Озтюрк [Shahbaz et al., 2016]. В краткосрочной перспективе сельское хозяйство увеличивает выбросы в Бангладеш ($9,11E-05$, $p = 0,0001$), что отражает текущие экологические проблемы. Напротив, Индия ($-0,015487$, $p = 0,0000$) и Пакистан ($-0,012153$, $p = 0,0000$) демонстрируют отрицательные краткосрочные эффекты, вероятно, из-за более устойчивых методов ведения сельского хозяйства и меньшей зависимости от энергоемких методов, что соответствует национальным усилиям по экологически безопасному развитию сельских районов и повышению эффективности сельского хозяйства.

Рост численности населения и выбросы CO₂

Рост численности населения также не демонстрирует положительной корреляции с выбросами CO₂ ($-0,26$), что указывает на то, что темпы роста населения Южной Азии не обязательно являются причиной увеличения выбросов. Это может быть связано с повышением энергоэффективности, более экологичным использованием энергии или успешной экологической политикой, компенсирующей негативные последствия роста населения, как предполагают Сабури, Сулейман и Мохд [Saboori, Sulaiman, Mohd, 2012]. Тесты на коинтеграцию устанавливают долгосрочную связь между ростом населения и выбросами, хотя модель ARDL указывает на статистически незначимый, но отрицательный долгосрочный эффект ($-0,0774$, $p = 0,3956$). Это означает, что рост населения косвенно влияет на выбросы с помощью воздействия на энергетический баланс и модели развития экономики. Рост населения в Бангладеш оказывает положительное и значимое краткосрочное влияние на выбросы ($0,016578$, $p = 0,0000$) из-за давления быстрой урбанизации и индустриализации. В Индии результат отрицательный, но незначимый ($-0,149625$, $p = 0,1483$). По всей видимости, некоторые политические меры и зеленые технологии отчасти препятствуют ухудшению состояния окружающей среды, вызванному ростом населения. В Пакистане рост населения оказывает значительное

отрицательное краткосрочное влияние ($-0,006666$, $p = 0,0005$), что может быть связано с минимальным потреблением энергии на душу населения и проблемами энергетических ограничений, которые сдерживают выбросы даже при росте населения.

Экспорт и выбросы CO₂

Экспорт имеет положительную корреляцию с выбросами CO₂ (0,55). Это указывает на то, что рост экспортной деятельности связан с увеличением выбросов, особенно в энергоемких секторах, таких как текстильная промышленность и производство, доминирующих в Южной Азии. Это подтверждает гипотезу «убежища для загрязнений», согласно которой экспортно ориентированный рост в развивающихся странах имеет тенденцию приводить к ухудшению состояния окружающей среды из-за ослабления экологических норм [Gill et al., 2018]. Результаты теста на коинтеграцию свидетельствуют о долгосрочной взаимосвязи между экспортом и выбросами в Бангладеш, Индии и Пакистане. Это говорит о том, что устойчивый рост экспорта имеет постоянные последствия для окружающей среды. Однако долгосрочная модель ARDL выявляет отрицательное, но статистически незначимое влияние экспорта на выбросы ($-0,0267$, $p = 0,4665$). Это позволяет предположить, что в долгосрочной перспективе более чистые технологии и энергоэффективные производственные процессы могут компенсировать выбросы, связанные с экспортом. Экспорт сокращает выбросы в Бангладеш ($-0,019516$, $p = 0,0000$) и Индии ($-0,016111$, $p = 0,0000$) в краткосрочной перспективе, что, возможно, отражает наличие более высоких стандартов устойчивости и внедрение более экологичных технологий в экспортных секторах. Сделанные выводы согласуются с результатами исследований [Shahbaz et al., 2016]. Напротив, Пакистан демонстрирует положительный и значимый краткосрочный эффект ($0,006631$, $p = 0,0000$), что указывает на продолжающуюся зависимость от ископаемого топлива и традиционных методов производства в экспортной промышленности [Qamri et al., 2022]. Результаты исследования подчеркивают необходимость усиления экологической политики и технологических инноваций в экспортных отраслях для обеспечения взаимосвязи между экономическим развитием и устойчивостью.

Заключение

В настоящем исследовании проанализирована взаимосвязь между индустриализацией, экономическим ростом, торговлей, сельским хозяйством, увеличением численности населения, потреблением возобновляемой энергии и выбросами CO₂ в Бангладеш, Индии и Пакистане в период с 1990 по 2022 г. Результаты подтверждают, что промышленное развитие и торговля являются значимыми факторами, определяющими уровень загрязнения в регионе, в соответствии с экологической кривой Кузнеця (ЭКК) и гипотезой «убежища для загрязнений». Хотя экономическое и промышленное развитие изначально приводит к увеличению выбросов CO₂, долгосрочное сокращение выбросов возможно за счет использования более чистых технологий, реформы системы управления и использования возобновляемых источников энергии. В исследовании также определены различные последствия развития сельского хозяйства и роста населения, которые не обязательно приводят к увеличению выбросов, поскольку более чистые технологии и высокая энергоэффективность могут нивелировать их влияние. В частности, возобновляемые источники энергии демонстрируют сильное и стабильное негативное влияние на выбросы в краткосрочной и долгосрочной перспективе, что подтверждает их важную роль в снижении ущерба окружающей среде.

В целях содействия устойчивому развитию правительства стран Южной Азии должны усилить законодательство в области регулирования промышленных выбросов, особенно в Пакистане и Бангладеш, и инвестировать в развитие возобновляемой энергетики, используя финансовые стимулы и инструменты. Также необходимо внедрять устойчивые сельскохозяйственные практики, проводить учитывающую экологические соображения торговую политику и поддерживать инвестиции в устойчивую городскую инфраструктуру. Региональное сотрудничество, а также гармонизация политики имеют центральное значение для решения общих экологических проблем. В будущих исследованиях необходимо сосредоточиться на анализе выбросов по секторам, более широкого круга экологических показателей, таких как утрата биоразнообразия и загрязнение воды, а также на изучении влияния технологических инноваций на устойчивость. Кроме того, анализ экологических последствий крупномасштабной урбанизации мегаполисов, таких как Дакка, Мумбаи и Карачи, предоставит полезную информацию для управления расширением городов при минимальном ущербе для экологии. Для максимального увеличения экологической выгоды во всей Южной Азии необходимо устранить экономические, правовые и технологические барьеры для использования возобновляемых источников энергии.

Список источников (References)

- Asian Development Bank (ADB) (2020) Pakistan: Country Assistance Program Evaluation. Manila: Asian Development Bank. Available at: <https://www.adb.org/documents/series/country-sector-assistance-program-evaluations> (accessed 25 August 2025).
- Baltagi B.H. (2005) *Econometric Analysis of Panel Data*. N.Y.: John Wiley & Sons. Available at: <https://doi.org/10.1007/978-3-030-53953-5> (accessed 25 August 2025). <https://dlib.scu.ac.ir/bitstream/Hannan/319920/2/9780470014561.pdf>
- Cole M.A. (2004) Trade, the pollution haven hypothesis, and the environmental Kuznets curve: Examining the linkages. *Ecological Economics*, vol. 48, no 1, pp. 71–81. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.ecolecon.2003.09.007> (accessed 25 August 2025).
- Demena B.A., Afesorgbor S.K. (2019) The effect of FDI on environmental emissions: Evidence from a meta-analysis. *Energy Policy*, vol. 138. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.enpol.2019.111192> (accessed 25 August 2025).
- Gill F., Viswanathan K.K., Zaini M., Karim A. (2018) The Critical Review of the Pollution Haven Hypothesis. *International Journal of Energy Economics and Policy*, vol. 8, no 1, pp. 167–174. Available at: <https://www.econjournals.com/index.php/ijee/article/view/5678> (accessed 25 August 2025).
- Hettige H., Mani M., Wheeler D. (2000) Industrial pollution in economic development: the environmental Kuznets curve revisited. *Journal of Development Economics*, vol. 62, no 2, pp. 445–476. Available at: [https://doi.org/10.1016/s0304-3878\(00\)00092-4](https://doi.org/10.1016/s0304-3878(00)00092-4) (accessed 25 August 2025).
- International Energy Agency (IEA) (2021) *India Energy Outlook 2021*. February, Paris. Available at: <https://www.iea.org/reports/india-energy-outlook-2021> (accessed 25 August 2025).
- Jóźwik B., Kyophilavong P., Dash A.K., Gavryshkiv A.V. (2022) Revisiting the Environmental Kuznets Curve Hypothesis in South Asian Countries: The Role of Energy Consumption and Trade Openness. *Energies*, vol. 15, no 22, p. 8709. Available at: <https://doi.org/10.3390/en15228709> (accessed 25 August 2025).
- Khan M., Rana A.T., Ghardallou W. (2023) FDI and CO2 emissions in developing countries: the role of human capital. *Natural Hazards*, vol. 117, no 1, pp. 1125–1155. Available at: <https://doi.org/10.1007/s11069-023-05949-4> (accessed 25 August 2025).
- Liu M., Zhang B., Liao X. (2021) Can Trade Liberalization Promote Green Production? Evidence from China's Manufacturing Enterprises. *Journal of Asian Economics*, vol. 79. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.asieco.2021.101369> (accessed 25 August 2025).

- Lütkepohl H. (2005) *New Introduction to Multiple Time Series Analysis*. Springer Science & Business Media. Available at: <https://doi.org/10.1007/978-3-540-27752-1> (accessed 25 August 2025).
- Maranzano P., Cerdeira Bento J.P., Manera M. (2022) The Role of Education and Income Inequality on Environmental Quality: A Panel Data Analysis of the EKC Hypothesis on OECD Countries. *Sustainability*, vol. 14, no 3, p. 1622. Available at: <https://doi.org/10.3390/su14031622> (accessed 25 August 2025).
- Mohamed E.F., Abdullah A., Jaaffar A.H., Osabohien R. (2024) Reinvestigating the EKC hypothesis: Does renewable energy in power generation reduce carbon emissions and ecological footprint? *Energy Strategy Reviews*, vol. 53. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.esr.2024.101387> (accessed 25 August 2025).
- Murshed M., Dao N.T.T. (2020) Revisiting the CO₂ emission-induced EKC hypothesis in South Asia: the role of Export Quality Improvement. *GeoJournal*, vol. 87, no 2, pp. 535–563. Available at: <https://doi.org/10.1007/s10708-020-10270-9> (accessed 25 August 2025).
- Narayan P.K. (2005) The saving and investment nexus for China: Evidence from cointegration tests. *Applied Economics*, vol. 37, no 17, pp. 1979–1990. Available at: <https://doi.org/10.1080/00036840500278103> (accessed 25 August 2025).
- Nguyen K.H., Kakinaka M. (2019) Renewable energy consumption, carbon emissions, and development stages: Some evidence from panel cointegration analysis. *Renewable Energy*, vol. 132, pp. 1049–1057. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.renene.2018.08.069> (accessed 25 August 2025).
- Pesaran M.H., Shin Y., Smith R.P. (1999) Pooled Mean Group Estimation of Dynamic Heterogeneous Panels. *Journal of the American Statistical Association*, vol. 94, no 446, pp. 621–634. Available at: <https://doi.org/10.2307/2670182> (accessed 25 August 2025).
- Pesaran M.H., Shin Y., Smith R.J. (2001) Bounds Testing Approaches to the Analysis of Level Relationships. *Journal of Applied Econometrics*, vol. 16, no 3, pp. 289–326. Available at: <https://www.jstor.org/stable/2678547> (accessed 25 August 2025).
- Qamri G.M., Sheng B., Adeel-Farooq R.M., Alam G.M. (2022) The criticality of FDI in Environmental Degradation through financial development and economic growth: Implications for promoting the green sector. *Resources Policy*, vol. 78. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.resourpol.2022.102765> (accessed 25 August 2025).
- Raihan A., Muhtasim D.A., Farhana S., Hasan M.A.U., Pavel M.I., Faruk O., Rahman M., Mahmood A. (2022) Nexus between economic growth, energy use, urbanization, agricultural productivity, and carbon dioxide emissions: new insights from Bangladesh. *Energy Nexus*, vol. 8. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.nexus.2022.100144> (accessed 25 August 2025).
- Saboori B., Sulaiman J., Mohd S. (2012) Economic growth and CO₂ emissions in Malaysia: A cointegration analysis of the Environmental Kuznets Curve. *Energy Policy*, vol. 51, pp. 184–191. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.enpol.2012.08.065> (accessed 25 August 2025).
- Saidi K., Omri A. (2020) The impact of renewable energy on carbon emissions and economic growth in 15 major renewable energy-consuming countries. *Environmental Research*, vol. 186. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.envres.2020.109567> (accessed 25 August 2025).
- Shahbaz M., Salah Uddin G., Ur Rehman I., Imran K. (2014) Industrialization, electricity consumption and CO₂ emissions in Bangladesh. *Renewable and Sustainable Energy Reviews*, vol. 31, pp. 575–586. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.rser.2013.12.028> (accessed 25 August 2025).
- Shahbaz M., Solarin S.A., Ozturk I. (2016) Environmental Kuznets curve hypothesis and the role of globalization in selected African countries. *Ecological Indicators*, vol. 67, pp. 623–636. Available at: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S1470160X16301285> (accessed 25 August 2025).
- Stern D.I. (2004) The rise and fall of the Environmental Kuznets Curve. *World Development*, vol. 32, no 8, pp. 1419–1439. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2004.03.004> (accessed 25 August 2025).
- To A.H., Ha D.T.-T., Nguyen H.M., Vo D.H. (2019) The Impact of Foreign Direct Investment on Environmental Degradation: Evidence from Emerging Markets in Asia. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, vol. 16, no 9, p. 1636. Available at: <https://doi.org/10.3390/ijerph16091636> (accessed 25 August 2025).

Twum F.A., Long X., Salman M., Mensah C.N., Kankam W.A., Tachie A.K. (2021) The influence of technological innovation and human capital on environmental efficiency among different regions in Asia-Pacific. *Environmental Science and Pollution Research*, vol. 28, no 14, pp. 17119–17131. Available at: <https://doi.org/10.1007/s11356-020-12130-y> (accessed 25 August 2025).

United Nations Framework Convention on Climate Change (UNFCCC) (2015) *Paris Agreement*. Available at: https://unfccc.int/sites/default/files/resource/parisagreement_publication.pdf (accessed 25 August 2025).

van Leeuwen G., Mohnen P. (2016) Revisiting the Porter hypothesis: an empirical analysis of green innovation for the Netherlands. *Economics of Innovation and New Technology*, vol. 26, no 1–2, pp. 63–77. Available at: <https://doi.org/10.1080/10438599.2016.1202521> (accessed 25 August 2025).

World Bank (2021) *South Asia Economic Focus: Shifting Gears — Digitization and Services-Led Development*. Available at: <https://www.worldbank.org/en/region/sar/publication/shifting-gears-south-asia-economic-focus-fall-2021> (accessed 25 August 2025).

Economic Growth and Environmental Sustainability: Empirical Investigation of Bangladesh, India, and Pakistan

Imran Ali, Olatunbosun Onaopemipo Olalekan, Ajibu Jonas

Imran Ali – Master Student at Faculty of Management, HSE University (Nizhny Novgorod), Russia; imranalieco@gmail.com

Olatunbosun Onaopemipo Olalekan – Master Student at Faculty of Management, HSE University (Nizhny Novgorod), Russia; olalekanolatunbosun001@gmail.com

Ajibu Jonas – PhD Student, Faculty of Economics, Universitas Islam International Indonesia; 9 Raya Bogor Street, Depok, West Java, Indonesia; ajibu.jonas@uiii.ac.id

Abstract

This paper examines the long-term and short-term relationships between economic growth, trade, industrialization, renewable energy consumption, and environmental degradation (CO₂ emissions) in Bangladesh, India, and Pakistan from 1990 to 2022 using a panel autoregressive distributed lag (ARDL) approach. The study employs correlation analysis, panel cointegration tests, and pooled ARDL to capture the dynamic interactions among variables. The results indicate a positive long-term relationship between GDP growth and CO₂ emissions, supporting the Environmental Kuznets Curve (EKC) hypothesis. Trade and industrial growth also have a significant positive impact on emissions in the long run. Conversely, renewable energy consumption consistently shows a negative relationship with CO₂ emissions in both the short and long term, highlighting its importance in reducing environmental degradation. The agriculture sector displays a mixed impact, contributing to emissions primarily through land-use changes. The error correction term from the panel ARDL model is statistically significant, confirming long-run equilibrium relationships. The study finds robust evidence of cointegration among the variables, suggesting that the countries are on a convergent path in terms of balancing economic growth and environmental sustainability. Policy recommendations include the enforcement of stricter environmental regulations, promotion of renewable energy, and sustainable trade practices to mitigate environmental harm while fostering economic growth.

Keywords: panel ARDL, cointegration, economic growth, CO₂ emissions, trade, Industrialization

For citation: Ali I., Olalekan O.O., Jonas A. (2025) Economic Growth and Environmental Sustainability: Empirical Investigation of Bangladesh, India, and Pakistan. *International Organisations Research Journal*, vol. 20, no 3, pp. 147–170 (In English). doi:10.17323/1996-7845-2025-03-08

Релокация 2022–2023 как фактор мировой политики: понятие, оценки, цифры¹

Е.Г. Пономарева, Е.С. Арляпова

Пономарева Елена Георгиевна – доктор политических наук, профессор Московского государственного института международных отношений (Университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации (МГИМО МИД России); Россия, 119454, Москва, проспект Вернадского, д. 76; nastya304@mail.ru

Арляпова Елена Сергеевна – кандидат политических наук, научный сотрудник Института системно-стратегического анализа (ИСАН); Россия, 111398, Москва, ул. Кусковская, д. 16; elena.s.arlyarova@gmail.com

Аннотация

Отличительная черта современных международных отношений – постоянное движение не только капитала, товаров и услуг, но и человеческих ресурсов, что подчеркивает новый транснациональный характер мировой политики. В статье анализируются процессы перемещения заметного числа россиян в другие страны после вступления в острую фазу конфликта между Россией и Украиной. Цели работы – осмысление феномена релокации россиян, причин и хода «новой волны» перемещений; сложностей интеграции и адаптации в принимающих странах; уточнение цифр. Методологическая основа анализа – концепция «push/pull» (выталкивания – притяжения) Эверетта Ли, позволяющая выявить детерминирующие перемещения факторы, причины и условия, побуждающие к перемене мест. Исследование базируется на открытых статистических данных, результатах опросов, материалах аналитических структур и СМИ. В статье проведен анализ пространственной картины релокаций, определенной в значительной степени принимающей стороны. Сравнительный срез данных разных источников выявил существующий диссонанс между фактическими количественными показателями, местами промежуточной и конечной релокации и сложившимися представлениями о них. Особый интерес представляет социологический портрет российских релокантов. Главный вывод исследования: релокация россиян в 2022–2023 гг. стала заметным явлением социально-экономической и общественной жизни как внутри России, так и за ее пределами. Решение об отъезде в каждом конкретном случае формировалось индивидуально, но в случае 2022 г. оно в значительной степени было определено «push/pull»-комплексом: «выталкивающие» и «притягивающие» факторы оказались настолько сильны, что издержки в достижении места назначения часто не учитывались. В 2023–2024 гг. часть релокантов продолжила движение, поменяв его траекторию, а с ней и первичную страну релокации. Значительная часть вернулась в Россию. С течением времени вероятность возвращения остающихся за пределами страны в экономическое и политико-правовое поле России снижается, однако их успешная интеграция в странах-реципиентах способна дать новый импульс развитию политических и социально-экономических отношений между народами и государствами.

Ключевые слова: релокация, релоканты, человеческий капитал, международные отношения, мировая политика, мобилизация, демография

¹ Статья поступила в редакцию 09.08.2024.

Для цитирования: Пономарева Е.Г., Арляпова Е.С. Релокация 2022–2023 как фактор мировой политики: понятие, оценки, цифры // Вестник международных организаций. 2025. Т. 20. № 3. С. 171–192 (на русском и английском языках). doi:10.17323/1996-7845-2025-03-09

Введение

Международная повестка, глобальные тренды в мировой политике и экономике, а также их региональные политические и экономические отголоски всегда играют значительную роль в массовых перемещениях людей. Собственно, само переселение больших масс людей часто бывает прямым следствием этих процессов. Напряженность между странами, военные конфликты, экономические кризисы, политическая неопределенность и еще десятки причин подобной природы – каскад тревожных событий, меняющих жизненные траектории, – порождают стремление к переезду или релокации. Текущая турбулентность мировой политики во многом определяет направления миграционных потоков и для индивидуумов, и для организаций. Бизнес достаточно давно и довольно легко меняет дислокацию в зависимости от изменений в международных альянсах и торговых соглашениях, стремясь развиваться в устойчивых системах со стабильными дипломатическими и социокультурными связями, благоприятными условиями для производства и торговли. Например, масштабное исследование международной миграции основателей компаний-единорогов² показало, что из 3190 рассмотренных основателей 979 (30,7%) мигрировали и создали стартап в другой стране. Этот факт «свидетельствует о высокой мобильности таких предпринимателей, которая почти в 9 раз превышает общий уровень миграции населения, трехкратно – аналогичный показатель среди изобретателей, и сопоставима с интенсивностью перемещений одной из самых мобильных групп талантов – нобелевских лауреатов» [Kutsenko, Tyurchev, Ostashchenko, 2022, p. 12].

Похожие идеи – поиск комфортного и перспективного для реализации своих идей и желаний места – часто лежат в основе индивидуальных решений о смене страны проживания. Заметное их усиление происходит, когда «устоявшаяся повседневная жизнь, казавшаяся понятной и комфортной, резко сменяется турбулентной социальной реальностью, склонной подбрасывать сюрпризы каждый день» [Rudenkin, 2023, p. 16]. Осознание невозможности продолжения прежней жизни (в России или в любой иной стране) становится мощным стимулом для поиска нового дома. Показательны в этом смысле материалы XIII Международной Грушинской социологической конференции. В частности, ученые выделили такие тренды индивидуализации и рационализации выбора, как «подвижная идентичность», в том числе в ответ на геополитические и культурные изменения», и «вариативность жизненных сценариев, стратегий и карьерных маршрутов». В 2023 г. разрыв в выборе между интересами общества и личности в молодежной среде и остальных группах населения достиг максимума: 70% молодежи на первое место ставят личные интересы [Sedova, Yakimova, 2023, pp. 62–63]. Эти цифры во многом объясняют релокационную активность молодых россиян как реакцию на углубление социокультурных и геополитических противоречий.

² Единороги (*unicorns*) – компании, достигшие оценки в 1 млрд долл. в течение десяти лет с момента основания, не менее чем на три четверти остались в собственности основателей и не проходили процедуру первичного размещения на бирже (ИПО).

Еще в 1966 г. автор комплексной теории миграции «push/pull» Э. Ли выделил четыре базовых фактора, совокупность которых приводит к пространственной мобильности. Это: (1) факторы «выталкивания», связанные с местом происхождения/пребывания; (2) факторы «притяжения», определенные местом назначения; (3) промежуточные препятствия в достижении места назначения; (4) личные факторы. Миграция в любой области является конечным результатом взаимодействия этих факторов [Lee, 1966]. В свою очередь, соотношение «толкающих» («push») и «притягивающих» («pull») факторов, а также сложность препятствий между местом происхождения и местом назначения, дополненные личными возможностями и амбициями, определяют объем миграции [Singh, 2023].

«Выталкивание» больших масс людей определено, прежде всего, серьезными политическими и социальными потрясениями (этноконфессиональными конфликтами, диктатурами, войнами), экономическими кризисами, стихийными бедствиями (землетрясениями, наводнениями и т.п.). В спокойные времена выталкивающей силой индивидуальной миграции может служить желание поиска лучших условий для жизни и карьеры, семейные изменения и т.п. «Притяжение» есть совокупность привлекательных (реальных либо кажущихся, ожидаемых) условий жизни в других местах. «Промежуточные препятствия» означают не столько направление перемещения, сколько способ и легкость попадания в другую страну, наличие достоверной информации о новом месте жительства, финансовые и языковые возможности.

К личностным факторам относятся религия, уровень образования и дохода, состояние здоровья, возраст, ценностные установки, личное восприятие чужой страны и т.д. Эверетт Ли полагал, что именно личностные факторы определяют способность человека мигрировать. Как правило, не только «смелость города берёт», вспомним А.В. Суворова, но и молодость. Мигрируют преимущественно молодые люди: релокационная волна 2022 г. подтвердила этот тезис. В свою очередь, уровень дохода определяет дистанцию и направление миграции.

Вариативность возможностей, ценностных ориентаций и жизненных стратегий хорошо заметна при сравнительном межстрановом анализе релокационных предпочтений. Далее наступает следующий этап – адаптация и интеграция миграционных групп, их оформление/неоформление в разного рода сообщества в принимающих странах и уже обратное влияние на местный, а иногда и глобальный политический и экономический процесс. По данной схеме развивается переселение российских граждан в различные государства мира после перехода украинского кризиса в горячую фазу в начале 2022 г. Процессы релокации, без преувеличения, оказали значительное, а иногда принципиальное влияние на ряд вовлеченных стран. Например, только за девять месяцев 2022 г. (с марта по ноябрь) армянский драм укрепился к доллару более чем на 22%, став лидером роста среди мировых валют. Грузинский лари и таджикский сомони окрепли более чем на 16 и 10% соответственно [Bloomberg, 2022.]. Национальные валюты Грузии, Армении и Таджикистана вошли в топ-3 по росту именно из-за притока в эти страны россиян. По данным Национального банка Грузии, объем поступивших в страну из России в 2022 г. денежных переводов увеличился в 5 раз, составив более 60% всех переводов и превысив 1,75 млрд долл. Денежные перечисления в Армению за первые десять месяцев 2022 г. составили 2,8 млрд долл., что почти в 4 раза больше по сравнению с аналогичным периодом 2021 г. В Таджикистане в первом полугодии 2022 г. поток банковских переводов увеличился не менее чем на 50% [Chernyshova, 2022]. На заседании Высшего Евразийского экономического совета 25 мая 2023 г. президент России В.В. Путин отметил «очень серьезную цифру» – 12,1% роста ВВП Армении [Putin, 2023]. Прямых причин «армянского чуда» он не назвал. Ранее это сделал министр эко-

номики Армении В. Керобян. По его словам, из общего прироста армянской экономики в 12,6% «релокация создала более 3 процентных пунктов», а возможно, и больше: к концу 2022 г. в Армении были зарегистрированы 2,5 тыс. юрлиц с российскими участниками и еще 4 тыс. ИП [Pashkova, 2023].

В Грузии с февраля 2022 г. россияне зарегистрировали 1550 предприятий, а 25 689 соотечественников создали ИП [Dvali, 2023]. Аналогичную динамику показал Казахстан, где с 2022 по 2023 г. число компаний с российским капиталом увеличилось на 70% и составило 18 тыс. [Taigov, 2023], было зарегистрировано 23 670 юридических лиц [Zhandos, 2024]. И это лишь некоторые примеры. Конечно, не менее, а возможно даже более существенное влияние на экономический рост ряда постсоветских республик после начала СВО оказали антироссийские санкции, реакцией на которые стал так называемый параллельный импорт и иные обходные схемы. Не случайно в ноябре 2022 г. в список стран с высоким уровнем риска реэкспорта товаров в Россию Бюро промышленности и безопасности Министерства торговли США вошли, помимо прочих, Армения, Грузия и Казахстан [Panova, 2023, p. 272]. По мере снижения панических настроений у российских релокантов и изменения траекторий миграции финансовые потоки стали оскудевать, но факт роста экономик стран, выбранных значительной частью граждан России как место транзита, долгосрочного пребывания или в качестве бизнес-посредника, до сих пор не ставится под сомнение [Business Media, 2024].

Информационно-статистические баталии вокруг «сколько и куда»

Количественные показатели уехавших из страны россиян за 2022–2023 гг. – наиболее дискуссионная тема, от которой во многом самоустранились ведомства, непосредственно задействованные в учетной работе. Затруднения объективно есть: не все имеющие гражданство Российской Федерации сообщают о целях поездки, ограничиваясь дежурными «туризмом» и «бизнесом»; не все сообщают о получении ВНЖ, гражданства и т.п., не нарушая при этом требований российского законодательства (оно дает возможность сообщить об этом по возвращении); не все снимаются с регистрационного учета и т.д. Далее, эти неполные сведения передаются из одного ведомства в другое, формируется итоговая картина, не соответствующая реальному положению дел. Как верно в свое время, правда, совсем по другому поводу, заметил С.Г. Кордонский, «в реальности все не так, как на самом деле» [Kordonskiy, 2021, p. 49]. Но даже с оценкой данных Росстата как заниженных, демографы уверенно говорят о новой волне миграционного оттока как о тренде [Saitova, 2023] – впервые со времен разрушения СССР.

Естественно, перемещение больших людских потоков привлекает внимание ученых и представителей разных ведомств в России и за рубежом. Однако отсутствие эффективного обмена информацией усложняет объективный анализ и порождает попытки посчитать релокантов за рубежом альтернативным путем: не как покидающих пределы, а как прибывающих в ту или иную страну. Эти попытки сталкиваются с теми же, в принципе, трудностями, что и регистрирующие убытие российские структуры. Не все прибывшие остаются в первой принимающей стране, иногда продолжая свой путь еще через несколько государств до конечного пункта назначения; не все могут закрепиться в конечной точке и часто возвращаются в одну из ранее «транзитных» стран или на родину; не все встают на учет в новой стране проживания; далеко не у

всех изменения статуса хронологически привязаны к перемещению и может быть таким образом (а это основа подсчетов) отслежено и т.д. И тем не менее сводный объем данных одной и другой стороны – это все, чем на сегодняшний день располагают исследователи. Будем опираться на него, избегая, по возможности, присущих сторонам крайностей: преуменьшения – с российской и преувеличения – с противоположной.

Итак, за первый год масштабных военных действий из России уехали от 0,5 до 1 млн человек. Росстат показал убытие за пределы России 668 430 человек, из них 583 607 – в страны СНГ, 84 823 – в другие зарубежные страны [Rosstat, 2022]. Для сравнения, число выбывших в тех же категориях за 2021 г. 210 345 и 27 675 соответственно, за 2020 г. – 417 059 и 70 613 [Rosstat, 2022]. С цифрами Росстата диссонируют другие показатели: данные пограничных служб принимающих либо транзитных государств; открытая информация консульских и миграционных структур; сведения от авиаперевозчиков, операторов связи разных стран и т.д. – об этом много писали в СМИ. В конце концов, сами демографы характеризуют их как заниженные [Saitova, 2023]. Но главное, в формировании социального климата большое значение имеют субъективные ощущения и эмоциональные оценки, которые часто возникают как реакция на ажиотаж (например, спрос на билеты весной и осенью 2022-го, а затем летом 2023-го); на «картинку» в СМИ о коллапсе на пропускных пунктах и т.п.

Эти ощущения во многом лежат в основе отрицания того «статистического обличья» фактов, которое идет вразрез с мнением наблюдателей, уже составивших свое представление о тех же событиях и их масштабах по увиденному собственными глазами – будь то на видеохостингах, на сайтах авиакомпаний, местных агентств недвижимости, кадровых агентств. И тем не менее ощущения всегда субъективны. Бывает, что их формированию способствует некорректно поданная информация или ее интерпретация, иногда даже просто терминологическая путаница. К тому же не стоит забывать, что в условиях жесткого противостояния по линии «Россия – коллективный Запад» любая информация может использоваться и используется как психологическое оружие.

Например, в конце 2022 г. СМИ, со ссылкой на и.о. председателя Комитета миграционной службы МВД Казахстана А. Аталыкова, широко растиражировали данные о 2,9 млн (!) «иммигрантов из России» [Esquire, 2022]. Действительно, в годовом видеоотчете по миграционной ситуации в стране это прозвучало именно так: «На первом месте иммигранты из Российской Федерации – 2 900 000» [Shulyga, 2022]. Однако даже при беглом знакомстве с материалом становится совершенно очевидным, что речь идет об общем количестве въехавших в Казахстан россиян: приводятся данные турпотока на протяжении года с возрастанием в летние месяцы и, конечно, ростом в сентябре 2022 г. среднесуточного притока россиян до 30 тыс. человек [Esquire, 2022]. Кроме того, в итоговый текст перепечатавших материал СМИ вошла информация об общем количестве въехавших в Казахстан иностранцев – 5 млн 610 тыс., но не вошла – о выехавших из него в том же году почти 6 млн. Был подчеркнут рост по отношению к 2020–2021 пандемийным годам, когда в среднем в страну въезжало по 2,5 млн иностранцев, но не показано снижение по сравнению с допандемийным 2019-м – с 7 млн человек.

Наконец, в печатных версиях не приведены ответы на конкретные вопросы в связи с сентябрьскими событиями и количеством пересекавших границу россиян, а в первоначальном материале они есть: в сентябре 2022 г. в Казахстан въехали 406 тыс. человек с российским гражданством, при этом основная часть – после 21 сентября. К концу года 205 тыс. из них выехали в другие страны, а именно: в Узбекистан – 47 тыс.,

в Кыргызстан – 46 тыс., в Турцию – 37 тыс., в ОАЭ – 19 тыс. Въехавшими в Казахстан в этот период россиянами было подано 3 578 заявок на постоянное проживание и 965 на гражданство. Всего на момент выхода видеосообщения из оставшихся в Казахстане 146 тыс. россиян (въехавших после 21 сентября 2022 г.) 36 тыс. получили разрешение на временное проживание [Shulyga, 2022]. Мы привели казахстанский кейс с двумя целями. Во-первых, проиллюстрировать процесс и масштаб искажений. Во-вторых, представить уже с фактурой казахстанское направление как частный случай целого веера других маршрутов для россиян – тоже из «ближнего зарубежья». Но об этом чуть позже, а пока остаемся в контексте количественных показателей и продолжающихся по этому вопросу дискуссий.

Применительно к 2022 г. говорят о двух волнах (хотя корректнее – о всплесках): в первые дни-недели после 24 февраля и в первые часы-дни после объявления о «частичной мобилизации» 21 сентября. Первая, по данным западных СМИ, насчитывала порядка 300 тыс. человек, вторая – от 500 тыс. до 1 млн [The Economist, 2023]. В принципе, публикация британского издания стала если не стартовой – до нее уже проводились подсчеты, то отправной для целого ряда других – от нее отталкивается и на нее ссылается большинство последующих работ журналистов и исследователей. В российском сегменте в таком качестве выступило издание Forbes, написавшее, что «за две недели после объявления частичной мобилизации Россию покинули примерно 700 тыс. человек» [Tofanyuk, Sapronova, 2022]. Официальные лица в Кремле назвали сообщение «уткой» [Nehoroshkin, Voroshilov, 2022].

ВЦИОМ определил эти оценки как «самые высокие верхние», в свою очередь дав диапазон в 500–800 тыс. человек как наиболее реалистичный к июлю 2023 г. [Moscow speaking, 2023]. Особых разногласий нет и в определении «волн» (или групп) уехавших. Российская сторона лишь добавила к ним еще одну – в лице работавших в иностранных компаниях местных специалистов (преимущественно в ИТ-сфере) и переместившихся вслед за работодателем за пределы России. Наибольшую же ценность, на наш взгляд, представляет наблюдение отечественных экспертов о масштабной (20 млн человек, [Galimova, Sirotkin, 2023]) «внутренней эмиграции» в российском социуме. Думается, предстоит серьезное исследование этого явления, без которого восстановительный период может затянуться на десятилетия. С 2018 г., по словам главы ВЦИОМ В. Федорова, «страна находится в сложном социально-психологическом состоянии. Выросло девиантное поведение, снизилось деторождение. Людям приходится прилагать больше усилий, чтобы сохранить контроль над своей жизнью» [Galimova, Sirotkin, 2023]. Российский социум переживает труднейший период, и релокация – одно из решений для выхода из этого кризиса для отдельных индивидов, семей и социально-экономических и социально-политических групп.

Много мифов и относительно мест промежуточной и конечной релокации. Главными принимающими странами на относительно длинной дистанции в 2022–2023 гг. стали Казахстан, Сербия, Армения. Промежуточно или ситуационно в топ стран-реципиентов входили Грузия, Узбекистан, Кыргызстан и даже Монголия. В июле 2024 г. новостное издание The Bell³ представило результаты исследования самых востребованных маршрутов релокации россиян. Сводная таблица по данным этого издания выглядит следующим образом.

³ 1 апреля 2022 г. Минюст России внес издателя The Bell Е. Осетинскую и главного редактора издания И. Малкову в реестр СМИ – иностранных агентов. 9 декабря 2022 г. само издание было внесено в единый реестр иностранных агентов. С февраля 2023 г. ограничен доступ к новостному сайту.

Таблица 1. Популярные направления релокации россиян в 2022–2023 гг.

Страна-реципиент	Количество релокантов из России
Армения	110 000
Казахстан	80 000
Израиль	80 000
Грузия	73 562
США	48 033
Германия	36 094
Сербия	30 000
Турция	28 038
Южная Корея	19 805
Испания	16 441
Великобритания	15 574
Кыргызстан	12 582
Нидерланды	12 384
Канада	11 730
Аргентина	11 064
Всего	585 307

Источник: [Kasyanchuk, 2024].

Стоит учесть, что при большом охвате (обращения издания были отправлены в миграционные и статистические ведомства почти 70 стран) не все страны ответили на запросы агентства. Так, журналисты указали, что не получили ответа из Таиланда, Индонезии, Греции и Азербайджана. А Кипр, например, указал, что не ведет учет переехавших на остров россиян.

Интересна ситуация с Португалией. Согласно исследованию брокера недвижимости Savills, в 2022 г. Лиссабон возглавил рейтинг 15 самых привлекательных городов для топ-менеджеров и сотрудников компаний, работающих удаленно [Shepherd, 2022]. Соотечественники, попадающие в эту категорию, обустройство в стране начали задолго до СВО. А вот одним из направлений-лидеров для российских релокантов Португалия не стала. Плюсы в общем лояльной миграционной политики нивелируются множеством сложностей, с которыми сталкиваются приезжающие. Прежде всего это нюансы работы госорганов, разного рода ведомств и банков [Selizarova, 2022]. В 2022 г. Португалия приняла рекордное количество иммигрантов – почти 121 тыс., что в 4 раза превышало показатель 2014 г. [The Portugal News, 2023]. Первое место среди мигрантов занимают бразильцы, жители португалоговорящих стран Африки и Азии, затем следуют выходцы из Афганистана. В иммиграционном отчете за 2022 г. говорится о 6 075 проживающих в стране россиянах [Lopes, Machado, 2023]. Скорее всего, эти показатели касаются не столько въехавших после февраля 2022 г., сколько уже проживавших в стране. Такой вывод позволяют сделать данные Агентства по интеграции, миграции и убежищу, согласно которым количество россиян, находившихся в Португалии в 2023 г., составило 10 901 чел. [Lopes, Machado, 2024, p. 37]. Таким образом, прирост составил 4826 чело-

век. В данном случае не столь важно, есть ли среди прибывших люди с португальским паспортом или нет – количество в несколько тысяч развеивает легенду о современной Лузитании как месте дислокации крупной российской диаспоры.

В продолжение темы европейского вектора релокации интересной видится статистика (табл. 2) пересечения россиянами сухопутных границ с Европой с начала СВО и до 9 октября 2022 г. По данным Пограничной службы ФСБ России, большинство прибывающих имели вид на жительство в странах ЕС или шенгенскую визу, некоторые – второе гражданство.

Таблица 2. Количество россиян, пересекавших европейские сухопутные границы в период с 24 февраля по 9 октября 2022 г., тыс. человек

Страна	Выехали из России, тыс. человек	Въехали в Россию, тыс. человек
Латвия	67,07	67,10
Литва	363,85	322,62
Норвегия	13,64	11,53
Польша	67,68	100,07
Финляндия	513,36	474,54
Эстония	353,53	366,02
Всего	1 379 135	1 341 878

Источник: [Kommersant, 2022].

То есть после рубежной даты 9 октября 2022 г. из общего числа выехавших в указанные страны россиян не вернулись в обратном направлении 37 257 человек. Цифра серьезная, учитывая, что в Европу едут довольно обеспеченные и образованные люди.

Из кластера азиатских маршрутов коснемся только не ответившего на запрос и не охваченного исследованием Таиланда, который наряду с Турцией входит в пятерку любимых мест отдыха россиян. В годовщину конфликта на Украине СМИ писали о 233 тыс. россиян, приземлившихся в аэропорту Пхукета за период с 1 ноября 2022 г. по 21 января 2023 г. [Duangdee, 2023], назвав их самой большой группой иностранцев в стране в этот период и связав это напрямую с текущим конфликтом. Позже, летом 2023 г., многие медиа дали вместе два события: рост туристического потока из России на 1000% по отношению к 2022 г. и увеличение продаж недвижимости в стране – на 82% по отношению к 2021 г. [Mamikonyan, 2023].

Но, во-первых, ключевое слово здесь «туристический»: речь идет о туристах, а не о релокантах, даже если они остаются в стране на относительно долгий срок – от 3–6 месяцев до года. К слову, «зимовка» в Таиланде семьями – давно оформившийся тренд у обеспеченных россиян: согласно данным МТС Travel и МТС Исследования, каждый десятый житель России, который на холодное время года выбирается в теплые края, едет в эту страну; зимой 2022–2023 гг. это сделали 24% соотечественников, выезжавших за границу [News Tracker, 2023].

Второе – 1000%, или 791 574 человека за первое полугодие 2023 г.: всего за год страна приняла 1 млн 480 тыс. туристов из России, что действительно намного больше, чем в предыдущий – 435 тыс. человек [Gorin, 2024] (и рост определенно скачкообразный), но лишь на 10 тыс. больше, чем в доковидном 2019-м (1 млн 470 тыс. россиян). Можно

сместить фокус и посмотреть еще шире. Всего Таиланд ожидал принять 25 млн иностранных туристов в 2023 г., а в итоге его посетили 28 млн человек из разных стран. Среди них первое место по числу туристов заняла Малайзия (4,56 млн), второе – Китай (3,5 млн), третье – Южная Корея (1,65 млн), четвертое – Индия (1,61 млн) и пятое – Россия (1,48 млн) [Gorin, 2024].

И наконец, тайская недвижимость и рост ее продаж в 2023 г. на 82% по отношению к 2021 г., причем в половине сделок покупателями стали российские граждане. Здесь достаточно взглянуть на числовое выражение процентов – это всего 338 вилл [Mamikonyan, 2023]. Выходит, россияне приобрели 169 из них, что в общих масштабах (и демографических, и релокационных) роли не играет. На фоне тайского кейса показатели продаж недвижимости в Турции выглядят, действительно, феноменальными. Индекс жилья в Турции в период с 2010 по 2024 г. составлял в среднем 211,59 пункта, достигнув рекордного максимума в 1273,50 пункта в мае 2024 г. [Trading Economics, 2024]. Конечно, не только россияне способствовали такому росту, но их доля, без сомнения, была велика: с 2022 по 2024 г. соотечественники покупали турецкую недвижимость чаще, чем другие иностранцы. В 2022 г. граждане России приобрели в Турции 16 312 объектов и стали крупнейшими покупателями жилья. Этот показатель был на 203% больше, чем в 2021 г., и составлял почти четверть всех продаж приростом. На втором и третьем местах по количеству приобретенного жилья в 2022 г. шли граждане Ирана (8 223) и Ирака (6 241) [Bilgic, 2023]. Основная причина увеличения спроса на недвижимость – возможность получения ВНЖ или гражданства Турции. Самый высокий годовой прирост стоимости жилья отмечен в Анталии, Стамбуле и Мерсине [Endeksa, 2022].

Из пятерки самых популярных теперь туристических направлений россиян именно Таиланд ближе всего по значениям к Турции, которая лидирует с огромным отрывом. Для сравнения, в год, когда Таиланд принял почти 1,5 млн туристов из России, Турция приняла свыше 6 млн [Interfax, 2024]. Эти значения пока недостижимы для других стран из топ-5 (в порядке убывания): ОАЭ, где локомотивом выступает Дубай, Египта и Шри-Ланки [Markelov, 2023].

Сложно сказать, способствует ли туристическая популярность страны выбору ее в качестве места релокации. Если смотреть на неевропейский кластер государств, то, казалось бы, да. Лидирующая с большим отрывом Турция – единственная страна, попавшая в список выбранных для этой цели направлений. С другой стороны, Германия – страна номер один в Европе в качестве страны проживания россиян (именно держателей российских паспортов, а не просто выходцев из России) [Statista, 2024a] и их релокации в ЕС в 2022–2023 гг. – со времени пандемии теряла туристический поток из России: в 2019 г. это было свыше 2 млн ночевков, в 2020 г. – 530 тыс., в 2021 г. – чуть меньше 268 тыс. [Zukov, 2022]. Тем не менее, даже с необходимостью получения въездных виз, Германия обгоняет безвизовую Турцию по релокационной привлекательности. Аналогичная история с США, опережающими и Турцию, и, например, Сербию более чем на треть по числу релокантов из России.

Таким образом, для российских переезжающих некоторые из «недружественных» в формулировке МИД России стран оказываются более притягательными, чем официально «дружественные». В то же время видим, что Росстат и, со ссылкой на него, немецкая Statista показывают в данных за 2023 г. следующие эмиграционные потоки россиян: Таджикистан – 89,5 тыс., Украина – 80,5 тыс., Кыргызстан – 49,2 тыс., Узбекистан – 40,9 тыс. [Statista, 2024b]. Далее в порядке убывания: Армения, Казахстан, Азербайджан, Молдова, Беларусь, Туркменистан и только потом Индия – первая из стран «дальнего зарубежья», Китай, Вьетнам, Грузия, Германия. Налицо тотальное не-

соответствие картин релокационных направлений россиян 2022–2023 гг. И оно, конечно, требует объяснения. Как и собственно российский географический веер направлений уезжающих.

Начнем с последнего. Рискнем предположить, что Душанбе, Киев, Бишкек и Ташкент на деле приняли в указанном количестве собственных граждан, одновременно являющихся гражданами России и держателями российских паспортов – бипатридов. Таким гражданам (двух и более государств, одно из которых – Россия) МИД предписывает пересекать границу при въезде и выезде из страны по российскому загранпаспорту [The Russian Embassy, 2024]. По идее, они должны соответствующим образом отражаться и в пограничном учете, и в последующей миграционной статистике. Но нарушение предписания – административное правонарушение с относительно небольшим (от 2 до 5 тыс. руб.) штрафом, поэтому исключать такую возможность нельзя.

Продолжим пример с гражданами России – Таджикистана. За первый квартал 2023 г. они составили большую часть из 106 тыс. получивших российское гражданство иностранцев [Interfax, 2023]. С января по июнь 2023 г. – 87 тыс. [Radio Azzatyk, 2023] с трендом на снижение. Выехали в 2023 г. из России в Таджикистан 89 550 человек, из них 69 620 не проживали по предыдущему месту жительства с рождения, а 50 941 человек из них проживал по предыдущему месту жительства (в России) год и меньше года, еще 11 862 – 2–4 года и только 3448 человек – 10 и более лет [Rosstat, 2023]. Проживавшие по предыдущему месту жительства в России с рождения и убывшие в Таджикистан в 2023 г. 18 584 человека – скорее всего, родившиеся в России дети. Похожая ситуация сложилась с Киргизией и Узбекистаном, более сложная и в настоящее время практически не верифицируемая – с Украиной.

Теперь о несоответствии российских и нероссийских данных и выводов по маршрутам и численности. Данные Росстата за 2023 г. наталкивали на многократно звучавшую у аналитиков мысль о том, что стремившиеся в государства дальнего зарубежья релоканты и имевшие достаточные для осуществления этого стремления ресурсы (не только финансовые, но и другие – способности к трудоустройству, адаптации, языковой интеграции и проч.) к этому моменту реализовали свои планы, и миграционные потоки переместились в страны ближнего зарубежья. Но Росстат показывал похожую динамику и в 2022 г.: общее число выбывших в зарубежные страны 84 823 человека, из них, например, в Турцию – всего 2626 человек [Rosstat, 2022]. В то же время мы наблюдаем полное отсутствие информации и аналитики по «ближнему зарубежью» в качестве релокационных маршрутов у «нероссийской» стороны, хотя данные (возможно, куда более достоверные, чем по другим направлениям) и прямая связь с главными причинами релокации здесь есть.

В принципе, по направлениям видится повторение истории с численностью, но даже в более деструктивной форме: удивительно малая осведомленность каждой из сторон о «дальнем» либо «ближнем» зарубежье в качестве вектора для релокации россиян объясняется абсолютной незаинтересованностью в признании и дальнейшей работе каждой в соответствующем кластере.

Социологический портрет релокантов из России

В 2023–2024 гг. проведено несколько исследований миграционного потока из России. Строго говоря, они не являются исследованиями в привычном в академической среде смысле – с четко очерченными контурами, методологией, безупречной выборкой и необходимой продолжительностью во времени и должным охватом в пространстве. С высокой долей вероятности можно предположить, что некоторые выводы впоследствии

будут оспорены, а с иными можно не согласиться уже сегодня. И тем не менее заслуга авторов этих исследовательских инициатив огромна, а безальтернативность их поиска и анализа в настоящий момент совершенно очевидна, особенно на фоне не вполне понятной бездеятельности формальной российской стороны (речь в первую очередь об отсутствии запроса со стороны общества и государства), которая, как никто другой, должна быть заинтересована в глубокой и объективной проработке этого вопроса с дальнейшим практическим применением результатов в лучших целях.

На данном этапе присутствие этой важнейшей темы в информационном поле и актуальной политической повестке разных стран обеспечивают главным образом отечественные исследователи-релоканты и более ранние эмигранты вкуче с разного уровня классическими и интернет-СМИ (от «Русской службы ВВС» до петербургского издания «Бумага»⁴). Очень надеюсь, что в скором будущем все же появится мощный запрос на изучение и освещение релокационной проблематики в самой России, а не только за ее пределами. Поводом для оптимизма служат появившиеся первые отечественные академические исследования на эту тему [Evstratov, 2024; Puren, Chimiris, 2024; Rakhmonov, 2023].

Одним же из самых ранних серьезных изысканий был проект К. Рогова⁵ «Re: Russia» (входит в так называемый Американский координационный центр, получающий финансирование из США [Veterans, 2022]), представленный в январе 2023 г. На основе обработки довольно большого массива данных авторы пришли к выводу, что «основу новой волны составляют представители наиболее модернизированного, образованного и успешного класса россиян» [Kostenko et al., 2023], что подтверждает значимость четвертого — личностного — фактора концепции «push/pull» Э. Ли. Надо сказать, такая позиция не чужда большинству авторов, работающих с данной темой, по крайней мере в отношении тех релокантов, которые выехали из России до объявления о частичной мобилизации в сентябре 2022 г. Весной 2022 г., то есть в разгар перемещений и задолго до подведения первых итогов, демографы и социологи отмечали массовый отток преимущественно горожан с высшим образованием — журналистов, ИТ-специалистов, ученых, врачей, что, конечно, не могло не отразиться на работе ряда секторов экономики России. К сожалению, отток продолжается до сих пор.

Например, по данным консалтингового агентства Garant In, в начале 2024 г. резко увеличился спрос ИТ-специалистов на программы получения ВНЖ в Европе: за первый квартал 2024 г. число запросов выросло на 233% (абсолютные показатели не раскрываются). Около 80% всех запросов приходится на Францию, 10% — на Италию. Что же касается 2022 г., то, согласно данным сервиса «Хабр Карьера», с февраля по октябрь из России уехало порядка 9% опрошенных ИТ-специалистов; осенью 2022 г. еще 6% планировали отъезд в ближайшее время, а 58% не собирались покидать Россию. Наибольшее количество ИТ-специалистов (12% от общего числа опрошенных) осенью 2022 г. уехали в Казахстан, 7% — в Турцию, по 6% — в США и Грузию, 5% — в Армению. На европейские страны пришлось только 15% уехавших (весной в том же году — 45%); на другие — пришелся выбор 41% опрошенных [Harb Career, 2022].

В 2023 г. глава Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации М.И. Шадаев заявлял, что специалисты активно возвращаются в Россию. Однако данных о числе вернувшихся кадров в ведомстве не приво-

⁴ На основании решения Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 24 февраля 2022 г. 4 марта 2022 г. Роскомнадзор заблокировал доступ к сайту «Русская служба ВВС». 30 июня 2023 г. Минюст России внес издание «Бумага» в реестр иноагентов.

⁵ 25 августа 2023 г. Минюст России внес К. Рогова в реестр иноагентов. С февраля 2022 г. он проживает в Австрии.

дили. За девять месяцев 2023 г., по сведениям МВД, гражданство или вид на жительство за рубежом получили как минимум 68 тыс. россиян, что вдвое больше, чем годом ранее [Zhabin, Isakova, 2024]. Такой образовательный и социальный тренд, пожалуй, один из самых отрицательных моментов релокационных процессов для экономики России. Не случайно нынешняя волна эмиграции сравнима с периодом революций и Гражданской войны начала XX в., когда страну покинула значительная часть образованных и обеспеченных людей, внесших в итоге определенный вклад в развитие социогуманитарной сферы и экономик ряда европейских стран [Kovalevsky, 2019; Bulgakova, 2024].

Кстати, в личных беседах и на научных площадках в Белграде осенью 2023 г. сербские коллеги высказывали надежду на то, что русский «десант» сможет серьезным образом оздоровить экономику Сербии и активизировать интеллектуальную жизнь. Действительно, у «Яндекса» в столице Сербии огромный коворкинг [Minchenko, 2023, p. 37]. Причем открытый в 2022 г. офис не смог вместить приехавших специалистов. В результате в 2023 г. был открыт еще один. Примечательно, что оба офиса являются дочерними компаниями российского «Яндекса», несмотря на то, что после начала СВО компания в целом взяла курс на разделение бизнеса на отечественный и международный и ребрендинг международной части (Yandex N.V.), которая базируется в Нидерландах, с максимальным дистанцированием от России [Вукоча, 2024]. В общей сложности к концу 2023 г. в Сербии было зарегистрировано 9 тыс. компаний [Skobtsova, 2024] и 3 200 ИП с российским участием, что коррелирует с цифрами по Армении (табл. 3). По словам отвечавшего за инновации и технологическое развитие министра без портфеля сербского правительства Н. Поповича, «Россия – на четвертом месте по объему инвестиций в экономику республики» [Gein, 2024].

Таблица 3. Количество ИП и предприятий с российским участием, открытых в период с 2022 по 2023 г.

Страна	Предприятия с российским участием	Индивидуальные предприниматели из России
Армения	2 500	4 000
Грузия	1 550	25 689
Казахстан	18 000	23 670
Сербия	9 000	3 200

Источники: [Gein, 2024; Dvali, 2023; Zhandos, 2024; Pashkova, 2023; Skobtsova, 2024; Tairov, 2024].

И все же для Сербии, которая, по мнению политиков и экономистов, уже «перегрета» инвестициями [Lastigal, 2024; RuSerbia, 2024], решающее значение имеет не приток «русских» денег, а присутствие россиян в социогуманитарном пространстве страны. Сербия почти идеальный пример, подтверждающий значимость личных факторов миграции по Э. Ли. Безвизовая православная страна, исторически и культурно близкая России, создает комфортную среду.

К сказанному следует добавить, что почти во всех странах релокации вокруг российской диаспоры формируется особый социокультурный климат – создаются детские дошкольные учреждения, начальные школы, клубы, коворкинги, в которые включаются как местные жители, так и граждане постсоветского пространства. Один из наиболее важных трендов релокации – выстраивание социальных контактов в новой стране. «Кризисная ситуация создала условия для формирования нового социального капита-

ла, который может быть конвертирован в экономический рост» [Chimiris, Puren, Grishkuan, 2023, p. 68]. Причем как для релокантов, так и для принимающей страны и страны покинутой. Удаленная работа, наличие родственников и собственности, налоговые выплаты – все это плотные лонжи, связывающие с Россией.

Думается, хорошо развитые горизонтальные связи – черта конкретной прослойки и, возможно, стран. В ряде государств, например в США, исследователи отмечают прямо противоположные тренды – ограничения общения с соотечественниками в Штатах, где тенденция присутствовала раньше [Kalinkin, 2011] и сохраняется теперь. В то же время сейчас для русскоязычной диаспоры в Америке характерно заметное расхождение по политическим линиям: «за» и «против» действий России, причем не только по украинскому вопросу, но и в целом позиций страны по текущим международным делам. С учетом новых разделительных линий осуществляется общение соотечественников в Интернете (отдельные чаты и группы для тех и других) и офлайн-режиме.

Важная характеристика массового портрета релокантов 2022 г. помимо названных профессиональных и социально-экономических уровней и возможностей – степень подготовленности к отъезду. Многие принимали решения на волне панических настроений, спонтанно, что также роднит представителей «новой волны» с постреволюционной русской эмиграцией. Некоторые аналитики акцентируют внимание именно на «выталкивающих» факторах, «вынуждающих людей к отъезду даже без наличия у них опыта учебы или работы за рубежом, личных и профессиональных контактов и четких перспектив будущей трудовой деятельности на новом месте» [Kazantseva, Ostapenko, 2023, p. 25].

Одним из таких «push»-факторов был страх: многие релоканты в своих публикациях указывали, что «уехали, потому что сильно испугались». Тревога, испуг, паника, действительно, сыграли в целом ряде случаев определяющую роль в принятии решения о переезде. «Страх вполне способен побудить человека бросить родной город, дом, работу, друзей и перебраться в другую страну с неясными перспективами» [Rudenkin, 2023, p. 16]. Не случайно многие, принявшие такое решение, воспринимали свои действия «скорее не как переезд, а как эвакуацию, экстренное спасение от чего-то, что внезапно стало опасным» [Rudenkin, 2023, p. 16].

Эмоции, оценки происходящего играют существенную роль не только в принятии решения уехать, но и в способности закрепиться в стране временного или постоянного пребывания. Также две условные (но хронологически явные) группы одной волны отличаются степенью политической и иной активности (общественной позицией, вовлеченностью в волонтерскую деятельность и т.д.). Хотя, как представляется, это более характерно и применимо к узкой прослойке релокантов, наиболее деятельных в социальных сетях и мессенджерах. Впрочем, авторы анкетирования и опросов отдавали себе отчет в том, что их выборка смещена в сторону молодых и дерзких, поэтому «полученные данные не репрезентуют группу уехавших россиян» [Kamalov et al., 2022].

Надо сказать, что российское общество уже несколько лет находится в сложном эмоционально-психологическом состоянии. Так, проект ВЦИОМ и «Комсомольской правды» выявил, что 45% россиян время от времени бывают в унынии; часто это чувство посещает 12% опрошенных, а 3% живут в этом состоянии постоянно. Получается, что 60% россиян подвержены апатии [Yakunin, 2023], причин которой множество, в том числе и связанных с украинским кризисом. В свою очередь, исследование Агентства социальной информации, проведенное в сентябре 2023 г., показало, что почти 15 млн, или 10% населения страны, находятся в депрессии [ASI, 2023], что усугубляется ценностными и межпоколенческими разрывами [Sedova, Yakimova, 2023, p. 39, 42–43]. И в этом смысле сегодняшние релоканты – четкий срез взрослого населения страны. Осо-

бенно остро чувства грусти, утраты переживают те, у кого остались родственники и близкие на Украине – среди релокантов таких значительное число.

Еще одна отличительная черта, возможно, обусловленная доступностью всех видов связи, – наличие тесных контактов с родными и близкими в России. Релоканты сохраняют высокую вовлеченность в российскую политическую повестку: следят за новостями, обсуждают происходящее с друзьями и родственниками. Подытожить описание образа современного российского эмигранта можно словами – «политизированные, активные и грустные» [Kiseleva, Safronova, 2024].

Большую включенность в политические дискурсы новых релокантов по отношению не только к среднестатистическим россиянам, но и уже сложившимся русскоязычным диаспорам в странах прибытия и пребывания подтверждают авторы самой недавней – лета 2024 г. и, пожалуй, самой глубокой из всех ранее представленных работы, сделанной на базе созданного в 1979 г. Французского института международных отношений (IFRI) – «Новая российская диаспора: вызов и шанс для Европы». Без оформленных свидетельств, пока только на базе собственных наблюдений, рискуем предположить, что этот тезис все-таки требует проверки временем. Возможно, его расхожесть связана не столько с широким распространением политизации, сколько с громкоговорием действительно активных членов новых русских общин.

Важнейшим трендом авторам проекта видится то, что «сообщество релокантов все более маскулинизируется и молодеет» [Gudkov⁶, Inozemtsev⁷, Nekrasov, 2024], в части возраста это отражают результаты других исследований: средний возраст респондентов из числа уехавших – 32 года (средний в российской популяции – 46 лет) [Kamalov et al., 2022]. Авторы не связывают это напрямую с украинским конфликтом и опасениями мобилизации, отмечая, что изменение возрастного тренда произошло в 2013 г., а не в 2022 г. Релоканты в очередной раз проиллюстрировали тезис о большей социальной и географической (территориальной) мобильности тех, кто до этого уже менял место жительства и переезжал, как правило, из какого-либо региона России в другой. Вспоминается грустная шутка российских авторов на этот счет: Москва – всего лишь перевалочный пункт между провинцией и Лондоном. Иными словами, и до 2022 г. часть людей в стране «уже были уехавшей Россией, просто после 24 февраля они уехали физически» [Minchenko, 2023, p. 38].

Выводы

Подводя итог, можно констатировать, что в целом в отношении будущего российских релокантов по прошествии двух с половиной лет с начала массовых перемещений исследователи занимают оптимистичную позицию. Опросы говорят о том, что меньшее их число выражает сомнения в финансовой безопасности и профессиональной состоятельности в новых местах проживания – как правило, на обретение такой уверенности уходит полгода. Многие демонстрируют высокую адаптивность, оперативно корректируя жизненные планы и стратегии.

Неудивительно, что оптимизм в отношении релокантов будет обратным по отношению к России – пока временно теряющей их стране. В этой точке интересы государства и покинувших (пусть и на время) ее граждан прямо противоположны и могут быть описаны установкой «чем хуже, тем лучше» в адрес положения релокантов в принимающих государствах [Korolkova, 2023]. Это дает шанс на возвращение человеческого ка-

⁶ 10 февраля 2023 г. Минюстом России внесен в список иноагентов.

⁷ 26 мая 2023 г. Минюстом России внесен в список иноагентов.

питала в страну, особенно если будут снижены издержки рестрикций в сфере трудового законодательства и налогообложения. Пассивная и безынициативная позиция и в еще большей степени – агрессивная – практически полностью отдаст судьбу российских граждан на усмотрение принимающих государств. К тому же следует учитывать, что в контексте лимитов человеческого капитала, с которым сталкивается не только Россия, но и многие страны-реципиенты (к примеру, Армения, Грузия, Сербия), конкуренция за этот важнейший ресурс будет возрастать [Podberezkin, Rodionov, 2020].

Думается, что смещение с запрещения в сторону привлечения дало бы иной по количеству и качеству результат. Тот, кто первый осознает все плюсы этой опции, получит приз в виде высококлассных человеческих ресурсов. При всей спорности, на первый взгляд, у России до сих пор есть преимущество. Ее релоканты пока еще не эмигранты. В каком статусе они окажутся через полгода, год, два, во многом зависит от понимания государством этой проблемы и эффективности его работы с ней, тем более что обратный тренд заметный и о многом говорящий. В частности, по данным агентства «Финион» (специализируется на помощи в оформлении ВНЖ за рубежом), к концу 2023 г. до 40% релокантов, уехавших в 2022 г., вернулись в Россию. В октябре 2023 г. издание *The Financial Times* со ссылкой на данные Института Европейского университета называло более скромные, но тоже значимые цифры: около 15% [Stroiteleva, 2023].

В то же время будущее релокантов зависит не только от официальной и общественной позиции в России, но и от социального и политического климата принимающих государств. В дружественной, безопасной, пусть и бедной стране те, кто смог найти работу по профессии и/или продолжают трудовую деятельность дистанционно, чувствуют себя более комфортно. Однако следует признать, что относительно спокойное в подавляющем большинстве отношение к россиянам в социумах стран релокации не обязательно будет носить общий и постоянный характер. Исследование Центра социального проектирования «Платформа» и компании «ОнИн» в странах бывшего СССР, проведенное летом 2023 г., показало лояльное и одновременно настороженное отношение к соотечественникам.

Самой дружелюбной страной по отношению к релокантам социологи назвали Таджикистан – 55% опрошенных приветствуют появление высококвалифицированных специалистов, рост спроса на услуги, возможности заработка для местных жителей, а 66% готовы помогать приезжим в изучении языка, подборе легальной работы и культурной адаптации. В Казахстане и Белоруссии более 50% опрошенных высказали уверенность, что релоканты не окажут заметного влияния на их жизнь, хотя бытовые эксцессы встречались и в этих странах. При этом 21% принявших участие в опросе грузин полагают, что приезжие россияне несут вред. По их мнению, наплыв новых жителей приводит к удорожанию стоимости жизни, появлению конфликтов на фоне разного менталитета или ценностей. Грузия вообще лидирует по количеству людей с такой позицией, однако даже в ней больше 40% тех, кто считает, что россияне могут принести пользу. В Армении такого мнения придерживается 73%. Появление специалистов разного профиля, равно как и новые возможности для местных жителей, приветствуют 42 и 46% опрошенных жителей Киргизии и Узбекистана соответственно. Однако в последнем случае лишь 23% считают, что релоканты повлияют на технологичность их страны [Filipenok, 2023].

Важным фактором, определяющим выбор места окончательной остановки, являются не только финансовая и бытовая составляющие, но наличие или отсутствие ценностной дистанции между приезжающими и местным населением. Проведенный опрос среди русскоговорящих жителей показал, что «чем больше в стране релокантов, тем меньше жители ближнего зарубежья говорят о духовной близости. Если, напри-

мер, в Молдавии о близком духе рассказали 48%, то в Армении 37%, а в Грузии 28%» [Filipenok, 2023].

Что же касается влияния релокации россиян на межстрановое взаимодействие и общую динамику международных отношений, то руководство России оценивает его «скорее позитивно» и рассматривает как «элемент дополнительной связи России с теми странами, с которыми у нас и так развиваются экономические и гуманитарные контакты» [TASS, 2023]. Возможно, масса квалифицированных специалистов-россиян в ближайшем будущем даст новый импульс контактам и с государствами, которые в пространстве публичной политики занимают пока откровенно недружественную позицию в отношении Москвы.

Проведенный анализ показывает, что релокация россиян оказывает влияние на социально-экономическую жизнь в странах-реципиентах. Важно, что россияне, пожалуй, единственная в мире диаспора, которая в значительной степени финансируется из доходов, получаемых с родины, а не направляет домой заработанное за границей, как остальные мигранты. Современные релоканты – не только финансовые потоки, цены на аренду и недвижимость. Это новые бизнес-модели, основой которых служат альтернативные логистические цепочки, передовые технологии и интернет-коммуникации. Параллельно происходит создание пока очаговых социальных сетей транснационального уровня, в которых именно россияне являются ядром, а Россия – реперной точкой. Большинство релокантов, даже если они прочно обосновались в новом «доме», социально, экономически, интеллектуально и ментально связаны с Россией. Таким образом, возникший пространственный разрыв не означает их полного отчуждения, что вселяет оптимизм относительно места и роли российских граждан, где бы они ни находились, в развитии горизонтальных связей и транснационального диалога, столь значимых в политически разобобщенном мире.

Список источников (References)

ASI (2023) Kazhdjy desyatj rossijanin naxoditsya v glubokoj depressii [One in ten Russians is deeply depressed]. *Social Information Agency*. Available at: <https://asi.org.ru/news/2023/09/06/asi/?ysclid=lzlb70ldwk27812713> (accessed 25 December 2024) (in Russian).

Bilgic T. (2023) World's Hottest Housing Market Swept by Record Russian Purchases. *Bloomberg*. Available at: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2023-01-17/russians-triple-turkish-home-purchases-to-record-amid-sanctions-over-ukraine-war> (accessed 22 December 2024).

Bloomberg (2022) Russia's War Turns Neighboring Currencies Into World's Best. Available at: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2022-12-21/putin-s-war-made-his-neighbors-currencies-the-best-in-the-world?smd=premium-europe> (accessed 27 November 2024).

Bulgakova M.A. (2024) Relokanty XX–XXI vv.: skvoz prizmu istorii i ekonomiki [The Relocants of the XX–XXI centuries: through the prism of history and economics]. *Historical and economic research*, vol. 25, no 2, pp. 289–312. DOI: 10.17150/2308-2488.2024.25(2).289-312 (accessed 22 December 2024) (in Russian)

Business Media (2024) Ekonomika Gruzii v pervom polugodii 2024 g. vyrosla [Georgia's economy grew in the first half of 2024]. Available at: <https://bm.ge/ru/news/ekonomika-gruzii-v-i-polugodii-2024-g-vyrosla> (accessed 22 December 2024) (in Russian).

Bykova E. (2024) Rossijskie relokanty v Serbii – potencial dlya razvitiya ekonomiki i dvustoronnego sotrudnichestva [Russian relocants in Serbia – potential for economic development and bilateral cooperation]. *RSMД*. Available at: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/sandbox/rossijskie-relokanty-v-serbii-potencial-dlya-razvitiya-ekonomiki-i-dvustoronnego-sotrudnichestva/?sphrase_id=151924800 (accessed 23 December 2024) (in Russian).

Chernyshova E. (2022) Valyuty Armenii i Gruzii stali liderami rosta v mire iz-za pritoka rossiyan [The currencies of Armenia and Georgia have become the leaders of growth in the world due to the influx of Russians]. *RBC*. Available at: <https://www.rbc.ru/economics/21/12/2022/63a2aed99a7947e3a65ff688> (accessed 26 December 2024) (in Russian).

Chimiris E.S., Puren K.A., Grishkyan D.D. (2023) Adaptaciya emigrantov novoj volny v stranah priema: opyt polevogo issledovaniya [Adaptation of new wave emigrants in the receiving countries: the experience of field research]. *Sociodigger*, vol. 4, no 3–4, pp. 64–68 (in Russian).

Duangdee V. (2023) Russians make Thailand a refuge as Ukraine war enters second year. *Aljazeera*. Available at: <https://www.aljazeera.com/economy/2023/2/22/russians-make-thailand-a-refuge-as-ukraine-war-enters-second-year> (accessed 24 December 2024).

Dvali G. (2024) S 2022 goda rossiyan zaregistrovali v Gruzii 1550 predpriyatij [Since 2022, Russians have registered 1,550 enterprises in Georgia]. *Kommersant*. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/6380989?ysclid=m4gtj47ubo267666357> (accessed 24 December 2024) (in Russian).

Endeksa (2022) Yıllık Değer Artışı En Yüksek İller Antalya, İstanbul ve Mersin [Antalya, Istanbul and Mersin are the Provinces with the Highest Annual Value Increase]. Available at: <https://www.endeksa.com/tr/blog/yazi/endeksa-mayis-verileri-yillik-deger-artisi-en-yukse-iller-antalya-istanbul-ve-mersin> (accessed 22 December 2024) (in Turkish).

Esquire (2022) Neozhidannye cifry. Skolko rossiyan vexalo v Kazaxstan s nachala goda? [Unexpected numbers. How many Russians have entered Kazakhstan since the beginning of the year?]. Available at: <https://esquire.kz/neozhidannye-cifry-skolko-rossiyan-vehalo-v-kazahstan-s-nachala-goda> (accessed 22 December 2024) (in Russian).

Evstratov A.G. (2024) Problema relokacii – “novoj emigracii” rossiyan v Armeniyu posle nachala SVO na Ukraine [Problems of Relocation – “New Emigration” of Russians to Armenia after the Start of the Special Military Operation in Ukraine]. *The New Past*, no 2, pp. 228–240. Available at: <http://doi.org/10.18522/2500-3224-2024-2-228-240> (in Russian)

Filipenok A. (2023) Sociologi nazvali samuyu družhelyubnyuyu k relokantam stranu byvshego SSSR [Sociologists named the country of the former USSR the most friendly to migrants]. *RBC*. Available at: <https://www.rbc.ru/society/23/06/2023/649442c09a7947507741fed0?ysclid=m13r93h3xm129046336> (accessed 25 December 2024) (in Russian).

Galimova N., Sirotkin K. (2023) Glava VCIOMa zayavil o 20 mln “ushedshix v sebya” rossiyan [The head of VCIOM announced 20 million “withdrawn” Russians]. *RBC*. Available at: <https://www.rbc.ru/politics/30/09/2023/65181f4d9a79472abaf2d73e> (accessed 22 December 2024) (in Russian).

Gein N. (2023) Rossiyanе otkryli v Serbii bolshe 2 000 kompanij [Russians opened more than 2,000 companies in Serbia]. Available at: <https://secrets.tinkoff.ru/novosti/rossiyskiye-kompanii-v-serbii/> (accessed 25 December 2024) (in Russian).

Gorin D. (2024) Turpotok v Tailand prevysil pokazatel 2019 goda [The tourist flow to Thailand exceeded the indicator of 2019]. *Interfax*. Available at: <https://www.interfax.ru/world/939545> (accessed 22 December 2024) (in Russian).

Gudkov D., Inozemtsev V., Nekrasov D. (2024) Novaya rossijskaya diaspora: vyzov i shans dlya Evropy [The new Russian Diaspora: a challenge and a chance for Europe]. *Russie. Eurasie. Reports*, no 47. Available at: https://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/ifri_gudkov_inozemtsev_nekrasov_emigration_russe_2024.pdf (accessed 22 December 2024) (in Russian).

Harb Career (2022) Relokaciya osenyu: marshruty, plany, mnenie rabotodatelej [Relocation in autumn: routes, plans, opinion of employers]. Available at: <https://habr.com/ru/companies/habr/articles/695302> (accessed 20 December 2024) (in Russian).

Interfax (2023) Rossijskoe grazhdanstvo v pervom kvartale 2023 goda poluchili svyshe 106 tys. inostrancev, polovina iz kotoryh – urozhency Tadzhikestana [In the first quarter of 2023, over 106 thousand foreigners received Russian citizenship, half of whom were natives of Tajikistan]. Available at: <https://www.interfax-russia.ru/moscow/news/rossiyskoe-grazhdanstvo-v-pervom-kvartale-2023-goda-poluchili-svyshe-106-tys-inostrancev-pochti-polovina-iz-nih-urozhency-tadzhikestana> (accessed 20 December 2024) (in Russian).

Interfax (2024). RF stala liderom po chislu turistov v Turcii v 2023 godu [Russia became the leader in the number of tourists in Turkey in 2023]. Available at: <https://www.interfax.ru/world/943840> (accessed 22 December 2024) (in Russian).

Kalinkin V.Y. (2011) Osobennosti politicheskoy deyatel'nosti russkoyazychnoy diaspory v SShA [Features of the political activity of the Russian-speaking diaspora in the USA]. Dissertation of the Candidate of Political Sciences, Moscow State University (in Russian).

Kamalov E., Sergeeva I., Kostenko V., Zavadskaya M. (2022) Bolshoj ishod: portret novyh migrantov iz Rossii [The Big Exodus: a portrait of new migrants from Russia]. Available at: https://drive.google.com/file/d/1SIUzyVbCLgEbgl_iJGPB15MEqTPsIRzg/view (accessed 24 December 2024) (in Russian).

Kasyanchuk D. (2024) Issledovanie The Bell⁸ [The Bell research]. Available at: <https://thebell.io/posle-nachala-voyny-iz-rossii-uekhali-i-ne-vernulis-bolshe-700-tysyach-chelovek-issledovanie-the-bell> (accessed 22 December 2024) (in Russian).

Kazantseva N.A., Ostapenko V.A. (2023) Relokaciya specialistov iz Rossii: masshtaby i ekonomicheskie posledstviya [Relocation of specialists from Russia: scale and economic consequences]. *Personnel and intellectual resources management in Russia*, no 2, pp. 24–29 (in Russian).

Kiseleva M., Safronova V. (2024) Novye rossijskie emigranty. Kto oni? Skolko ix? I kuda oni uehali? [New Russian emigrants. Who are they? How many are there? And where did they go?]. *BBC Russian News Service*⁹. Available at: <https://www.bbc.com/russian/features-65686712> (accessed 25 December 2024) (in Russian).

Kommersant (2022). Infografika [Infographics]. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/5618414> (accessed 22 December 2024) (in Russian).

Kordonskiy S.G. (2021) Kak ustroena Rossiya [How Russia works]. Moscow: Khamovniki Foundation. (in Russian).

Korolkova M. (2023) Reimigraciya v 2022 godu [Immigration in 2022]. *Sociodigger*, vol. 4, no 3–4, pp. 31–34 (in Russian).

Kostenko N., Zavadskaya M., Kamalov E., Sergeeva I. (2023) Rossijskaya rizoma: socialnyj portret novej emigracii [The Russian rhizome: a social portrait of a new emigration]. *Re: Russia*. Available at: https://re-russia.net/expertise/045/?fbclid=IwAR2pW_RNC6yOYKubfWO2nfYieRgSPg5bjeL4F6i_PUD1KZ8Oxe8AL-LtDVM (accessed 21 December 2024) (in Russian).

Kovalevsky P.E. (2019) Zarubezhnaya Rossiya. Istoriya i kulturno-prosvetitel'skaya rabota russkogo zarubezhnaya za polveka (1920–1970) [Foreign Russia. The history and cultural and educational work of the Russian diaspora for half a century (1920–1970)]. Moscow: Chernaya Sotnya (in Russian).

Kutsenko E., Tyurchev K., Ostashchenko T. (2022) Relokaciya kak drajver innovacionnoj aktivnosti: globalnoe issledovanie mezhdunarodnoj migracii osnovatelej kompanij-edinorogov [Relocation as a driver of innovative activity: a global study of unicorn founders' migration], *Foresight and STI Governance*, vol. 16, no 4, pp. 6–23. Available at: <https://doi.org/10.17323/2500-2597.2022.4.6.23> (in Russian).

Lastigal I. (2024) Nenad Popovich: “Moskve ne o chem bespokoitsya, Serbiya nikogda ne vvedet sankcii” [Nenad Popovich: “Moscow has nothing to worry about, Serbia will never impose sanctions”]. *Vedomosti*. Available at: <https://www.vedomosti.ru/politics/characters/2024/08/15/1055835-moskve-ne-o-chem-bespokoitsya-serbiya-nikogda-ne-vvedet-sanktsii> (accessed 22 December 2024) (in Russian).

Lopes S.M., Machado R. (2023) Relatório de Imigração, Fronteiras e Asilo 2022 [Immigration, borders and asylum report 2022]. Available at: <https://www.sef.pt/pt/Documents/RIFA2022%20vF2a.pdf> (accessed 23 December 2024) (in Portuguese).

Lopes S., Sousa A. (2024) Relatório de Migrações e Asilo 2023 [Migration and asylum report 2023]. Available at: <https://aima.gov.pt/media/pages/documents/92dd0f02ea-1726562672/rma-2023.pdf> (accessed 22 December 2024) (in Portuguese).

⁸ 9 декабря 2022 г. издание The Bell было внесено в единый реестр иностранных агентов. С февраля 2023 г. ограничен доступ к новостному сайту.

⁹ 4 марта 2022 г. Роскомнадзор заблокировал доступ к сайту «Русская служба ВВС» на основании решения Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 24 февраля 2022 г.

- Lee E.S. (1966). A theory of migration. *Demography*, vol. 3, no 1, pp. 47–57. Available at: <https://doi.org/10.2307/2060063> (accessed 20 December 2024).
- Mamikonyan O. (2023) Potok turistov v Tailand vyros na 1000% [The flow of tourists to Thailand increased by 1000%]. *Forbes*. Available at: <https://www.forbes.ru/forbeslife/493621-potok-rossijskih-turistov-v-tailand-vyros-na-1000> (accessed 22 December 2024) (in Russian).
- Markelov R. (2023) Top-10 stran, kuda chashhe vsego ezdili rossiyanе [Top 10 countries where Russians most often went]. *Rossiyskaya Gazeta*. Available at: <https://rg.ru/2023/08/16/kuda-chashche-vsego-ezdili-na-otdyh-nashi-turisty.html> (accessed 22 December 2024) (in Russian).
- Minchenko E.N. (2023) “Rossiya uexavshaya”: vneshnyaya i vnutrennyaya emigraciya [“Russia gone”: external and internal emigration]. *Sociodigger*, vol. 4, no 3–4, pp. 35–38 (in Russian).
- Moscow speaking (2023) Glava VCIOM nazval chislo pokinuvshix Rossiю grazhdan s nachala SVO [The head of VCIOM named the number of citizens who have left Russia since the beginning of the civil war.]. Available at: <https://govoritmoskva.ru/news/372241/> (accessed 25 December 2024) (in Russian).
- Nehoroshkin S., Voroshilov D. (2022) Kreml nazval “utkoj” soobshheniya o 700 tys. pokinuvshih stranu rossiyan [The Kremlin called reports about 700 thousand Russians who left the country a “duck”]. *RBC*. Available at: <https://www.rbc.ru/society/06/10/2022/633eab8c9a79476492f05e53> (accessed 22 December 2024) (in Russian).
- News Tracker (2023) Tailand stal liderom po kolichestvu zimuyushhih turistov iz Rossii. [Thailand has become the leader in the number of wintering tourists from Russia]. Available at: <https://newstracker.ru/news/2023-03-07/tailand-stal-liderom-po-kolichestvu-zimuyuschih-turistov-iz-rossii-2812791?ysclid=m4isbgiky9341593631> (accessed 22 December 2024) (in Russian).
- Pashkova L. (2023) Armeniya nazvala chislo priexavshix v 2022 godu rossiyan [Armenia has named the number of Russians who arrived in 2022.]. *RBC*. Available at: <https://www.rbc.ru/society/16/03/2023/641297719a794755b379190d> (accessed 21 December 2024) (in Russian).
- Panova E.A. (2023) Parallelnyj import: teoriya, praktika i specifika v usloviyah sankcionnyh ogranichenij [Parallel import: theory, practice and specifics in the context of sanctions restrictions]. *Lomonosov Economic Journal*, vol. 58, no 5, pp. 262–279. Available at: <http://doi.org/10.55959/MSU0130-0105-6-58-5-12> (in Russian).
- Podberezkin A.I., Rodionov O.E. (2020) Chelovecheskij kapital i nacionalnaya bezopasnost [Human capital and national security]. Moscow, Prometheus (in Russian).
- Puren K.A., Chimiris E.S. (2024) Fenomen relokacii. Modeli ekonomicheskogo povedeniya rossijskih mirantov posle fevralya 2022 g. [Relocation phenomenon of relocation. Models of economic behavior of Russian migrants after February 2022]. *Politiya*, no 3, pp. 145–171. Available at: <http://doi.org/10.30570/2078-5089-2024-114-3-145-171> (in Russian).
- Putin V. (2023) Zasedanie Vysshego evrazijskogo ekonomicheskogo soveta v uzkom sostave [The meeting of the Supreme Eurasian Economic Council in a narrow composition]. Available at: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/71203> (accessed 25 December 2024) (in Russian).
- Radio Azzatyk (2023) 87 tysyach tadjikistancev poluchili grazhdanstvo Rossii v pervye shest mesyacev 2023 goda [87 thousand Tajiks received Russian citizenship in the first six months of 2023]. Available at: <https://rus.azattyq.org/a/32520434.html> (accessed 24 December 2024) (in Russian).
- Rakhmonov A.Kh. (2023) Vynuzhdennaya emigraciya iz Rossii 2022: potencial rossijskih IT-specialistov dlya central’noaziatskix stran-uchastnicz SNG [Forced emigration from Russia 2022: Russian IT-specialists’ potential for Central Asian CIS member countries]. *Vestnik universiteta*, no 7, pp. 162–170. Available at: <http://doi.org/10.26425/1816-4277-2023-7-162-170> (in Russian).
- Rosstat (2022) Chislennost i migraciya naseleniya v 2022 godu [Population size and migration in 2022.]. Available at: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283> (accessed 25 December 2024) (in Russian).
- Rosstat (2023) Chislennost i migraciya naseleniya Rossijskoj Federacii v 2023 godu [The number and migration of the population of the Russian Federation in 2023]. Available at: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283> (accessed 25 December 2024) (in Russian).
- Rudinkin D.V. (2023) Specialnaya nauchnaya emigraciya: pochemu iz Rossii uezhayut uchenye? [Special scientific emigration: why are scientists leaving Russia?]. *Sociodigger*, vol. 4, no 3–4, pp. 14–22 (in Russian).

RuSerbia (2024) Serbiya pobila rekord po investiciyam [Serbia has broken the investment record]. Available at: <https://ruserbia.com/economic/serbija-pobila-rekord-po-investicijam/> (accessed 25 December 2024) (in Russian).

Saitova V. (2023) Tri tendencii: kak SVO i relokaciya menyayut demografiyu [Three trends: how SVO and relocation are changing demographics]. *RBC*. Available at: https://www.rbc.ru/spb_sz/29/01/2023/63ce99cc9a794787b4a2e9de (accessed 22 December 2024) (in Russian).

Skobtsova E. (2024) Biznes relokantov krupneet v Serbii [The relocation business is growing in Serbia]. *Kommersant*. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/6442160?ysclid=lzmjs3qz8f242513387> (accessed 25 December 2024) (in Russian).

Sedova N., Yakimova O. (2023) Pereustroystvo mira. Trendy mezhdunarodnoj Grushinskoj sociologicheskoy konferencii – 2023 [The reconstruction of the world. Trends of the international Grushin Sociological Conference – 2023]. Moscow, VCIOM. Available at: https://conf.wciom.ru/fileadmin/user_upload/conference/2023/Trendy_Grushinskoi_konferencii.pdf (accessed 25 December 2024) (in Russian).

Selizarova V. (2022) Namolennoe mesto: kak Portugaliya stala tochkoj prityazheniya rossijskoj IT-intelligencii [A salted place: how Portugal became a point of attraction for the Russian IT intelligentsia]. *Forbes*. Available at: <https://www.forbes.ru/svoi-biznes/470059-namolennoe-mesto-kak-portugalia-stala-tockoj-pritazhenia-rossijskoj-it-intelligencii?ysclid=m4h14q9sf5835119344> (accessed 22 December 2024) (in Russian).

Shepherd D. (2022) Lisbon, Miami and Dubai Ranked Best Places to Work for High Earners. *Bloomberg*. Available at: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2022-04-26/lisbon-tops-hybrid-working-ranks-for-globetrotting-executives?srnd=premium-europe> (accessed 23 December 2024).

Shulyga T. (2022) V MVD rasskazali o migracionnoj situacii v strane [The Interior Ministry told about the migration situation in the country]. *Polisia.kz*. Available at: <https://polisia.kz/ru/v-mvd-rasskazali-o-migratsionnoj-situatsii-v-strane> (accessed 25 December 2024) (in Russian).

Singh K (2023) Lee's Theory of Migration: Intervening Obstacles Model. *Pan Geography*. Available at: <https://pangeography.com/lees-theory-of-migration/> (accessed 20 December 2024).

Stroiteleva M. (2023) Domashnyaya rabota: okolo 40% relokantov reshili vernutsya v Rossiyu [Homework: about 40% of the relocators decided to return to Russia]. *Izvestia*. Available at: <https://iz.ru/1614085/maria-stroiteleva/domashniaia-rabota-okolo-40-relokantov-reshili-vernutsia-v-rossiiu> (accessed 25 December 2024) (in Russian).

Statista (2024a) Number of people with Russian citizenship living in Europe as of January 1, 2023, by selected country. Available at: <https://www.statista.com/statistics/1294283/russian-citizens-living-in-europe-2021-by-country/> (accessed 23 December 2024).

Statista (2024b) Number of emigrants from Russia in 2023, by country of destination. Available at: <https://www.statista.com/statistics/1218477/emigration-by-country-in-russia/> (accessed 23 December 2024).

Tairov R. (2023) Chislo kompanij v Kazaxstane s rossijskim uchastiem vyroslo za god na 70% [The number of companies in Kazakhstan with Russian participation increased by 70% over the year]. *Forbes*. Available at: <https://www.forbes.ru/biznes/495329-cislo-kompanij-v-kazahstane-s-rossijskim-kapitalom-vyroslo-za-god-na-70> (accessed 22 December 2024) (in Russian).

TASS (2023) Putin zayavil, chto ne vidit nichego ploxogo v rabotayushhix za granicej rossiyahah [Putin said that he sees nothing wrong with Russians working abroad]. Available at: <https://tass.ru/obschestvo/18041785> (accessed 25 December 2024) (in Russian).

The Economist (2023) Russians have emigrated in huge numbers since the war in Ukraine. Available at: <https://www.economist.com/graphic-detail/2023/08/23/russians-have-emigrated-in-huge-numbers-since-the-war-in-ukraine> (accessed 22 December 2024).

The Portugal News (2023) 121 tys. chelovek migrirovali v Portugaliyu v 2022 godu [121 thousand people migrated to Portugal in 2022]. Available at: <https://www.theportugalnews.com/ru/ru-news/2023-10-23/121000-people-migrated-to-portugal-in-2022/82572> (accessed 25 December 2024) (in Russian).

The Russian Embassy in Tajikistan (2024) O peresechenii rossijskoj granicy grazhdanami s dvojnym grazhdanstvom (Rossii i Tadzhikestana) [About the crossing of the Russian border by citizens with dual citizenship (Russia and Tajikistan)].

sia and Tajikistan)]. Available at: https://dushanbe.mid.ru/ru/press_center/kommentariy_posolstva_rossii_v_tadzhikistane (accessed 22 December 2024) (in Russian).

Tofanyuk E., Sapronova Y. (2022) Rossiya posle 21 sentyabrya pokinuli okolo 700 000 grazhdan [About 700,000 citizens left Russia after September 21]. *Forbes*. Available at: <https://www.forbes.ru/society/478827-rossiu-posle-21-sentabra-pokinuli-okolo-700-000-grazhdan> (accessed 22 December 2024) (in Russian).

Trading Economics (2024) Turkey Residential Property Price Index. Available at: <https://tradingeconomics.com/turkey/housing-index> (accessed 24 December 2024).

Veterans of Russia (2022) Opozicionnyye mediaproekty, napravlennyye na borbu s Rossiej [Opposition media projects aimed at fighting Russia]. Available at: https://veteransrussian.ru/novosti/novosti-ood/oppozitsionnyye-mediaproekty-napravlennyye-na-borbu-s-rossiej-obyazatelno-k-prochteniyu/?sphrase_id=1730 (accessed 22 December 2024) (in Russian).

Yakunin I. (2023) V unynii... [In despair...]. *Komsomolskaya Pravda*. Available at: <https://www.kp.ru/daily/27542/4809243/?ysclid=lzlaz776x9146124096> (accessed 25 December 2024) (in Russian).

Zhabin A., Isakova T. (2024) Emigrammisty novoj volny [New wave emigrants]. *Kommersant*. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/6622042> (accessed 22 December 2024) (in Russian).

Zhandos K. (2024) Chislo zaregistrovannykh v RK rossijskikh kompanij upalo v pervyye s fevralya 2022 goda [The number of Russian companies registered in Kazakhstan has fallen for the first time since February 2022]. *Forbes*. Available at: <https://forbes.kz/articles/chislo-zaregistrovannykh-v-rk-rossijskikh-kompaniy-upalo-v-pervyye-s-fevralya-2022-goda?ysclid=m4ip9v56ln821138860> (accessed 22 December 2024) (in Russian).

Zukov E. (2022) Chislo rossijskix turistov v FRG neuklonno snizhaetsya [The number of Russian tourists in Germany is steadily decreasing]. *Deutsche Welle*¹⁰. Available at: <https://www.dw.com/ru/chislo-rossijskikh-turistov-v-frg-snizhaetsya-tretij-god-podryad/a-61199252> (accessed 23 December 2024) (in Russian).

¹⁰ 28 марта 2022 г. Минюст России включил издание в реестр иноагентов.

Relocation of Russians in 2022–2023 as a Phenomenon in International Relations: Overview of Migration Trends¹

E. Ponomareva, E. Arlyapova

Elena Ponomareva – Doctor of Political Science, Professor, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University) of the Ministry of Foreign Relations of the Russian Federation; 76 Prospekt Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia; nastya304@mail.ru

Elena Arlyapova – PhD (Political Science), Research Associate, Institute of System-Strategic Analysis (ISSA); 16 Kuskovskaya Ulitsa, Moscow, 111398, Russia; elena.s.arlyapova@gmail.com

Abstract

A distinctive feature of modern international relations is the constant movement not only of capital, goods, and services but also of human resources, highlighting the new transnational nature of global politics. This article analyses the processes of relocation of a significant number of Russians to other countries following the escalation of the conflict between Russia and Ukraine. The study aims to comprehend the phenomenon of Russian relocation, the reasons and dynamics of this “new wave” of migration, the challenges of integration and adaptation in host countries, and to clarify the statistical data. The methodological framework is based on Everett Lee’s “push/pull” theory, which helps identify the factors, causes, and conditions determining migration. The research relies on open statistical data, survey results, analytical reports, and media sources. The article examines the spatial patterns of relocation, which are largely shaped by the financial resources of migrants, value-driven and emotional motivations, and the receptiveness of host countries. A comparative analysis of data from various sources reveals discrepancies between actual quantitative indicators, intermediate and final relocation destinations, and prevailing perceptions about them. Particular attention goes to the sociological profile of Russian migrants. The study concludes that the relocation of Russians in 2022–2023 has become a significant phenomenon in the socio-economic and public life both within Russia and abroad. Although each decision to leave was made individually, the 2022 wave was largely influenced by a “push/pull” dynamic, where “push” and “pull” factors were so strong that relocation costs were often disregarded. In 2023–2024, some migrants continued their movement, changing their trajectory and primary destination, while many returned to Russia. Over time, the likelihood of those remaining abroad reintegrating into the Russian economic and political-legal framework decreases. However, their successful integration into recipient countries may provide new momentum for developing political and socio-economic relations between nations and states.

Keywords: relocation, migrants, human capital, international relations, global politics, mobilization, demography

For citation: Ponomareva E., Arlyapova E. (2025) Relocation of Russians in 2022–2023 as a Phenomenon in International Relations: Overview of Migration Trends. *International Organizations Research Journal*, vol. 20, no 3, pp. 171–192 (in English). doi:10.17323/1996-7845-2025-03-09

¹ This article was submitted 09.08.2024.

РЕЦЕНЗИЯ НА НАУЧНУЮ ПУБЛИКАЦИЮ

Вестник международных организаций. 2025. Т. 20. № 3. С. 193–196

Рецензия на монографию

УДК 327(035.3)

doi:10.17323/1996-7845-2025-03-10

Сила, взаимозависимость и ресурсность в исследовании переходных периодов мирового порядка¹

И.Д. Комаров

Комаров Игорь Дмитриевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Агентства научных исследований и информации «Лобачевский» Института международных отношений и мировой истории ННГУ им. Н.И. Лобачевского; Россия, 603022, Нижний Новгород, пр. Гагарина, д. 23; igor.komarof@gmail.com; ORCID: 0000-0002-0348-0471

Аннотация

Рецензия отражает размышления автора над монографией «Конкуренция между США и КНР: возможности для России» под редакцией Д.А. Дегтерева, вышедшей в издательстве «Аспект Пресс» в 2024 г. [Degtyarev, 2024].

Ключевые слова: теория международных отношений, прикладной анализ, соперничество США и КНР, властный транзит, баланс сил, стратегическая ресурсность (самодостаточность)

Благодарности: исследование выполнено в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации «Обеспечение стабильности и безопасности РФ на евразийском пространстве в условиях формирования многополярного мирового порядка», номер темы FSWR-2025-0003.

Для цитирования: Комаров И.Д. Сила, взаимозависимость и ресурсность в исследовании переходных периодов мирового порядка // Вестник международных организаций. 2025. Т. 20. № 3. С. 193–196 (на русском и английском языках). doi:10.17323/1996-7845-2025-03-10

В переходные периоды мирового порядка, подобные нынешнему, когда одна архитектура глобальной безопасности сменяется другой, и теория, и методология исследования международных отношений развиваются ускоренными темпами. В эпоху цифровизации, искусственного интеллекта и «больших» данных количественные подходы и методы

¹ Рецензия поступила в редакцию 13.12.2024.

исследования глобальных процессов позволяют дополнить прикладной анализ международных отношений. Монография авторского коллектива, возглавляемого Д.А. Дегтеревым, фокусируется на одном из ключевых сюжетов текущей трансформации мирового порядка – конкуренции между двумя ведущими центрами силы – США и КНР.

Центральное место в концептуальном базисе монографии занимает теория «властного транзита» А.Ф.К. Органски и его последователей [Organski, 1958; Tammen et al., 2000], на основе которой авторы интерпретируют смещение глобального лидерства от США к КНР. Исходя из этой гипотезы, авторы критически оценивают и систематизируют современный теоретико-методологический аппарат исследования силовой составляющей противостояния этих и других великих держав в ее «жесткой» и «мягкой» ипостасях, сочетающейся с комплексной взаимозависимостью крупнейших государств, без учета которой анализ периода их «гибридного противостояния» был бы неполным. Важное место в теоретическом фундировании монографии занимает концепт «структурной власти» С. Стрэндж [Strange, 1994, p. 27], комплексная реализации которой обеспечила коллективному Западу гегемонию в мировой экономике. Такая теоретическая рамка позволила авторам систематизировать в своем прикладном анализе многообразие факторов, влияющих на международные отношения, сформировав предпосылки более полного и объективного исследования сложной геополитической реальности, эффективным инструментом которой служит авторская методология ЕТРМ-анализа.

ЕТРМ – это акроним сфер анализа конкуренции: экономической (Economic), технологической (Technological), политической (Political) и военной (Military), предлагаемых авторами к использованию в целях оценки противостояния США – КНР через призму формирования контуров мирового порядка и определения возможностей для России.

Показательно, что здесь научный коллектив модифицировал структуру традиционных компонент теории властного транзита, убрав демографическую составляющую, трансформировав промышленную компоненту в экономическую, добавив технологический блок, а также отделив военную компоненту от политической, что сделано для повышения прогностического потенциала прикладного анализа кризисных состояний системы международных отношений. Такая перекомпоновка приближает содержательные аспекты теории властного транзита, сформулированной в середине XX в., к реалиям настоящего времени и соперничества великих держав.

Единообразный подход к интерпретации силовых потенциалов имеет перспективно-прогностическое значение и может быть рекомендован для анализа разных типов в той или иной степени институционально оформленных межгосударственных отношений. Особенность текущего периода международных отношений заключается в том, что не только США и КНР, но и Россия, ЕС, Япония и Индия развивают свои концептуальные контуры влияния в формате многосторонних инициатив по типу «Один пояс, один путь», мега- (транс-) региональных соглашений [Komarov, Gorbunova, 2025; 2024]. Комплексный подход авторов позволяет оценить экономическую, технологическую, политическую и военную составляющие конфликтного потенциала в его географической экспликации – в разрезе малых и средних государств, развивая таким образом понимание не только лидерской компоненты трансформации мирового порядка, фокусирующейся на соперничестве великих держав, но и пространственной, менее иерархической компоненты мирового порядка [Bogaturov, 1997, ch. 2.2].

Возможность такого направления анализа еще раз подчеркивает сильную сторону монографии, позволяющую адаптировать концепт структурной власти не только к особенностям внешнеполитической культуры США и КНР, но и к текущему историческому периоду, что, в свою очередь, дает авторскому коллективу возможность оценить влияние данной конкуренции на различные регионы мира с учетом их специфики.

Для понимания трансформации системы международных отношений важна выявленная авторским коллективом дихотомия между экономической биполярностью-триполярностью мирового порядка. Триполярная структура мирового порядка отражает то обстоятельство, что Россия выступает основным провайдером безопасности «коллективного неЗапада», экспортируя «стабильность» [Degtyarev, 2024, p. 231]. Представляется, что при сопоставлении ресурсности России, США, КНР, ЕС, Индии и других великих держав в поставках стратегических групп товаров – продовольствия, в первую очередь зерновых, топлива, оружия (см. подробнее: [Gorbunova, Komarov, 2020; Gorbunova, Komarov, Sikirazh, 2023]), станет очевидным, что Россия, обладая положительным торговым салдо не только в поставках вооружений, но и в поставках зерновых, энергоносителей, черных металлов и изделий из них, способна обеспечивать как традиционную безопасность, так и социальную стабильность, одновременно создавая условия экономического роста.

Данная монография, иллюстрированная картами, диаграммами и таблицами, является значимым вкладом в развитие российской школы прикладного анализа международных отношений и дает богатую пищу для дальнейших размышлений и исследований, что будет способствовать развитию и продвижению российской научной мысли в сегменте количественных методов международных отношений в контексте меняющегося мирового порядка и наблюдающегося противостояния между Западом и не Западом. Работа будет полезна как для исследователей-международников, так и для практиков, занимающихся вопросами внешней политики и международной безопасности.

Список источников (References)

Bogaturov A.D. (1997) *Velikie derzhavy na Tihom okeane: istorija i teorija mezhdunarodnyh otnoshenij v Vostochnoj Azii posle Vtoroj mirovoj vojny (1945–1995) [Great Powers in the Pacific: History and Theory of International Relations in East Asia since World War II (1945–1995)]*. Moscow: Convert-MONF. Available at: <http://obraforum.ru/lib/book5/> (accessed 5 July 2025) (in Russian).

Degtyarev D.A. (ed.) (2024) *Konkurencija mezhd SShA i KNR: vozmozhnosti dlja Rossii [Competition between the USA and China: Opportunities for Russia]*. Moscow: Aspect Press Publishing House. Available at: <chrome-extension://efaidnbnmnibpcjpcglclefindmkaj/https://publications.hse.ru/pubs/share/direct/965250258.pdf>.

Gorbunova M.L., Komarov I.D. (2020) Vedushhie centry sily v obespechenii bezopasnosti neustojchivyh gosudarstv mira [Leading centers of power in ensuring security of unstable states of the world]. *Comparative Politics Russia*, vol. 11, no 3, pp. 57–74. doi: 10.24411/2221-3279-2020-10036 (accessed 5 July 2025) (in Russian).

Gorbunova M.L., Komarov I.D., Sikirazh V.V. (2023) External Security Factors in the Most Fragile Arab Countries. *Istorija. Politologija*, vol. 50, no 1, pp. 258–276. Available at: <https://doi.org/10.52575/2687-0967-2023-50-1-258-276> (accessed 5 July 2025) (In Russian).

Komarov I.D., Gorbunova M.L. (2025) Megaregional'nye trgovye soglasheniya v usloviyah perehoda ot geopoliticheskogo besporjadka k novej arhitekture mirovogo porjadka [Mega-regional trade agreements in the context of the transition from geopolitical disorder to a new architecture of world order]. *Outlines of global transformations: politics, economics, law*, vol. 18. (forthcoming). (in Russian).

Komarov I.D., Gorbunova M.L. (2024) Convergence and Divergence in Multilateral Initiatives of Leading Powers. *Governance and Politics*, vol. 3, no 3, pp. 8–35. Available at: <https://doi.org/10.24833/2782-7062-2024-3-3-8-35> (accessed 5 July 2025) (in Russian).

Organski A.F.K. (1958) *World politics*. N.Y.: A. Knopf. P. 461.

Strange S. (1994) *State and Markets*. 2nd ed. L.: Continuum. P. 266.

Tammen R.L., Kugler J., Lemke D., Stam III A.C., Abdollahian M., Alsharabati C., Efirid B., Organski A.F.K. (2000) *Power Transitions: Strategies for the 21st Century*. L.: Seven Bridges Press, LLC, Chatham House.

BOOK REVIEW

International Organisations Research Journal, 2025, vol. 20, no 3, pp. 193–196

Book Review

doi:10.17323/1996-7845-2025-03-10

Power, Interdependence and Resourcing in the Study of Transitional Periods of the World Order²

I. Komarov

Igor Komarov – Senior Researcher at the Institute of International Relations and World History, Lobachevsky University, UNN; 23 Prospekt Gagarina, Nizhny Novgorod, 603022, Russia; igor.komarof@gmail.com; ORCID: 00/00-0002-0348-047

Abstract

The review is the author's reflections on the monograph "Competition between the USA and China: Opportunities for Russia" edited by D.A. Degtyarev, published by Aspect Press in 2024. [Degtyarev, 2024].

Keywords: theory of international relations, applied analysis, US-China rivalry, power transit, balance of power, strategic resource (self-sufficiency)

Acknowledgments: The article was prepared as part of the research work of the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation "Ensuring stability and security of the Russian Federation in the Eurasian space under conditions of multipolar world order formation", # FSWR-2025-0003.

For citation: Komarov I. (2025) Power, Interdependence and Resourcing in the Study of Transitional Periods of the World Order. *International Organisations Research Journal*, vol. 20, no 3, pp. 193–196 (in Russian). doi:10.17323/1996-7845-2025-03-10

² This review was submitted 13.12.2024.

К сведению авторов

Редакция журнала «Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика» НИУ ВШЭ приглашает к сотрудничеству авторов.

Наше издание открыто для экспертных организаций и исследовательских институтов, в том числе вузов, занимающихся изучением вопросов деятельности международных институтов; развития образования, науки и инноваций в национальном и международном контексте. В числе наших авторов мы будем рады видеть ученых и экспертов в сфере международных отношений и глобального управления; содействия развитию; международного сотрудничества по различным сферам социально-экономической политики. Мы приглашаем к сотрудничеству исследователей и экспертов зарубежных университетов, экспертных институтов и международных организаций и рады возможности познакомить российского читателя с результатами оригинальных исследований зарубежных авторов. Журнал принимает для рассмотрения результаты исследований и публикации учащихся аспирантур российских университетов, вузов стран СНГ, университетов дальнего зарубежья. Аудитория журнала в настоящее время представлена руководителями и специалистами научно-исследовательских организаций, федеральных министерств и ведомств, экспертным и академическим сообществом России, стран СНГ, дальнего зарубежья.

Мы будем рады видеть вас среди наших авторов!

Обращаем внимание:

- Все материалы публикуются бесплатно. Основными требованиями к материалу является его соответствие тематике издания, научность и соблюдение требований к оформлению рукописей.
- Требования к оформлению рукописей сформированы на основании текущих российских требований и **требований международной библиометрической базы Scopus** к оформлению научных публикаций.
- Российские требования и требования международной библиометрической базы Scopus к рукописям размещены на странице журнала по адресу <http://iorj.hse.ru/authors>. **Несоответствие рукописей всем требованиям является одним из оснований для отказа в публикации статьи в журнале.**
- Перед публикацией все присланные материалы проходят процедуру анонимного рецензирования.
- На основании полученного экспертного заключения материалы публикуются, возвращаются авторам на доработку или не допускаются к изданию. Редакция своевременно уведомляет автора в случае отказа в публикации.
- С авторами опубликованных материалов заключается **лицензионный договор**, согласно которому изданию передаются неисключительные права на публикацию материала.
- Все рукописи передаются в редакцию журнала по электронной почте по адресу iorj@hse.ru.

*С уважением,
редакция журнала «Вестник международных организаций»*

Уважаемые читатели!

Редакция журнала «Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика» Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» информирует о продолжении своей работы по изданию научного периодического журнала в 2026 г.

Доводим до вашего сведения, что в 2026 г. запланирован выпуск четырех номеров журнала.

Обращаем ваше внимание, что «Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика» распространяется по России и другим странам СНГ через Объединенный каталог «Пресса России». Оформить подписку можно в любом отделении почтовой связи. **Подписной индекс издания 20054.**

По всем вопросам Вы можете обращаться в редакцию журнала «Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика» по телефону + 7 495 772-95-90 доб. 23147 или по адресу ioj@hse.ru

*С уважением,
редакция журнала «Вестник международных организаций»*

Адрес редакции

Россия, 117418, Москва, ул. Профсоюзная, д. 33, корп. 4, ком. 308
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
Тел.: +7 495 772-95-90 доб. 23147, 23150
E-mail: iorj@hse.ru
Сайт: <http://iorj.hse.ru/>

Адрес издателя и распространителя

Россия, 117312, Москва, ул. Вавилова, д. 7, НИУ ВШЭ
Издательский дом ВШЭ
Тел.: +7 495 772-95-90 доб. 15285

Формат 60×88 1/8.
Уч.-изд. 17,5. Тираж 170 экз. Заказ

Отпечатано ООО «Фотоэксперт»
109316, Москва, Волгоградский проспект, д. 42

Интернет-магазин

<http://id.hse.ru/shop>

**В интернет-магазине можно приобрести все книги
Издательского дома ВШЭ, имеющиеся в продаже**

Интересующие вас книги вы можете найти в нашем каталоге, воспользовавшись
поиском по тематике, серии, названию и автору, списком книжных новинок

Заказ можно оформить круглосуточно на нашем сайте

или по тел. **+7 495 772-95-90 *15295**

по рабочим дням с 10.00 до 18.00 мск

Возможна оплата банковскими картами и наличными,
доставка курьерской службой в 300 городов России

или получение в пунктах самовывоза в 49 городах